

Народно население

ISSN 1561-7785

1 . 2025

январь-март

- **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- **ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**
- **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ**
- **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. Том 28. № 1 (январь-март)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1; EDN: KCKTCU

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства
«Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАР в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, учёной степени доктора наук»
(категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия);

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2025.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24172 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 27.03.2025

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

IPopulation

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2025. Vol. 28. No. 1 (January-March)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1; EDN: KCKTCU

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksambaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia);

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2025.

© ISESP FCTAS RAS, 2025.

Postal address of the Editorial Board:

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24172. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 27.03.2025

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017-2023 ГГ.)	4
Руднева О. С., Соколов А. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В РЕГИОНАХ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РОССИИ	17
Багирова А. П. КОРПОРАТИВНАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЕ КАК НОВАЯ ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	27
Русанова Н. Е., Назарова И. Б. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ЭТАПАХ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА: ОТ ПЛАНИРОВАНИЯ ДО ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ.....	40

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лещенко Я. А. СЕМЬЯ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В ПАРАДИГМАХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	51
Моргунев Е. В., Ростовцев А. И. УРБАНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ МИРА: ПОТЕНЦИАЛ И ДИНАМИКА ЗА 1960-2022 ГОДЫ	64
Русанов А. В., Ван Е ЖИЛИЩНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОЖДАЕМОСТИ: ОПЫТ КИТАЯ.....	76
Макеева С. Б. ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ.....	89
Манакон А. Г., Теренина Н. К., Кроток Р. Н. ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ.....	101

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рюмина Е. В., Федотов А. А. ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	114
Котомина М. А. СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕЛА В РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	127
Дорошенко С. В., Кислая Т. Н. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЛУТАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	138
Кривенко Н. В., Васильева А. В. ЭФФЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВКЛАД В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	153

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Волкова И. А., Галынчик Т. А. ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСЦЕНИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	168
Демченко Т. С., Демченко М. В. РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	179
Дмитриева О. А., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Поляков А. Е. РАЗВИТИЕ АГРОТУРИЗМА КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	190
Фролова Е. В., Тюриков А. Г. ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	204
Эндрюшко А. А. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ИММИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПРАВОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Х МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	228
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПРИ ИСЭПН ФНИСЦ РАН	235

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2025. Vol. 28. No. 1 (January-March)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky ECONOMIC FACTORS IN THE DEMOGRAPHY OF RUSSIAN REGIONS (2017–2023).....	4
Oksana S. Rudneva, Alexander A. Sokolov DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY IN THE REGIONS OF THE STEPPE ZONE OF RUSSIA.....	17
Anna P. Bagirova CORPORATE CITIZENSHIP IN THE DEMOGRAPHIC SPHERE AS A NEW RESEARCH TOPIC IN MODERN RUSSIA	27
Nina E. Rusanova, Inna B. Nazarova EMOTIONAL PROBLEMS AT THE STAGES OF REPRODUCTIVE CHOICE: FROM PLANNING TO POSTPARTUM DEPRESSION.....	40

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF FOREIGN COUNTRIES

Yaroslav A. Leshchenko FAMILY AND NATURAL REPRODUCTION OF POPULATION IN THE PARADIGMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT	51
Evgeny V. Morgunov, Andrey I. Rostovtsev URBANIZATION IN COUNTRIES OF THE WORLD: POTENTIAL AND DYNAMICS FOR 1960–2022.....	64
Alexander V. Rusanov, Ye Wang HOUSING ASPECTS OF FERTILITY POLICY: CHINA'S EXPERIENCE	76
Svetlana B. Makeeva FEATURES OF THE CHINESE REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN THE NORTHWESTERN PROVINCE OF SHAANXI.....	89
Andrei G. Manakov, Natalia K. Terenina, Roman N. Krotok ASSESSMENT OF THE MODERN CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF LATVIA.....	101

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN REGIONS

Elena V. Ryumina, Artem A. Fedotov TYPOLOGY OF RUSSIAN REGIONS ACCORDING TO HUMAN POTENTIAL INDICATORS.....	114
Maria A. Kotomina RURAL SOCIAL SERVICES IN RUSSIA: DYNAMICS, PROBLEMS AND SOLUTIONS	127
Svetlana V. Doroshenko, Tatyana N. Kislaya DEMOGRAPHIC TRENDS AND THE SOCIAL SPHERE DEVELOPMENT IN THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC.....	138
Natalya V. Krivenko, Alexandra V. Vasilyeva EFFECTS OF THE TRANSFORMATIONS IN THE REGIONAL HEALTHCARE SYSTEM: CONTRIBUTION TO SAVING THE POPULATION HEALTH	153

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Inna A. Volkova, Tatyana A. Galynchik PRECARIZATION OF EMPLOYMENT AS A FACTOR OF DEPRECIATION OF HUMAN CAPITAL ...	168
Tatyana S. Demchenko, Maxim V. Demchenko THE ROLE OF CONSUMER COOPERATIVES IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF POPULATION	179
Olga A. Dmitrieva, Dmitry E. Morkovkin, Yury A. Simagin, Anton E. Polyakov DEVELOPMENT OF AGRITOURISM AS A FACTOR IN DIVERSIFICATION OF REGIONAL ECONOMY: IMPACT ON THE QUALITY OF LIFE OF RURAL POPULATION.....	190
Elena V. Frolova, Aleksandr G. Tyurikov INSTITUTE OF FAMILY AS A FACTOR OF FORMING TRUST IN MODERN ECONOMIC RELATIONS	204
Anna A. Endryushko HOUSING CONDITIONS OF IMMIGRANTS IN THE CONTEXT OF INTEGRATION: SOCIO- ECONOMIC, LEGAL AND CULTURAL ASPECTS.....	215

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

X INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE «INCOMES, EXPENDITURES AND SAVINGS OF THE RUSSIAN POPULATION: TRENDS AND PROSPECTS»	228
DISSERTATION COUNCIL AT ISESP FCTAS RAS	235

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16
EDN: RASPFZ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017–2023 гг.)

Рыбаковский О. Л.

ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16; EDN: RASPFZ

Аннотация. Тема исследования — экономические факторы рождаемости, смертности и миграции населения регионов России в среднем за 2017–2023 годы. Цель — выявить и обосновать наличие либо отсутствие взаимосвязей между экономическими и демографическими характеристиками населения регионов России в этот период. Объект — постоянное население регионов России в среднем за 2017–2023 годы. Методы исследования — демографический статистический анализ. Источник статистики для расчётов — Росстат. В результате исследования выявлено, что на уровне регионов России связь между миграцией и экономическими факторами слабая. Умеренная связь видна лишь между миграцией и ценами на рынке жилья. Чем экономически более развит регион, тем притягательнее он для мигрантов, и тем выше цены на жильё в нём. Вследствие сходных обстоятельств просматривается умеренная связь между миграцией и индикатором смертности — ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ). В экономически развитых регионах России ОПЖ, предопределяемая уровнем и условиями жизни, выше, чем в экономически менее развитых (за исключением республик Северного Кавказа). Связи ОПЖ с прямыми экономическими факторами умеренные и отрицательно направленные. Это в значительной степени объясняется высокими зарплатами, доходами — в окраинных северных регионах России от Европейского Севера до Дальнего Востока. В большинстве данных территорий ОПЖ низкая, что связано не только с суровостью климата, слаборазвитой дорожной и социальной инфраструктурой, но и с особенностями образа жизни коренных народов данных регионов. Связь между ОПЖ и ценами на рынке жилья, как и связь между ОПЖ и суммарным коэффициентом рождаемости (СКР), на региональном уровне практически отсутствует. Связи между СКР и прямыми экономическими факторами умеренные, но, в отличие от ОПЖ, положительно направленные.

Ключевые слова: демография регионов России; рождаемость, смертность и миграция населения; экономические факторы; график рассеивания; коэффициент детерминации.

Постановка проблемы

Взаимосвязаны ли демографические процессы в России с экономическими факторами на региональном уровне? Этот вопрос остаётся актуальным для современных исследователей, и однозначного ответа на него до сих пор нет. Попытки увязать демографическое и экономическое предпринимались ранее на уровне всей совокупности населения тех или иных территорий, но статистическая база для этого не позволяла делать корректные выводы. С анализом на региональном уровне ситуация иная. Здесь на сегодня имеются и адекватные демографические показатели, и обширный круг статистически выявляемых экономических факторов.

Однако необходимо заметить, что оценка взаимосвязи показателей и факторов на региональном уровне носит отчасти элемент грубости, формальности, отражающийся на результатах подобных исследований. Первая причина этого — усреднение итоговых/средних показателей для каждого из регионов по различным группам и подгруппам его населения. Кроме того, иногда внутрорегиональная дифференциация по отдельным признакам бывает даже сильнее, чем межрегиональная. Вторая причина — это существенная неоднородность совокупности регионов России по большинству существенных демографических, экономических, климатических, географических и прочих признаков. Эта неоднородность снижает корректность любых результатов сравнений, как и выявлений взаимосвязей явлений и факторов на региональном уровне. Тем не менее, подобные исследования имеют научно-практическую пользу и позволяют не только как минимум удовлетворительно описывать взаимосвязи, но и определять подгруппы однородных регионов, имеющих ту или иную направленность этих взаимосвязей.

Объект данного исследования — население 85¹ регионов России в целом/в сред-

нем за 2017–2023 гг. (без учёта информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям). Тема исследования — экономические факторы рождаемости, смертности и миграции населения регионов России в целом/в среднем за этот период. Основной целью исследования является выявление и обоснование наличия либо отсутствия взаимосвязей между экономическими и демографическими характеристиками населения России на региональном уровне.

Обзор научной литературы

Связь демографических и экономических процессов являлась предметом изучения учёных со времени зарождения демографии как науки. Достаточно вспомнить теорию Мальтуса, которая представляет собой не что иное, как попытку связать демографическое и экономическое развитие человечества. Первые законы миграции, раскрытые в конце XIX в. Эрнстом Равенштайном, включали связь миграции населения и экономики [1]. Более поздние уточнения Эвертта Ли показали взаимосвязь миграции населения и экономики на межрегиональном уровне [2]. Обобщение регионального анализа миграции населения с позиций экономики в первой половине XX в. представлено в фундаментальном труде Уолтера Айзарда [3].

В советское время было продолжено изучение экономических факторов межрегиональной миграции [4], а в МГУ под руководством Д. И. Валентя было создано научное направление, связывавшее демографию с экономикой [5]. Экономическое неравенство издавна считалось основным фактором различий в смертности населения. Хотя, как утверждал известный французский демограф Альфред Сови, «свыше определённого предела экономический уровень оказывает на смертность лишь самое незначительное влияние» [6].

Связь экономики и рождаемости населения более сложна и неоднозначна. С позднего советского времени этим вопросом за-

¹ Тюменская область берётся раздельно по трём непере-секающимся частям: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Тюменская область без автономных округов. Ненецкий автономный округ рассмотрен отдельно.

нимались такие исследователи как А. И. Антонов [7], В. Н. Архангельский [8], В. А. Борисов, В. М. Медков и другие. Ими было выяснена условность непосредственного выявления связи между рождаемостью и доходами, необходимость приведения исследуемых групп населения к однородному виду, указана опосредованность репродуктивного поведения в цепочке связей, описан так называемый «прямой» и «обратный» характер подобных связей. Исследователи позднего советского и постсоветского времени значительное внимание уделяли и продолжают уделять связи экономики с воспроизводством [9–11], смертностью [12; 13], рождаемостью [14] и миграцией населения [15–17] регионов России.

Методология и методы исследования, источники информации.

Методы исследования — демографический статистический анализ, в том числе корреляционный анализ факторов, анализ распределений, графический и табличный методы представления результатов. Статистическая методология предполагает проведение анализа лишь на массовых явлениях и процессах, складывающихся из единичных случаев, событий, или значений единиц наблюдения². Фактор в статистическом анализе массовых общественных явлений есть статистически отражаемый признак любого из явлений или процессов, связь которых с рассматриваемым явлением предстоит изучить. Другими словами, исследователь предполагает, то есть выдвигает гипотезу о возможной связи фактора с изучаемым явлением. Статистически признаки явлений, как и сами явления, отражаются через показатели.

Статистическая связь, или, более корректно, взаимосвязь, корреляция, выявляет взаимное изменение параметров, уровней различных признаков, факторов друг относительно друга. Статистическая связь может указывать на возможную причин-

но-следственную связь, но не доказывает её. Анализ факторов сводится к выявлению среди них наиболее существенных (таких, которые тесно взаимосвязаны с рассматриваемым явлением), определению форм их взаимосвязи с рассматриваемым явлением, тесноты, направленности и других характеристик этих связей. Результаты такой работы позволяют не только оценить характеристики взаимодействия рассматриваемого явления и его факторов, но и помогают выработать механизм воздействия на них.

Источник статистики для всех расчётов в работе — Росстат. Выбраны не зависящие от возрастной структуры населения показатели его воспроизводства — ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет (ОПЖ), суммарный коэффициент рождаемости, детей на (одну) женщину (СКР). Для миграции населения использован коэффициент результативности межрегиональных миграционных связей (КРМС). Последний будет рассчитан не через отношение выбытий к прибытиям, а наоборот, как отношение прибытий к выбытиям, точнее, «прибытий на 1000 выбытий». Подобный вариант расчёта выбран для того, чтобы величина данного показателя изменялась одинаково направленно с экономическими факторами и имела с ними прямую взаимосвязь, так как миграция в значительной мере предопределяема экономическими факторами [1], а на региональном уровне — дифференциацией уровней экономического развития регионов обмена населением [2].

Межрегиональная миграция для расчёта коэффициента результативности берётся вследствие того, что зарубежная миграция для подавляющего большинства регионов России положительная, и уровень экономической дифференциации регионов страны по ней сложно определить. Этому также мешает специфика современного учёта миграции в России, в большей мере касающаяся зарубежной миграции, чем межрегиональной [17, с. 189–194]. Следует также заметить, что исходные данные по межрегиональной миграции берутся из текущей статистики, так как откорректировать их по результатам переписей на-

² Рыбаковский О. Л. Теория статистики. Учебно-методическое пособие / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2010. — 94 с.

селения России не представляется возможным [18].

Основная задача данного исследования — изучить взаимосвязь в статике, а не в динамике, но в последнее время из-за различных форс-мажорных обстоятельств отдельные демографические показатели от года к году достаточно изменчивы, поэтому, для адекватности результатов информация взята не за один какой-либо год, а в целом/в среднем за несколько лет. Для большинства демографических и экономических показателей это будут их средние значения за 2017–2023 годы.

Пандемия COVID-19 и вызванные ею ограничения в перемещениях привели, во-первых, к существенному сокращению объёмов межрегиональных миграций, во-вторых, к оттоку значительной доли тех зарубежных мигрантов, которые де-факто являются трудовыми, а де-юре — частью постоянной миграции и постоянного населения России [17, с. 189–194]. Их отток значительно изменил итоги не только зарубежной, но и межрегиональной миграции регионов в 2020–2021 годы. Вследствие данных обстоятельств показатели по миграции рассчитаны как средние за пять лет — 2017–2019 и 2022–2023 годы. Экстраординарной была ситуация и со смертностью населения России в 2020–2021 гг., и показатель ОПЖ рассчитан по аналогичной схеме.

Отобраны наиболее часто используемые в подобном анализе прямые экономические факторы³. Это: 1) валовой региональный продукт на душу населения (ОКВЭД 2), тыс. рублей, в среднем за 2018–2022 гг. (далее — ВРП/д); 2) среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций (по всем формам собственности, ведущие отрасли экономики), тыс. рублей, в среднем за 2018–2023 гг. (далее — ЗПЛ); 3) среднедушевые денежные доходы населения, тыс. рублей, в среднем за период с III квартала 2017 г по II квартал 2023 г. (далее — ДХД/д); 4) те же доходы минус прожиточный минимум (всё население), тыс. рублей,

в среднем за 2017–2023 гг.⁴, (далее: ДХД/д — ПМ). Дополнительно взят косвенный экономический фактор — средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на вторичном рынке жилья, квартиры среднего качества (типовые), тыс. рублей, в среднем за 2017–2023 гг.⁵ (далее — ЦВРЖ).

Результаты и обсуждение

До начала выявления парных линейных взаимосвязей между отобранными показателями и факторами необходимо провести предварительный анализ их исходных распределений. Делается это для того, чтобы в случае, если исходные распределения не имеют нормального распределения, привести их к таковому с помощью математических преобразований и/или путём исключения крайностей. Нормальность распределения признаков требуется не только для анализа их взаимосвязей, но и для их корректного ранжирования, построения различных комплексных индексов и т.п. Яркий пример подобного действия — использование в построении Индекса человеческого развития (ИЧР) логарифмов от внутреннего валового продукта на душу населения по странам мира.

Большинство финансово-экономических показателей и показателей, детерминированных экономическими процессами, имеют так называемые логарифмически-нормальные распределения⁶, то есть распределения, приводимые к нормальному виду путём логарифмирования. Приведём для демонстрации этого пример по отобраным для анализа данным — среднедушевым денежным доходам населения в среднем за 2017–2023 гг. (ДХД/д). Их исходное распределение по регионам России представлено на рис. 1.

⁴ По 2017–2020 гг. среднегодовое значение рассчитано как среднее из значений за первый и четвёртый кварталы.

⁵ Так как в Чукотском АО рынка жилья практически нет, то цены для него берутся по Магаданской области.

⁶ Рыбаковский О.Л. Теория статистики. Учебно-методическое пособие / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2010. — 94 с.

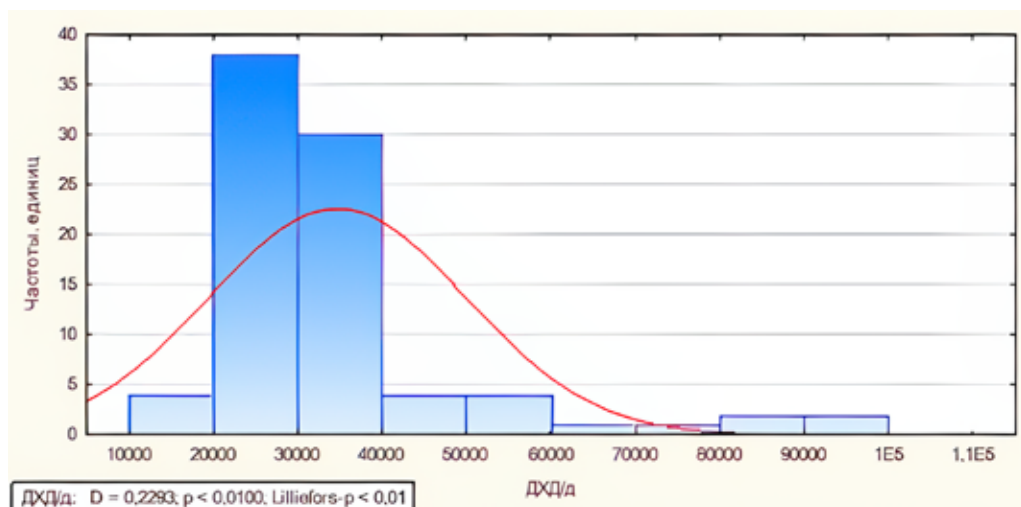

Рис. 1. Распределение по регионам России среднедушевых денежных доходов населения, в среднем за 2017-2023 гг., в рублях (ДХД/д)

Fig. 1. Distribution of average per capita monetary income of the population by regions of Russia, on average for 2017-2023, in rubles (DHD/d)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В качестве критерия нормальности (помимо визуальной оценки) мы используем критерий Колмогорова-Смирнова (D), рассчитывающийся в большинстве прикладных статистических программ. Данный критерий исходно применяется для статистического оценивания распределения значений выборки из генеральной совокупности, но также его можно использовать и для оценки нормальности распределения значений любой наблюдаемой совокупности⁷. Его критическое значение (D_{крит}) при вероятности 95% определяется по формуле⁸:

$$D_{\text{крит}} \approx 1,36 / \sqrt{n},$$

где n — число единиц совокупности; в нашем случае это число регионов. При n=85 D_{крит} ≈ 0,15. Если наблюдаемое значение D ощутимо больше, чем D_{крит}, то распределение считать нормальным нельзя, и наоборот. В нашем примере наблюдаемое значение D равно 0,23.

Попытаемся привести исходное распределение к нормальному виду логарифмированием (с основанием числа «е», то есть натуральным логарифмированием — ln). После логарифмирования исходных значений ДХД/д (в тыс. рублей) по всей совокупности 85-ти регионов значение D наблюдаемое сократилось до 0,14. Этого достаточно для того, чтобы удовлетворительно судить о данном распределении как о нормальном. При визуальном анализе распределения можно увидеть, что его нормальности мешают четыре максимально высоких крайности (значения ln ДХД/д по Москве, Ненецкому, Чукотскому и Ямало-Ненецкому автономным округам). После их исключения из совокупности распределение становится ещё более нормальным с D наблюдаемым, равным 0,09 (рис. 2). В принципе, исключение крайностей в данном случае можно было бы и не производить, так как они будут видны на стадии анализа взаимосвязей. И тогда их можно будет выделить в зависимости от того, влияют ли они на направленные связи либо остаются нейтральными.

Аналогичные процедуры логарифмирования проделаны и с остальными экономи-

⁷ Рыбаковский О.Л. Теория статистики. Учебно-методическое пособие / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2010. — 94 с.

⁸ Общая теория статистики / под ред. И.И. Елисевой и М.М. Юзбашева. — Москва: Финансы и статистика, 2004. — С. 640.

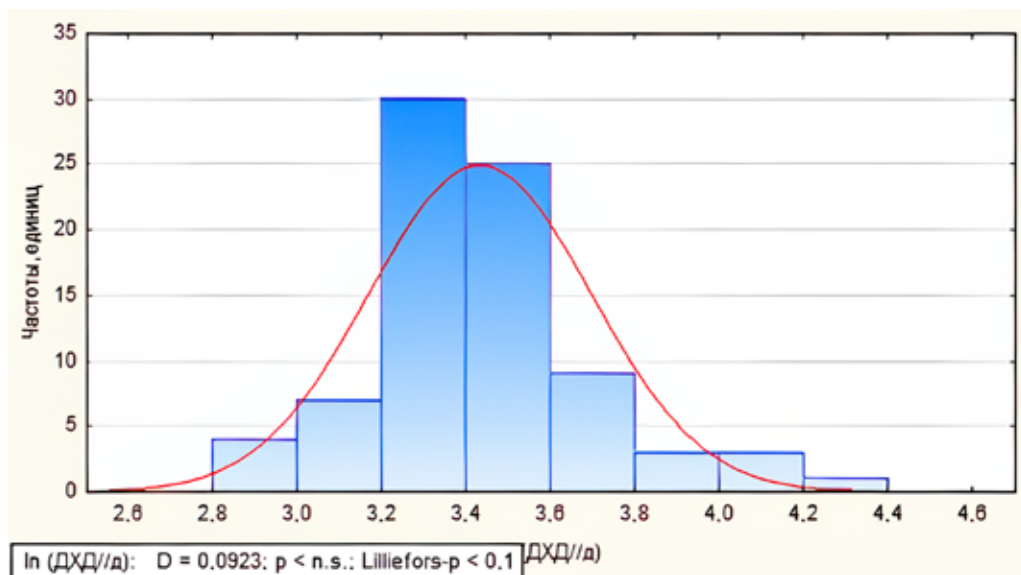

Рис. 2. Распределение по регионам России логарифмов натуральных от среднедушевых денежных доходов населения (тыс. рублей), в среднем за 2017–2023 гг., в размах (ln ДХД/д)*
 Fig. 2. Distribution of logarithms of natural per capita monetary incomes of the population (thousand rubles) by regions of Russia, on average for 2017–2023, in times (ln DHD/d)

* Без четырёх крайне высоких значений по ЯНАО, Чукотскому АО, Ненецкому АО и Москве.
 Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

ческими факторами, а также и с детерминированным экономикой миграционным показателем КРМС (все они исходно имели логарифмически-нормальные распределения). ОПЖ сразу имел нормальное распределение. СКР был приведён к нормальному виду после устранения двух максимальных крайностей — значений СКР по республикам Тыва и Чеченской. Имея приведённые к нормальному виду демографические показатели и экономические факторы, строим матрицу парных корреляций всех переменных между собой (табл. 1). Мультиколлинеарность экономических факторов между собой очевидна, но отбирать какой-либо один из них для анализа связей, по нашему мнению, не совсем корректно, так как каждый из них в различной степени влияет на демографические параметры регионов, что можно объяснить логически. Вследствие этого же не имеет смысла объединять экономические факторы в какой-либо один комплексный, ибо подобная процедура снижает информа-

тивность и возможность корректного объяснения результатов любого анализа связей.

Что касается косвенного экономического индикатора — логарифма натурального от ЦВРЖ (ln ЦВРЖ), то его связь с прямыми экономическими факторами умеренная. Это объясняется компонентами формирования данного косвенного фактора. Так, на передний план помимо спроса, себестоимости строительства, стоимости земли, плотности населения и труднодоступности территорий выходят такие компоненты как федеральные программы развития отдельных территорий и распространённость льготных форм ипотеки в тех или иных регионах. В частности, с 2019 г. в регионах Дальнего Востока и Арктической зоны действует двухпроцентная ипотека, эффект от которой (в числе прочего) — рост стоимости жилья вне зависимости от экономических характеристик населения. И не имеет значения, новостройки это или вторичное жильё, так как цены на рынке жилья взаимосвязаны и всегда

Таблица 1

Матрица парных корреляций демографических показателей и экономических факторов, по регионам России, в среднем за 2017–2023 гг.

Table 1

Matrix of paired correlations of demographic indicators and economic factors, by regions of Russia, on average for 2017–2023.

Показатель		Логарифмы натуральные от						ОПЖ	СКР
		ВРП/д	ЗПЛ	ДХД/д	ДХД/д-ПМ	ЦВРЖ	КРМС		
Логарифмы натуральные от	ВРП/д	1,00	0,91	0,89	0,87	0,53	0,08	-0,22	0,35
	ЗПЛ	0,91	1,00	0,87	0,82	0,63	0,05	-0,33	0,38
	ДХД/д	0,89	0,87	1,00	0,98	0,67	0,21	-0,16	0,28
	ДХД/д-ПМ	0,87	0,82	0,98	1,00	0,66	0,21	-0,13	0,19
	ЦВРЖ	0,53	0,63	0,67	0,66	1,00	0,41	0,07	0,23
	КРМС	0,08	0,05	0,21	0,21	0,41	1,00	0,44	-0,08
ОПЖ		-0,22	-0,33	-0,16	-0,13	0,07	0,44	1,00	-0,10
СКР		0,35	0,38	0,28	0,19	0,23	-0,08	-0,10	1,00

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

балансируют, пусть даже с временными поддержками. Приведём конкретный пример. На первичном и вторичном рынках жилья в экономически не самой развитой Амурской области Дальневосточного ФО с 2017 г. по 2021 г. цены выросли почти в 2 раза, в городе Севастополе Южного ФО — в 1,5 раза. В то же время среднедушевые доходы населения в этих двух регионах выросли лишь на 2/5 и на 1/3 соответственно.

Теперь перейдём к демографическим показателям. Детерминированная экономической миграция, представленная логарифмами натуральными от КРМС (\ln КРМС), связана с экономическими факторами слабо. Объяснить это можно тем, что самые высокие зарплаты, доходы и тому подобное в России (помимо двух столиц и Тюменской области) имеет население в регионах Крайнего Севера, части Сибири и Дальнего Востока, то есть территорий с суровыми климатическими условиями. Межрегиональный отток населения из этих мест хотя и снизил свою интенсивность в последние годы, но не прекратился. Отдельную страту в таком потоке составляют выходящие

на пенсию люди, заработавшие достаточно денег на переезд в регионы с благоприятным климатом. Помимо прочего, объективность картины связи снижает качество исходных данных — чисел межрегиональных прибытий и выбытий. Информативность этих данных существенно снижена после 2010 года. Идея Росстата прибавлять к постоянному населению России и её регионов временных мигрантов, пребывающих в стране более 9 месяцев, исказила живую текущую статистику миграции населения. До 2011 г. между итогами миграции и экономическими факторами была более заметная связь. Регионы можно было ранжировать по значению КРМС [17, с. 207–227], и это ранжирование соответствовало ранжированию по уровню социально-экономического развития территорий.

Умеренная связь просматривается лишь между \ln КРМС и логарифмами натуральными от ЦВРЖ (\ln ЦВРЖ). Эта взаимосвязь объясняет около 1/6 изменений одного признака относительно изменений другого. Помимо трёх городов федерального подчинения на направленность этой связи влияют и все

экономически развитые регионы, так как чем экономически более развит регион, тем, при прочих равных условиях, притягательнее он для мигрантов, и особенно его региональный центр — соответственно, в таких местах выше цены на жильё. Вследствие аналогичных обстоятельств просматривается и умеренная связь между двумя демографическими показателями — $\ln \text{КРМС}$ и ОПЖ (коэффициент детерминации r^2 равен 15%). В экономически развитых регионах России

ОПЖ, предопределяемая уровнем и условиями жизни, выше, чем в экономически менее развитых (за исключением республик Северного Кавказа). Если же из всей совокупности регионов России убрать крайности по ОПЖ снизу (Республика Тыва и Чукотский АО), и сверху — 6 республик Северного Кавказа и два столичных мегаполиса, то теснота связи в такой более однородной совокупности существенно вырастет, что видно на графике рассеивания (рис. 3).

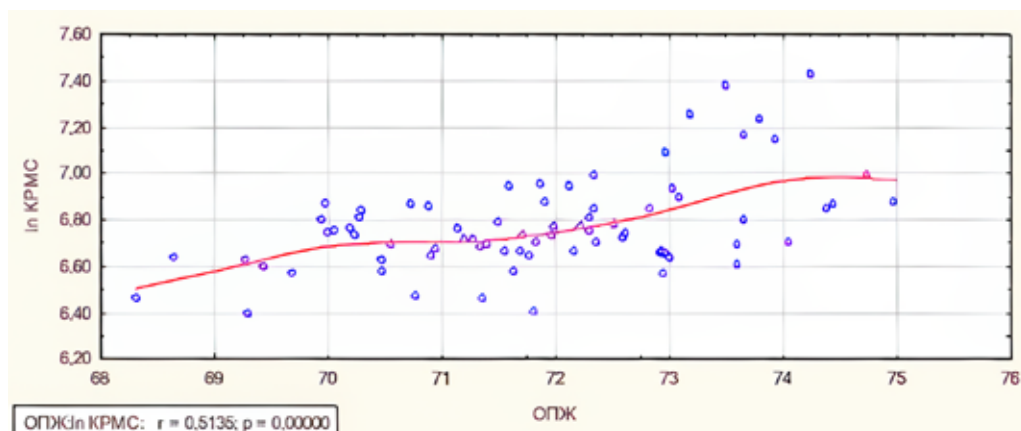

Рис. 3. Взаимосвязь между логарифмами натуральными от коэффициента результативности межрегиональных миграционных связей ($\ln \text{КРМС}$, раз) и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ, лет) по регионам России, в среднем за 2017–2023 гг., за исключением 10-ти регионов с крайними значениями ОПЖ

Fig. 3. The relationship between natural logarithms of the efficiency coefficient of interregional migration connections ($\ln \text{CRMC} = \ln \text{KPMC}$, times) and life expectancy at birth (LE = ОПЖ, years) by region of Russia, on average for 2017–2023, with the exception of 10 regions with extreme values LE

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Как видно из рис. 3, коэффициент детерминации r^2 вырос до 26%. Изменения одного из двух признаков ($\ln \text{КРМС}$ или ОПЖ) объясняется изменениями другого чуть более чем на четверть. Напрашивается вывод: перед тем как судить о какой-либо парной связи, необходимо изучить график рассеивания этой парной связи и, при необходимости, исключить те крайности, которые явно меняют общую тенденцию на графике. Связи ОПЖ с прямыми экономическими факторами умеренные и отрицательно направленные. Максимальный коэффициент детерминации r^2 равен 11% в случае связи

ОПЖ и логарифмами натуральными от ЗПЛ ($\ln \text{ЗПЛ}$). Это в значительной степени объясняется высокими зарплатами в окраинных северных регионах России от Европейского Севера до Дальнего Востока. В большинстве данных территорий ОПЖ низкая, что объясняется не только суровостью климата, низкой плотностью населения и слабой развитостью дорожной и социальной инфраструктуры, но и особенностями образа жизни коренных народов данных субъектов РФ.

Связь между ОПЖ и косвенным экономическим фактором $\ln \text{ЦВРЖ}$ также, как и связь между ОПЖ и СКР, на региональном

уровне практически отсутствует. Из массива регионов по значению СКР исключены две крайности: республики Тыва и Чеченская (их СКР в среднем за 2017–2023 гг. равен 2,82 и 2,63 ребёнка на женщину соответственно). Теснота связи между СКР и \ln КРМС на региональном уровне близка к нулю. Связи между СКР и прямыми экономическими факторами умеренные, но, в отличие от ОПЖ, они положительно направленные. Максимальный коэф-

фициент детерминации r^2 равен 15% (СКР и \ln ЗПЛ). Если же из всего массива регионов убрать ещё три крайности — Республику Алтай, Ненецкий АО и Ленинградскую область (их СКР в среднем за 2017–2023 гг. равен 2,16 и 2,12 и 1,04 ребёнка на женщину соответственно), то коэффициент детерминации r^2 связи между СКР и \ln ЗПЛ вырастет до 18% (рис. 4). Связь между СКР и ОПЖ на региональном уровне практически отсутствует.

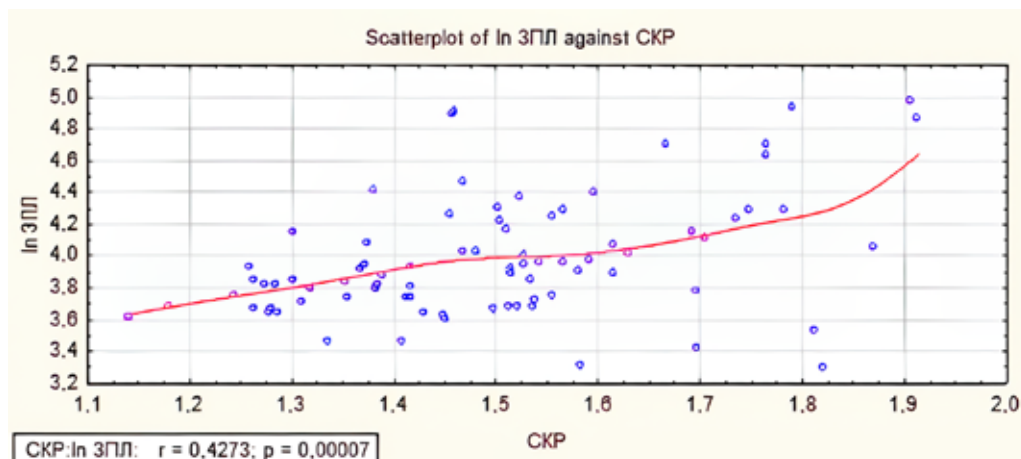

Рис. 4. Взаимосвязь между Суммарными коэффициентами рождаемости (СКР, детей на женщину) и логарифмами натуральными от Среднемесячной номинальной начисленной заработной платы на одного работника по полному кругу организаций, тыс. рублей (по всем формам собственности, ведущие отрасли экономики), раз. По регионам России, в среднем за 2017–2023 гг., за исключением 5-ти регионов с крайними значениями СКР

Fig. 4. The relationship between the Total Fertility Rates (TFR, children per woman) and natural logarithms of the average monthly nominal accrued wages per employee for a full range of organizations, thousand rubles (for all forms of ownership, leading sectors of the economy), times. By region of Russia, on average for 2017–2023, with the exception of 5 regions with extreme TFR values

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Выводы

Методические выводы. Перед тем как судить о какой-либо парной связи, необходимо перевести исходные ряды данных к нормальному виду, затем изучить график рассеивания этой парной связи и лишь после этого, при необходимости, исключить те крайности, которые явно меняют общую тенденцию на графике. Для анализа связи между демографическими показателями и экономическими факторами отбирать ка-

кой-либо один из этих факторов не совсем корректно, так как каждый из них в различной мере влияет на демографические параметры регионов, что можно объяснить логически. Вследствие этого же не имеет смысла объединять экономические факторы в какой-либо один комплексный, ибо подобная процедура снижает информативность и возможность корректного объяснения результатов любого анализа связей.

Общие выводы. Выяснено, что на уровне регионов России по усреднённым данным

за 2017–2023 гг. связь между межрегиональной миграцией (КРМС) и прямыми экономическими факторами слабая, что объясняется, по нашему мнению, тем, что несмотря на высокие экономические индикаторы населения регионов, такие как зарплата, доходы и т.п., продолжается межрегиональный отток этого населения из регионов с суровыми климатическими условиями. Отдельную страту в таком потоке составляют выходящие на пенсию люди, заработавшие достаточно денег на переезд в регионы с благоприятным климатом. Умеренная связь просматривается лишь между межрегиональной миграцией (КРМС) и косвенным экономическим фактором — средней ценой 1 м² квартир на вторичном рынке жилья. На направленность этой связи влияют экономически развитые регионы, прежде всего, Европейской части страны, так как чем экономически более развит регион, тем, при прочих равных условиях, он притягательнее для всех видов мигрантов и, особенно, его региональный центр, и тем, соответственно, выше цены на жильё. Вследствие сходных обстоятельств просматривается умеренная связь между межрегиональной миграцией (КРМС) и индикатором смертности —

ОПЖ, ибо в экономически развитых регионах России ОПЖ, предопределяемая уровнем и условиями жизни, выше, чем в экономически менее развитых (за исключением республик Северного Кавказа).

Связи ОПЖ с прямыми экономическими факторами умеренные и отрицательно направленные. Это в значительной степени объясняется высокими зарплатами, доходами и подобным в окраинных северных регионах России от Европейского Севера до Дальнего Востока. В большинстве данных территорий ОПЖ низкая, что связано не только с суровостью климата, низкой плотностью населения и слабой развитостью дорожной и социальной инфраструктуры, но и с особенностями образа жизни коренных народов данных субъектов РФ. Связь между ОПЖ и средней ценой 1 м² общей площади квартир на вторичном рынке жилья, также, как и связь между ОПЖ и рождаемостью (СКР), на региональном уровне практически отсутствует. Связи между прямыми экономическими факторами и рождаемостью (СКР) — умеренные, но, в отличие от связей экономических факторов с ОПЖ, они положительно направленные.

Литература и Интернет-источники.

1. **Ravenstein, E.G.** The laws of migratoin / E.G.Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society. — June 1889. — Vol. 52. — Part 2. — P. 214–301.
2. **Lee, E.S.** A Theory of Migration / E.S.Lee // Demography. — 1966. — Vol. 3. — Iss. 1. — P. 47–57. DOI: 10.2307 / 2060063
3. **Изард, У.** Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У.Изард. — Москва : Прогресс, 1966. — 660 с.
4. **Рыбаковский, Л.Л.** Региональный анализ миграций / Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Статистика, 1973. — 159 с.
5. **Народонаселение и экономика** / ред. Д.И. Валентей и др. — Москва : Экономика, 1967. — 187 с.
6. **Сови, А.** Общая теория населения. Т. 1. Экономика и рост населения. / А.Сови. — Москва : Прогресс, 1977. — 503 с.
7. **Антонов, А.И.** Социология рождаемости / А.И. Антонов. — Москва : Статистика, 1980. — 271 с.
8. **Архангельский, В.Н.** Факторы рождаемости / В.Н. Архангельский. — Москва : ТЕИС, 2006. — 399 с.
9. **Кашепов, А.В.** Воспроизводство населения в России — факторы и перспективы / А.В. Кашепов // Экономика и Социум. — 2019. — № 9(64). — С. 139–158. EDN: IBKIYE

10. **Рыбаковский, Л.Л.** Факторы депопуляции в России / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2013. — № 3 (61). — С. 4–19. EDN: RCOFTN
11. **Тихомирова, Т.М.** Особенности влияния регионального развития в России на демографические процессы / Т.М. Тихомирова, М.В. Бутылко // Фундаментальные исследования. — 2018. — № 8. — С. 116–121. EDN: XZRRZB
12. **Андреев, Е.М.** Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и её регионах / Е.М. Андреев, В.М. Школьников // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 1. — С. 6–24. EDN: XOCHQD
13. **Балашова, С.А.** Оценка взаимосвязи уровня социально-экономического развития с уровнем смертности в регионах РФ / С.А. Балашова, А.Р. Захарчук, М.В. Сидоренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. — 2020. — Т. 28. — № 1. — С. 83–97. DOI : 10.22363 / 2313-2329-2020-28-1-83-97; EDN: WCDVPG
14. **Козлова О.А.** Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России / О.А. Козлова, М.Н. Макарова, В.Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 76–90. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2024_20_1_76_90; EDN: HUISTQ
15. **Рыбаковский, Л.Л.** Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2017. — № 2(76). — С. 51–61. EDN: ZDQTLZ
16. **Рыбаковский, О.Л.** Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет / О.Л. Рыбаковский. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 471 с. DOI : 10.19181 / monogr.978-5-89697-383-6.2021; EDN: CCHKVJ
17. Миграционные процессы в России. / ред. В.В. Локозов и Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Эконинформ, 2014. — 383 с. EDN: YTKXUN
18. **Рыбаковский, О.Л.** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI : 10.24412 / 1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; SPIN-код РИНЦ : 7022-5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16

ECONOMIC FACTORS IN THE DEMOGRAPHY OF RUSSIAN REGIONS (2017–2023)

Oleg L. Rybakovsky

FCTAS RAS

(24/35 cor.5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation :

Rybakovsky O.L. Economic factors in the demography of Russian regions (2017–2023). *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16 (in Russ.)

Abstract. The subject of the study is permanent population of the regions of Russia on average for 2017–2023. The topic of the study is economic factors of fertility, mortality and migration of the population of the regions of Russia on average for this period. The purpose of the study is to identify and justify the presence or absence of relationships between the economic and demographic

characteristics of the population of the regions of Russia according to data on average for 2017–2023. Research methods — demographic statistical analysis. The source of statistics for calculations is Rosstat. Results and conclusions of the study show that at the level of Russian regions, the connection between migration and economic factors is weak. A moderate connection is visible only between migration and housing prices. The more economically developed the region, the more attractive it is for migrants, and the higher the housing prices in it. Due to similar circumstances, a moderate connection is visible between migration and the mortality indicator — life expectancy at birth (LE). In economically developed regions of Russia, the life expectancy, determined by the standard and conditions of life, is higher than in economically less developed regions (with the exception of North Caucasus republics). The links between life expectancy and direct economic factors are moderate and negatively directed. This is largely explained by high wages and incomes — in the outlying northern regions of Russia from the European North to the Far East. In most of these territories, the life expectancy is low, which is associated not only with the severity of the climate, poorly developed road and social infrastructure, but also with the peculiarities of the way of life of the indigenous peoples of these regions. The relationship between life expectancy and housing prices, as well as the relationship between life expectancy and the total fertility rate, is practically absent at the regional level. The relationships between the TFR and direct economic factors are moderate, but, unlike life expectancy, positively directed.

Keywords: demography of Russian regions; birth rate, mortality and population migration, economic factors, dispersion graph, coefficient of determination.

References and Internet sources.

1. Ravenstein E. G. The laws of migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 52. Part 2. June 1889. P. 214–301.
2. Lee E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3. Iss. 1. P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
3. Isard W. Metody regional'nogo analiza: vvedeniye v nauku o regionakh [*Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*]. Moscow. Progress. 1966. 660 p. (in Russ.)
4. Rybakovsky L. L. Regional'ny analiz migratsiy [*Regional Analysis of Migrations*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1973. 159 p. (in Russ.)
5. Narodonaseleniye i ekonomika [*Population and Economics*]. Eds. D. I. Valentey et al. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 187 p. (in Russ.)
6. Sauvy A. Obshchaya teoriya naseleniya. T. 1. Ekonomika i rost naseleniya [*General Theory of Population. Vol. 1. Economy and Population Growth*]. Transl. from French. Moscow. Progress. 1977. 503 p. (in Russ.)
7. Antonov A. I. Sotsiologiya rozhdayemosti [*Sociology of Fertility*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1980. 271 p. (in Russ.)
8. Arkhangel'sky V. N. Faktory rozhdayemosti [*Fertility Factors*]. Moscow. TEIS. 2006. 399 p. (in Russ.)
9. Kashepov A. V. Vospriizvodstvo naseleniya v Rossii — tendentsii i perspektivy [Population reproduction in Russia — factors and prospects]. *Ekonomika i Sotsium [Economy and Society]*. 2019. No 9 (64). P. 139–158. (in Russ.)
10. Rybakovsky L. L. Faktory depopulyatsii v Rossii [Factors of depopulation in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. Vol. 61. No. 3. P. 4–19. (in Russ.)
11. Tikhomirova T. M. , Butynko M. V. Osobennosti vliyaniya regional'nogo razvitiya v Rossii na demograficheskiye protsessy [Peculiarities of the influence of regional development in Russia on demographic processes]. *Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental Research]*. 2018. No. 8. P. 116–121. (in Russ.)
12. Andreev E. M. , Shkolnikov V. M. Svyaz' mezhdu urovnymi smertnosti i ekonomicheskogo razvitiya v Rossii i yeyo regionakh [The relationship between mortality and economic development in Russia and its regions].

- and its regions]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 6–24. (in Russ.)
13. Balashova S. A. , Zakharchuk A. R. , Sidorenko M. V. Otsenka vzaimosvyazi urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya s urovnem smernosti v regionakh RF [Estimates of the interrelation of the level of socio-economic development and the mortality rate in Russian regions]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov [RUDN Journal of Economics]*. 2020. Vol. 28. No 1. P. 83–97. DOI : 10. 22363/2313-2329-2020-28-1-83-97 (in Russ.)
 14. Kozlova O. A. , Makarova M. N. , Arkhangelsky V. N. Metodicheskii podkhod k otsenke faktornogo vliyaniya na rozhdayemost' v Rossii [Methodological approach to assessing factor influence on fertility in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 76–90. DOI: 10. 52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (in Russ.)
 15. Rybakovsky L. L. Faktory i prichiny migratsii naseleniya, mekhanizmy i vzaimosvjazi [Factors and causes of migration, mechanism of their relationship]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No 2 (76). P. 51–61. (in Russ.)
 16. Rybakovsky O. L. Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [Regularities and Features of Interregional Migration Relations of the Population of Russia for 50 Years]. Moscow. FNIS RAN [FCTAS RAS]. 2022. 471 p. (in Russ.)
 17. Migratsionnye protsessy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V. V. Lokosov and L. L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-inform [Econ-Inform]. 2014. 383 p. (in Russ.)
 18. Rybakovsky O. L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. (in Russ.)

Information about the author: .

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1246185@mail. ru; ORCID : 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022–5369.

Статья поступила в редакцию 15. 10. 2024, утверждена 17. 02. 2025. , опубликована 31. 03. 2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-17-26
EDN: WFCYME

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В РЕГИОНАХ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Руднева О. С.*, Соколов А. А.

Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

*E-mail: Ksen1909@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем» № AAAA-A21-121011190016-1.

Для цитирования:

Руднева О. С., Соколов А. А. Демографическая устойчивость в регионах степной зоны России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 17-26. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-17-26; EDN: WFCYME

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена трансформацией взглядов на процесс формирование устойчивого развития территорий в аспектах народонаселения. Приоритетом становится не безусловный рост численности населения, но поддержание на высоком уровне человеческого потенциала, снижение воздействия негативных факторов и улучшение качественных параметров социума. Цель исследования — оценка динамики демографической устойчивости в регионах степной зоны России за 20-ти летний период (2003–2022 гг.). Объектом исследования стали 17 регионов России, расположенные полностью или частично в степной зоне, выделенные на основе общности природно-хозяйственных факторов и особенностей расположения. Для оценки демографической устойчивости регионов степной зоны сформирован интегральный индекс на основе показателей демографических процессов, сгруппированных по основным аспектам движения населения. В результате выявлено изменение распределения регионов по уровню демографической устойчивости за пятилетние периоды. В целом в степной зоне отмечается положительная тенденция. В 2003–2007 гг. низкий уровень демографической устойчивости характерен для 9 регионов степной зоны, к 2017 г. таких регионов уже не осталось, они перешли в категорию со средним уровнем демографической устойчивости, а Челябинская и Новосибирская области — в категорию высокой демографической устойчивости. Но далее ситуация в степной зоне ухудшилась — к 2022 г. в 4 регионах уровень демографической устойчивости достиг наименьших значений и только 5 регионов не изменили уровень демографической устойчивости. Очевидным является влияние внешних факторов, усилившихся к концу рассматриваемого периода, что способствовало увеличению уровня смертности и миграционного оттока населения.

Ключевые слова: демографическая устойчивость, население, степная зона России, естественное движение населения, миграция.

Введение

На современном этапе развития широко распространён дискурс о проблемах народонаселения в количественном аспекте. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на природную среду, что затрудняет переход к устойчивому развитию территории [1]. Но также снижение численности населения имеет негативные тенденции в виде сокращения трудовых ресурсов, замедления роста ВВП и последующей стагнации экономики, повышения нагрузки на пенсионную систему [2; 3]. В связи с этим в исследовательских публикациях наряду с устойчивым развитием используется термин «демографическая устойчивость» [4]. Демографическая устойчивость страны или региона — это обладание необходимым ресурсом для планирования направления динамики численности населения, оценки состояний и последующая реализация мер по предотвращению негативных последствий.

Исследования демографической устойчивости и процессов, влияющих на неё, проводятся как зарубежными, так и российскими учёными [5–9]. Демографическая устойчивость является компонентом концепции устойчивого развития¹. И её степень определяется взаимодействием различных экономических, социальных и культурных факторов. Регионы или отдельные территории обладают демографической устойчивостью, если демографические показатели в продолжительный период не имеют значительных колебаний и население в ответ на внешние воздействия сохраняет своё состояние.

Часто для определения положительных тенденции в демографическом развитии территорий используется показатель численности населения — его рост считается благоприятным, а снижение — негативным процессом. Но демографическая устойчивость — это не только сохранение или увеличение численности населения, это поддержание на оптимальном уровне всех показателей демографического развития.

В современных условиях приоритетом становится не только количество населения, но и его качество. На основе этого подхода исследователи определяют демографическую устойчивость как паритет качественных и количественных параметров, определяющих народонаселение [10; 11].

Изучение характеристик демографической устойчивости показывает, что это сложный и многоаспектный процесс, который играет важную роль в отражении уровня развития современного общества. Россия имеет разнообразную географическую структуру, где население распределено неравномерно на уровне регионов. В то же время, в стране сохраняется проблема депопуляции в большинстве регионов. Исследование факторов и внутренних характеристик демографической устойчивости территории поможет снизить риски потери населения и исчезновения населённых пунктов, а также создать основу для формирования сообществ с высоким уровнем жизни и демографической устойчивости.

Демографическая ситуация в степной зоне России

Объектом исследования стали 17 регионов России, расположенные полностью или частично в степной зоне, выделенные на основе общности природно-хозяйственных факторов (области Белгородская, Воронежская, Волгоградская, Ростовская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Курганская, Челябинская, Новосибирская, Омская, республики Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, края Краснодарский, Ставропольский, Алтайский [12]. Широтное простираение степной зоны обеспечивает в регионах разнообразие условий, состояние населения в каждом регионе, характеризующееся количеством и структурой, ростом или снижением, а также другими факторами, влияющими на демографический процесс.

С 1990-х гг. в большинстве регионов России численность населения сокращалась [13]. Но разносторонняя ситуация сложилась в регионах, расположенных в степной зоне. Максимальное число жителей в этих

¹ Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию // Резолюции, принятые на Конференции, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. Т. I. — Нью-Йорк: ООН, 1993. — 520 с.

регионах наблюдалось в 1998 г. — 44,5 млн человек (30,1% от населения страны), минимальное — в 2022 г.: 42,4 млн человек (28,9% от населения страны). На уровне регионов динамика численности населения шла в разных направлениях. В 12 регионах степной зоны максимальное число жителей проживало в период 1991–1999 гг. и далее шло снижение. В 6 регионах численность населения увеличивалась, достигнув максимальных значений в период 2017–2022 гг., в Республике Адыгея и Краснодарском крае увеличение численности продолжается и в настоящее время (табл. 1).

На динамику численности населения влияет величина естественного и миграционного движения. Анализ динамики показателей естественного движения населения по России выявил периоды относительно благоприятной демографической ситуа-

ции: в 2012–2016 гг. рождаемость и смертность достигли баланса и естественный прирост достигал 0,2‰. Максимальный общий показатель естественной убыли характерен для периода 1999–2003 гг. — более 6‰, причиной этому послужила высокая смертность — более 16‰. В настоящее время для страны характерна негативная тенденция — с 2017 г. естественная убыль усилилась и достигла 4‰. Одной из причин является последовательное снижение рождаемости — при максимуме в 13,3‰ в 2012–2015 гг. к 2022 г. она снизилась до 9‰. Показатели смертности претерпели меньшие изменения — наименьшее значение 12,3‰ отмечено в 2019 г., но в 2021 г. зафиксирован максимум показателя — 16,8‰ и показатель естественной убыли достиг 7,2‰ (последствие пандемии COVID-19). В 2022 г. смертность снизилась до 13,1‰.

Таблица 1
Численность населения в регионах степной зоны и динамика с 2002 года

Table 1

The average annual population of the regions in the steppe zone and its dynamics over the period from 2002 to 2012

Территория	Население в 2022 г. (тыс. человек)	Динамика численности населения в 2022 г. относительно (в %):	
		2002 г.	2012 г.
Российская Федерация	146714	101,0	102,3
Всего в регионах степной зоны	42432	96,8	99,0
Белгородская область	1525	101,0	99,1
Воронежская область	2294	96,2	98,3
Республика Адыгея	498	111,5	111,3
Республика Калмыкия	265	90,1	93,2
Краснодарский край	5826	113,7	109,4
Волгоградская область	2481	91,8	95,6
Ростовская область	4178	94,8	98,0
Ставропольский край	2897	105,9	103,3
Республика Башкортостан	4085	99,5	100,2
Оренбургская область	1849	84,7	92,0
Самарская область	3154	97,2	98,0
Саратовская область	2418	90,5	96,1
Курганская область	767	74,9	86,5
Челябинская область	3414	94,6	98,0
Алтайский край	2143	82,0	89,8
Новосибирская область	2796	103,7	103,5
Омская область	1842	88,3	93,5

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В регионах степной зоны сложилась контрастная демографическая обстановка. В 9 из 17 степных регионов на протяжении рассматриваемого периода естественная убыль так и не сменилась приростом. Наиболее негативная ситуация складывается в Воронежской, Саратовской и Курганской областях (в 2022 г. естественная убыль достигла 7,8%). В Республике Калмыкия прирост населения продолжался до 2020 г. и в 2022 г. показатель убыли составлял 1,3%. В остальных регионах положительная разница между уровнем рождаемости и смертности зафиксирована в период с 2012 по 2016 годы. Но если в Республике Калмыкия она достигала 4,8%, то в остальных регионах колебалась в пределах 1%.

Для регионов степной зоны характерно продолжительное снижение уровня смертности, после наибольших значений в период 2002–2005 гг. наметилась положительная тенденция, но процесс был нарушен пандемией и во всех регионах степной зоны к 2021 г. был зарегистрирован максимальный показатель смертности за период 1991–2022 годов. В Воронежской, Саратовской и Курганской областях он превысил 20,3%. Активному росту уровня рождаемости способствовала пронаталистская политика государства и, в частности, введение материнского (семейного) капитала в 2007 году. И с этого года в регионах наблюдается последовательный рост числа рождений, особенно 2-х и последующих детей. С 2017 г. это процесс стал ослабевать, рождаемость начала снижаться. Наименьших значений в 2022 г. показатели рождаемости достигли в Белгородской и Курганской областях — 7%, лидерами стали Республика Адыгея, Краснодарский край и Новосибирская область — более 9,4%.

Материалы и методы исследования

Оценка демографической устойчивости в степных регионах проведена на основе исследования основных показателей, характеризующих состояние населения, которые были объединены в группы: 1) рождаемость — суммарный коэффициент рождае-

мости, общий коэффициент рождаемости; 2) структура населения по возрасту — доля лиц старше и младше трудоспособного возраста; 3) механическое движение населения — коэффициент миграционного прироста (убыли); 4) качество жизни — ожидаемая продолжительность жизни обоих полов, разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, общий коэффициент смертности, коэффициент младенческой смертности, уровень смертности от внешних причин. Данные показатели были выбраны для комплексной оценки состояния народонаселения не только по параметрам естественного и механического движения, но качества и уровня жизни. Использование, в частности, показателей младенческой смертности и оценка разницы между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин способствует выделению регионов с наиболее сложной ситуацией в системе здравоохранения и социальной поддержки. Также представленная группировка позволит выявить отдельные наиболее кризисные аспекты в общей структуре анализа демографической устойчивости.

На базе выделенных данных сформирован комплексный индекс. Расчёт индекса проводился по балльной системе [8]. Наилучшему показателю было присвоено максимальные 100 баллов, наихудшему — 1 балл. Далее через линейное масштабирование распределялись баллы по каждому показателю за рассматриваемый 20-летний период — 2003–2022 годы. После чего для каждой группы показателей определяется балл через среднее арифметическое значение составляющих показателей. Итоговый индекс демографической устойчивости формируется как средний показатель за каждый 5-летний период. Продолжительный период исследования является необходимым условием для проведения демографических исследований. Это связано с тем, что демографические процессы, такие как рождаемость, смертность и миграция, происходят не мгновенно, а в течение длительного периода времени. Только при анализе данных за длительный период можно полу-

чить достоверные и объективные результаты и оценить тенденции в развитии демографической ситуации. Также продолжительный период исследования даст возможность изучить большее количество факторов, оказывающих влияния на демографические процессы. Например, экономические, социальные и политические изменения, эпидемии и другие события могут оказывать значительное влияние на демографическую ситуацию в течение длительного периода времени. Таким образом, рассматриваемый 20-ти летний период позволяет получить полную и объективную кар-

тину о демографической устойчивости и ее динамике, что способствует разработке эффективных стратегий и мер для улучшения демографической ситуации и обеспечения устойчивого развития общества.

Индекс демографической устойчивости в регионах степной зоны России

Оценка демографической устойчивости за 20-ти летний период выявила региональную динамику состояния народонаселения (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов степной зоны по уровню демографической устойчивости

Table 2

Grouping of the regions of the steppe zone by the level of demographic stability

Уровень демографической устойчивости	2003–2007 гг.	2008–2012 гг.	2013–2017 гг.	2018–2022 гг.
Высокий (51–62)	Республика Калмыкия	Республика Калмыкия Республика Башкортостан Республика Адыгея Краснодарский край Ставропольский край	Краснодарский край Республика Адыгея Республика Башкортостан Новосибирская область Республика Калмыкия Ставропольский край Омская область Челябинская область Оренбургская область	Республика Адыгея Краснодарский край Республика Калмыкия Ставропольский край Республика Башкортостан
Средний (38–50)	Республика Башкортостан Ставропольский край Краснодарский край Республика Адыгея Белгородская область Оренбургская область Омская область	Новосибирская область Омская область Оренбургская область Челябинская область Белгородская область Алтайский край Ростовская область Самарская область Волгоградская область Саратовская область Курганская область	Белгородская область Ростовская область Самарская область Алтайский край Саратовская область Волгоградская область Курганская область Воронежская область	Новосибирская область Челябинская область Оренбургская область Омская область Ростовская область Самарская область Белгородская область Волгоградская область
Низкий (26–37)	Челябинская область Новосибирская область Алтайский край Самарская область Волгоградская область Ростовская область Саратовская область Курганская область Воронежская область	Воронежская область	–	Алтайский край Воронежская область Курганская область Саратовская область

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Если в 2003–2007 гг. низкий уровень демографической устойчивости характерен для 9 регионов степной зоны, то к 2017 г. таких регионов уже не осталось, они перешли в категорию со средним уровнем демографической устойчивости, а Челябинская и Новосибирская области — в категорию высокой демографической устойчивости. Но далее ситуация ухудшилась — к 2022 г. 5 регионов не изменили уровень демографической устойчивости; в 4 регионах уровень демографической устойчивости достиг наименьших значений. Основная причина этого — резкое увеличение уровня смер-

ности и снижения продолжительности жизни на фоне пандемии, также с 2017 г. начался процесс снижения уровня рождаемости. Анализируя динамику индекса демографической устойчивости, выявлено, что к 2022 г. произошло снижение показателя по всем регионам. Наибольшей устойчивостью обладают Республика Адыгея и Краснодарский край — 50 баллов (табл. 3). В Белгородской области индекс устойчивости наименьший, что является самым низким показателем не только для области за период 2003–2022 гг., но и для всей степной зоны за период 2018–2022 годов.

Таблица 3

Распределение балльной оценки регионов степной зоны по совокупным демографическим факторам в 2022 г., балл

Table 3

Distribution of the scoring of the steppe zone regions by cumulative demographic factors in 2022, points

Регионы степной зоны	Индекс общий	Группы факторов демографической устойчивости			
		Воспроизводство населения	Продолжительность жизни	Возрастная структура населения	Миграция
Белгородская область	30	4	73	25	19
Воронежская область	34	9	69	19	38
Республика Адыгея	50	24	81	53	44
Республика Калмыкия	48	28	79	65	22
Краснодарский край	50	35	77	44	42
Волгоградская область	33	3	74	26	31
Ростовская область	37	12	69	30	37
Ставропольский край	46	21	85	45	34
Республика Башкортостан	48	27	76	51	36
Оренбургская область	42	26	68	44	30
Самарская область	37	17	66	32	35
Саратовская область	32	1	74	23	29
Курганская область	34	33	48	34	22
Челябинская область	45	30	68	47	37
Алтайский край	37	17	61	43	28
Новосибирская область	48	34	65	48	44
Омская область	42	30	69	46	24

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Показатель миграции является «быстрым» индикатором социально-экономического состояния территории. За период 2003–2021 гг. в Белгородской, Самарской областях и Ставропольском крае наблюдался только миграционный прирост, но в 2022 г. впервые зафиксирована миграционная убыль, и показатель Белгородской области самый низкий в степной зоне (–72,9 человека на 10 тыс. человек). В настоящее время необходимо дальнейшее изучение этого процесса, является ли это кратковременной реакцией населения на сложившуюся в регионе ситуацию или процесс усиленного оттока населения из Белгородской области будет носить продолжительный характер. Но уже сейчас понятно, что это значительно ослабляет демографическую устойчивость региона.

Также о социально-экономическом состоянии регионов сигнализирует уровень смертности от внешних причин. Относительно экономически развитых стран показатель России в несколько раз выше. Смертность от внешних причин можно существенно снизить, если принимать профилактические меры, в том числе это работа с населением по пропаганде здорового образа жизни, снижение потребления или отказ от алкоголя, программы адаптивной поддержки людей страдающих психическими заболеваниями, усиление работы по предотвращению насильственных преступлений, в том числе бытового насилия и пр. Тенденция снижения показателя смертности от внешних причин характерна для всех регионов степной зоны в рассматриваемый период до 2020 г., также снижение произошло и по среднероссийскому показателю. Далее в 2022 г. наблюдается увеличение этого показателя и по регионам степной зоны, и по стране, наиболее значительное изменение произошло в Белгородской (24%), Ростовской (52,7%) областях,

Республике Калмыкия (21%) и Алтайском крае (23%) относительно предыдущего года.

Устойчивость демографических процессов является важным фактором для развития степных регионов. Однако, ситуация в последние годы становится все более напряженной, так как рождаемость в этих регионах снижается, а смертность, наоборот, имеет тенденцию к росту. Это может привести к серьезным последствиям для устойчивости демографических процессов, особенно в приграничных регионах степной зоны. Низкая рождаемость может привести к сокращению рабочей силы и ухудшению экономического развития. В то же время, рост смертности способствует уменьшению продолжительности жизни и увеличению доли пожилого населения, что также может оказать негативное влияние на экономику и социальную сферу регионов. Поэтому, для обеспечения устойчивости демографических процессов в приграничных регионах необходимо принимать меры по стимулированию рождаемости и снижению смертности. Это может включать в себя различные программы поддержки семей с детьми, улучшение доступа к медицинским услугам и повышение качества жизни. Кроме того, важно также развивать экономику и инфраструктуру регионов, чтобы создать благоприятные условия для привлечения мигрантов, особенно в трудоспособном возрасте и предотвращения их оттока в более развитые регионы. В целом, устойчивость демографических процессов в регионах степной зоны является сложным вопросом, который требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны государства, местных органов власти и общественных институтов.

Литература и Интернет-источники

1. **Shriver, L.** Population in literature / L. Shriver // Population and Development Review. — 2003. — Vol. 29. — Iss. 2. — P. 153–162. DOI: 10.1111 / j.1728–4457.2003.00153.x
2. **Calasanti, T.** Brown Slime, the Silver Tsunami, and apocalyptic demography: The importance of ageism and age relations / T. Calasanti // Social Currents. — 2020. — Vol. 7. — Iss. 3. — P. 195–211. DOI: 10.1177 / 2329496520912736
3. **Gietel-Basten, S.** Depopulation or population decline? Demographic nightmares and imaginaries / S. Gietel-Basten // Vienna Yearbook of Population Research, Vienna Institute of Demography (VID) of the Austrian Academy of Sciences. — 2023. — Vol. 21(1). — P. 1–12. DOI: 10.1553 / p-ak37–74ha
4. **Roca, Z.** Demographic Sustainability and Spatial Development in Portugal / Z. Roca, M. Roza // Acta geographica Bosnia et Herzegovinae. — 2014. — Vol. 2. — P. 21–28.
5. **Roca, M.** Demographic sustainability and regional development: The case of Alto Minho and Alto Alentejo / M. Roca, V. Silva, S. Caldinhas. — Lisboa : Universidade Nova de Lisboa, 2002. — 18 p.
6. **Camarinha-Matos, L.M.** Active aging roadmap — A collaborative networks contribution to demographic sustainability / L. M. Camarinha-Matos, H. Afsarmanesh // IFIP Advances in Information and Communication Technology. — 2010. — Vol. 336. — P. 46–59. DOI: 10.1007 / 978–3–642–15961–9_5
7. **Stern, E.** Demographic sustainability and rural development policy / E. Stern // Journal of Maps. — 2013. — Vol. 9. — Iss. 2. — P. 154–160. DOI: 10.1080 / 17445647.2013.773566
8. **Фаузер, В.В.** Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — № 4. — С. 1370–1382. EDN: YRQADR
9. **Рой, О.М.** Демографическая устойчивость территории: методология оценки / О.М. Рой // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума. Т. I. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. — С. 38–51. EDN: GHOMYS
10. **Киселева, Н.Н.** Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология, исследования, модели, управление / Н. Н. Киселева. — Ростов : ЮФУ, 2008. — 288 с. EDN: XSXNGV
11. **Лазарева, В.В.** Демографический аспект устойчивого развития приграничных регионов / В. В. Лазарева, М. В. Зинченко, Н. Ю. Власова // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2(204). — С. 23–28. EDN: YQYTYR
12. **Чибилёв, А.А.** (мл.) Административно-территориальная характеристика степной зоны РФ / А. А. Чибилёв (мл.) // Степи Северной Евразии: Материалы VII международного симпозиума. — Оренбург : Институт степи УрО РАН, 2015. — С. 920–924. EDN: UKZDKV
13. **Рыбаковский, О.Л.** Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 4–17. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.1; EDN: ZARKPP

Сведения об авторах:

Руднева Оксана Сергеевна, к. геогр. н., старший научный сотрудник, Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: Ksen1909@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8425-3301, РИНЦ SPIN-код: 9870–1328.

Сokolov Александр Андреевич, к. геогр. н., старший научный сотрудник, Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.

Контактная информация: SokolovAA@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-0093-3420, РИНЦ SPIN-код: 1223–3480.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-17-26

DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY IN THE REGIONS OF THE STEPPE ZONE OF RUSSIA

Oksana S. Rudneva*, Alexander A. Sokolov

*Institute of Steppe of the Ural Branch RAS
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

**E-mail: Ksen1909@mail.ru*

Funding:

The article was prepared within the frames of the study «Problems of steppe land use in the context of modern challenges: optimization of the interaction of natural and socio-economic systems» № AAAA-A21-121011190016-1.

For citation:

Rudneva O. S., Sokolov A. A. Demographic sustainability in the regions of the steppe zone of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 17-26. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-17-26 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of this study is due to the active dynamics of demographic processes and the changing views on sustainable development of territories. While population growth is not the sole priority, maintaining a high level of human potential and reducing the impact of negative factors are essential for improving the quality of society. The purpose of the study was to assess the dynamics of demographic sustainability in the regions of the steppe zone of Russia in the period of 2003–2022. The object of the study was 17 regions of Russia located entirely or partially in the steppe zone and identified on the basis of common natural and economic factors and location specifics. To assess the demographic sustainability of the regions of the steppe zone, an integral index was formed based on the indicators of demographic processes grouped by the main aspects of population movement. As a result, a change in the distribution of regions by the level of demographic sustainability over five-year periods was revealed. In general, there has been a positive trend in the steppe region. From 2003 to 2007, 9 regions of the steppe had a low level of demographic stability. By 2017, none of these regions remained in this category, moving instead into the category with an average level of demographic stability, with Chelyabinsk and Novosibirsk oblasts moving into the category of high demographic stability. But then the situation in the steppe zone worsened — by 2022, the level of demographic stability in 4 regions reached the lowest values and only 5 regions did not change the level of demographic stability. The influence of external factors (pandemic, geopolitical processes), which intensified by the end of the period under review, is obvious, that contributed to an increase in the death rate and migration outflow of the population.*

Keywords: *demographic sustainability, population, steppe zone of Russia, natural movement of population, migration.*

References and Internet sources

1. Shriver L. Population in literature. *Population and Development Review*. 2003. Vol. 29. Iss. 2. P. 153–162. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2003.00153.x>
2. Calasanti T. Brown Slime, the Silver Tsunami, and apocalyptic demography: The importance of ageism and age relations. *Social Currents*. 2020. Vol. 7. Iss. 3. P. 195–211. Available at: <https://doi.org/10.1177/2329496520912736>
3. Gietel-Basten S. Depopulation or population decline? Demographic nightmares and imaginaries. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vienna Institute of Demography (VID) of the Austrian Academy of Sciences. 2023. Vol. 21(1). P. 1–12. DOI:10.1553/p-ak37-74ha

4. Roca Z., Roca M. Demographic sustainability and spatial development in Portugal. *Acta Geographica Bosniae et Herzegovinae*. 2014. Vol. 2. P. 21–28.
5. Roca M., Silva V., Caldinhas S. Demographic Sustainability and Regional Development: The Case of Alto Minho and Alto Alentejo. Lisboa. Universidad Nova de Lisboa. 2002. 18 p.
6. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. Active aging roadmap — A collaborative networks contribution to demographic sustainability. *IFIP Advances in Information and Communication Technology*. 2010. Vol. 336. P. 46–59. DOI: 10.1007/978-3-642-15961-9_5
7. Stern E. Demographic sustainability and rural development policy. *Journal of Maps*. 2013. Vol. 9. Iss. 2. P. 154–160. DOI: 10.1080/17445647.2013.773566
8. Fauser V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Ustojchivoje razvitije severnykh regionov: demograficheskoe izmerenije [Sustainable development of the northern regions: population dimension] *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 1370–1382. (in Russ.)
9. Roy O. M. Demograficheskaja ustojchivost' territorii: metodologija otsenki [Demographic sustainability of the territory: methodology of evaluation]. *Demograficheskaja i semejnaja politika v kontekste tselej ustojchivogo razvitija: sbornik statej 9 Ural'skogo demograficheskogo foruma [Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development Goals. Proceedings of the IX Ural Demographic Forum]*. Vol. I. 2018. Ekaterinburg. P. 38–51. (in Russ.)
10. Kiseleva N. N. Ustojchivoje razvitije sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy regiona: metodologija, issledovaniya, modeli, upravlenije [Sustainable Development of the Socio-Economic System of the Region: Methodology, Research, Models, Management]. Rostov-on-Don. JuFU [South Federal University]. 2008. 288 p. (in Russ.)
11. Lazareva V. V., Zinchenko M. V., Vlasova N. Yu. Demograficheskij aspekt ustojchivogo razvitija prigranichnykh regionov [Demographic aspect of the Far East border regions sustainable development]. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]*. 2017. No. 2(204). P. 23–28. (in Russ.)
12. Chibilyov A. A. (jr.) Administrativno-territorial'naya kharakteristika stepnoy zony RF [Administrative-territorial characteristics of the steppe zone of the Russian Federation]. *Stepi Severnoy Evrazii: Materialy 7 mezhdunarodnogo simpoziuma [Steppes of Northern Eurasia. Proceedings of the VII international symposium]*. Orenburg. IS UrO RAN [Institute of Steppe of the Ural Branch RAS]. 2015. P. 920–924. (in Russ.)
13. Rybakovsky O. L. Depopuljatsija v regionah Rossii: itogi za 1992–2022 gg. i komponenty [Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 4–17. (in Russ.)

Information about the authors:

Rudneva Oksana Sergeevna, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: Ksen1909@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8425-3301, Elibrary SPIN-code: 9870–1328.

Sokolov Alexander Andreevich, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch RAS, Orenburg, Russia.

Contact information: SokolovAA@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-0093-3420, Elibrary SPIN-code: 1223–3480.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39
EDN: WHPYEL

КОРПОРАТИВНАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЕ КАК НОВАЯ ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Багирова А.П.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00854. — URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>.

Для цитирования:

Багирова А. П. Корпоративная гражданственность в демографической сфере как новая тема исследований в современной России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 27-39. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39; EDN: WHPYEL

Аннотация. Решение вопросов, связанных с низкой рождаемостью, является сегодня одним из важнейших приоритетов российского государства. Статья посвящена широко обсуждаемой в настоящее время проблеме вовлечения предприятий в поддержку выполнения сотрудниками семейных обязанностей. Обосновывается, что в связи с вхождением поддержки семей с детьми, роста рождаемости в национальные цели развития России реализация корпоративных демографических политик сегодня может рассматриваться уже не как локальная мера поддержки работников, а как позиция корпоративной гражданственности, которую занимает руководство предприятий. Цель исследования состоит в изучении динамики развития в научном дискурсе тематики, связанной с поддержкой работодателями выполнения работниками родительских обязанностей, и разработке концептуального подхода к изучению этой тематики в современной России. Наукометрический анализ литературы по корпоративной гражданственности и корпоративной демографической политике, проиндексированной в базе международного научного цитирования Web of Science за 1990–2024 гг., показал, что основная часть исследований сосредоточена в небольшом круге стран и слабо включает Россию. В статье представлена концептуальная модель исследования развивающегося в России процесса вовлечения работодателей в решение демографических задач страны. В качестве основных заинтересованных сторон данного процесса выделены органы публичного управления, работодатели и работники. В качестве концептуальных подходов предложены взаимоувязанность и необходимость балансировки интересов участников процесса включения бизнеса в решение демографических задач, рассмотрение корпоративной гражданственности в демографической сфере как особой позиции работодателя, комплексность изучения процесса корпоративной гражданственности в демографической сфере становления в современной России.

Ключевые слова: корпоративная гражданственность в демографической сфере; корпоративная демографическая политика; политика, дружественная семьям работников.

Введение

В последнее время российская политика стимулирования рождаемости развивается крайне динамично. И речь здесь идёт не только о новых мерах поддержки. Принимаются новые документы стратегического характера, формулируются новые цели политики поддержки рождаемости (многодетность семей), в её реализацию включаются новые институты (например, работодатели¹). Возможность привлечения теорий корпоративной социальной ответственности к обоснованию участия предприятий в достижении демографических задач России, казалось бы, лежит на поверхности. Однако, лишь в последнее время в нашей стране об этом стало заявлять не только академическое сообщество, но и органы публичного управления, и сами работодатели². При этом и те, и другие особо выделяют это направление из всех других векторов корпоративной социальной ответственности. Предприятие, встающее на этот путь, занимает особую позицию — позицию корпоративной гражданственности в демографической сфере. Это связано с тем, что поддержка работников с детьми, меры для детей и супругов работников потенциально влияют на решение важнейшей государственной задачи, лежащей в области повышения рождаемости. Данное направление поддержки отличается от каких-либо иных, задачи которых сводятся лишь к росту лояльности и вовлечённости работников, повышению производительности труда на предприятии. В случае выбора направленности корпоративной социальной политики на поддержку сотрудников с детьми предприятие решает задачу другого — го-

сударственного — масштаба. Таким образом, под корпоративной гражданственностью в демографической сфере в современной России можно понимать позицию работодателей, ориентированную на включение и реализацию в системе поддержки своих работников мер, направленных на их семьи, способствующих рождению у сотрудников детей, а значит — создающих условия для преодоления низкой рождаемости.

Конкретным воплощением позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере являются корпоративные демографические политики. Они в последние годы прошли серьёзный путь в сфере бизнеса и обществе в целом от неприятия и непонимания до признания в качестве одного из важнейших инструментов демографического развития (рис. 1).

Вопросы актуальности вовлечения различных акторов в решение демографических задач периодически озвучиваются учёными и практиками. Российский демограф М. А. Клупт говорил о важности участия в этом работодателей ещё в 2006 г. [1]. В последние годы российские учёные стали разрабатывать эту тематику, опираясь на положение неoinституциональной теории о невозможности изоляции организаций от окружающей их среды³. Исследователями отмечается, что «целью реализации российскими организациями корпоративной демографической политики является обеспечение наиболее благоприятных нравственных, экономических и социальных условий для реализации сотрудниками предприятия родительских и других семейных функций при условии их занятости на рынке труда» [2, с. 158]. С этой позиции проанализированы отдельные реализуемые практики российских корпораций [3–4], выявлен тип организационной культуры, наиболее благоприятствующий внедрению корпоративной демографической политики [5], выявлены кластеры российских регионов, в которых такой тип политики в организациях наиболее востребован с точки

¹ ВЦИОМ: Работодатели как субъекты реализации демографической политики / ВЦИОМ, 2024 год. — URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2024/client_newsletter_for_the_year_of_family_issue_1.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

² Например: Ефимов И. Главное «ДЕЛО» в жизни — семья // ДЕМинформ, 14.08.2024. — URL: <https://deminform.ru/news/glavnoye-delo-v-zhizni-semya>; Кемеровский «Азот» ввел выплаты для сотрудников за новорожденных детей // Интерфакс. Россия, 03.06.2024. — URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/kemerovskiy-azot-vvel-vyplaty-dlya-sotrudnikov-za-novorozhdennyh-detey> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Классика новой экономической социологии / сост. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин. — Москва : ИД ВШЭ, 2014. — 381 с.

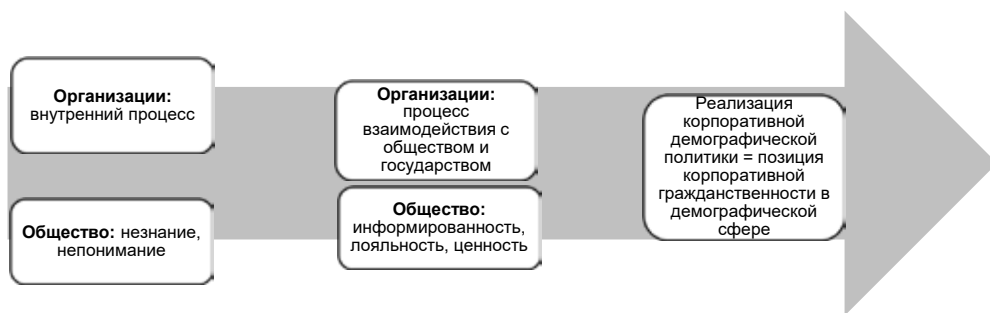

Рис. 1. Динамика реализации и восприятия корпоративных демографических политик в России (2010–2024)

Fig. 1. Dynamics of implementation and perception of corporate demographic policies in Russia (2010–2024)

Источник: разработано автором.

зрения демографической ситуации и наиболее реален с точки зрения ситуации экономической [6]. Отметим, что ситуация последнего времени, связанная с обострением кадрового дефицита [7], может рассматриваться как потенциальный драйвер развития и тиражирования практик корпоративной демографической политики.

В то же время, несмотря на актуальность вопросов вовлечения различных акторов в решение государственных демографических задач и возможность с помощью вовлечения работодателей усиливать кадровый потенциал предприятий, реализация таких корпоративных политик пока не стала устойчивой практикой для российских организаций. Информационная повестка наполняется отдельными новостными сюжетами на эту тему не так часто⁴. Одна из причин этого кроется в том, что подобные меры для российских предприятий не обладают «доказанной экономической эффективностью» [8]. При этом зарубежными исследователями выделен целый спектр получаемых компаниями выгод от реализации «политики, дружественной к семьям работников».

⁴ Например: Шаповалова А. Бизнес поддержал многодетных на деле // Lenta.ru, 13.10.2023. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/10/13/mnogodetny/>; Кемеровский «Азот» ввел выплаты для сотрудников за новорожденных детей // Интерфакс. Россия, 03.06.2024. — URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/kemerovskiy-azot-vvel-vyplaty-dlya-sotrudnikov-za-novorozhdennyh-detey> (дата обращения: 10.01.2025).

На материалах предприятий отдельных стран мира обоснованы такие преимущества, как снижение текучести кадров, рост удовлетворённости работников условиями труда и повышение производительности труда [9], усиление привлекательности компании [10], расширение возможностей найма высококвалифицированных сотрудников [11]. Учёными даже выявлено, что поддержка семей работников выполняет функцию своего рода замещения заработной платы [12]. Одна из немногочисленных оценок экономической эффективности подобных практик представлена для российских предприятий в методике, реализованной для ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» [13].

Цель нашего исследования — изучение публикационной активности по тематикам, связанным с поддержкой работодателями выполнения работниками родительских обязанностей, и разработка концептуального подхода к изучению этой проблемы в современной России. Наукометрический анализ проводился по двум тематикам: 1) корпоративная гражданственность; 2) политики, дружественным семьям работников (в российской науке такие политики чаще называются корпоративными демографическими политиками). Для анализа использовалась международная база научного цитирования Web of Science. Данные брались за период с 1990 по 2023 годы. Из анализа были исключены

конференционные статьи, обзоры, редакторские колонки и оставлены только статьи в журналах — исследовательские и обзорные. Используемые методы исследования включали в себя анализ динамики, анализ структуры, оценку наукометрических показателей, сопоставительный анализ.

Результаты

В зарубежной литературе, представленной в Web of Science, тематика корпоративной гражданственности обозначена на порядок сильнее, чем тематика политик предприятий, дружественных семьям работников (табл. 1).

На рис. 2 и 3 представлена динамика числа публикаций и цитирований по двум анализируемым тематикам. Развитие темы корпоративной гражданственности имеет скорее затухающий характер, а темы политик, дружественных семьям работников — волнообразный. Кроме того, тематика корпоративной гражданственности начала звучать в научной зарубежной литературе намного раньше, нежели тема политик, дружественных семьям работников — соответственно с середины 1990-х гг. и с середины нулевых годов XXI века. Основная часть исследований по обоим тематикам сосредоточена в небольшом круге стран (табл. 2).

Таблица 1
Основные наукометрические показатели по проблематикам корпоративной гражданственности и политик, дружественных семьям работников

Table 1

Main scientometric indicators on issues of corporate citizenship and policies friendly to employees' families

Тематика	Общее число публикаций	Число цитирований	Среднее число цитирований на статью	H-Index
Корпоративная гражданственность	510	26041	51,1	74
Политики, дружественные семьям работников	43	1141	26,5	17
Разница в значениях, число раз	11,9	22,8	1,9	4,4

Источник: рассчитано автором по данным Web of Science.

Таблица 2
Основные страны, с университетами которых аффилированы авторы, исследующие корпоративную гражданственность и политики, дружественных семьям работников

Table 2

The main countries whose universities are affiliated with the authors who study the issues of corporate citizenship and policies friendly to the families of employees

Тематика	Общее число стран	Страны из ТОП-3	Доля исследований в странах из ТОП-3, %	Место России в списке стран по числу публикаций
Корпоративная гражданственность	63	США Великобритания Германия	50,0	19
Политики, дружественные семье	19	США КНР Южная Корея	72,1	5

Источник: рассчитано по данным Web of Science.

Рис. 2. Динамика числа публикаций и цитирований по тематике корпоративной гражданственности в Web of Science с 1990 по 2023 годы

Fig. 2. Dynamics of the number of publications and citations on corporate citizenship in the Web of Science from 1990 to 2023

Источник: составлено автором по данным Web of Science.

Рис. 3. Динамика числа публикаций и цитирований по тематике политик, дружественных семьям работников, в Web of Science с 1990 по 2023 годы

Fig. 3. Dynamics of the number of publications and citations on family-friendly policies in the Web of Science from 1990 to 2023

Источник: составлено автором по данным Web of Science.

Основная часть исследований корпоративной гражданственности сосредоточена в ограниченном наборе предметных полей: бизнес и менеджмент, этика, экология. Исследования политик, дружественных семьям работников, имеют иной набор ключевых предметных областей: и статьи, и цитирования прежде всего лежат в сфере менеджмента, социологии и публичного управления. Для нашего исследования важно отметить факт того, что в Web of Science отсутствуют научные работы, в которых одновременно ставятся вопросы корпоративной гражданственности и политик, дружественных к семьям работников.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ двух тематик приводит к следующим выводам. Во-первых, российские исследования корпоративной гражданственности и политик, дружественных семьям работников, видимые зарубежному сообществу, сегодня крайне незначительны. Во-вторых, в настоящее время в России сложилась ситуация, которая актуализирует повестку в отношении этих двух тематик: ставятся вопросы, связанные с корпоративными демографическими политиками; введено рейтингование предприятий на уровне Национального стандарта «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)»⁵. В-третьих, возросла важность широкой постановки вопроса о корпоративных демографических политиках.

Это обусловлено несколькими позициями: 1) вхождением поддержки семей с детьми в область национальных целей развития России, повышения рождаемости — в целевые показатели и задачи⁶; 2) необходимостью поиска новой для российского бизнеса

риторики в связи с ориентацией на суверенизацию экономики и возможностью ответить на этот поиск с помощью концепции корпоративной гражданственности в демографической сфере; 3) возможностью и важностью трансляции идеи корпоративной гражданственности в демографической сфере через интересы сразу нескольких групп (работодатели, государственные и муниципальные служащие, работники — настоящие и потенциальные), каждая из которых должна понимать собственные задачи участия в корпоративных демографических политиках и связь этих практик с позицией корпоративной гражданственности.

Осуществленный анализ зарубежной научной литературы [14–22], а также результаты многолетних оценок демографической ситуации, её динамики и детерминант, выполненных российскими учёными [23–26], позволили разработать следующую концептуальную модель изучения развивающегося в современных российских условиях процесса вовлечения работодателей в решение демографических задач страны (рис. 4).

Предлагаемая модель исследования опирается на совокупность теорий публичного управления, с помощью которых может быть обосновано вовлечение института бизнеса в решение демографических задач. Интересантами данного процесса выступают: 1) органы публичного управления, ответственные за достижение целей на региональном уровне и имеющие возможность способствовать распространению корпоративных демографических практик; 2) работодатели, чей потенциальный интерес к внедрению корпоративных демографических политик описывается через пока не всегда осознаваемую ими возможность формирования экономических, кадровых, репутационных преимуществ; 3) работники, которые рассматривают корпоративные демографические меры как надстройку над государственными мерами, направленными на повышение рождаемости, а в условиях кадрового дефицита — и как фактор привлекательности работодателя. Включение ассоциаций работодателей и родителей в схему изучения темы вовлечения работо-

⁵ Национальный стандарт Российской Федерации «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)», ГОСТ Р 71198–2023. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1304634006> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Утв. 07.05.2024. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 20.08.2024).

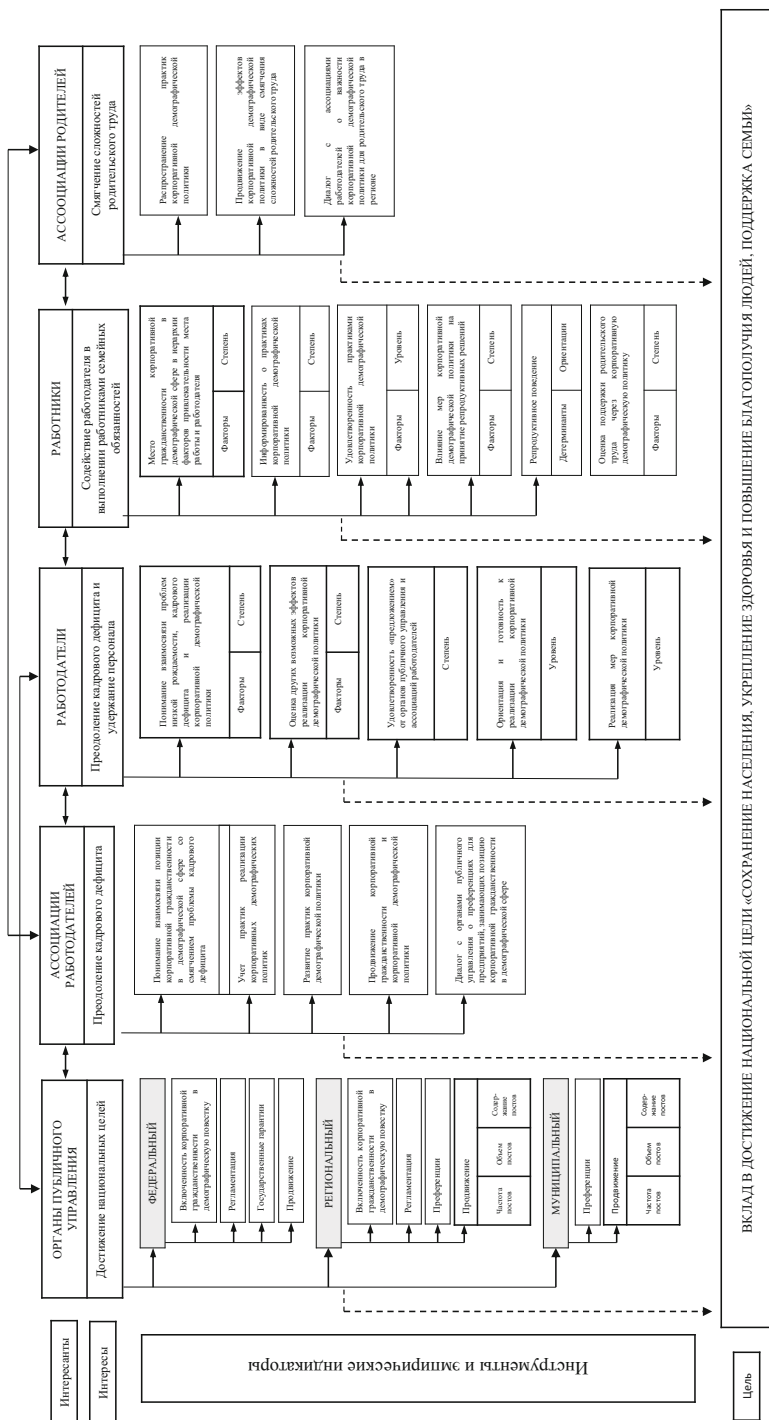

Рис. 4. Концептуальная модель исследования становления корпоративной гражданственности в демографической сфере современной России

Fig. 4. A conceptual model for the study of the formation of corporate citizenship in the demographic sphere in modern Russia
Источник: составлено автором.

дателей в решение демографических задач представляется важным с точки зрения новизны явления в нашей стране и продвижения, тиражирования немногочисленного опыта — как реализации практик корпоративных демографических политик российскими предприятиями, так и их использования работниками, являющимися или планирующими стать родителями.

Представленная модель исследования основывается на следующих концептуальных подходах.

1. Связь экономического развития и демографической ситуации, взаимоувязанность интересов участников процесса включения бизнеса в решение демографических задач, необходимость балансировки этих интересов. Так, например, органы публичного управления, осознавая важность движения к национальной цели развития страны, не только признают необходимость вовлечения бизнеса в демографическую повестку регионов и страны в целом, но и тиражируют опыт отдельных, вставших на этот путь предприятий, создают для них преференции. Работодатели, осуществляя затраты на реализацию корпоративных демографических мер, видят преимущества такого вектора стратегического развития, получая, с одной стороны, государственные преференции, поддержку в реализации этой позиции, а с другой — повышая лояльность персонала, производительность труда, репутационные выгоды и снижая затраты на поиск и сохранение персонала в условиях кадрового дефицита на региональных рынках труда. Работники, пользуясь корпоративными демографическими мерами в дополнение к государственным, осознают свою ценность для работодателя, усиливают мотивацию на сохранение занятости у того работодателя, который реализует комплекс мер, направленных на смягчение сложностей родительского труда.

2. Рассмотрение корпоративной гражданственности в демографической сфере как особой позиции работодателя, при которой он, во-первых, осознает сложность демографической ситуации, во-вторых, понимает собственный потенциал влияния

на неё, в-третьих, на основании диалога с персоналом (ассоциациями работников, родителей и др.) формирует систему направленных на работников мер, создающих дополнительные стимулы для рождения у них детей, в-четвертых, видит и получает разнообразные эффекты от вовлеченности в решение государственной задачи.

3. Комплексное изучение процесса становления корпоративной гражданственности в демографической сфере в России (который проходит этапы формирования практик корпоративных демографических политик, тиражирования опыта, развития позиции корпоративной гражданственности) через систему общих и специфических для отдельных интересантов показателей. Общие индикаторы оценивают одни и те же аспекты этого процесса с позиции различных потенциально вовлечённых в него сторон (например, понимание органами публичного управления, бизнесом, работниками возможностей влияния предприятий на демографическую ситуацию через корпоративные меры; оценка необходимости вовлечения предприятий в демографическую повестку и др.), а специфические предполагают замеры для отдельных групп интересантов (например, для работодателей — степень вовлеченности в процесс и оценка потенциальных эффектов, для работников — степень удовлетворённости, динамика репродуктивных намерений, для органов публичного управления — нацеленность на разработку мер поддержки предприятий, вовлечённых в демографическую повестку).

Заключение

Решение вопросов, связанных с низкой рождаемостью, является сегодня одним из важнейших приоритетов российского государства. Если раньше корпоративные демографические политики реализовывались в нашей стране «факультативно» и эпизодически, отдельными предприятиями, то сейчас постановка этого вопроса выходит на новый уровень — разработки стандартов данной деятельности, распространения практик корпоративной демографи-

ческой политики на предприятия разных регионов, сфер деятельности и размеров. Проведённый анализ показал, что реализация корпоративных демографических политик зарубежными учёными до сих пор не рассматривалась с позиции корпоративной гражданственности.

На новом этапе развития нашей страны, когда вопросы поддержки семей с детьми и роста рождаемости ставятся в национальные цели и задачи, необходима новая риторика для реализации этого направления социальной политики предприятий. Рассмотрение корпоративных демогра-

фических политик с позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере ставит их на новый уровень, повышая возможности тиражирования конкретных практик, и роста социальной и экономической эффективности политик в целом. Продолжение исследования предполагает эмпирическое изучение интересантов, потенциально имеющих различное отношение к реализации позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере и не всегда видящих эффекты от реализации или использования корпоративных демографических политик.

Литература и Интернет-источники

1. **Клупт, М.А.** Разработка стратегии демографического развития как поле междисциплинарного синтеза / М.А. Клупт // Леонтьевские чтения. Актуальные экономические проблемы России. — 2006. — № 4. — С. 26–40. EDN: TKMRYR
2. **Ростовская, Т.К.** Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, А.П. Багирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14. — № 5. — С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9; EDN: SZVVIW
3. **Немытов, А.А.** Успешные корпоративные практики российского бизнеса в сфере поддержки здоровья сотрудников / А.А. Немытов, О.М. Шубат // Human progress. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 20. DOI: 10.34709/IM.194.20; EDN: BKMNMS
4. **Тобышева, А.А.** Корпоративная демографическая политика: детерминанты и практики / А.А. Тобышева, О.М. Шубат // Human Progress. — 2024. — Т. 10. — Вып. 1. — С. 6. DOI: 10.34709/IM.1101.6; EDN: FBALPB
5. **Вавилова, А.С.** Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников, как конкурентное преимущество российских организаций / А.С. Вавилова, А.П. Багирова // Современная конкуренция. — 2022. — Т. 16. — № 4 (88). — С. 74–84. DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84; EDN: RZAGWY
6. **Шубат, О.М.** Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах / О.М. Шубат, А.П. Багирова, Д. Янь // Экономика региона. — 2022. — Т. 18. — № 4. — С. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-11; EDN: KGPWEO
7. **Александрова, О.А.** Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения / О.А. Александрова // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 150–162. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162; EDN: SLCFKI
8. **Перегудов, С.П.** Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии / С.П. Перегудов, И.С. Семененко. — Москва : Прогресс Традиция, 2008. — 447 с. EDN: SUPJHZ
9. **Kim, J.** Family-Friendly Human Resource Policy: Is It Still Working in the Public Sector? / J. Kim, M.E. Wiggins // Public Administration Review. — 2011. — No. 71. — P. 728–739. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02412.x
10. **Bourhis, A.** Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? / A. Bourhis, R. Mekkaoui // Relations Industrielles / Industrial Relations. — 2010. — No. 65(1). — P. 98–117. DOI: 10.2307/23078261

11. **Xu, S.** New progress in research on family-friendly welfare in enterprises: a review of influencing factors and effects from a social point of view / S. Xu, L. Li, S. Lai, Y. Lu // *Development of Human Resources*. — 2021. — No. 38(1). — P. 113–129. DOI: 10.16471/j.cnki.11-2822/c.2021.2.008 (In Chinese)
12. **Hao, Y.** A review of research and the status of implementation of family-oriented policies / Y. Hao, Y. Wang, H. Lu // *Human Resource Development in China*. — 2016. — No. 23. — P. 41–49. (In Chinese)
13. **Витик, С.В.** Стимулирование репродуктивного труда на российских предприятиях (механизм и оценка эффективности): диссертация / С.В. Витик. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2012. — 160 с. EDN: QGBLFZ
14. **Capriotti, P.** Corporate citizenship and public relations: The importance and interactivity of social responsibility issues on corporate websites / P. Capriotti, Á. Moreno // *Public Relations Review*. — 2007. — Vol. 33. Iss. 1. — P. 84–91. DOI: 10.1016/j.pubrev.2006.11.012
15. **Gürlek, M.** Corporate social responsibility and work engagement: Evidence from the hotel industry / M. Gürlek, M. Tuna // *Tourism Management Perspectives*. — 2019. — Vol. 31. — P. 195–208. DOI: 10.1016/j.tmp.2019.05.004
16. **John, A.** Getting paid to be good: How and when employees respond to corporate social responsibility? / A. John, F. Qadeer, G. Shahzadi, F. Jia // *Journal of Cleaner Production*. — 2019. — Vol. 215. — P. 784–795. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.01.074
17. **Kruggel, A.** Corporate citizenship: Structuring the research field / A. Kruggel, V. Tiberius, M. Fabro // *Sustainability (Switzerland)*. — 2020. — No. 12(13). — P. 1–19. DOI: 10.3390/su12135289
18. **Laksmana, I.** Corporate citizenship and earnings attributes / I. Laksmana, Y.-wen Yang // *Advances in Accounting*. — 2009. — Vol. 25. Iss. 1. — P. 40–48. DOI: 10.1016/j.jadiac.2009.02.001
19. **Li, Z.D.** Family-friendly policy evolution: a bibliometric study / Z.D. Li, B. Zhang // *Humanities and Social Sciences Communications*. — 2023. — No. 10(1). — P. 1–17. DOI: 10.1057/s41599-023-01784-x
20. **Su, Z.-qin.** Directors' prior life experience and corporate donations: Evidence from China / Z.-qin Su, Y. Xu, Z. Xiao, H.G. Fung // *North American Journal of Economics and Finance*. — 2020. — Vol. 53. — Article Number 101191. DOI: 10.1016/j.najef.2020.101191
21. **Tutton, J.** Should business have 'a sense of morality'? Company director views on corporate engagement with socio-political issues / J. Tutton, V. Brand // *Public Relations Review*. — 2023. — Vol. 49. Iss. 1. — Article Number 102278. DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102278
22. **Warhurst, A.** Future roles of business in society: The expanding boundaries of corporate responsibility and a compelling case for partnership / A. Warhurst // *Futures*. — 2005. — Vol. 37. Iss. 2–3. — P. 151–168. DOI: 10.1016/j.futures.2004.03.033
23. **Ростовская, Т.К.** Семья и демографические процессы в современной России / Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, [и др.]. — Москва : Экон-Информ, 2021. — 257 с. EDN: IWUIJX
24. **Рязанцев, С.В.** Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, [и др.]. — Москва : Перспектива, 2022. — 108 с. EDN: YHMZPP
25. **Рыбаковский, Л.Л.** Рождаемость населения регионов России в конце XX — начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 111–124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124; EDN: PEYBVC
26. **Шабунова, А.А.** Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 123–134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10; EDN: PWJWQK

Сведения об авторе:

Багирова Анна Петровна, д.э.н., к.соц.н., проф., проф. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru; ORCID: 0000-0001-5653-4093; РИНЦ SPIN-код: 4288-4508.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39

CORPORATE CITIZENSHIP IN THE DEMOGRAPHIC SPHERE AS A NEW RESEARCH TOPIC IN MODERN RUSSIA

Anna P. Bagirova

Ural Federal University
(19 Mira str., Ekaterinburg, Russia, 620002)

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Funding:

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00854. URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>.

For citation:

Bagirova A. P. Corporate citizenship in the demographic sphere as a new research topic in modern Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 27-39. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39 (in Russ.)

Abstract. Addressing issues related to low fertility is one of the most important priorities of the Russian state today. The article is devoted to the currently widely discussed problem of involving enterprises in supporting the fulfillment of family responsibilities by their employees. It is proved that due to the inclusion of support for families with children and birth rate growth in the national development goals of Russia, implementation of corporate demographic policies today can no longer be considered as a local measure of employee support, but as a position of corporate citizenship taken by the management of enterprises implementing appropriate support measures. The purpose of the study is to consider dynamics in the development of scientific discourse on the topics related to support of employers for fulfillment of parental duties by employees, and to develop a conceptual approach to the study of this topic in modern Russia. A scientometric analysis of the literature on corporate citizenship and corporate demographic policy indexed in the Web of Science International scientific citation database for 1990–2024 showed that most of the research is focused on a small circle of countries and does not include Russia, there is currently no simultaneous formulation of issues of corporate citizenship and policies friendly to workers' families. The article presents a conceptual model for studying the process of involving employers in solving demographic problems of the country. Public administration bodies, employers and employees are identified as the main stakeholders in this process. The conceptual approaches include interconnectedness and necessity of balancing the interests of participants in the process of business inclusion in solving demographic problems, consideration of corporate citizenship in the demographic sphere as a special position of the employer in this process, and comprehensive studying the process of its formation in modern Russia.

Keywords: corporate citizenship in the demographic sphere; corporate demographic policy; family-friendly policy of employees.

References and Internet sources

1. Klupt M.A. Razrabotka strategii demograficheskogo razvitiya kak pole mezhdistsiplinarnogo sinteza [Development of demographic development strategy as the field of interdisciplinary synthesis]. Leont'yevskiy chteniye. Aktual'nyye ekonomicheskiye problemy Rossii [Leontiev Readings: Topical Economic Problems of Russia]. 2006. No. 4. P. 26–40. (in Russ.)
2. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. Kontseptsiya korporativnoy demograficheskoy politiki rossijskikh organizatsiy v kontekste sotsial'noj otvetstvennosti biznesa [The concept

- for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9 (in Russ.)
3. Nemytov A.A., Shubat O.M. Uspeshnyje korporativnyje praktiki rossijskogo biznesa v sfere podderzhki zdorov'ya sotrudnikov [Successful Russian business practices of supporting employee health]. *[Human Progress]*. 2023. Vol. 9. No. 4. P. 20. DOI: 10.34709/IM.194.20 (in Russ.)
 4. Tobysheva A.A., Shubat O.M. Korporativnaya demograficheskaya politika: determinanty i praktiki [Corporate demographic policy: determinants and practices]. *[Human Progress]*. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 6. DOI: 10.34709/IM.1101.6 (in Russ.)
 5. Vavilova A.S., Bagirova A.P. Korporativnaya politika, orientirovannaya na sem'i rabotnikov, kak konkurentnoje preimushchestvo rossijskikh organizatsij [Integration of Family-friendly Policies into the Corporate Culture of the Organization: Benefits and Effects]. *Sovremennaya konkurentsia [Journal of Modern Competition]*. 2022. Vol. 16. No. 4(88). P. 74–84. DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-4-74-84 (in Russ.)
 6. Shubat O.M., Bagirova A.P., Yan D. Korporativnaya politika, orientirovannaya na sem'i rabotnikov: potentsial vnedreniya v rossijskikh regionakh [Corporate family-friendly policies: The possibility of implementation in Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-11 (in Russ.)
 7. Aleksandrova O.A. Problema defitsita kadrov v promyshlennom sektore ekonomiki: prichiny i napravleniya resheniya [The problem of personnel shortage in the industrial sector of the economy: reasons and directions for solution]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 150–162. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 (in Russ.)
 8. Peregudov S.P., Semenenko S.P. Korporativnoje grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossijskije realii [Corporate Citizenship: Concepts, World Practice and Russian Realities]. Moscow. Progress Traditsiya [Progress Tradition]. 2008. 447 p. (in Russ.)
 9. Kim J., Wiggins M.E. Family-friendly human resource policy: Is it still working in the public sector? *Public Administration Review*. 2011. № 71. P. 728–739. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02412.x
 10. Bourhis A., Mekkaoui R. Beyond work-family balance: Are family-friendly organizations more attractive? *Relations Industrielles / Industrial Relations*. 2010. № 65(1). P. 98–117. DOI: 10.2307/23078261
 11. Xu S., Li L., Lai S., Lu Y. New progress in research on family-friendly welfare in enterprises: a review of influencing factors and effects from a social point of view. *Development of Human Resources*. 2021. № 38 (1). P. 113–129. DOI: 10.16471/j.cnki.11-2822/c.2021.2.008 (in Chinese)
 12. Hao Y., Wang Y., Lu H. A review of research and the status of implementation of family-oriented policies. *Human Resource Development in China*. 2016. No. 23. P. 41–49. (in Chinese)
 13. Vitik S.V. Stimulirovaniye reproduktivnogo truda na rossijskikh predpriyatiyakh: mekhanizm i otsenka effektivnosti [Stimulation of Reproductive Labor at Russian Enterprises: mechanism and Assessment of Effectiveness]. Dissertation. Ekaterinburg. Ural'skij federal'nyj universitet [Ural Federal University]. 2012. 160 p. (in Russ.)
 14. Capriotti P., Moreno Á. Corporate citizenship and public relations: The importance and interactivity of social responsibility issues on corporate websites. *Public Relations Review*. 2007. Vol. 33. Iss. 1. P. 84–91. DOI: 10.1016/j.pubrev.2006.11.012
 15. Gürlek M., Tuna M. Corporate social responsibility and work engagement: Evidence from the hotel industry. *Tourism Management Perspectives*. 2019. Vol. 31. P. 195–208. DOI: 10.1016/j.tmp.2019.05.004
 16. John A., Qadeer F., Shahzadi G., Jia F. Getting paid to be good: How and when employees respond to corporate social responsibility? *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 215. P. 784–795. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.01.074
 17. Kruggel A., Tiberius V., Fabro M. Corporate citizenship: Structuring the research field. *Sustainability (Switzerland)*. 2020. Vol. 12(13). P. 1–19. DOI: 10.3390/su12135289

18. Laksmana I., Yang Y.-wen. Corporate citizenship and earnings attributes. *Advances in Accounting*. 2009. Vol. 25. Iss. 1. P. 40–48. DOI: 10.1016/j.adiac.2009.02.001
19. Li Z.D., Zhang B. Family-friendly policy evolution: a bibliometric study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10(1). P. 1–17. DOI: 10.1057/s41599-023-01784-x
20. Su Z.-qin, Xu Y., Xiao Z., Fung H.G. Directors' prior life experience and corporate donations: Evidence from China. *North American Journal of Economics and Finance*. 2020. Vol. 53. Article number 101191. DOI: 10.1016/j.najef.2020.101191
21. Tutton J., Brand V. Should business have 'a sense of morality'? Company director views on corporate engagement with socio-political issues. *Public Relations Review*. 2023. Vol. 49. Iss. 1. Article Number 102278. DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102278
22. Warhurst A. Future roles of business in society: The expanding boundaries of corporate responsibility and a compelling case for partnership. *Futures*. 2005. Vol. 37. Iss. 2–3. P. 151–168. DOI: 10.1016/j.futures.2004.03.033
23. Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N., Ivanova A.E., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G. Sem'ya i demograficheskiye protsessy v sovremennoj Rossii [Family and Demographic Processes in Modern Russia]. *Ekon-Inform. [Econ-Inform]*. 2021. 257 p. (in Russ.)
24. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N., et al. Demograficheskoye blagopoluchiy Rossii. Natsional'nyy demograficheskij doklad [Demographic Well-being of Russia. National Demographic Report]. Moscow. Perspektiva [Perspective]. 2022. 108 p. (in Russ.)
25. Rybakovsky L.L., Fadeeva T.A. Rozhdaemost' naseleniya regionov Rossii v kontse 20 — nachale 21 vv.: tendentsii, osobennosti i posledstviya [Fertility of the population of Russian regions in the late 20th — early 21st centuries: trends, features and consequences]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 111–124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124 (in Russ.)
26. Shabunova A.A., Leonidova G.V. Balans raboty i sem'i: otsenki uspekhnykh rabotayushchikh roditel' [Work-family balance: assessments of successful working parents]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 123–134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10 (in Russ.)

Information about the author:

Bagirova Anna Petrovna, Doctor of Economics, Candidate of Sociology, Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru; ORCID: 0000-0001-5653-4093; Elibrary SPIN-code: 4288–4508.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-40-50
EDN: WVTYNK

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ЭТАПАХ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА: ОТ ПЛАНИРОВАНИЯ ДО ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ

Русанова Н.Е.*, Назарова И.Б.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: ner238@rambler.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФ в рамках научного проекта № 23–28–00942. — URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00942/>.

Для цитирования:

Русанова Н.Е., Назарова И.Б. Эмоциональные проблемы на этапах репродуктивного выбора: от планирования до послеродовой депрессии // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 40-50. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-40-50; EDN: WVTYNK

Аннотация. Статья посвящена анализу основных особенностей психоэмоционального состояния женщин и его регулирования на разных этапах принятия репродуктивных решений: планирования беременности, сохранения беременности, родов. Долгое время эмоциональные особенности этих периодов оставались индивидуальной проблемой, выходящей за рамки интересов общества. При высокой нерегулируемой рождаемости эмоции обращали на себя внимание лишь в связи с состояниями, физически угрожающими жизни женщины и её последующей фертильности. Сегодня актуальность темы обусловлена институциональной равнозначностью всех вариантов репродуктивного выбора — от сознательного отказа от рождения детей, естественной беременности и самостоятельных родов до экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) с использованием донорских клеток, беременности с помощью суррогатных матерей, криоконсервации эмбрионов для «отложенных рождений». Все они характеризуются эмоциональным напряжением, смягчение которого возможно с учётом особенностей на каждом этапе репродуктивного выбора и социальной природы репродуктивных решений. В контексте пронаталистской демографической политики, предполагающей расширение масштабов социально-экономической помощи семьям с детьми, интерес вызывают две группы населения, отказывающегося от деторождения: женщины, которые боятся родов, и пациенты с бесплодием. Эмоционально проблематичен аборт, поскольку позволяет сохранить репродуктивное здоровье женщины, но часто сопровождается её личностными переживаниями. Психологическая помощь должна быть направлена, в том числе, на формирование репродуктивных установок подростков и смягчение последствий послеродовой депрессии.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, роды, аборт, эмоциональное здоровье, эмоционально-психологическое самочувствие.

Введение

Сегодня эмоциональное здоровье стало самостоятельным компонентом общественного здоровья, где особая роль отводится микросоциуму («ближнему кругу»), но на практике рассматривается, как правило, в контексте общего психологического благополучия или психического здоровья, детерминанты которого «включают в себя не только индивидуальные атрибуты, например, способность управлять собственными мыслями, эмоциями, поведением и взаимодействием с другими людьми, но также социальные, культурные, экономические, политические и экологические факторы, такие, как национальная политика, социальная защита, уровень жизни, условия работы и социальная поддержка окружающих»¹. Такое положение согласуется с тем, что репродуктивная сфера не является сугубо личной в силу институционализации сопровождения процессов естественного воспроизводства в медицинской, законодательной сфере и чувствительности общества к беременности, рождению детей или отказу от них.

Значительный пул исследований доказывает негативную связь психоэмоциональных факторов, прежде всего переживаний, стресса на негативное течение беременности и в целом на стремление зачать и родить ребёнка. Вместе с тем доказано и обратное — положительный эмоциональный фон и позитивные эмоции во время беременности связаны со снижением риска преждевременных родов и нормальным течением беременности [1], что обуславливает важность эмоционального здоровья для женщины, желающей стать матерью, и её близких.

В контексте пронаталистской демографической политики, предполагающей расширение масштабов социально-экономической помощи семьям с детьми, эмоциональные аспекты особенно важны для групп населения с диаметрально про-

тивоположными репродуктивными намерениями: женщин, принимающих решение о сохранении или прерывании беременности, и бесплодных женщин / мужчин / родительских пар, желающих родить ребёнка. На фоне виртуальной социализации усилился вклад эмоциональных компонентов в репродуктивное поведение женщин с патологической боязнью деторождения, однако результат в этом случае влияет не столько на текущую, сколько на будущую рождаемость. С точки зрения возможности последующих рождений актуализировались эмоциональные аспекты послеродовой депрессии и репродуктивного поведения подростков. Все это приводит к необходимости исследования взаимосвязей психоэмоционального состояния и выбора в пользу или против рождения ребёнка на разных этапах принятия репродуктивных решений: планирования беременности, сохранения беременности, родов. Цель данной работы — изучение эмоциональных составляющих репродуктивного выбора представителей различных групп населения, реальных и мнимых стереотипов в отношении проблем, связанных с репродукцией.

Эмпирическая база, методы, методология

Исследование проведено на основе официальных и отраслевых статистических показателей, прямо и косвенно характеризующих российскую рождаемость за 2000–2022 гг.,² использована международная статистика Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)³. На основе тематической вторичной социологической информации (анализ релевантной литературы за 1990–2023 гг.)⁴ и нормативно-правовых источников регулирования психоэмоционального состояния населения в репродуктив-

² Официальные статистические показатели // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/?ysclid=m5kdga2p63773013129> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Подростковая беременность. — URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-pregnancy> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ Исследовано 54 источника, часть из них вошли в статью. Источники указаны в постраничных ссылках и в списке использованной литературы.

¹ Comprehensive mental health action plan 2013–2030 (Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030). — Женева: ВОЗ, 2022. — URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240031029> (дата обращения: 02.06.2024).

ный период, включая приказы Министерства здравоохранения РФ (МЗ РФ). Проанализированы работы, позволяющие рассмотреть историю проблем эмоционально-психологического отношения к беременности и родам (женщин фертильного возраста и общества) и оценить эмоционально-психологическую составляющую репродуктивного выбора женщин различных возрастов, поскольку эта сфера является одной из наиболее эмоционально чувствительных. Применён контент-анализ описания эмоционально-психологического отношения к процессу планирования беременности, течению беременности, родам и возможных последствий репродуктивного поведения и установок, обобщены результаты изучения репродуктивного выбора.

Репродуктивные установки и поведение как важная сфера для индивида и общества могут быть обусловлены традициями, общественными и легитимными нормами, культурой и ценностями общества. Общественное мнение влияет на создание стереотипов, которые в разной степени соответствуют объективной реальности, становясь позитивными и негативными. Как правило, в основе социального стереотипа находится реальный психологический феномен, представляющий один из компонентов установки восприятия, которая аккумулирует предшествующий опыт индивида в своеобразный алгоритм отношения к соответствующему объекту⁵. Негативный стереотип в отношении социальной группы опасен, поскольку сформированный отрицательный образ может привести к образованию петли обратной связи в обществе, когда негативные явления усиливают друг друга (например, негативные образы группы и социальное положение группы взаимно усиливают друг друга) [2].

Эмоционально-обусловленный репродуктивный выбор и его последствия.

Даже благоприятный репродуктивный выбор — родить ребёнка и благополучное

течение беременности — без физиологических и психологических проблем, протекают с эмоциональными переживаниями и психологическими изменениями для женщины. На протяжении беременности сознание и самосознание женщин претерпевают ряд изменений: изменяется личностный статус женщины; изменяется восприятие себя как более эмпативной; эмоционально насыщенным становится образ материнства; изменяется и конкретизируется образ ребёнка, который включается в сферу самосознания женщины [3].

Одними из наиболее эмоционально сложных репродуктивных решений, являются связанные с сохранением беременности и с «нетерпением забеременеть» [4]. До сих пор, несмотря на современную эффективную контрацепцию, в мире остаётся распространённым аборт: около 60% нежелательных беременностей и 30% всех беременностей заканчиваются искусственным прерыванием⁶. Безопасный аборт в большинстве случаев сохраняет репродуктивное здоровье женщины, однако часто сопровождается личностными проблемами, значимость которых сохраняется десятилетиями: ухудшение психического состояния после аборта отмечалась у каждой третьей в опросе 1998 года [5]. Женщина, сделавшая аборт, может столкнуться с негативными последствиями не только медицинского, психологического, социального характера, но и духовных мучений: Церковь расценивает намеренное прерывание беременности как тяжкий грех [6]. Такое мнение для женщин может быть важным, несмотря на противоположное суждение, также существующее в обществе: государственная антиабортная политика сопутствует происходящим процессам ретрадиционализации идеологии и инструментов регулирования репродукции и сексуальности [7].

Абортная стигма приводит к отрицательным психологическим последствиям не только у самих женщин, но и у практикующих медиков, психологов и «третьих лиц», стремящихся облегчить эмоциональные

⁵ Философский энциклопедический словарь. — Москва: Советская энциклопедия, 1983. — С. 654

⁶ Руководство по уходу при прерывании беременности. — ВОЗ, 2022. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/360837> (дата обращения: 02.06.2024).

страдания. В связи с этим ВОЗ рекомендует упразднить такие меры, как требование разрешения третьих лиц (мужей, партнёров, родителей или опекунов, а также органов здравоохранения), предвзятые консультации, обязательные периоды выжидания, ограничения, связанные с незамужним статусом женщины, используя для этого все современные способы распространения информации.

Ещё сильнее стигматизировано бесплодие, поскольку наличие детей и сегодня остаётся негласным условием успешности человека, социально одобряется, а невозможность родить ребёнка приводит к эмоциональным отклонениям в виде снижения самооценки, чувства собственной неполноценности и одиночества, повышенной тревожности, страхов, разводам [8]. Поскольку вопрос деторождения до сих пор не везде является пространством исключительно частных решений, бездетность делает нормой обязательное материнство, а бесплодие становится маркером «социальной дефектности», «вина» за которую явно или скрыто перекладывается на женщину, усугубляя ещё и психологические проблемы [9].

По мнению врачей, у 5–10% женщин, которые в течение долгого времени не могут забеременеть, диагностируется психологическое бесплодие (идиопатическое), главной особенностью которого является невозможность зачатия при отсутствии объективных причин. В группу риска входят финансово обеспеченные женщины 30–35 лет, сосредоточенные на карьере и постоянном профессиональном самосовершенствовании, а также эмоционально незрелые женщины, сильно зависимые от мнения окружающих⁷. При длительном и безрезультатном лечении от бесплодия возникает «кризис бесплодия», связанный с проблемой неполноценности и «социальной незаконченности» [10], нарушается эмоциональная сфера брака. Программы ВРТ, особенно с участием третьих лиц (репродуктивное донорство, суррогатное материнство), ещё больше повышают тревожность и стресс [11].

⁷ Гайнулин Э.Р. Психогенное бесплодие. — URL: <https://rehabfamily.com/articles/psikhogennoe-besplodie/> (дата обращения: 25.07.2024).

Расстройства эмоций из-за невозможности забеременеть связаны с тем, что потенциальные родители выпадают из психосоциальных ролей и развивают в себе социальную фобию, стигматизация которой строится на чувстве вины и в некоторых случаях косвенно поддерживается средствами массовой информации: «Я успела купить квартиру и отремонтировать дом. Но я не успела стать мамой. Жалею»⁸. Женщины в бесплодных парах сообщали о плохой семейной адаптации и качестве жизни, у мужчин возникали сложности из-за психологического давления и вынужденного приспособления супружеских контактов к физиологическому циклу [12]. Такое эмоциональное бремя бесплодия свидетельствует о необходимости разносторонней психологической поддержки пациентов.

Предметом особого внимания остаётся эмоциональное здоровье подростков, только формирующих свои репродуктивные ориентиры. Подростковая беременность является глобальным явлением с хорошо известными причинами и серьёзными медицинскими, социальными и экономическими последствиями. За 2000–2023 гг. рождаемость несовершеннолетних в мире снизилась с 64,5 рождений на 1000 женщин 15–19 лет до 41,3⁹, и, хотя показатели заметно дифференцируются по странам, а сама беременность не всегда ожидаема и желанна, у матерей возраста 12–17 лет рождаются не только первенцы. Например, в России в 2023 г. возрастной коэффициент рождаемости среди подростков 10–14 лет составил 0,1%, 15–19 лет — 12,4%¹⁰; в 2021 г. на долю российских матерей моложе 20 лет пришлось 3,55% всех рождений¹¹. Число

⁸ Opolska Z. Niepłodność boli bardziej niż depresja. — URL: www.medonet.pl 16.05.2018 (дата обращения: 31.07.2024).

⁹ Подростковая беременность. — URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-pregnancy> (дата обращения: 02.06.2024).

¹⁰ Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе (3.7.2). — URL: <https://fedstat.ru/indicator/58677> (дата обращения: 02.12.2024).

¹¹ Естественное движение населения Российской Федерации в 2021 году. — Москва: Росстат. — С. 18. — URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 02.12.2024).

вторых и последующих рождений увеличивается с возрастом: у 19-летних матерей зафиксировано 67,35% рождений третьих детей среди матерей-подростков (359 чел.),

75,47% (40 чел.) — четвёртых детей и единственный в этой возрастной группе пятый ребенок (рис. 1а).

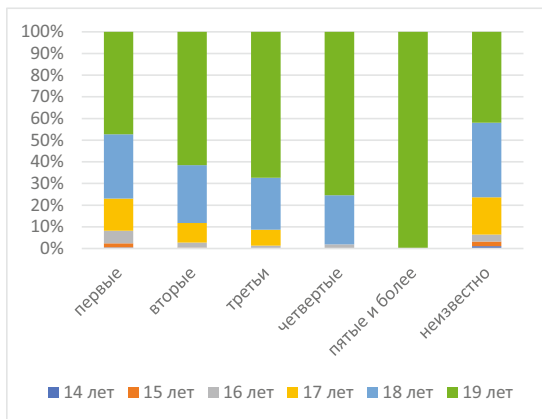

Рис. 1а. Структура родившихся живыми у подростков по возрасту матери и очередности рождений среди женщин 14–19 лет (%)

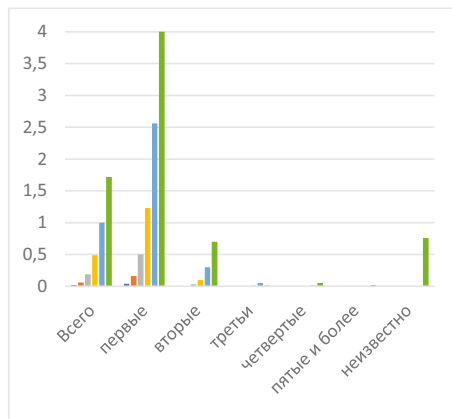

Рис. 1б. Структура родившихся живыми у подростков по возрасту матери и очередности рождений среди женщин всех возрастов (%)

Рис. 1. Структура родившихся по возрасту матери и очерёдности рождений у матерей-подростков в РФ

Fig. 1. Structure of births according to the age of mother and the order of births among adolescent mothers in the Russian Federation

Источник. Естественное движение населения Российской Федерации в 2021 году. — Москва : Росстат. — С. 18. — URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 02.12.2024).

Бесплодие в подростковом возрасте всегда было менее актуально, поскольку в большинстве случаев выявлялось после нескольких лет супружеских контактов. Совершенство диагностических возможностей репродуктологии «омолодило» эту патологию, однако расширение информационных контактов способствовало тому, что подростки не только спокойно воспринимают возможные трудности с появлением на свет желанных детей, но и учитывают их в новых социокультурных прокреативных нормах, обусловленных принципиальной возможностью медикализации процессов зачатия, беременности и родов [13].

Женщины испытывают страх как перед первыми родами, в том числе, исходя из имеющихся стереотипов, основанных на обобщении чужого опыта, и своего не-

удачного опыта предыдущих родов. В первом случае речь идёт прежде всего о токофобии — беспричинном страхе перед родами у женщин, стремящихся избежать родов, несмотря на желание иметь детей. Неудачные, сложные, травмирующие первые роды также вселяют в женщину страх, например, была установлена связь между экстренным кесаревым сечением и вакуум-экстракцией плода в ходе первых родов с возрастающим риском страха последующих родов. При этом ситуация усугублялась отсутствием социальной поддержки женщины [14]. Расстройство эмоций становится глобальной проблемой — по данным ВОЗ, депрессию испытывают более 10% беременных и только что родивших женщин во всем мире [15], а, по некоторым данным, до 25% отцов новорождённых [16].

Возможности государства по регулированию эмоционального состояния на этапах репродуктивного периода

Общественные потребности роста количества и качества рождений при сохранении репродуктивных возможностей населения обусловили усиление внимания к мерам по регулированию индивидуального физиологического процесса зачатия, родов и прерывания беременности. Все они характеризуются эмоциональным напряжением, смягчение которого возможно с учётом особенностей на каждом этапе репродуктивного выбора и социальной природы репродуктивных решений. Для всех важен «положительный опыт родов», соответствующий личным ожиданиям, подразумевающий рождение здорового ребёнка в безопасном окружении, с физической и эмоциональной поддержкой, в том числе, со стороны партнёров и доброжелательного компетентного медицинского персонала. Это требует мер на межличностном уровне (между женщиной и медицинскими работниками), а также на уровне учреждения здравоохранения и системы здравоохранения в целом¹². Этому способствует включение функций по применению современных методов профилактики абортот и оказанию медицинской помощи в связи с искусственным прерыванием беременности в деятельность Центров охраны здоровья семьи и репродукции, для чего штатным расписанием предусматривается врач-психотерапевт (медицинский психолог) — не менее одной должности в отделении охраны репродуктивного здоровья, и медицинский психолог — одна должность на восемь должностей врачей-специалистов, ведущих консультативный приём в иных структурных подразделениях¹³.

¹² WHO recommendations on intrapartum care for a positive childbirth experience (Рекомендации ВОЗ по уходу в интранатальный период для формирования положительного опыта родов). — Женева: ВОЗ; 2021. — Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

¹³ Приказ МЗ РФ от 20 октября 2020 г. № 1130н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю «Акушерство и гинекология», Приложения 1, 32, 33, 41, 42. — URL: <https://base.garant.ru / 74840123 /> (дата обращения: 25.07.2024).

Поскольку нормативы не распространяются на негосударственные медицинские организации, появляется возможность организовать альтернативные консультации в период беременности и родов, например, по телефону доверия. Федеральные меры дополняются региональными: например, в Тульской области предусматривается возможность для женщин в послеродовом периоде, не посещавшим школу молодых мам, обратиться к психологу по поводу послеродового невроза или депрессии¹⁴. Московская городская служба психологической помощи населению предоставляет пять бесплатных консультаций¹⁵.

Психоэмоциональные проблемы, связанные с репродуктивными планами несовершеннолетних, решаются в Центрах охраны репродуктивного здоровья подростков (ЦОРЗП), которые обеспечивают профилактическую и организационно-методическую работу, оказывают консультативную, лечебно-диагностическую, реабилитационную и социально-психологическую, юридическую, помощь подросткам в возрасте от 10 до 17 лет включительно, направленную на сохранение их репродуктивного здоровья. Функции ЦОРЗП включают оказание психологической и психотерапевтической помощи подросткам и членам их семей при наличии у подростков эмоциональных нарушений, расстройств поведения и половой идентификации, сексуального предпочтения и полоролевого поведения, нервно-психических расстройств после сексуального насилия и аборта, при нежеланной беременности. Для этого в штате предусмотрен врач-психотерапевт (одна должность) и медицинский психолог (одна должность на 25 тыс. детского населения)¹⁶.

¹⁴ Литвинова М. Материнское несчастье: как справиться с послеродовой депрессией // Известия, 17 февраля 2022. — URL: <https://iz.ru / 1291568 / marta-litvinova / materinskoe-neschaste-kak-spravitsia-s-poslerodovoi-depressiei> (дата обращения: 25.07.2024).

¹⁵ URL: <https://msph.ru / gde-poluchit-uslugi> (дата обращения: 25.07.2024).

¹⁶ Приказ МЗ РФ от 20 октября 2020 г. № 1130н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю «Акушерство и гинекология», Приложения 1, 32, 33, 41, 42. — URL: <https://base.garant.ru / 74840123 /> (дата обращения: 25.07.2024).

Заклучение

Современный репродуктивный выбор сопровождается эмоциональными проблемами на всех его этапах: от принятия решения о будущем рождении до послеродового периода. Репродуктивное поведение и установки, в основном, обусловлены традиционными ценностями, преобладающими в нашем обществе: ценностью семьи, детей, материнства, что, в свою очередь, сформировало основной позитивный стереотип и показало успешности женщины — ценность наличия ребёнка. Но параллельно сохраняются и негативные стереотипы, доходящие до стигматизации с соответствующими психологическими последствиями — бесплодие трактуется как наказание, что ведёт к негативным последствиям в системе внутрисемейных коммуникаций и психологическим проблемам при лечении. Отказ от рождения ребёнка, в том числе прерывание беременности, ведёт женщину к постабортному синдрому, негативно влияя на эмоциональное самочувствие её близких и медицинских работников, участвующих в аборте. Репродуктивное донорство как одно из решений проблемы бесплодия может создавать психологические проблемы донорам, особенно если основным мотивом является потребность в материальных средствах.

Сегодня важность эмоционального состояния как элемента влияния на индивидуальный репродуктивный выбор достигла такой степени, что стала учитываться в программах обязательной медицинской помощи. Общедоступность методов современной репродуктологии увеличивает зна-

чимость немедицинских аспектов при принятии решений относительно числа детей, времени их рождения. Усиление влияния эмоционально-психологических факторов рождаемости обусловило необходимость стимулирования пронаталистских репродуктивных намерений и разработки мер реализации пронаталистского репродуктивного выбора, учитывающих специфику разных групп населения со скрытым «репродуктивным потенциалом».

Численность групп, их потенциальный вклад в рождаемость и возможные меры регулирования различны. На этапе принятия решения о рождении детей две категории населения хотят иметь детей, но боятся или не могут по состоянию здоровья — это репродуктивно здоровые женщины с патологическим страхом деторождения, и бесплодные женщины и мужчины. Они могут реализовать свои намерения при условии оказания квалифицированной психологической помощи, семейной психотерапии, корректной трактовки результатов проведённых процедур и прочего.

Другую группу со специфическими эмоциональными проблемами составляют женщины, собирающиеся, по разным причинам, прервать беременность, то есть текущие репродуктивные планы антинаталистские, что не означает их неизменности в будущем, поэтому психологическая помощь должна быть направлена на «репродуктивный разворот» и смягчение последствий стигматизации абортов. Аналогичные меры могут быть эффективны при лечении послеродовой депрессии и формировании репродуктивных установок подростков.

Литература и интернет-источники

1. **Voellmin, A.** Maternal positive affect over the course of pregnancy is associated with the length of gestation and reduced risk of preterm delivery / A. Voellmin, S. Entringer, N. Moog, P.D. Wadhwa, C. Buss // *Journal of Psychosomatic Research*. — 2013. — Vol. 75. — No 4. — P. 336–340. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2013.06.031
2. **Pitchford, S.R.** Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation / S.R. Pitchford // *Sociological Perspectives*. — 2001. — Vol. 44. — No. 1. — P. 45–65.
3. **Брутман, В.И.** Психологическое состояние и речь женщин на различных этапах репродуктивного цикла в норме и в кризисных ситуациях / В.И. Брутман, Н.И. Миронова, С.Н. Ениклопов, [и др.] // Информационный бюллетень РФФИ № 7. — Москва : Жизнь и мысль, 1999. — 192 с.

4. **Léridon, H.** Sterility and subfecundity: from silence to impatience? / H. Léridon // Population: an English Selection. — 1992. — No. 4. — P. 35–54.
5. **Sotnikova, E.I.** Why do women in Russia prefer abortions to modern methods of contraception? / E.I. Sotnikova, L.D. Efremova, N.E. Rusanova // Book of abstracts of IFFS'98. — San-Francisko: American Society for reproductive medicine, 1998. — P. 5.
6. **Ветошкина, У.В.** Церковь и медицина об аборте / У.В. Ветошкина, А.В. Смирнова // Церковь и медицина. — 2021. — № 1(20). — С. 157–165. EDN: TXAMLL
7. **Чернова, Ж.В.** Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики / Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская // Демографическое обозрение. — 2021. — Том 8. — № 2. — С. 27–50. DOI: 10.17323 / demreview.v8i2.12781; EDN: NFQYJC
8. **Карымова, О.С.** Социально-психологические особенности репродуктивной установки бесплодных мужчин и женщин. Диссертация на соискание учёной степени к.псих.н. по специальности «Социальная психология» 19.00.05 / О.С. Карымова. — Санкт-Петербург, 2010. — 241 с. EDN: QEOVHR
9. **Фоменко, Г.Ю.** Психологические аспекты женского бесплодия в ракурсе экзистенциальной проблематики / Г.Ю. Фоменко // Кубанский научный медицинский вестник. — 2006 — № 5–6. — С. 144–147. EDN: HUMWYJ
10. **Шенкер, Дж.** Стресс и бесплодие / Дж. Шенкер // Акушерство и гинекология. — 1993. — № 2. — С. 39–42.
11. **Аникина, В.О.** Психическое здоровье женщин во время беременности, исходы родов и здоровье детей первого года жизни / В.О. Аникина, И.А. Аринцина, Е.Д. Эрнепесова // Репродуктивные технологии сегодня и завтра. Материалы XXXII Ежегодной Международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека (Казань, 7–10 сентября 2022 г.). — Казань, 2022. — С. 117–118.
12. **Dunson D.B.** Day-specific probabilities of clinical pregnancy based on two studies with imperfect measures of ovulation / D.D. Dunson, D.D. Baird, A.J. Wilcox, C.R. Weinberg // Human Reproduction. — 1999 — No. 14. — P. 1835–1839.
13. **Русанова Н.Е.** Социально-демографические особенности прокреативного поведения в условиях рутинизации вспомогательных репродуктивных технологий / Н.Е. Русанова, О.Г. Исупова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2021. — № 3. — С. 361–369. DOI: 10.17072 / 2078-7898 / 2021-3-361-369; EDN: THUQRU
14. **Ланцбург М.Е.** Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов / М.Е. Ланцбург, Т.В. Крысанова, Е.В. Соловьева // Электронный журнал «Современная зарубежная психология», — 2016. — Т. 5. — № 2. — С. 78–87. DOI: 10.17759 / jmf.2016050210; EDN: WJIAEB
15. **Woody, C.A.** A systematic review and meta-regression of the prevalence and incidence of perinatal depression / C.A. Woody, A.J. Ferrari, D.J. Siskind, H.A. Whiteford, M.G. Harris // Journal of Affective Disorders. — 2017. — No. 219. — P. 86–92.
16. **Paulson, J.F.** Focusing on depression in expectant and new fathers: prenatal and postpartum depression not limited to mothers / J.F. Paulson // Psychiatric Times. — 2010. — Vol. 27. — No. 2. — P. 48–50.

Сведения об авторах:

Русанова Нина Евгеньевна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ner238@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1859-2345; РИНЦ SPIN-код: 3843–1573.

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; РИНЦ SPIN-код: 5172–5164.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-40-50

EMOTIONAL PROBLEMS AT THE STAGES OF REPRODUCTIVE CHOICE: FROM PLANNING TO POSTPARTUM DEPRESSION

Nina E. Rusanova*, Inna B. Nazarova

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: ner238@rambler.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of the RSF grant, project № 23–28–00942. – URL: <https://rscf.ru / project / 23–28–00942 />.

For citation:

Rusanova N.E., Nazarova I.B. Emocional'nye problemy na etapah reproduktivnogo vybora: ot planirovaniya do poslerodovoj depressii [Emotional problems at the stages of reproductive choice: from planning to postpartum depression]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 40–50. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-40-50 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to analysis of the main features of the psycho-emotional state of women and its regulation at different stages of reproductive decision-making: pregnancy planning, pregnancy preservation, childbirth. For a long time, the emotional characteristics of these periods remained an individual problem that went beyond the interests of society. With a high unregulated birth rate, emotions attracted attention only in connection with conditions that physically threaten a woman's life and her subsequent fertility. Today, the relevance of the topic is due to the institutional equivalence of all options for reproductive choice — from conscious refusal to give birth to children, natural pregnancy and independent childbirth to in vitro fertilization (IVF) using donor cells, pregnancy with the help of surrogate mothers, cryopreservation of embryos for «delayed births», and so on. All of them are characterized by emotional stress, the mitigation of which is possible taking into account the peculiarities at each stage of reproductive choice and the social nature of reproductive decisions. In the context of the pronatal demographic policy, which involves expanding the scope of socio-economic assistance to families with children, two groups of the population who refuse to procreate are of interest: women who are afraid of childbirth, and patients with infertility. Abortion is emotionally flawed, because, even performed by qualified specialists, it allows to preserve woman's reproductive health, but it is often accompanied by personal problems that are not considered as a deviation from the population norm; this is how abortion differs from the pathological fear of childbirth, which was classified as an independent phobia («tokophobia») in 2000. Current reproductive plans at the stage of decision on artificial termination of pregnancy are considered antinatal, although they may change in the future, therefore psychological assistance should be aimed at «forming reproductive attitudes of adolescents and mitigating the consequences of stigmatization of abortions. Similar measures are also effective in the treatment of postpartum depression.*

Keywords: reproductive behavior, childbirth, abortion, emotional health, psycho-emotional state.

References and Internet sources

- Voellmin A., Entringer S., Moog N., Wadhwa P.D., Buss C. Maternal positive affect over the course of pregnancy is associated with the length of gestation and reduced risk of preterm delivery. *Journal of Psychosomatic Research*. 2013. Vol. 75. No. 4. P. 336–340. DOI: 10.1016 / j.jpsychores.2013.06.031
- Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation. *Sociological Perspectives*. 2001. Vol. 44. No. 1. P. 45–65.
- Brutman V.I., Mironova N.I., Enikolopov S.N., et al. Psikhologicheskoye sostoyaniye i rech' zhenshchin na razlichnykh etapakh reproduktivnogo tsikla v norme i v krizisnykh situatsiyakh. [The psychological state and speech of women at various stages of the reproductive cycle in normal and crisis situations]. *Informatsionnyy byulleten' RFFI*, 7. [RFFR Newsletter No. 7]. Moscow. 1999. 192 p. (in Russ.)
- Léridon H. Sterility and subfecundity: from silence to impatience? *Population: an English Selection*. 1992. No. 4. P. 35–54.
- Sotnikova E.I., Efremova L.D., Rusanova N.E. Why do women in Russia prefer abortions to modern methods of contraception? *Book of Abstracts of the IFFS World Congress*. San Francisco. American Society for Reproductive Medicine. 1998. P. 5.
- Vetoshkina U.V., Smirnova A.V. Tserkov' i meditsina ob aborte. [Church and medicine about abortion]. *Tserkov' i meditsina [Church and Medicine]*. 2021. No. 1(20). P. 157–165. (in Russ.)
- Chernova Zh. V., Shpakovskaya L.L. Antiabortnaya povestka v konservativnom diskurse sovremennoj Rossii: ideologicheskije kampanii, pravovyje initsiativy i regional'nyje praktiki. [The anti-abortion agenda in the conservative discourse in Russia: ideological campaigns, legal initiatives and regional practices]. *Demograficheskoye obozreniye. [Demographic Review]*. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 27–50. (in Russ.)
- Karymova O.S. Sotsial'no-psihologicheskije osobennosti reproduktivnoj ustanovki besplodnykh muzhchin i zhenshchin. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psihologicheskikh nauk. [Socio-Psychological Specifics of the Reproductive Attitudes of Infertile Men and Women]. Cand. Diss. Saint-Petersburg. 2010. (in Russ.)
- Fomenko G. Yu. Psihologicheskije aspekty zhenskogo besplodiya v rakurse ekzistentsial'noj problematiki. [Psychological aspects of female infertility within the perspective of existential problems]. *Kubanskij nauchnyy meditsinskij vestnik. [Kuban Scientific Medical Bulletin]*. 2006. No. 5–6. P. 144–147. (in Russ.)
- Shenker J. Stress i besplodie. [Stress and infertility]. *Akusherstvo i ginekologiya. [Obstetrics and Gynecology]*. 1993. No. 2. P. 39–42. (in Russ.)
- Anikina V.O., Arincina I.A., Ernepesova E.D. Psihicheskoye zdorovye zhenshchin vo vremya beremennosti, ishody rodov i zdorovye detej pervogo goda zhizni [Mental health of women during pregnancy, the outcomes of childbirth and the health of children in the first year of life.]. *Reproduktivnyje tehnologii segodnya i zavtra. Materialy 32 Yezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii Rossijskoj Assotsiatsii Reproduktivnoy Cheloveka [Reproductive Technologies Today and Tomorrow. Proceedings of the XXXII Annual international conference of the Russian Association of Human Reproduction (September 7–10, 2022, Kazan)]*. Kazan. 2022. P. 117–118. (in Russ.)
- Dunson D.B., Baird D.D., Wilcox A.J., Weinberg C.R. Day-specific probabilities of clinical pregnancy based on two studies with imperfect measures of ovulation. *Human Reproduction*. 1999. No. 14. P. 1835–1839.
- Rusanova N.E., Isupova O.G. Sotsial'no-demograficheskije osobennosti prokreativnogo povedeniya v usloviyakh rutinizatsii vspomogatel'nykh reproduktivnykh tehnologij. [Sociodemographic features of procreative behavior in the routine use of assisted reproductive technologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]*. 2021. No. 3. P. 361–369. DOI: 10.17072 / 2078-7898 / 2021-3-361-369 (in Russ.)
- Lantsburg M.E., Krysanova T.V., Solovyeva E.V. Psikhologicheskije i psikhosomaticheskije narusheniya v period beremennosti i rodov. [Psychological and psychosomatic disorders during pregnancy and childbirth]. *Elektronnyy zhurnal «Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya» [Journal of Modern Foreign Psychology]*. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 78–87. DOI: 10.17759 / jmfp.2016050210

15. Woody C.A., Ferrari A.J., Siskind D.J., et al. A systematic review and meta-regression of the prevalence and incidence of perinatal depression. *Journal of Affective Disorders*. 2017. No. 219. P. 86–92.
16. Paulson J.F. Focusing on depression in expectant and new fathers: prenatal and postpartum depression not limited to mothers. *Psychiatric Times*. 2010. Vol. 27. No. 2. P. 48–50.

Information about the author:

Rusanova Nina Evgenievna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ner238@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1859-2345; Elibrary SPIN-code: 3843–1573.

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; Elibrary SPIN-code: 5172–5164.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-51-63
EDN: XIDLIU

СЕМЬЯ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В ПАРАДИГМАХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Лещенко Я.А.

Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований
(665827, Россия, Ангарск, микрорайон 12а, 3)

E-mail: yaleshenko@gmail.com

Для цитирования:

Лещенко Я.А. Семья и естественное воспроизводство населения в парадигмах социально-демографического развития // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 51-63.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-51-63; EDN: XIDLIU

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей воспроизводства населения, обусловленных возникшим в постсоветский период и продолжающимся социально-демографическим кризисом, а также институциональным кризисом современной семьи. Информационной базой исследования послужили российские и зарубежные статистические источники (Росстат, база данных Всемирного банка). Рассмотрены особенности проявления кризиса семьи в российском обществе, факторы семейной дезинтеграции (рыночная экономика, идеология общества потребления, культура постмодерна, гедонизма, антисемейная и антинаталистская). Приведены примеры кризисов естественного воспроизводства населения в цивилизациях прошлого (Древние Греция и Рим), которые, во многом вследствие падения уровня рождаемости и убыли населения, сошли с исторической сцены. Приведён обзор современных концепций и подходов к повышению уровня естественного воспроизводства населения. Сделан вывод о том, что изменения в естественном воспроизводстве населения, происходящие в стране в последние десятилетия, свидетельствуют о снижении уровня национальной безопасности. Автор, как и другие специалисты, считает, что массовый несбалансированный миграционный приток из других стран в Россию на фоне суженного естественного воспроизводства коренного этноса может привести к постепенному изменению этнокультурного баланса и утрате русской цивилизационной идентичности. Поэтому крайне желательной, имеющей первостепенное значение для страны альтернативой является обеспечение расширенного естественного воспроизводства коренного населения, особенно государствообразующего народа, сокращение численности которого на протяжении десятилетий происходит, в силу ряда фундаментальных исторических причин, в недопустимой степени.

Ключевые слова: естественное воспроизводство населения, рождаемость, демографическая безопасность, социально-демографический кризис, демографическая политика, модели семьи.

Постановка проблемы

Для успешного развития общества ключевым понятием является «устойчивость», под которой обычно понимают сбалансированность элементов антропоэкосистемы государства [1; 2]. В постсоветский период из всех компонентов антропоэкосистемы на одно из первых мест среди современных угроз и противоречий развития России вышел демографический фактор. Поэтому особо пристального внимания заслуживает проблема демографической безопасности. С.В. Соболева с соавторами считают, что категория «демографическая безопасность» может быть представлена как «состояние защищённости жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды» [3]. Это и другие близкие к нему определения указывают на первостепенную значимость для обеспечения демографической безопасности страны стабильного естественного воспроизводства населения, которое можно рассматривать как базовое теоретическое понятие в этой сфере.

При формировании исследовательского подхода автор опирался на теоретические и методологические концепции, используемые российскими и зарубежными учёными при изучении семейно-демографических процессов. При этом основное внимание уделено таким проблемам и явлениям как особенности институционального кризиса семьи в современной России; социально-культурные феномены, ведущие к семейной дезинтеграции и разрушению традиционной семьи; негативные тенденции в естественном воспроизводстве населения, обусловленные изменениями ценностей семейно-детного образа жизни; роль культивируемых в западных странах неолиберальных воззрений, направленных на смену форм и статуса семьи в парадигме социально-демографического развития; критический анализ мер государственной власти по поддержке семей и стимулированию

рождаемости; способы решения проблемы естественного воспроизводства населения в некоторых развитых странах. Информационной базой исследования послужили российские и зарубежные статистические источники (Росстат, база данных Всемирного банка).

Семейно-демографические процессы и проблемы естественного воспроизводства населения России в конце XX — начале XXI века

Демографам, историкам хорошо известно: если в один и тот же отрезок времени численность одних народов быстро растёт, а других — сокращается, то судьба последних, как правило, становится незавидной. Разновекторность процессов естественного воспроизводства населения в государствах Евразии (в частности, в России и сопредельных странах) вполне может привести к смене этнокультурного состава населения. Поэтому страна, которая хочет сохранить свою национальную (цивилизационную) идентичность, не может допустить, чтобы численность её населения сокращалась быстрее, чем численность населения соседних стран. Особенно недопустимо, когда в стране идёт непрекращающийся процесс депопуляции, а численность населения других стран (в том числе сопредельных) растёт — и большими темпами. В рамках указанной проблемы для России, как государства-цивилизации, первостепенное значение имеет обеспечение расширенного естественного воспроизводства коренного населения. Только при этом условии может быть обеспечено сохранение и укрепление русской цивилизационной (наднациональной) идентичности и многонационального российского народа.

После распада СССР развитие российского общества вступило в полосу длительного социально-демографического кризиса. Основным проявлением кризиса стала огромная естественная убыль населения, ставшая результатом сокращения рождаемости и стремительного повышения смертности. В качестве главной причины этих явлений

отечественные и зарубежные авторы указывали на тяжелый системный (трансформационный) кризис, обусловленный распадом СССР, разрушением существовавшей социально-экономической и культурно-цивилизационной модели и её заменой [4–11]. Проявления российского социально-демографического кризиса были сильно отягощены тем обстоятельством, что развиваться этот процесс стал на фоне институционального кризиса современной семьи и снижения рождаемости в результате изменения ценностей семейно-детного образа жизни в современном обществе [12].

Существование и развитие в исторической перспективе любого этноса определяется, главным образом, характером воспроизводства населения. С этих позиций современную демографическую ситуацию в России можно охарактеризовать, как кризис семейности, кризис естественного воспроизводства населения [6; 12–14]. Естественное воспроизводство населения — процесс смены поколений в результате естественного движения населения (рождения и смерти). В развитых странах, где удалось снизить смертность до низких уровней (особенно смертность женщин активного репродуктивного возраста, материнскую смертность), основу естественного воспроизводства населения и обусловленного им изменения численности и состава населения в будущих поколениях определяет, главным образом, рождаемость. Рождаемость является интегральной характеристикой, отражающей взаимовлияние ряда факторов: модели социально-экономической системы, культуры, господствующих в обществе ценностей, приоритетов и моделей демографического поведения. На абсолютные и относительные уровни рождаемости влияют не только репродуктивные намерения, готовность и способность родить потомство, но и доля в структуре населения контингентов, обеспечивающих этот процесс.

Деторождение определяется ценностной ориентацией личности, а последняя определяется доминантами в культуре. В XX в. в странах Запада стала формироваться ан-

тисемейная и антинаталистская (антидетородная) культура, какую можно также называть культурой этнической деградации [15]. Понятия «антисемейная», «антинаталистская» культура не являются устоявшимися. Поэтому здесь необходимы некоторые пояснения. Особенно это касается категории «семья». В международном праве нет юридически закреплённого определения семьи, но содержится ряд норм относительно ее принципиальных основ. Подавляющее большинство государств придерживается традиционных воззрений на семью как на «естественную и основную ячейку общества», что закреплено в действующих международных договорах. Нормами международного права признается лишь естественная семья, основанная на брачном союзе мужчины и женщины и направленная на рождение и воспитание детей. В них констатируется, что семья, построенная на браке мужчины и женщины, «является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [16]. Именно таков современный статус категории «семья» в пока еще доминирующей парадигме социально-демографического развития большинства стран. Но в последние десятилетия ООН и связанные с ней структуры пытаются навязывать государствам разрушительные стандарты в семейной сфере. Пропаганда этими организациями брачно-семейных прав сексуальных меньшинств, обязательного сексуального просвещения детей есть прямое разрушение традиционной семьи. Так в Докладе Рабочей группы ООН по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике от 2 мая 2015 г. говорится, что примером позитивной практики, которая уже превращена в жизнь в ряде государств, является признание однополых семейных пар как для женщин, так и для мужчин, равно как и признание других форм семьи [16].

В мире с начала 1990-х гг. отмечена еще одна тенденция — стремление людей к замкнутости, одиночеству, когда множество далеко еще не старых людей предпочитают жить отдельно от других, созна-

тельно отказываются от брака. Таких людей стали называть «синглто́ны» (от англ. single — «один»)¹. Для многих синглтонов проблема не столько в одиночестве как таковом, сколько в том, что они испытывают на себе давление общества и даже дискриминацию. Число синглтонов увеличивается вследствие непрочности социальных связей, отсутствия желания заводить отношения и, по данным ВЦИОМ, составляет в России около 20% трудоспособного населения, включая профессионалов с высокой заработной платой, малых предпринимателей, чиновников среднего звена и представителей креативного класса [17]. Вышеназванные воззрения, ведущие, по сути, к разрушению традиционной семьи, вполне можно охарактеризовать как антисемейную культуру. Навязывание последней представляет собой ничто иное как попытки смены форм и статуса семьи в парадигме социально-демографического развития, смены всей парадигмы в целом.

Антинаталистская (антидетородная) культура складывается из двух сходных по своему значению элементов: философии антинатализма и субкультуры, обозначаемой как «чайлдфри» (свобода от детей). Антинатализм — философия, известная с древности. Если сформулировать эту идею предельно кратко, то это этическая позиция, негативно оценивающая деторождение. Большинство аргументов антинаталистов порождены концепцией философского пессимизма, то есть убеждением о том, что человеческая жизнь — это зло и вред, бессмысленная череда страдания. К этому можно добавить, что в фокусе внимания антинатализма находится исключительно отношение к деторождению и ничто другое. Перенаселение, гибель человечества, аборт, суицид, религия, секс, окружающая среда — это всё антинатализма напрямую не касается.

Следует отличать антинатализм от личного выбора бездетности (чайлдфри). Сторонники субкультуры чайлдфри не испытывают негативных чувств к детям. Чаше

всего их не устраивает лишь дискомфорт, который сопровождает наличие детей, их поведение или другие ограничения, связанные с наличием детей. Как бы то ни было, антисемейная и антинаталистская культуры — это социально-психолого-демографические феномены, негативно влияющие на процесс естественного воспроизводства населения.

В рассматриваемой проблеме нельзя не отметить негативную роль современной рыночной экономики, ориентированной на личное материальное благополучие. Иметь много детей стало экономически невыгодным. Рыночная экономика требует снижать издержки, чтобы увеличить доход и поднять уровень жизни. Детей с их материальными запросами, расходами на образование и подобным в такой системе стали относить к «издержкам». В последние десятилетия XX в. (особенно в 1990-е гг.) произошла трансформация института родительства. Наблюдается повсеместное стремление к малодетному образу жизни (один-два ребёнка в семье), следствием чего стала низкая рождаемость, которая привела в России к убыли населения [12; 18]. Низкая рождаемость и доминирование в современной России малодетных семей (только 6% семей имеют трёх и более детей), не обеспечивают простого воспроизводства населения, для которого необходимо, чтобы 50% семей имели 3–4 детей [13].

Факторами семейной дезинтеграции являются также идеология общества потребления, культура постмодерна, гедонизма, взрастившие новую мораль, в которой главенствует принцип: никто никому ничего не должен, а главная цель жизни — стремление к получению удовольствий и приобретению всевозможных материальных благ. Упомянутые социокультурные процессы делают будущее развитых стран проблематичным, поскольку обуславливают стойкое падение рождаемости, что ведет к таким нежелательным явлениям, как старение и падение численности населения (депопуляция). Когда уровень рождаемости опускается ниже порога простого воспроизводства населения (в демографии таким

¹ Кто такие синглтоны, или почему стало популярно жить в одиночку? — URL: <https://manshuq.com / relationships-singleton-05-2021> (дата обращения: 18.03.2024).

порогом считается значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), равное 2,15), начинается замещение коренного населения мигрантами. «Демографический взрыв» в южных странах привёл к новому витку переселения народов, поставившему в XXI в. под угрозу стабильность и будущее Европы, Северной Америки, России. В настоящее время в мире существуют два очага демографического роста, которые будут обуславливать миграционные потоки в XXI веке. Первый — это страны Африки южнее Сахары, граждане которых будут переселяться, прежде всего, в Европу, в меньшей степени — в США и на Ближний Восток. Вторым очагом демографического роста является Центральная Азия, включающая республики СНГ и Афганистан. На фоне сокращения рождаемости в большинстве мусульманских стран в XXI в., ряд среднеазиатских республик бывшего СССР, прежде всего Узбекистан, в последние десятилетия демонстрируют противоположную тенденцию (показатель СКР в Узбекистане в период 2015–2023 гг. вырос с 2,5 до 3,5). Если эта тенденция сохранится, то сложившийся темп прироста населения будет обуславливать высокую интенсивность миграции. Главный вектор миграционных потоков из Центральной Азии все последние годы направлен в Россию. А о том, к каким негативным явлениям, например, росту этнической преступности, приводит неконтролируемая (или плохо контролируемая) иммиграция, особенно нелегальная, из республик Центральной Азии в нашу страну, все больше становится выступлений депутатов Государственной Думы, сообщений в СМИ и так далее.

Продолжающуюся в течение длительного времени депопуляцию следует расценивать как угасание этноса, демографическую депрессию, кризис или даже катастрофу. История даёт немало примеров подобного развития событий, в частности в отношении некогда могущественных цивилизаций Древнего мира, которые впоследствии сошли с исторической сцены. Я.Г. Риер, изучавший особенности демографических процессов в разных странах в исторической

ретроспективе, указывал на характерное для древних греков негативное отношение к семье. Одним из следствий чего было множество незамужних женщин. С конца VI в. до н.э. в Афинах появились гетеры. С начала VI в. до н.э. по приказу Солона были открыты первые публичные дома. Пренебрежение семьей у греческой знати еще в III–I вв. до н.э. и у римской в I–III вв. н.э. отрицательно сказывалось на репродуктивности общества в целом [19]. В ставшем могущественным и богатым Древнем Риме среди населения распространилась мораль гедонизма, с позиций которой детей рассматривали как обузу и помеху на пути получения удовольствий.

Следствием стал процесс снижения рождаемости и сокращения численности населения. В римских семьях рубежа новой эры в среднем было 2 ребёнка, что вело к прекращению роста населения². Это неизбежно привело к тому, что в слабозаселённые провинции империи начали массово переселяться германские, славянские и другие племена. Постепенно пришедшие народы сменили коренное население. То есть идентичность римского этноса, особенно его наиболее образованного культурного слоя, давшего много для становления современной европейской цивилизации, была безвозвратно утрачена (что справедливо и в отношении эллинского мира).

Сходные процессы вновь стали происходить в современных западных странах: работников требуемых, но непрестижных профессий из числа коренных жителей становится всё меньше, а желающих вести не требующую больших усилий и полную развлечений жизнь всё больше, приходится прибегать к ввозу иностранных рабочих. Эти процессы можно наблюдать в Европе и России. Миллионы коренных жителей становятся офисными служащими, работниками сферы обслуживания, шоу-бизнеса, всевозможными «менеджерами», охранниками, безработными, получающими пособие, а вместо них в целом ряде отраслей работают трудовые мигранты. Пред-

² Риер Я.Г. Историческая демография: учебное пособие. 2-е изд., доп. — Могилев, 2006. — 160 с.

седатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин в своём выступлении по поводу негативной ситуации в сфере иммиграции отметил: «Дешевая рабочая сила ... служит источником повышенной прибыли российского бизнеса. Предприниматели, желающие сэкономить, не заинтересованы в найме на работу соотечественников, которые не готовы трудиться за мизерные зарплаты. Чем меньше денег бизнес тратит на рабочую силу, тем выше его прибыли. Вот в чём корень зла. Это главная причина, по которой проблема мигрантов в стране не решается. Надо подумать не только о прибыли бизнеса, но и об интересах и безопасности нашего государства»³.

В мире (в том числе и в России) среди демографов, социологов преобладает мнение, что во всех развитых странах, вступивших во вторую стадию демографического перехода, существенно повысить уровень рождаемости (естественного воспроизводства населения) становится невозможным, а преодолеть убыль населения (депопуляцию) позволяет только одно средство — иммиграция. Однако, согласно альтернативной точке зрения (которой придерживается автор), на современном этапе социогенеза (и демографического перехода) ключевым в решении указанной проблемы является естественное воспроизводство. Как показывает исторический опыт, в частности, недавнего прошлого, механическое воспроизводство населения, обеспечиваемое за счёт миграционных процессов (иммиграции), может играть позитивную роль только тогда, когда оно должным образом сбалансировано с естественным расширенным воспроизводством.

В постсоветский период за 30 лет (1992–2021 гг.) Россия потеряла в результате естественной убыли населения 14,4 млн человек. Лишь благодаря миграционному притоку (9,6 млн человек), который компенсировал 2 / 3 естественной убыли, население

страны сократилось лишь на 4,8 млн человек (данные без учёта административно-территориальных преобразований последнего десятилетия: присоединения к России Крыма в 2014 г. и новых регионов в 2022 г.). Многие представители российской культурной и научной элиты, политического класса, обеспокоенные современными вызовами и угрозами существованию Русского мира всё больше осознают, что противостоять этим угрозам можно только при успешном демографическом развитии России.

В поисках выхода из кризиса естественного воспроизводства населения

Негативные следствия продолжающегося социально-демографического кризиса побудили руководство страны выдвинуть в качестве важной государственной цели — улучшение демографической ситуации, в частности повышение уровня естественного воспроизводства населения. Важными этапами достижения этой цели стали: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года; национальные проекты «Демография», «Семья», «Продолжительная и активная жизнь»; указы и послания Президента России. Основным механизмом решения проблемы естественного воспроизводства населения стали меры по финансово-экономической поддержке семей, повышению рождаемости и т.п. Одна из основных мер — предоставление семьям «материнского (семейного) капитала», позволившая получить определенный положительный эффект.

Однако, по мнению многих социологов, демографов, экономистов, даже позитивно оценивающих финансово-экономические меры стимулирования рождаемости, последние не позволяют радикально решить проблему в нынешней социально-экономической системе, где отсутствует специальный рыночный механизм поддержки больших семей и высокой рождаемости [13]. Российский демограф А.Г. Вишневский так расценивал меры

³ Александр Бастрыкин: Число тяжких преступлений среди мигрантов выросло. Глава Следственного комитета призвал поменять миграционную политику в России // Парламентская газета. 27.06.2024. — URL: <https://www.pnp.ru / politics / aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkihkh-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html> (дата обращения: 10.01.2025).

власти по поддержке семей и стимулированию рождаемости: «То, что приходится брать из бюджета средства на материнские капиталы, означает лишь, что средняя семья не получает нужные деньги через трудовые доходы. Отсюда вопрос: должны ли люди зарабатывать деньги или получать их в виде подачки?... Вопрос, скорее, в том, почему у нас вообще есть бедность и почему снижать её можно только через материальную помощь, а не сделать так, чтобы люди жили нормально за счёт того, что они зарабатывают. Это должна обеспечивать экономика... Если все семьи (и работающие, и неработающие) испытывают трудности, потому что родился ребёнок, — значит, с экономикой не все в порядке... Всё это свидетельствует о неэффективной экономике... Мне трудно сказать, что блуждает в головах составителей такого выступления (Послания Президента России Федеральному Собранию 15 января 2020 г. — автор), но, по существу, это неверный подход. Бедность — это реальная проблема. В этом отношении мы действительно не очень хорошо выглядим на фоне других стран. Тем временем проблема рождаемости в глобальном масштабе более сложная, и в ней мы от других не сильно отличаемся. *Надежд на её решение нет*» (выделено автором)⁴.

Можно отчасти согласиться с А.Г. Вишневым, но при одном важном уточнении: в существующей модели российской экономики, точнее, всей социально-экономической системы, надежд на решение проблемы существенного повышения рождаемости и естественного воспроизводства населения действительно мало. Однако имеется ещё один концептуальный, хотя и очень сложный подход к решению данной проблемы, возможно наиболее эффективный. Известные социологи, демографы А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.Н. Архангельский, Т.К. Ростовская и другие давно настаивают на необходимости мер семейной политики, направленных на создание условий жизни, в которых люди могли бы сами

выбирать модель семьи. А это может стать возможным только тогда, когда на государственном уровне будет осознана настоятельная необходимость перехода к семьецентризму в экономике и политике [13; 19]. Такого рода подход уже достаточно давно предлагался социологами, демографами, социальными психологами и другими специалистами. Подход основывается на принятии социально-экономических решений, исходящих из особенностей менталитета, жизненных ценностей и социальной структуры российского общества, прежде всего, контингента женщин детородного возраста, и базирующийся на принципе платы за труд в семье по воспроизводству новых поколений.

Данный подход обобщенно был изложен И.В. Бестужевым-Лада [2]. Суть его заключается в следующем. В российском обществе различают три социальных типа женщин с принципиально разными ценностными ориентациями. Первый тип ориентирован всецело на активное участие в общественном производстве (карьера — превыше всего). Семья при этом, если даже она есть, отходит в системе ценностей далеко на задний план. Дети, если они имеются, отдаются на попечение бабушек, мужа, на ясли-детсад, но только не на мать. Попробовать стимулировать подобного типа женщину на повышение рождаемости — безнадёжное дело при любых затратах и формах поощрения. Второй тип, к которому относится подавляющее большинство женщин, пытается совместить производственные ценности с семейными. Надо помочь им в этом, не пытаясь ни сделать их домохозяйками, ни оттолкнуть напрочь от семьи. Достигается это как раз применением всевозможных мер поддержки семей (пособиями на детей, материнским капиталом и подобным). Наконец, третий тип, к которому относится от 20 до 30% женщин, готов полностью посвятить себя семье с 3 или более детьми, что являлось бы значительным шагом к «демографическому оптимуму», но при обязательном условии, что функции по рождению, содержанию и воспитанию детей будут оплачиваться государством (по аналогии с дру-

⁴ «Надежд на решение проблемы рождаемости в России нет». Демограф Анатолий Вишневыский о том, почему президентские меры не помогут «приумножить» российское население // Новая газета, 16 января 2020 года.

гими видами производственного труда), как имеющие очень важное значение в аспекте развития демографического, трудового, репродуктивного потенциалов и обеспечения национальной безопасности [2]. Речь идёт о том, чтобы предоставить желающим официальный (профессиональный) статус директора и воспитателя своего «семейного образовательно-воспитательного учреждения» со всеми материальными и культурными благами, включая пенсию. Это можно считать вполне реальной задачей, хотя во властных кругах нашей страны такой подход не находит понимания и поддержки по экономическим соображениям.

Но в мире есть наглядный пример подобного способа решения проблемы естественного воспроизводства населения (причём расширенного) в отдельно взятой высоко-развитой стране. Такой страной является государство Израиль, которое много лет существует в этноконфессиональном окружении арабских стран с многочисленным и продолжающим расти населением. И в этих сложных условиях властная элита поставила перед собой важнейшую задачу — сохранить, не считаясь ни с какими трудностями и затратами, национальную и культурную идентичность еврейского этноса как за счёт притока репатриантов, так и, главным образом, за счёт расширенного естественного воспроизводства. Для реализации этой национальной стратегии в Израиле научились использовать религиозность, менталитет и образ жизни части своих граждан.

Около 30% населения Израйля — арабы. Для того, чтобы Израиль оставался еврейским государством, число евреев должно расти за счет репатриации и рождаемости. Для этого государство поддерживает так называемых «харедим» — крайне религиозных иудеев, или, как их ещё называют, ультраортодоксов. Они не служат в армии, почти не платят налоги и тому подобное. У них главная задача — рожать и воспитывать детей. Ортодоксальная иудейская община составляет около 9% населения Израйля [20], её семьи рожают по 8–12 детей. Чем объяснить этот феномен детолюбия? В Израиле эффективная пропаганда семейно-детного

образа жизни привела к тому, что бездетная пара воспринимается с откровенным сочувствием, а трое детей в семье считаются насущной необходимостью. Дело, по-видимому, ещё и в том, что израильское государство, несмотря на внешние очевидные атрибуты «современной демократии», сумело, хотя бы из чувства безопасности, сохранить в какой-то мере ценности и культуру традиционного общества. На рис. 1 видны различия в семейно-демографической ситуации в России и Израиле.

На протяжении тридцатичетырёхлетнего периода (1990–2023 гг.) в России отмечалось суженное естественное воспроизводство населения: значения СКР регистрировались в диапазоне от 1,9 до 1,2; наиболее неблагоприятной была ситуация в 1993–2007 годах. В Израиле в течение всего указанного периода отмечалось устойчивое расширенное естественное воспроизводство: значения СКР (2,9–3,2) существенно превышали уровень простого воспроизводства (2,15). Расширенное естественное воспроизводство населения (83% прироста объясняются превышением рождаемости над смертностью) обуславливает высокие темпы роста населения Израйля, оцениваемые в 1,5–2,0%. Согласно прогнозам Национального экономического совета Израйля ожидается, что население Израйля, составившее в 2024 г. около 10 млн человек, к 2050 г. вырастет до 16 млн; при этом более четверти из этих 16 млн будут составлять харедим⁵.

Заключение

Остаётся надеяться, что российская власть осознает, что, в критической ситуации утраты статуса мировой державы и цивилизационной идентичности, нарастающие угрозы дезинтеграции страны и других вызовов, противостоять доминированию в массовом сознании концепции потребления не в силах ни патриотизм, ни рассу-

⁵ Население Израйля. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Израйля Воспроизводство населения; По прогнозам израильских экономистов, к 2050 г. почти треть израильских евреев будут составлять харедим. — URL: <https://lechaaim.ru/news/po-prognozam-izraelskih-ekonomistov-k-2050-godu-pochti-tret-izraelskih-evreev-budut-sostavlyat-haredim/> : (дата обращения: 23.01.2025).

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в России и Израиле в 1990–2023 годах

Fig. 1. Total fertility rate in Russia and Israel in 1990–2023

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects: The 2022 Revision, custom data acquired via website. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 22.12.2023).

ждения о том, что дети — благо и высшая ценность. К сожалению, всё это не будет работать, какие бы иллюзии на этот счёт мы не строили.

Автор полагает, что Россия могла бы попытаться перенести израильский пример, в том или ином виде, на российскую почву. Возможно, в предлагаемом социологами и демографами варианте, который приведён выше. Рассматриваемая проблема требует, в первую очередь, заинтересованности в ее решении властной элиты — органа власти, принимающего государственно-политические решения, без чего любые обсуждения и подготавливаемые предложения останутся на уровне бесплодных разговоров и дискуссий. При этом большое значение имеет объективный профессиональ-

но-ориентированный подход властей к выбору экспертов, представляющих информацию для обоснования управленческих решений в сфере демографии.

Важно понимать, что рассмотренные в статье проблемы касаются оценки процессов естественного воспроизводства населения в сугубо мирное время. Эти материалы никоим образом не могут быть применимы к ситуации, существующей в России в период проведения специальной военной операции и ведения коллективным Западом санкционной войны против нашей страны, и к ситуации современного палестино-израильского конфликта, поскольку это совсем другая проблематика — возникновения чрезвычайных ситуаций, требующая специального рассмотрения.

Литература и Интернет-источники

1. Данилов-Данильян, В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 416 с. EDN: YNSVPX
2. Бестужев-Лада, И.В. Альтернативная цивилизация / И.В. Бестужев-Лада. — Москва : Алгоритм, 2003. — 448 с. EDN: QOC1HR

3. **Соболева, С.В.** Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов / С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева // Мир новой экономики. — 2016. — № 4. — С. 142–153. EDN: XIRSQR
4. **Гундаров, А.И.** Демографическая катастрофа в России: причины и пути преодоления / А.И. Гундаров. — Москва : ЭКСМО, 2004. — 103 с. EDN: QZDETR
5. **Величковский, Б.Т.** Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России, 2-е изд. исп. и доп. / Б.Т. Величковский. — Москва : ПАМН, 2012. — 256 с. EDN: QMBVPT
6. **Рязанцев, С.В.** Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. — 2021. — Т. 91. — № 9. — С. 810–819. DOI: 10.31857 / S0869587321090085; EDN: VHNSDJ
7. **Cockerham, W.C.** Health and social change in Russia and Eastern Europe / W.C. Cockerham. — New York : Routledge, 1999. — 300 p.
8. **Lorant, V.** Socio-economic inequalities in suicide: a European comparative study / V. Lorant, A.E. Kunst, M. Huisman, G. Costa, J. Mackenbach // Brithich Journal of Psychiatry. — 2005. — No. 187. — P. 49–54. DOI: 10.1192 / bjp.187.1.49
9. **Murphy, M.** The widening gap in mortality by educational level in the Russian Federation, 1980–2001 / M. Murphy, M. Bobak, A. Nicholson, R. Rose, M. Marmot // American Journal of Public Health. — 2006. — No. 96. — P. 1293–1299. DOI: 10.2105 / AJPH.2004.056929
10. **Stuckler, D.** Mass privatization and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis / D. Stuckler, L. King, M. McKee // The Lancet. — 2009. — Vol. 373. — Iss. 9661. — P. 399–407. DOI: 10.1016 / S0140-6736(09)60005-2
11. **Creel, S.** The ecology of stress: effects of the social environment / S. Creel, B. Dantzer, W. Goymann [и др.] // Functional ecology. — 2013. — Vol. 27. — Iss. 1. — P. 66–80. DOI: 10.1111 / j.1365-2435.2012.02029.x
12. **Антонов, А.И.** Семья, дети — жизненные ценности и установки / А.И. Антонов, А.В. Жаворонков, В.М. Карпова [и др.]. — Москва : Фонд Андрея Первозванного, 2015.– 239 с. EDN: VNKVDV
13. **Антонов, А.И.** Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке / А.И. Антонов // Экономические стратегии. — 2016. — Т. 18. — № 1(135). — С. 40–43. EDN: VPCGIN
14. **Антонов, А.И.** Метаморфозы интерпретационной логики 1, 2, 3-й и последующих теорий демографического перехода и социологический подход к объяснению тенденций семейно-демографической динамики / А.И. Антонов // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. — Москва, 2019. — С. 193–197. EDN: BRIDBX
15. **Шапталов, Б.Н.** Деградация и деграндаты: История социальной деградации и механизмы её преодоления / Б.Н. Шапталов. — Москва : ЛЕНАНД. — 2014. — 256 с.
16. **Киселева, Е.В.** Антисемейные аспекты международной правозащитной деятельности на универсальном уровне / Е.В. Киселева, Е.Н. Мамаева // Вестник Академии права и управления. — 2016. — № 4(45). — С. 57–63. EDN: XHXZAL
17. **Каштанова, О.В.** Синглтоны — специфическая категория российских граждан / О.В. Каштанова // Вестник Казанского технологического университета. — 2011. — № 11. — С. 206–212. EDN: NXAKHL
18. **Архангельский, В.Н.** Факторы рождаемости / В.Н. Архангельский. — Москва : ТЕИС, 2006. — 399 с. EDN: QOPDZV
19. Семья и демографические процессы в современной России / Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, О.В. Кучмаева, В.Г. Семенова ; под ред. Т.К. Ростовской ; ФНИСЦ РАН. — Москва : Экон-Информ, 2021. — 257 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-907427-21-1.2021; EDN: IWUIJX

Сведения об авторе:

Лещенко Ярослав Александрович, д.мед.н., проф., ведущий научный сотрудник, Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований, Ангарск, Россия.

Контактная информация: yaleshenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5687-6966; ПИНЦ SPIN-код: 3430-2802.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-51-63

FAMILY AND NATURAL REPRODUCTION OF POPULATION IN THE PARADIGMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

Yaroslav A. Leshchenko

East-Siberian Institute of Medical and Ecological Research
(3 microdistrict 12a, Angarsk, Russia, 665827)

E-mail: yaleshenko@gmail.com

For citation:

Leshchenko Ya. A. Family and natural reproduction of population in the paradigms of socio-demographic development. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 51-63. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-51-63 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the problems of natural reproduction of the Russian population and the most important factors for reversing the trend of population decline and entering an upward trajectory of demographic development. The features of population reproduction caused by the socio-demographic crisis that arose in the post-Soviet period and continues until recently, as well as the institutional crisis of the modern family, are considered. The information base for the study was Russian and foreign statistical sources (Federal State Statistics Service, World Bank database). The features of the manifestation of the family crisis in Russian society, the factors of family disintegration (market economy, ideology of consumer society, postmodern culture, hedonism, anti-family and anti-natalist culture) are considered. There are given examples of the crises of natural population reproduction in powerful civilizations of the past (Ancient Greece and Rome), which disappeared from the historical scene largely due to falling birth rates and population decline. The article provides a review and assessment of modern concepts and approaches to raising the level of natural reproduction of the population. It is concluded that the changes in the natural reproduction of the population going on in the country in recent decades indicate a pronounced decrease in the level of national security. The author believes like other experts that an unbalanced mass migration influx from other countries to Russia (against the background of sharply reduced natural reproduction of the indigenous ethnic group) can lead to a gradual change in the ethno-cultural balance and loss of the Russian civilizational identity. Therefore, an extremely desirable alternative of a paramount importance for the country is to ensure expanded natural reproduction of the indigenous population, especially the state-forming people, whose number has been declining for decades to an unacceptable extent due to a number of fundamental historical reasons.*

Keywords: *natural reproduction of population, fertility, demographic security, socio-demographic crisis, demographic policy, family models.*

References and Internet sources

1. Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S. *Ekologicheskij vyzov i ustojchivoje razvitije [Ecological Challenge and Sustainable Development]*. Moscow. Progress-Traditsiya [Progress-Tradition]. 2000. 416 p. (in Russ.)

2. Bestuzhev-Lada I.V. Al'ternativnaya tsivilizatsiya. [Alternative Civilization]. Moscow. Algoritm [Algorithm]. 2003. 448 p. (in Russ.)
3. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Demograficheskaya bezopasnost' Rossii: regional'nyje izmeriteli, otsenka rezul'tatov [Demographic security of Russia: regional measures, assessment of results]. Mir novoj ekonomiki [The World of New Economy]. 2016. No. 4. P. 142–153. (in Russ.)
4. Gundarov A.I. Demograficheskaya katastrofa v Rossii: prichiny i puti preodoleniya [Demographic catastrophe in Russia: causes and ways to overcome]. Moscow. EKSMO. 2004. 103 p. (in Russ.)
5. Velichkovsky B.T. Zhiznesposobnost' natsii. Vzaimosvyaz' sotsial'nykh i biologicheskikh mekhanizmov v razvitii demograficheskogo krizisa i izmenenii zdorov'ya naseleniya Rossii. [Viability of Nation. The Relationship between Social and Biological Mechanisms in the Development of the Demographic Crisis and Changes in the Health of the Russian Population]. 2nd expanded ed. Moscow. RAMN [Russian Academy of Medical Sciences]. 2012. 256 p. (in Russ.)
6. Ryazantsev S.V., Rybakovsky L.L. Demograficheskoe razvitie Rossii v 20–21 vekakh: istoricheskoe i geopoliticheskoe izmereniya [Demographic development of Russia in the 20th–21st centuries: historical and geopolitical dimensions]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 810–819. DOI: 10.31857 / S0869587321090085 (in Russ.)
7. Cockerham W.S. *Health and Social Change in Russia and Eastern Europe*. New York. Routledge. 1999. 300 p. ISBN 9780415920810.
8. Lorant V., Kunst A.E., Huisman M., Costa G., Mackenbach J. Socio-economic inequalities in suicide: a European comparative study. *British Journal of Psychiatry*. 2005. No. 187. P. 49–54. DOI: 10.1192 / bjp.187.1.49
9. Murphy M., Bobak M., Nicholson A., Rose R., Marmot M. The widening gap in mortality by educational level in the Russian Federation, 1980–2001. *American Journal of Public Health*. 2006. No. 96. P. 1293–1299. DOI: 10.2105 / AJPH.2004.056929
10. Stuckler D., King L., McKee M. Mass privatization and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis. *The Lancet*. 2009. Vol. 373. Iss. 9661. P. 399–407. DOI: 10.1016 / S0140-6736(09)60005-2
11. Creel S., Dantzer B., Goymann W. et al. The ecology of stress: effects of the social environment. *Functional Ecology*. 2013. Vol. 27. Iss. 1. P. 66–80. DOI: 10.1111 / j.1365-2435.2012.02029.x
12. Antonov A.I., Zhavoronkov A.V., Karpova V.M., et al. Sem'ya, deti — zhiznennyye tsennosti i ustanovki [Family, Children — Life Values and Attitudes]. Moscow. Fond Andreya Pervozvannogo [St. Andrew the First-Called Foundation]. 2015. 239 p. (in Russ.)
13. Antonov A.I. Krizis familisticheskoy tsivilizatsii v 21 veke [The crisis of familistic civilization in the 21st century]. Ekonomicheskije strategii [Economic Strategies]. 2016. Vol. 18. No. 1(135). P. 40–43. (in Russ.)
14. Antonov A.I. Metamorfozy interpretatsionnoj logiki 1, 2, 3-j i posleduyushchikh teorii demograficheskogo perekhoda i sotsiologicheskij podkhod k ob'yasneniyu tendentsij semejno-demograficheskoy dinamiki [Metamorphoses of interpretative logic of the 1, 2, 3rd and subsequent theories of demographic transition and a sociological approach to the explanation of trends of family and demographic dynamics]. Natsional'nyje demograficheskije priority: novyye podkhody, tendentsii. [The National Demographic Priorities: Approaches and Measures for Realization. Series: Demography. Sociology. Economy]. Vol. 5. No. 4. Eds. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Moscow Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2019. P. 193–197. (in Russ.)
15. Shaptalov B.N. Degradatsiya i degradanty: Istoriya sotsial'noj degradatsii i mekhanizmy' yeyo preodoleniya [Degradation and Degradants: History of Social Degradation and Mechanisms for Overcoming It]. Moscow. LENAND [LENAND]. 2014. 256 p. (in Russ.)
16. Kiseleva E.V., Mamaeva E.N. Antisemejnyje aspekty mezhdunarodnoj pravozashhitnoj deyatel'nosti na universal'nom urovne [Anti-family aspects of international human rights activities at the universal level]. Vestnik Akademii prava i upravleniya [Bulletin of the Academy of Law and Management]. 2016. No. 4(45) P. 57–63. (in Russ.)

17. Kashtanova O.V. Singltony — spetsificheskaya kategoriya rossijskix grazhdan [Singletons — a specific category of Russian citizens]. Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. [Bulletin of Kazan Technological University]. 2011. No. 11. P. 206–212. (in Russ.)
18. Arkhangelsky V.N. Faktory rozhdaemosti [Fertility Factors]. Moscow. TEIS. 2006. 399 p. (in Russ.)
19. Sem'ya i demograficheskiye protsessy v sovremennoj Rossii: Monografiya [Family and Demographic Processes in Modern Russia]. Ed. T.K. Rostovskaya. FNISTs RAS [FCTAS RAS]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2021. 257 p. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-907427-21-1.2021 (in Russ)

Information about the author:

Leshchenko Yaroslav Aleksandrovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Leading Researcher, East-Siberian Institute of Medical and Ecological Research, Angarsk, Russia.

Contact information: e-mail: yaleshenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5687-6966; Elibrary SPIN-код: 3430–2802.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-64-75
EDN: YYGKFR

УРБАНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ МИРА: ПОТЕНЦИАЛ И ДИНАМИКА ЗА 1960–2022 ГОДЫ

Моргунов Е.В.*, Ростовцев А.И.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morgun1976@mail.ru

Для цитирования:

Моргунов Е.В., Ростовцев А.И. Урбанизация в странах мира: потенциал и динамика за 1960–2022 годы // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 64–75. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-64-75; EDN: YYGKFR

Аннотация. Объектом исследования стали 215 стран мира, предметом — динамика городского населения в 1960–2022 годах. Основная цель работы — определение закономерностей процесса урбанизации на основе моделирования. В статье выдвигается и частично подтверждается гипотеза о том, что развитие поселений (стран, территорий) подчиняются диалектическим законам развития — от сельских поселений до городских агломераций и даже до полноценных городов-государств со 100 процентным городским населением. Для проверки гипотезы на основе методов математического, статистического анализа и моделирования проанализирована динамика процента городского населения по 215 странам мира за период с 1960 по 2022 годы с целью определения общемировых тенденций процесса урбанизации и их прогноза на 2025 год. Также в ходе исследования были решены такие задачи, как группировка стран мира (по потенциалу урбанизации) и определение критически низких значений потенциала урбанизации. В основу группировки положен процентильный метод — страны с высоким потенциалом урбанизации (от 100-й до 51-й перцентили), страны с низким потенциалом (50–0-я перцентили). При этом, были особо выделены страны-лидеры (100–90-я перцентили) и страны-аутсайдеры (10–0-я перцентили), а также определено критически низкое значение потенциала урбанизации, равное 10-й перцентили. Исследование показало, что в среднем рост урбанизации по странам мира продолжится и в 2025 г. доля городского населения составит 66% в мире (рост почти в 2 раза с 1960 г.), предел (максимум потенциала) урбанизации — 90–100% (рост примерно в 1,37 раза) и критически низкие значения урбанизации — около 30% (рост более, чем 3 раза с 1960 г.).

Ключевые слова: городское население, диалектика, динамика, критически низкие значения, потенциал урбанизации, прогнозирование, Россия, статистический анализ, страны мира.

Введение в методологию

Мировому процессу урбанизации (росту доли городского населения) посвящены многие научные публикации в России и мире — рассмотрение их затруднительно в рамках научной статьи, поэтому мы ограничимся данными российской научной электронной библиотеки «eLibrary». По ключевому слову «урбанизация» нами проанализировано более 350 научных работ (2016–2024 гг.) и ни одна из них не посвящена динамике урбанизации по всем странам мира. Такая же ситуация и при анализе более 100 публикаций (2015–2024 гг.) по словам «городское население»¹. В целом основная проблема заключается в том, что как тематические книги, так и научные статьи в России (судя по «eLibrary.ru») зачастую не рассматривают эволюцию урбанизации в целом по странам мира, а посвящены отдельным (частным) проблемам урбанизации или странам. В этой связи актуальность и новизна заключаются в том, что выявлены общие тенденции процесса урбанизации на основе анализа доли городского населения по всем странам мира за период 1960–2022 годов.

Анализ публикаций показывает, что в исторической ретроспективе переход человечества преимущественно к оседлому образу жизни породил непрерывный процесс усложнения человеческой деятельности, изначально основанной на развитии сельского хозяйства и сельских поселений (сёл, деревень). Первые же города появились несколько тысяч лет назад в качестве ответа на рост сложности культурной (изначально религиозной) и хозяйственной деятельности людей (племени, рода, государства); при этом ряд учёных считает, что наличие городов является непременным признаком самого государства [1; 2]. Со временем города стали не только центрами обороны и управления хозяйственной деятельностью на контролируемой властями территории, но и «точками роста» промышленности, услуг, образова-

ния, науки [3; 4]. Ярко эти процессы описаны в учебном пособии Г.М. Лаппо² и других изданиях.

Рассматривать дихотомию сельское-городское поселение (как нам представляется) можно двояко: на основе континуальности и диалектики. Континуальный подход в виде сельско-городского континуума (СГК) предложил Р.Редфилд [5]. По сути, СГК — это количественный динамический анализ долей сельского и городского населения среди человеческих поселений как единого целого, более развёрнуто: рассматривается людность сельских (их группировка) и городских поселений (их группировка от малых городов до мегаполисов) [6; 7]. При этом Дж. Джиббс [8] в 1963 г. выдвинул гипотезу об эволюции концентрации населения в виде концепции стадийного развития урбанизации (пять стадий) — от доиндустриального общества до постиндустриального (от роста городов до условного равенства больших, малых городов и сельских поселений) [6]. Мы считаем, что при всей «господствующей метафизичности» диалектики³, она, как метод познания, в наибольшей мере подходит для изучения поселений; в особенности методологическая гегелевская триада «тезис» (село) — «антитезис» (город), и наша гипотеза — «синтезис» (переход к новому качеству (типу) поселений — городская агломерация, городские мегарегионы, город-государство и подобное, в котором есть агрокомплекс) [9; 10]. Наиболее полно процесс формирования городской агломерации представлен в учебном пособии В.А. Ильина⁴.

Для проверки гипотезы Дж. Джиббса и выдвинутой нами диалектической гипотезы в работе проанализированы 215 стран и территорий мира, в том числе 193 государ-

² Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. — Москва: ВЛАДОС, 1997. — 480 с.

³ Михайлов, Ф.Т. Диалектика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. — Москва: Мысль, 2010. — 744 с.; Поппер, К.Р. Что такое диалектика? // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 118–138.

⁴ Ильин, В.А. Формирование городской агломерации: учебное пособие / В.А. Ильин, С.А. Селякова, Р.Ю. Малышев [и др.]. — Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2006. — 126 с.

¹ Урбанизация. Городское население. — URL: <https://www.elibrary.ru/> / keyword_items.asp (дата обращения: 23.12.2024).

ства, являющихся членами ООН⁵. Предметом же исследования стала доля (процент) городского населения от общей его численности, которая по данным Мирового банка (МБ) за период с 1960 по 2022 гг. выросла с 33,6% до 56,9%. Такой стремительный рост городского населения обостряет проблему обеспечения устойчивого развития городов, что отразилось и в очередной «Повестке дня» ООН — «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015 г.): одной из Целей (№ 11) «Повестки» стало «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населённых пунктов»⁶.

Страны мира сильно разнятся, как по площади территорий и населённости, так и размерами валового внутреннего продукта (ВВП), развитостью городов и так далее. В этой связи основной целью нашего исследования стало определение общих закономерностей и трендов развития городского населения независимо от вышеперечисленных факторов. Первичной методологической основой анализа доли городского населения по странам мира явилась общая и математическая теории статистики, включая математическое и статистическое моделирование⁷. Для настоящего анализа мы ограничились выборкой данных по странам мира, представленных на сайтах МБ и ООН за период 1960–2022 годов⁸. В процессе реализации основной цели работы (определение закономерностей на основе моделирования) был выявлен ряд проблем: первая из них — группировки стран мира в зависи-

мости от доли городского населения в них; вторая — оценка потенциала урбанизации; третья — определение критически низких значений потенциала. При этом под потенциалом мы понимаем наиболее возможный ориентир развития стран мира (регионов страны) в конкретных (сегодняшних) социально-экономических мировых и национальных условиях в рамках выбранного аналитического показателя или их совокупности [11]. В данном случае (процентные данные) предварительно максимум потенциала урбанизации равен 100% городского населения в стране, а вот его минимум — искомое значение, требующее обоснования.

Для решения поставленных задач наиболее оптимальным мы видим следующее решение — разделение стран по потенциалу урбанизации на основе квантильного (процентильного, уже — квартильного) метода⁹. При этом, отметим, что теоретически квартили (шире процентили) делят совокупность на соответствующие части, например, медиана (P_{50} , Q_2) на 50% и 50%, что на практике не всегда так, хотя и близко к такому распределению. В этой связи мы считаем достаточным для группировки стран мира следующий вариант распределения по потенциалу урбанизации: (1) страны с высоким потенциалом — процент городского населения выше медианного значения (P_{50} , Q_2), в том числе страны-лидеры — 10% стран с наибольшим потенциалом (P_{90} – P_{100}); при этом третья квартиль (P_{75} , Q_3) определяет медианное (по сути — среднее) значение для стран с высоким уровнем урбанизации; (2) страны с низким потенциалом — процент городского населения равен или ниже медианного значения (P_{50} , Q_2), в том числе страны-аутсайдеры — 10% стран с наименьшим потенциалом (P_{10} – P_0); при этом значение процента городского населения, равное 10-му процентилю, является критически низким потенциалом урбанизации, а первая квартиль (P_{25} , Q_1) определяет средне-медианное значение для стран с низким уровнем урбанизации.

⁵ Члены Организации Объединённых Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. — UN, 2015. — 41 p.

⁷ Балдин К.В. Общая теория статистики. Учебное пособие. 3-е изд. — Москва: Дашков и К, 2020. — 312 с.; Фролов, А.Н. Краткий курс теории вероятностей и математической статистики: учебное пособие. — Санкт-Петербург: Лань, 2017. — 304 с.; Баев, В.К. Теория колебаний: учебное пособие. — Москва: НИЯУ МИФИ, 2015. — 348 с.

⁸ Данные Мирового банка. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?view=chart> (дата обращения: 02.12.2024); данные ООН. — URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/downloads> (дата обращения: 02.12.2024).

⁹ Ковалева Т.Ю. Практикум по теории статистики: учебное пособие. — Москва: КноРус, 2012. — 376 с.; Фалин Г.И., Фалин А.И. Квартили в описательной статистике // Математика. — 2011. — № 15. — С. 8–14.

Регрессионное моделирование общей и средней динамики мировой урбанизации

На основе данных (% городского населения) за 1960–2022 гг. по 215 странам и территориям мира нами было «построено» две наиболее достоверных регрессионных мо-

дели динамики мировой урбанизации. Первая модель «генерирует» зависимость роста (раз) урбанизации (2022 г.) от начального процента городского населения (1960 г.); вторая модель «генерирует» зависимость процента (2022 г.) от процента (1960 г.) городского населения по странам мира (рис. 1 и табл. 1).

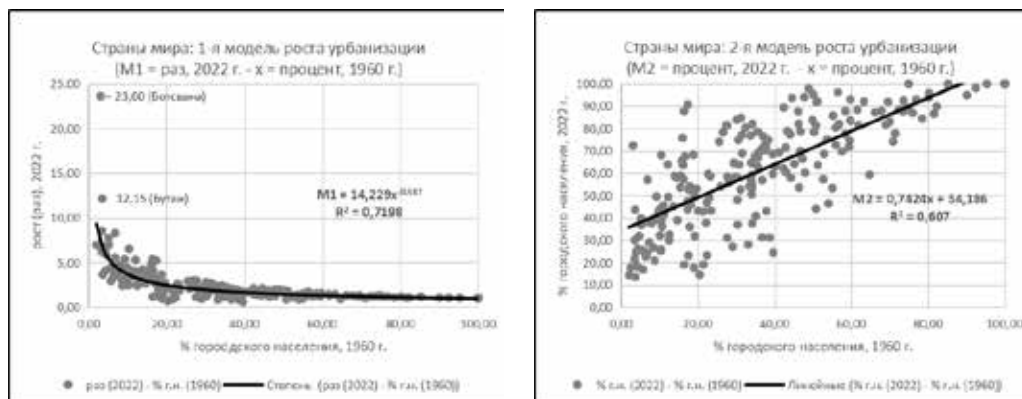

Рис. 1. Моделирование роста урбанизации по 215-ти странам мира (1960, 2022 гг.)

Fig. 1. Modeling the growth of urbanization for 215 countries (1960, 2022)

Источник: расчёты авторов по данным Мирового банка и ООН.

Выборочные результаты регрессионного моделирования динамики урбанизации по 215-ти странам мира (2022 г. к 1960 г.)

Таблица 1

Table 1

Selected regression modeling results of the urbanization dynamics
in 215 countries of the world (2022 compared to 1960)

Стат. показатель	Факт (1960)	Факт (2022)	Факт	Модель 1 (тренд, 2022)		Модель 2 (тренд, 2022)
	% г.н.*	рост (раз)	% г.н.*	рост (раз)	% г.н.*	рост (раз)
P_0, Q_0 (минимум)	2,08	6,54	13,58	9,26	19,25	17,18
10-я процентиль	8,54	3,14	26,78	4,04	34,50	4,75
Q_1 (1-я квартиль)	17,33	2,51	43,43	2,67	46,22	2,71
Мировой Банк – средняя	33,60	1,69	56,90	1,81	60,75	1,76
Q_2 (медиана)	34,02	1,87	63,57	1,79	61,06	1,75
Мир – средняя	37,52	1,65	62,04	1,69	63,58	1,65
Q_3 (3-я квартиль)	52,77	1,55	81,63	1,39	73,20	1,39
90-я процентиль	73,66	1,26	92,60	1,14	84,01	1,21
95-я процентиль	85,22	1,16	98,50	1,05	89,23	1,14
96-я процентиль	91,15	1,11	100,00	1,01	91,74	1,12
P_{100}, Q_4 (максимум)	100,00	1,00	100,00	0,95	95,32	1,08

*г.н. — городское население.

Источник: расчёты авторов по данным Мирового банка и ООН.

Использование регрессионного анализа в общественных науках (демография, экономика и другие) базируется зачастую на применении линейной модели регрессии; это связано, прежде всего, с её «простотой» и изученностью; однако далеко не всегда линейная регрессия является наиболее достоверной и поэтому применяется нелинейная регрессия¹⁰. В этой связи вначале мы рассмотрим результативность второй (линейной) модели динамики мировой урбанизации.

Линейная модель характеризуется средней зависимостью между процентом городского населения в 1960 г. и в 2022 г. ($R^2 = 0,607$). Это самый высокий уровень достоверности — у других моделей коэффициент детерминации был равен 0,4–0,5. В большинстве случаев при подстановке данная модель (процент-процент) «проигрывает» первой модели, особенно до «середины» и после 95-й процентиля распределения процента городского населения по странам мира — достоверность равна нулю (городское население в 2022 г. выше 100%, чего не может быть). Модель показывает, можно сказать, функциональную зависимость только для средних значений процента городского населения и более высокую результативность около средней, чем в первой модели; в связи с чем проще построить отдельную модель для средних значений, что мы и сделали далее.

Первая модель построена на зависимости роста мировой урбанизации (раз) в 2022 г. от процента городского населения по странам мира в 1960 году. Наиболее достоверной оказалась степенная зависимость ($R^2 = 0,720$, сильная связь) — в таблице 1 кроме непосредственно трендовых результатов роста (раз) представлены и соответствующие им трендовые результаты процентов городского населения по выбранным нами статистическим показателям совокупности (странам мира). Несмотря на сильную связь, в данной модели присутствуют, с одной стороны, «артефакты» — такие страны как Бутан (рост процента городского населения равен 12,15 раз) и Бо-

тсвана (рост равен 23,60 раз), с другой стороны, модель показывает, что «теоретически» для большинства стран потенциал городского населения равен всё же не 100% (P_{100}), а 95–100% (P_{95} – P_{100}). Таким образом, с условной достоверностью в 70% для большинства стран мира сохранится сельскохозяйственной континуум как минимум в 5% сельских поселений, а также возможна гипотеза Дж. Джиббса верна — по мере развития постиндустриального общества начнётся новый рост сельских поселений.

Мы рассмотрели общие динамические тенденции урбанизации — теперь более подробно (на отдельных моделях) рассмотрим усреднённые тенденции. Для этого рассмотрим динамику городского населения (1960–2022 гг.) по трём показателям: средних значений по версии МБ, средних и медианных значений по нашим расчётам. Подробно фактические, трендовые значения, их рост и прогноз представлены на обобщённых рис. 2 и 3, в табл. 3.

В 1960 г. средние и медианные значения урбанизации (факт и тренд) по странам мира варьировались в пределах 32–40% городского населения; среднее расчётное значение превысила 50% в 1984 г., медианное значение превысило 50% в 1988 г., а среднее значение по версии МБ — только в 2007 г.; в наибольшей степени росла медиана, её рост за период 1960–2022 гг. составил примерно 1,8 раза. Таким образом, в 2022 г. средние и медианные значения урбанизации (факт и тренд) по странам мира варьировались уже в пределах 55–65% городского населения, а прогнозное значение (2025 г.) — 57–67%. Отметим, что регрессионные модели средних и медианных значений имеют линейный характер и их достоверность очень высокая (R^2 равен примерно 0,98).

Обобщённый анализ и регрессионное моделирование динамики урбанизации по странам с высоким потенциалом

В связи с результатами общемирового моделирования роста городского населения вначале рассмотрим страны, полностью

¹⁰ Комарова Е.С. Парный регрессионный анализ: учебное пособие. 2-е изд. — Москва: Директ-Медиа, 2019. — 59 с.

реализовавшие свой потенциал урбанизации, включая их площадь и долю сельского хозяйства в ВВП: графически и таблично результаты анализа представлены в табл. 1, 2 и 3 и на рис. 1 и 2.

Анализ стран со 100% городского населения, прежде всего, показывает, что с 1960 по 2022 г. их количество увеличилось с 7 (3,26% от всех стран) до 10 (4,65%) и в 2025 г. их так же останется 10 (рост — 1,43 раза). При этом только 4 страны (территории) являются государствами-членами ООН, а остальные — территории других государств. Эти страны и территории (кроме Кувейта) можно отнести к странам с очень низким территориальным потенциалом; хотя формально у 5-ти из 10-ти стран отсутствует сельское хозяйство как отрасли

экономики, у них всех прямо или косвенно (из «метрополий») присутствуют элементы сельского хозяйства, охоты, лесного хозяйства и рыболовства. Иначе говоря, данные страны (территории) подтверждают нашу гипотезу о формировании государств — городских агломераций, в экономике которых пусть и минимально, но будет присутствовать агрокомплекс и подобные отрасли; что в свою очередь подтверждает агломерационную модель роста городского населения — если уж у стран с официальным 100%-м городским населением присутствует сельское хозяйство, то и для остальных стран (в современных условиях) сложно представить ситуацию, в которой страна оказалась бы без сельских поселений или, как минимум, без агрокомплекса.

Таблица 2

Страны, полностью реализовавшие потенциал урбанизации (100% городского населения)

Table 2

Characteristics of the countries that have fully realized urbanization potential (100% urban population)

Территория (страна)	1960–1992	1993–1996	1997–2001	2002–2022	2021	
					Доля с / х* в ВВП (%)	Площадь (км²)
Бермудские Острова (Великобритания)	да	да	да	да	0,3	54,0
Гибралтар (Великобритания)	да	да	да	да	0	6,5
Гонконг (Китай)	нет	да	да	да	0,1	1110,2
Каймановы Острова (Великобритания)	да	да	да	да	0,5	264,0
Кувейт	нет	нет	нет	да	0,4	17818,0
Макао (Китай)	нет	нет	да	да	≈ 0	32,9
Монако	да	да	да	да	0	2,0
Науру	да	да	да	да	2,4	21,3
Сингапур	да	да	да	да	0,03	734,4
Синт-Мартен (Нидерланды)*	да	да	да	да	≈ 0	34,0
Количество стран	7	8	9	10	-	-

*на этом острове в Карибском море находится также французская заморская территория Сен-Мартен площадью 53 км².

Источник: расчёты авторов по данным ООН.

Диапазон потенциала урбанизации подтверждён результатами регрессионного общего моделирования 95-й процентиля (диапазон фактических и трендовых зна-

чений в 2022 г. — 89–99% городского населения), а также результатами индивидуальной регрессионной модели и её прогноза до 2025 г. 90-й процентиля (95,82% город-

ского населения в 2025 г.); то есть к странам, полностью реализовавшим свой потенциал урбанизации (страны-лидеры), можно отнести страны с 90–100% городского населения (P_{90} – P_{100}).

Исходя из выбранной методики, к странам с высоким потенциалом урбанизации можно отнести такие страны, в которых процент городского населения находится в диапазоне 100–51-й процентиля (чуть выше медианы). Усреднённо, опираясь на данные третьей четверти (Q_3), можно констатировать, что хотя мы предпочли линейную регрессионную модель роста урбанизации ($R^2 = 0,94$), более точной является — логарифмическая, согласно которой в 1960–1980 гг. шёл наиболее интенсивный процесс урбанизации, а затем он всё более и более замедлялся. Так, усреднённые результаты регрессионного моделирования динамики процента городского населения (Q_3) для стран с высоким потенциалом урбанизации выглядят следующим образом: в 1960 г. процент городского населения находился в диапазоне 52–57%, в 2022 г. — 81–84%, а по прогнозам модели в 2025 г. процент городского населения в странах с высоким потенциалом будет превышать 85%.

Отдельно рассмотрим динамику урбанизации в России. Россия относится к странам с высоким уровнем урбанизации, однако, её динамика подчиняется логарифмической регрессионной модели (R_{Urv} , $R^2 = 0,94$). При этом, если в 1960 г. доля городского населения в стране как части СССР была пусть и немного, но выше третьей четверти (условно средней по данным странам) и составляла 49–53%, то с начала XXI в. доля России становится ниже среднего уровня для стран с высоким потенциалом урбанизации. Так, в 2022–2025 гг. процент городского населения в стране составил 75–76%, таким образом в 1960–2025 гг. рост урбанизации находился в диапазоне 1,40–1,55 (факт-тренд). При этом, если текущие тенденции развития урбанизации в России сохранятся, то даже в 2035 г. процент городского населения в стране не будет превышать 77%.

Обобщённый анализ и регрессионное моделирование динамики урбанизации по странам с низким потенциалом

К странам с низким потенциалом урбанизации можно отнести такие страны, в которых процент городского населения находится в диапазоне от 50-й процентиля (медианы) до минимума. В целом усреднённые (Q_1) результаты линейного регрессионного моделирования динамики процента городского населения для стран с низким потенциалом урбанизации имеют почти функциональный характер ($R^2 = 0,997$) и выглядят следующим образом (включая прогноз): рост в 1960–2025 гг. составил 2,51–2,45 раз, в 1960 г. процент городского населения находился в диапазоне 17–18%, в 2022 г. — 43–44%, а по прогнозам модели в 2025 г. доля городского населения в странах с низким потенциалом будет превышать 45%.

По аналогии со странами из верхней 10-й когорты (страны-лидеры, реализовавшие свой потенциал урбанизации), мы выделим и нижнюю (10-ю) когорту в отдельный тип стран-аутсайдеров. При этом в рамках данного исследования мы посчитали необходимым и достаточным определить верхнюю планку критически низкого значения потенциала урбанизации на уровне 10-й процентиля. Для значений 10-й процентиля и минимальных значений процента городского населения по странам мира в 1960–2025 гг. нами были построены линейные регрессионные модели ($R^2 = 0,97$). Верхняя планка (P_{10}) критически низких значений потенциала урбанизации в 1960 г. составила 8,5–9,5%, в 2022 г. — 26–28%, в 2025 г. — 29% городского населения, то есть рост — примерно в 3 раза; нижняя планка (Q_0) критически низких значений потенциала урбанизации в 1960 г. составила 1–2%, в 2022–2025 гг. — 13,0–13,5% городского населения, т.е. рост — примерно в 7–13 раз (факт-тренд). Обобщённо (графически и таблично) результаты анализа моделирования и прогноза по странам мира с высоким и низким потенциалом урбанизации представлены на рис. 2 и 3 и в табл. 3.

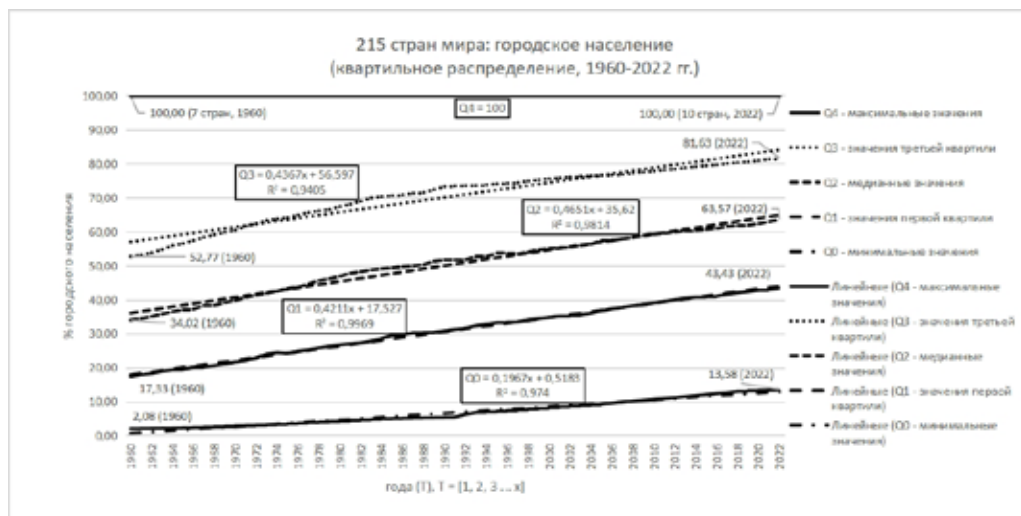

Рис. 2. Квартильное моделирование роста урбанизации по 215 странам мира (1960–2022 гг.)

Fig. 2. Quartile modeling of urbanization growth for 215 countries (1960–2022)

Источник: расчёты авторов по данным Мирового банка и ООН.

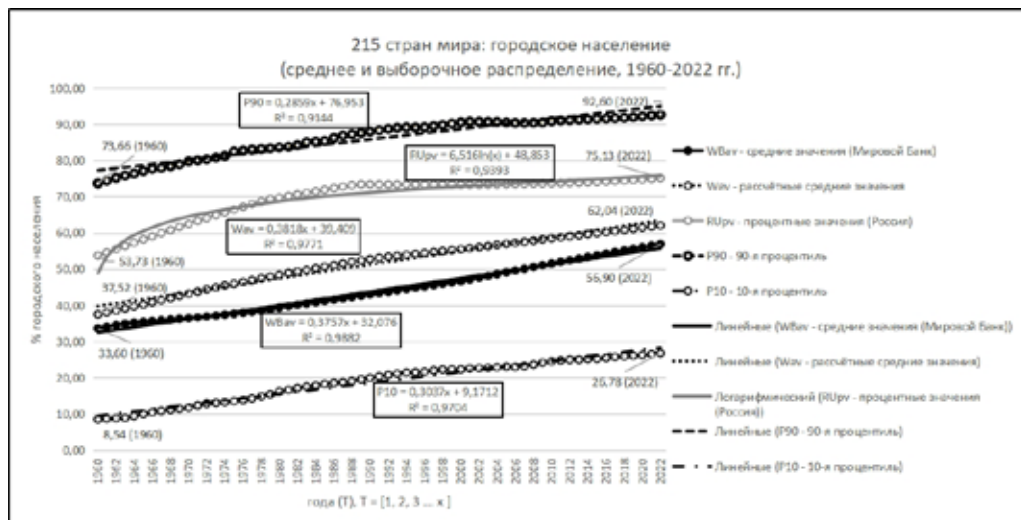

Рис. 3. Моделирование средних и выборочных значений роста урбанизации по 215 странам мира (1960–2022 гг.)

Fig. 3. Modeling of average and sample values of urbanization growth for 215 countries (1960–2022)

Источник: расчёты авторов по данным Мирового банка и ООН.

Таблица 3

Группировка стран мира по потенциалу урбанизации (% городского населения)

Table 3

Grouping of countries of the world by urbanization potential (% of urban population)

Показатель	1960		2022		Рост: 2022 / 1960	Прогноз: 2025*
	факт	тренд	факт	тренд	факт-тренд	тренд
Страны с высоким потенциалом						
Q4 = 100% (максимум)	100,00	100,00	100,00	100,00	1,00	100,00
P95 = 95 процентиль	85,22	85,22	98,50	97,46	1,16–1,14	нет
P90 = 90 процентиль	73,66	77,24	92,60	94,96	1,26–1,23	95,82
Q3 = 75% (третья квартиль)	52,77	57,03	81,63	84,11	1,55–1,47	85,42
RU _{pv} = Россия	53,73	48,85	75,13	75,85	1,40–1,55	76,15
P51 = 51 процентиль	34,18	34,18	63,90	61,18	1,87–1,79	нет
Страны с низким потенциалом						
Q2 = 50% (медиана)	34,02	36,09	63,57	64,92	1,82–1,80	66,32
W _{av} = средняя (расчёт)	37,52	39,79	62,04	63,46	1,65–1,59	64,61
W _{Bav} = средняя (МБ)	33,60	32,45	56,90	55,75	1,69–1,72	56,87
Q1 = 25% (первая квартиль)	17,33	17,95	43,43	44,06	2,51–2,45	45,32
P10 = 10 процентиль	8,54	9,47	26,78	28,30	3,14–2,99	29,22
Q0 = 0% (минимум)	2,08	0,72	13,58	12,91	6,54–18,06	13,50
Коэффициент вариации (%)	66,4	нет	38,3	нет	0,58	нет

* Прогнозирование на 2025 г. осуществлено на основе экстраполяции данных (параметров) соответствующих уравнений регрессии по показателю «процент городского населения».

Источник: расчёты авторов по данным Мирового банка и ООН.

Как видно, в табл. 3 отражены только обобщающие характеристики стран мира по уровню (потенциалу) урбанизации, за исключением России, которую мы рассмотрели отдельно. В табл. 3 отражены как фактические значения динамики процесса урбанизации, так и наиболее близкие к ним трендовые значения, рассчитанные с помощью трёх моделей — две общих и одна индивидуальная (для большинства трендов), но для определения трендовых значений 95-й и 51-й процентиля мы воспользовались формулой из первой (обобщённой) модели.

Заключение

Исследование процесса урбанизации по странам мира (1960–2025 гг.) показало, что за анализируемый период наиболее быстро среди «средних» показателей росли именно средние (на основе медианных) значения процента городского насе-

ления, их рост составил примерно 1,81 раза — с 35% (1960 г.) до 64% (2022 г.) и по прогнозам — 66% (2025 г.). При этом, судя по линейному положительному тренду, рост урбанизации в мире будет продолжаться и после 2025 г. много лет; то есть «водораздел» между странами с высоким и низким потенциалом урбанизации не только уже перешёл через порог равный 50% городского населения, но и приближается к 75% населения.

Страны со 100%-м городским населением ещё долгое время будут считаться не трендом урбанизационного развития, а его «аномалией», характерной для малых стран. В этой связи при определении реализованного потенциала урбанизации и стран, полностью его реализовавших, мы предлагаем ориентироваться (опираясь на результаты моделирования) на 10-ю процентиль распределения стран мира по проценту городского населения. Так, в 1960 г. диапазон значений составил 73–100%, а в 2022–

2025 гг. — уже примерно 95–100% городского населения.

Иначе говоря, мы можем констатировать, что даже при максимизации процессов формирования городских агломераций сохранится сельско-городской континуум. Что касается динамической концепции концентрации населения Дж. Джиббса, то пока мало стран мира достигли пятой стадии урбанистического развития, и при этом в них наблюдается именно стагнация урбанизации, но не процессы дезурбанизации, а скорее агломерационные процессы.

За 1960–2022 гг. и с учётом прогноза до 2025 г. критически низкие значения потенциала мировой урбанизации повысились в 3 раза — с примерно 10% до 30% городского населения. В тоже время, осознавая спорность предложенных нами критериев отнесения стран как странам с критически низкими потенциалами, так и странам, реализовавшим свой потенциал урба-

низации, в дальнейших наших исследованиях необходимо уточнить соответствующие значения процентов городского населения в зависимости от некоторых других анализируемых факторов, например ВВП, продолжительности жизни, продолжительности образования и других факторов.

Отметим, что аналитический параметр «доля городского населения» — это количественный показатель урбанизации, не позволяющий качественно оценить процессы урбанизации; поэтому необходимы дополнительные исследования именно городов и сельских поселений с целью «качественной» проверки как гипотезы эволюции концентрации населения Дж. Джиббса, так и гипотезы доминирования городских агломераций с минимальным количеством сельских поселений, а возможно (при развитии автоматизации и подобного) и перехода на вахтовый метод ведения сельского хозяйства и других отраслей АПК вне агломерационных зон расселения.

Литература и Интернет-источники

1. **Adams, R.** The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico / R. Adams. — Routledge, 2017. — 203 p.
2. **Цыганков, В.В.** Модель политогенеза Роберта Карнейро: проблемные моменты и необходимые дополнения / В.В. Цыганков // Философия и общество. — 2022. — № 2. — С. 5–25. DOI: 10.30884 / jfo / 2022.02.01; EDN: ТКАНWT
3. **Моргунов, Е.В.** Развитие городов через призму качества жизни населения / Е.В. Моргунов, С.М. Мамаев // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2017. — № 38. — С. 26–42. DOI: 10.17223 / 19988648 / 38 / 3; EDN: YQPYSH
4. **Форрестер, Дж.** Динамика развития города / Дж. Форрестер. — Москва, 1974. — 286 с.
5. **Redfield, R.** The Folk Society / R. Redfield // American Journal of Sociology. — 1947. — Vol. 52. — No. 4. — P. 293–308
6. **Трейвиш, А.** Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения / А. Трейвиш // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 1. — С. 52–70. EDN: WFEIZZ
7. **Яковлева, С.И.** Концепция сельско-городского континуума: новые методики оценки расселения / С.И. Яковлева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «География и геоэкология». — 2021. — № 3(35). — С. 42–51. DOI: 10.26456 / 2226-7719-2021-3-42-51; EDN: TTTZNY
8. **Gibbs, J.** The evolution of population concentration / J. Gibbs / Economic Geography. — 1963. — Vol. 39. — No. 2. — P. 119–129.
9. **Пешина, Э.В.** Эволюция теоретико-методических подходов к познанию «Идеального города» / Э.В. Пешина, А.В. Рыженков // Управленец. — 2013. — № 4(44). — С. 32–40. EDN: RCFYBF

10. **Шмидт, А.В.** Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методологические и прикладные аспекты / А.В. Шмидт, В.С. Антонюк, А. Франчини / Экономика региона. — 2016. — Т. 12 — № 3. — С. 776–789. DOI: 10.17059/2016-3-14; EDN: WJLMSH
11. **Моргунов, Е.В.** Основные методологические подходы изучения человеческого развития как важнейшего приоритета обеспечения национальной безопасности России / Е.В. Моргунов, С.В. Чернявский // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2023. — № 61. — С. 32–39. DOI: 10.17223/19988648/61/3; EDN: GGMEDP

Сведения об авторах:

Моргунов Евгений Владимирович, к.э.н., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morgun1976@mail.ru; РИНЦ SPIN-код: 3910–0942.

Ростовцев Андрей Игоревич, к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manager1@rambler.ru; РИНЦ SPIN-код: 3836–3150.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-64-75

URBANIZATION IN COUNTRIES OF THE WORLD: POTENTIAL AND DYNAMICS FOR 1960–2022

Evgeny V. Morgunov*, Andrey I. Rostovtsev

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: morgun1976@mail.ru

For citation:

Morgunov E.V., Rostovtsev A.I. Urbanization in countries of the world: potential and dynamics for 1960–2022. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 64–75. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-64-75 (in Russ.)

Abstract. *The object of the study presented in the article was 215 countries of the world, the subject of the study was the dynamics of the urban population in 1960–2022. The study puts forward and partially confirms the hypothesis that development of settlements (countries) is subject to dialectical laws of development: from rural settlements to urban agglomerations and even to full-fledged city-states with 100 percent urban population (however, they still remain anomalous states). To test the hypothesis based on methods of mathematical, statistical and other types of analysis and modeling, we analyzed the dynamics of the percentage of urban population in 215 countries of the world for the period from 1960 to 2022 in order to identify global trends in the urbanization process and forecast until 2025. Also, during the study, tasks such as grouping countries of the world (by urbanization potential) and identifying critically low values of urbanization potential were set and solved. The grouping is based on the percentile method — countries with high urbanization potential (from the 100th to 51st percentile), countries with low potential (50th to 0th percentile). At the same time, leading countries (100–90th percentile) and outsider countries (10–0th percentile) were especially highlighted, and a critically low value of urbanization potential was determined, equal to the 10th percentile. In general, the study showed that, on average, the growth of urbanization in the countries of the world will continue and in 2025 will amount to 66% of the urban population in the world (an increase of almost 2 times since 1960), the limit (maximum potential) of urbanization will be 90–100% of the urban population (an increase of approximately 1.37 times) and critically low urbanization values will amount to about 30% of the world's urban population (an increase of more than 3 times since 1960).*

Keywords: urban population, dialectics, dynamics, critically low values, urbanization potential, forecasting, Russia, statistical analysis, countries of the world.

References and Internet sources

1. Adams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Routledge, 2017. 203 p.
2. Tsygankov V.V. Model' politogeneza Roberta Karneyro: problemnyye momenty i neobkhodimyye dopolneniya [Robert Carneiro's model of politogenesis: problematic issues and necessary additions]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*. 2022. No. 2. P. 5–25. DOI: 10.30884 / jfio / 2022. 02.01 (in Russ.)
3. Morgunov E.V., Mamaev S.M. Razvitiye gorodov cherez prizmu kachestva zhizni naseleniya [Development of cities through the lens of the population life quality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of Tomsk State University. Economics]*. 2017. No. 38. P. 26–42. DOI: 10.17223 / 19988648 / 38 / 3 (in Russ.)
4. Forrester J. *Dinamika razvitiya goroda [Urban Dynamics]*. (Transl. by M.G. Orlova). Moscow. Progress. 1974. 286 p. (in Russ.)
5. Redfield R. The Folk Society. *American Journal of Sociology*. 1947. Vol. 52. No. 4. 1947. P. 293–308.
6. Treyvish A. Sel'sko-gorodskoy kontinuum: sud'ba predstavleniya i yego svyaz' s prostranstvennoy mobil'nost'yu naseleniya [The rural-urban continuum: the destiny of the notion and its link to the spatial mobility of population]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 52–70. (in Russ.)
7. Yakovleva S.I. Kontseptsiya sel'sko-gorodskogo kontinuum: novyye metodiki otsenki rasseleniya [The concept of the rural-urban continuum: new methods evaluation assessment]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geografiya i geoekologiya» [Bulletin of Tver State University. Series: Geography and Geoecology]*. 2021. No. 3(35). P. 42–51. DOI: 10.26456 / 2226-7719-2021-3-42-51 (in Russ.)
8. Gibbs J. The evolution of population concentration. *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.
9. Peshina E.V., Ryzhenkov A.V. Evolyutsiya teoretiko-metodicheskikh podkhodov k poznaniyu «Ideal'nogo goroda» [The evolution of theoretical and methodical approaches to the cognition of «ideal city»]. *Upravlenets [The Manager]*. 2013. No. 4(44). P. 32–40. (in Russ.)
10. Shmidt A.V., Antonyuk V.S., Franchini A. Gorodskie aglomeratsii v regional'nom razvitii: teoreticheskiye, metodologicheskiye i prikladnyye aspekty [Urban agglomerations in regional development: theoretical, methodological and applied aspects]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2016. Vol. 12. No. 3. P. 776–789. DOI: 10.17059 / 2016-3-14 (in Russ.)
11. Morgunov E.V., Chernyavsky S.V. Osnovnyye metodologicheskiye podkhody izucheniya chelovecheskogo razvitiya kak vazhneyshego prioriteta obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii [Basic methodological approaches to studying human development as the most important priority for ensuring the national security of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of Tomsk State University. Economics]*. 2023. No. 61. P. 32–39. DOI: 10.17223 / 19988648 / 61 / 3 (in Russ.)

Information about the authors:

Morgunov Evgeny Vladimirovich, Candidate of Economics, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morgun1976@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 3910–0942.

Rostovtsev Andrey Igorevich, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manager1@rambler.ru; Elibrary SPIN-code: 3836–3150.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-76-88
EDN: UHGVCМ

ЖИЛИЩНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОЖДАЕМОСТИ: ОПЫТ КИТАЯ

Русанов А.В.^{1*}, Ван Е²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

²Группа по привлечению инвестиций в новый район Харбина
(150000, China, Harbin New District, Innovation Road, 699)

*E-mail: rusanovmsu@gmail.com

Для цитирования:

Русанов А.В., Ван Е. Жилищные аспекты политики рождаемости: опыт Китая // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 76-88. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-76-88; EDN: UHGVCМ

Аннотация. Спецификой Китая является использование жилищных инструментов для реализации демографической политики, ускорение урбанизации как базы дальнейшего экономического роста на основе постиндустриальной модернизации и инноваций. Отмена в 2016 г. обязательной однодетности, просуществовавшей более 30 лет, не привела к ожидаемому росту рождаемости, причём чаще всего отказ от второго ребёнка семьи объясняли финансовыми и жилищными проблемами. Исключительная роль сектора жилой недвижимости в экономическом развитии Китая способствовала жилищному буму, репродуктивные последствия которого обусловлены жилищным статусом разных групп населения (собственники и арендаторы коммерческого и социального жилья), институциональной спецификой (система регистрации «хукоу», налоги) и социально-демографической дифференциацией регионов. Хотя рост цен на жильё повышает как доходы собственников, так и расходы арендаторов, рождаемость везде остается низкой. Поскольку в условиях исполнительной автономии местного самоуправления меры общенациональной жилищной политики реализуются на уровне провинций, региональные и муниципальные органы власти самостоятельно выбирают наиболее эффективные меры для стимулирования рождаемости. Разнообразие жилищного сектора, сочетающего черты современного рынка и традиции национального планового хозяйства, позволяет связать требования к потребителям социального жилья с числом рожденных детей и репродуктивными перспективами семьи, приобретать «текущему» населению вторые дома как временное жильё детям-студентам, а при принятии решения о рождении ребёнка учитывать качество учебных заведений в школьном округе. Особый интерес представляет опыт Китая по эволюции пронаталистских мер жилищной политики на этапах отказа от однодетности, разрешения двухдетности и стимулирования трёхдетности с 2021 г. в регионах с разным уровнем рождаемости.

Ключевые слова: Китай, жильё, приватизация, аренда, вторые дома, демографическая политика, рождаемость.

Введение

В последние десятилетия общественное развитие Китая / КНР показывает примеры эффективного использования различных социально-экономических мер, направленных на решение национальных демографических проблем. Одной из наиболее острых из них является рождаемость, уровень которой должен отвечать требованиям и возможностям народнохозяйственного развития. Это означает корректировку регулирующих мер в соответствии с изменениями экономической ситуации, результатом которой стал диаметральный разворот демографической политики от жёсткой однодетности в 1981 г. до разрешения двухдетности в 2016 г. и стимулирования многодетности в 2021 году. Зависимость рождаемости от различных факторов позволяет составить комплекс мер регулирования, где важное место занимает обеспечение жильём, ставшее после либерализации жилищного рынка одним из заметных компонентов сектора недвижимости, создавшего более 6% ВВП Китая в 2022 году¹. Значимость «квартирного вопроса» для семьи подтверждает текущая структура потребительских расходов, в которых «Жильё» занимает второе место (24%) после «Продуктов питания, табака и алкоголя» (30,5%)².

Реформа жилищной сферы началась в 1988 г.: период обеспечения доступным жильём (1988–2002 гг.) предполагал «применить различные подходы жилищной политики к семьям с разными доходами: семьи с низкими доходами могут арендовать общественное жильё, предоставленное государством или кооперацией. Семьи со средними доходами могут покупать доступное жильё, а с высокими доходами могут покупать или арендовать коммерческое жильё по рыночной цене», «регулировать структуру жилищных инвестиций, сосредоточив

их на развитии доступного жилья, ускорить решения жилищных проблем для малообеспеченных жителей» [1]. Такие жилищные принципы соответствовали абсолютному доминированию однодетных семей. Постепенное ослабление антиnatalности входило в задачи построения в 2002–2012 гг. среднезажиточного общества «сяокан» (преобладание среднего класса), в котором доходов хватало бы и на содержание собственных детей, и на помощь престарелым неработающим родителям. Региональная дифференциация уровня жизни и постепенное расширение условий для разрешения второго ребенка потребовали соответствующих изменений мер политики рождаемости, чему способствовало, кроме прочего, многообразие жилищного сектора китайской экономики, содержащего различные типы собственного или арендуемого жилья.

В статье рассмотрен опыт Китая по использованию основных мер жилищной политики для регулирования рождаемости на разных этапах национальной демографической политики с учетом институциональной специфики, а также особенностей регионов и некоторых категорий населения. Период исследования охватывает 1980–2023 гг. — от начала политики обязательной однодетности до введения первых мер политики стимулирования многодетности. Методы основаны на качественном анализе данных вторичной информации, включающей нормативные документы по вопросам социально-экономической, демографической и жилищной политики, научные публикации и научно-популярную публицистику, данные печатных и электронных средств массовой информации, а также официальной общедоступной статистики КНР.

Обзор литературы

После институционального оформления регулирования рождаемости как основы демографической политики и включения статьи о планировании семьи в Конституцию КНР 1982 г., жилищная политика отражала возможности по достижению текущих це-

¹ Wenyi Zhang. Social housing in China // Statistics and facts, 12 February, 2024. — URL: <https://www.statista.com / topics / 11794 / social-housing-in-china / #topicOverview> (дата обращения: 20.12.2024).

² Лян Цзяньчжан, Хуан Вэньчжэн, Хэ Яфу. Отчёт о затратах на рождаемость в Китае, 2024 год (на китайском языке). — URL: <https://file.c-ctrip.com / files / 6 / yuwa / OR72u12000d9culmnBF37.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

лей. В ходе многочисленных исследований было выявлено, что число рождений в китайских семьях во многом зависит от наличия жилья, которое всегда регулировалось институционально, прежде всего через систему регистрации домохозяйств «хукоу» (постоянное домохозяйство, привязанное к конкретному месту жительства — аналог российской «регистрации по постоянному месту жительства»). Экономическое развитие КНР с начала 1980-х гг. связано с индустриализацией и урбанизацией, до настоящего времени заметно влияющих на уровень рождаемости через специфическое репродуктивное поведение разных категорий населения и привлекающих внимание к его социально-экономическим детерминантам. В этой связи установлены динамические причинно-следственные связи между ситуацией с жильём и репродуктивными намерениями населения при ограниченной социальной поддержке материнства, особенно актуальными в сравнении с высококоразвитыми странами, создавшими хорошо отлаженную систему семейных пособий и преференций [2–4]. В частности, выявлено влияние на рождаемость аренды жилья, приобретения жилья в собственность [5], которые становятся «компонентами мечты» растущего китайского среднего класса [3]. Некоторые эмпирические исследования доказали, что шок цен на жильё тесно связан со снижением рождаемости, в том числе через сокращение первых браков, а высокие жилищные расходы домохозяйств вынуждают отказаться от рождения детей [6; 7].

С учётом специфики регионов Китая показано, как стоимость жилья влияет на репродуктивные решения разных категорий населения, например, квалифицированных специалистов, для привлечения которых городские власти могут предоставлять доступное жильё [8]. Исследование в провинциях Центрального Китая выявило опосредованное влияние жилищной политики на решения в пользу рождения вторых и третьих детей через расходы на жильё [9; 10], а изучение городской образовательной политики подчеркнуло жилищные компоненты социально-экономических предпо-

сылок, способствовавших эволюции демографического регулирования от антинатализма до пронатализма [11; 12]. Исследования, проведённые после отказа от политики однодетности, показали, что наличие у родителей жилья, передаваемого по наследству детям, играет существенную роль и в жилищных стратегиях, и в репродуктивных намерениях молодёжи [13–15].

Изучение жилищных аспектов политики рождаемости показало, что уже начиная с периода обязательной однодетности, городское жильё в Китае было эффективным инструментом регулирования индивидуального числа рождений, учитывающим как общие тенденции пространственного демографического развития, так и национальные особенности страны. В частности, одной из особенностей китайской урбанизации стало появление населения, прибывающего в города в поисках работы после сельскохозяйственных реформ, названного в англоязычных публикациях «плавающим» (кочующим, блуждающим)³; наиболее близким по смыслу переводом на русский язык может быть «временное» население⁴. В отличие от «постоянных» мигрантов, выбирающих город для постоянного места жительства, эти «временные» мигранты не имеют «хукоу» там, где проживают и трудятся, но около 80% из их почти 300-миллионного контингента находится в возрасте максимальной физиологической репродуктивности и потому заметно влияет на уровень рождаемости в месте их проживания. Это привлекает всё больше внимания к условиям, при которых «временное» население готово завести детей, поскольку отсутствие равных с местными жителями социальных прав объективно обуславливает их предпочтения на собственное городское жильё. Отдельные исследования показали, что арендаторы жилья и собственники жилья, уже имеющие ребёнка, чаще ориентированы на двухдетность, чем бездетные собственники жилья [16–18].

³ Solinger DJ. Contesting Citizenship in Urban China: Peasant Migrants, the State, and the Logic of the Market. — Berkeley: University of California Press, 1999.

⁴ Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — Москва, 2003. — 352 с. — С. 302.

В последние годы актуализировался анализ взаимосвязи растущего жилищного неравенства и снижения рождаемости в китайских городах. Выявлено, что одновременное существование беспрецедентной приватизации жилья и спонсируемых государством жилищных программ создало гибридный режим домовладения с рыночными и нерыночными характеристиками, образовав системные связи между особенностями домовладения и совокупной рождаемостью городских семей, учитывающие характеристики семьи, местное экономическое развитие, цены и качество жилья. У купивших жильё на рынке недвижимости рождаемость выше, чем у тех, кого спонсировало государство, но ниже, чем у арендаторов жилья, что подтверждает действие специфических институциональных барьеров, в частности, системы «хукоу» [19].

После включения в жилищную политику рыночных инструментов жильё приобрело инвестиционные функции, вклад которых в регулирование рождаемости отмечался, в частности, в работах, посвященных «вторым домам» [20]. Само появление такой категории жилья, характерной для высокоурбанизированных стран, свидетельствует о быстрых темпах китайской урбанизации и социальных результатах экономических преобразований. Исследования в рамках проекта *UrbaChina* (2011–2015 гг.) отмечали, что функциональная специфика вторых домов в Китае, как следствия перехода от социалистической экономики к рыночной, усилила жилищное неравенство в городах, поскольку многие владельцы второго жилья сдавали основное жильё в аренду, в том числе «текучему» населению⁵. В настоящее время рынок вторых домов продолжает развиваться, причем целевая группа потенциальных инвесторов расширяется за счет иностранных потребителей⁶, никак не отражаясь на репродуктивных намерениях китай-

ского населения. В контексте разработки современной пронаталистской демографической политики внимание уделяется взаимосвязи жилищного кредитования и принятию решений о рождении детей [21].

Жилищная политика в период ограничения рождаемости

В начале политики обязательной однодетности жильё выделялось государством через рабочие подразделения с учётом трудового стажа, общественных заслуг и потребностей [24], а зависимость от размера семьи делало его автоматическим регулятором числа детей у супругов. При начале макроэкономических реформ в 1978 г. средний показатель жилой площади на душу населения составлял лишь 3,8 м², а в городе — 6,7 м² [25]. В 1980-х гг. собственным жильём обладали менее 20% горожан [1]. В 1998 г. система государственного распределения жилья прекратила существование, и главной возможностью его получения в городе стала покупка на рынке недвижимости, в том числе с помощью ипотечного кредита. Таким образом, коммерческое (приватизированное или частное) жильё получило инвестиционные функции, но на начальном этапе жилищной реформы было доступно лишь высокодоходным семьям, которые и при политике однодетности могли позволить себе второго ребенка, оплатив штраф за его рождение в сумме нескольких годовых заработных плат. Поскольку именно коммерческое жильё рассматривалось как доминирующее направление улучшения жилищных условий горожан, уже в 2005 г. Национальное статистическое бюро (НСБ) Китая зафиксировало почти четверть городских жителей, проживавших в приватизированном жильё, а 2 / 3 — в различных типах частного жилья [1]. Остальные обеспечивались социальными или доступным жильём, объединившим множество видов аренды или купли-продажи недвижимости с государственными преференциями [25]. К завершению политики однодетности в результате приватизации собственниками жилья стали более 80% граждан [26].

⁵ Sebastien Goulard. The paradox of China's second homes. // *URBACHINA*, 8 January, 2025. — URL: <https://doi.org/10.58079/v2ba> (дата обращения: 30.01.2025).

⁶ Guide to Buying a Second Home in Shanghai, 22.05.2024. — URL: <https://movingcountries.guide/money-matters/buying-property-abroad/guide-to-buying-a-second-home-in-shanghai/> (дата обращения: 30.12.2024).

Учитывая стратегические макроэкономические цели, включающие рост благосостояния населения до уровня, способствующего пронаталистскому репродуктивному выбору, жилищная политика была ориентирована либо на решение жилищных проблем низкодходных групп населения, либо на ускорение развития рынка жилья для высокодходных. Хозяйственные возможности государства не позволяли увеличить предложение жилья, поэтому центральные и местные власти получили право регулировать спрос через ставки по ипотечным кредитам, налоги и локальные «хукоу», определяющие статус конкретного человека в регистрационной системе, ограничивая предложение земли под жилую застройку за счёт ужесточения правил и повышения цен на землю. Концепция «Жильё для проживания, а не для спекуляции» помогла обеспечить доступным жильём семьи с низким доходом, но почти не учитывала интересов общества «сяокан». Рост цен на недвижимость заметно опережал рост доходов — даже среднедходным семьям не хватало средств на коммерческое жильё, и отсутствие прав на покупку или аренду доступного социального жилья вынуждало ограничивать число детей. Это негативно отразилось на пронаталистских намерениях молодёжи: негласные, но широко распространённые требования к мужчинам иметь собственную квартиру до вступления в брак откладывали создание семей на долгое время, а дорогая ипотека снижала семейный доход до уровня, недостаточного для содержания даже единственного ребёнка.

В рамках смягчения негативных тенденций провинции могли корректировать общенациональные меры жилищной политики. Например, в городе Нанкин (столица провинции Цзянсу) социальное жильё впервые предложили в 2001 г. низкодходным семьям с местным «хукоу», в 2011 г. распространили право на него на выпускников местных вузов. В последующие годы спектр типов такого жилья расширялся, увеличивая разнообразие функций и целевых групп получателей.

Одним из факторов, влияющих на индивидуальный жилищный выбор семей

с детьми в Китае, является наличие с середины 1990-х гг. школьных округов, то есть территорий, дети с которых принимают-ся в ближайшие к дому государственные общеобразовательные школы по принципу «зачисление рядом»⁷. С 2006 г. обязательное школьное образование тесно увязывается с правами собственности на жильё и «хукоу»⁸, что заметно повышает цены на жилую недвижимость в округах с престижными школами. Хотя перечень таких школ меняется в соответствии с социально-экономической ситуацией, сокращение детского контингента с первых лет политики однодетности привело к постепенному уменьшению числа государственных учебных заведений, лучшие из которых находятся в крупных городах. НСБ Китая делит 70 крупных и средних городов на три уровня — от четырёх городов 1-го уровня (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь) до 35 городов 3-го уровня. В большинстве городов 1-го уровня семьи, чьи «хукоу» и фактическое место жительства находятся по одному адресу в школьном округе, обычно имеют приоритет при приёме детей в местные государственные школы, а в некоторых популярных школьных округах требуется проживание семьи по официальному адресу («хукоу») в течение нескольких лет⁹.

Иногда выполнить такое требование помогали «вторые дома» — в 2002 г. около 6,6% городских домохозяйств имели два или более жилых объекта, в 2007 г. — 15%, причём владение вторым домом дополнялось арендой основного жилья в государственном секторе [22]. В мегаполисах вторых домов было ещё больше — например, около 23,7% в Пекине, поскольку именно

⁷ С каких пор в Китае существует понятие «жильё в школьном округе»? (на китайском языке) — URL: www.sohu.com/a/214796312_109524 01.05.2018 (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ Закон КНР «Об обязательном образовании» от 12.04.1986 с поправками от 29.06.2006 (на китайском языке) — URL: https://en.moe.gov.cn/documents/laws_policies/201506/t20150626_191391.html Министерство образования Китайской Народной Республики 29.07.2009 (дата обращения: 15.01.2025).

⁹ «Жильё школьного округа...». (на китайском языке) — URL: <https://finance.sina.com.cn/other/lejnews/2018-07-06/doc-ihexfcvk6880072.shtml> (дата обращения: 15.01.2025).

здесь они «выделялись по месту работы» (26,6%), приобретались в качестве дополнительного жилья рядом с работой (21,9%) либо из-за неудовлетворительных условий проживания в первом месте жительства (20,7%), доставались по наследству (14,2%), за целевые жилищные субсидии от предприятий (9,5%) или инвестиции (7,1%) [27]. «Вторые дома» были почти у трети сельских мигрантов, арендовавших городское жильё, но сохранявших дома и земельные участки в родной провинции как страховку на случай неудачной интеграции в городскую жизнь, либо снимавших его для детей-студентов.

Поскольку налоговая система не предполагала высоких налогов на содержание имущества, некоторые приобретали несколько жилых объектов в качестве выгодных инвестиций из-за роста цен на недвижимость. На фоне уникальных городских «вторых домов» в Китае активизировалось развитие «классических» загородных вторых домов, функционально схожих с теми, которые были ещё у китайской знати [28] — аналог российских «дач». Рост доходов населения, изменения образа жизни, растущее социальное расслоение, оплачиваемый досуг способствовали появлению вторичного жилья для отдыха и связанных с ним инвестиций, особенно в курортных местностях, например, в городах Хайкоу (остров Хайнань), Саньян (остров Фошань) [29–30], а также в столичных центрах — в Пекине около 13% «вторых домов» использовались для отдыха и туризма [27].

До 2000 г. жилищные меры в целом способствовали ограничению рождаемости — во всех регионах Китая сохранялась устойчивая тенденция снижения суммарного коэффициента рождаемости (СКР), хотя менялось количество территорий, где этот показатель был ниже среднего по стране. В 1990 г. на Севере и Северо-Востоке КНР, в восточных провинциях Чжэцзян и Шаньдун, юго-западной Сычуани, в Пекине, Тяньцзине и Шанхае СКР был меньше среднекитайского 2,295, но нигде СКР не снижался ниже 1. К 2010 г. средний СКР уменьшился до 1,181, но несколько вырос в некоторых провинциях: на 0,039 в Пекине;

0,101 в Тяньцзине; 0,062 в Шанхае и 0,057 в Гуандуне¹⁰.

Жилищная политика в период стимулирования рождаемости

К началу политики «универсальной двухдетности» в 2016 г. жилищные тенденции отражали потребности разных групп населения и возможности государства по их удовлетворению, а после неэффективности первых разрешительных мер политики универсальной двухдетности, наиболее демографически неблагоприятные провинции в 2018 г. разработали планы налоговой, образовательной, социальной и жилищной политики для семей с двумя детьми. В целом по стране к 2019 г. 38 млн человек получили социальное жильё, 22 млн человек — пособие на аренду жилья¹¹, а в наиболее значимых городах на каждого жителя приходилось около 1,5 объекта недвижимости, что подтверждает усиление их инвестиционной функции. Коммерциализация жилья способствовала существенному улучшению условий жизни: в 2020 г. в среднем на человека в доме приходилось примерно 1,07 комнаты, и более чем 94% жилых помещений по всей стране имели туалет и кухню (в ОЭСР это 1,7 и 97%)¹², однако, по мнению экспертов, именно высокие цены на жильё в крупных городах не позволяют парам заводить детей, поскольку одежда, продукты питания, услуги транспорта и связи здесь ненамного дороже, чем в небольших городах — 41,6% респондентов назвали недостаток доступного жилья причиной, из-за которой семьи ограничиваются одним ребёнком¹³.

¹⁰ Таблица суммарных коэффициентов рождаемости для административных районов провинциального уровня КНР (на китайском языке). — URL: <https://www.qiuwenbaike.cn/wiki/> (дата обращения: 20.01.2025).

¹¹ В Китае построили крупнейшую в мире систему обеспечения жильём (на китайском языке). — URL: <https://www.chinanews.com/sh/shipin/2020/12-12/news875028.shtml> (дата обращения: 12.03.2021).

¹² OECD Better Life Index. Housing. — URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/housing/> (дата обращения: 20.03.2023).

¹³ Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications. — URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> 19.07.2021 (дата обращения: 20.03.2023).

При этом цены на жильё заметно дифференцируются — в городах 1-го уровня цены на новое и существующее жильё выросли на 2,5% и 0,6% соответственно, в городах 2-го и 3-го уровня цены снизились, причём в городах 3-го уровня особенно заметно. Предложение жилья в этих городах превышало спрос, что сформировало «жилищный пузырь»: в городах 3-го уровня сосредоточено более 78% общего жилищного фонда Китая и 66% городского населения Китая¹⁴. Это жильё относительно доступно: среднее соотношение цен к доходам в городах 2-го и 3-го уровней составило 11,6 и 10,1 в 2020 г. по сравнению с 24,4 в городах 1-го уровня. Ввод нового жилья в 13 городах опередил рост спроса по меньшей мере на 30%, и ещё в 11 городах — на 10%, в результате чего в городах 3-го уровня цены на недвижимость упали почти на 20%, в городах 1-го и 2-го уровней цены незначительно выросли¹⁵. Такая ситуация способствовала тому, что Китай стал страной с одним из самых высоких в мире показателем владения несколькими / вторыми домами (>20%) [26].

Неоднозначная динамика потребовала углубления диверсификации жилищной политики, поскольку, по экспертным расчётам, увеличение стоимости жилья влияет на репродуктивный выбор собственников: рост затрат на жильё на 100 тыс. юаней (около 43% от среднего уровня благосостояния) на 14% снижает вероятность того, что его владелицы-женщины примут решение в пользу рождения ребёнка; схожим антинальным эффектом обладают слаборазвитые кредитные рынки [23].

Уже первые отклики на стимулирующие пронаталистские меры показали, что тенденции рождаемости, начавшие формироваться в конце периода обязательной однодетности, укрепляются (рис. 1). Хотя число регионов с СКР ниже 1, осталось таким же,

как в 2010 г., значение его повысилось, особенно в провинциях и городах с самой низкой рождаемостью: на 0,175 в Ляонине; 0,161 в Пекине; 0,129 в Шаньси; 0,119 в Гирине; 0,118 во Внутренней Монголии при общекайтайском СКР 1,3, а в юго-западном Гуйчжоу преодолел длившееся до 2010 г. снижение и вырос до 2,119; только в Хэбэе, Хубэе, Аньхое, Хунане и северо-западном Синьцзян-Уйгурском автономном районе СКР снизился¹⁶.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) на национальном уровне тоже существенно не увеличивался, а в 2022 г. естественный прирост сменился естественной убылью населения (–0,6‰), хотя в сентябре того же года Национальная комиссия здравоохранения Китая предложила новые рекомендации по налоговой, жилищной, трудовой и образовательной политике, направленные на улучшение условий жизни семей с детьми. За период реализации мер стимулирования рождаемости достаточно чётко выделились провинции с самым высоким (Тибет, Цинхай, Хайнань) и самым низким (провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Гирин, города Шанхай и Тяньцзинь) ОКР, что потребовало учёта местной специфики.

В провинции Хэйлунцзян (границающей с Дальним Востоком России) после распространения в 2016 г. на всю страну разрешённой двухдетности супруги из приграничных районов получили право иметь ещё одного ребёнка¹⁷. Однако к 2018 г. региональный ОКР составил 5,98‰, к 2022 г. снизился до 3,34‰, а к 2023 г. эта провинция осталась единственной, где ОКР был 2,92‰ — вдвое ниже среднего по стране¹⁸. Для улучшения

¹⁶ Таблица суммарных коэффициентов рождаемости для административных районов провинциального уровня КНР (на китайском языке). — URL: <https://www.qiuwenbaik.com/wiki/> (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁷ Население Северо-Восточного Китая уже много лет растёт отрицательными темпами: Ляонин сильно постарел, а в некоторых районах Хэйлунцзяна могут родиться трое детей (на китайском языке). — URL: https://www.toutiao.com/article/6671733083974140428/?upstream_biz=doubao&source=m_redirect (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁸ Объявлен уровень рождаемости в 31 провинции, Хэйлунцзян снова на дне, только две области готовы иметь больше детей (на китайском языке). — URL: <https://finance.sina.cn/2024-11-09/detail-incvnhpm9497077.d.html> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁴ Why China's housing policies have failed. — URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/2023/why-chinas-housing-policies-have-failed> (дата обращения: 05.02.2023).

¹⁵ A Tale of Tier 3 Cities. IMF Working Paper 2022 / 196. — URL: <https://www.imf.org/external/error.htm?URL=https://www.imf.org/%20en/Publications/WP/Issues/2022/09/29/A-Tale-of-Tier-3-Cities-524064> (дата обращения: 20.03.2023).

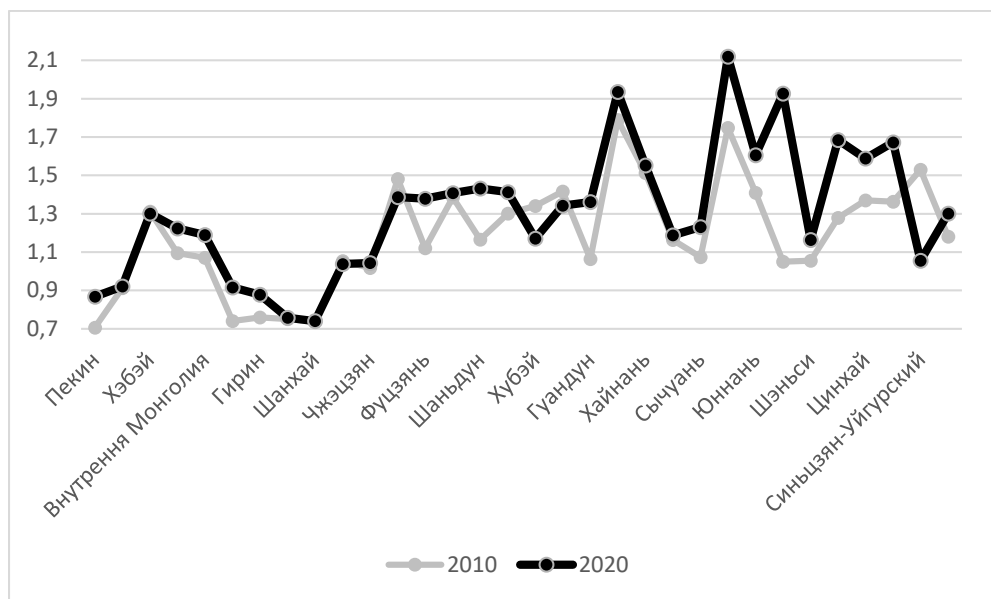

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости по провинциям и городам Китая за 2010–2020 годы

Fig. 1. Dynamics of the Total Fertility Rate by provinces and cities of China in 2010–2020

Источник: составлено авторами по данным официальной статистики КНР.

ситуации была издана «Программа реализации оптимизированной политики в области рождаемости в городе Харбин для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения», содержащая, кроме прочего, меры по обеспечению жильём. Семьи с детьми получали льготы по эксплуатации государственного арендного жилья и право на дифференцированное ипотечное кредитование: для родителей двух и более детей период обязательных взносов сокращался до полугода, после рождения второго и третьего ребёнка семьям предлагались субсидии 15 тыс. и 20 тыс. юаней для покупки нового жилья в определённых районах города, а также приоритетное распределение муниципального жилья¹⁹.

В провинции Ляонин после отказа от обязательной однопотности тенденция

снижения рождаемости продолжилась: в 2018 г. ОКР составил 6,39‰, в 2023 г. — 4,06‰, заняв четвёртое место с конца в стране. Региональные меры жилищной политики были направлены на поддержку многодетных семей при покупке собственного жилья: для семей с двумя и более детьми в возрасте до 18 лет предлагался кредит с увеличенным лимитом в системе накопительного жилищного обеспечения на покупку собственного жилья²⁰, а в одном из городов провинции такие семьи получили право приобрести ещё одно новое жильё, причём в районах ограниченной застройки, даже при наличии уже двух жилых помещений²¹.

¹⁹ Харбинское муниципальное финансовое бюро активно реализует политику оптимальной рождаемости, чтобы помочь долгосрочному сбалансированному развитию населения (на китайском языке). — URL: https://czt.hlj.gov.cn/czt/c110776/202311/c00_31688497.shtml 27.11.2023 (дата обращения: 03.02.2025).

²⁰ Меры по управлению выплатой стимулирующей субсидии инклюзивным детским учреждениям в городе Харбин (на китайском языке). — URL: https://www.harbin.gov.cn/haerbin/c104546/202410/c01_1018671.shtml Харбинский муниципальный комитет по здравоохранению и оздоровлению. 11.09.2024 (дата обращения: 03.02.2025).

²¹ Хэйлунцзянский статистический ежегодник 2021 (на китайском языке). — URL: <https://www.hongheiku.com/lishishuju/679.html> (дата обращения: 03.02.2025).

В относительно более демографически благополучных регионах, где ОКР выше среднего по стране, рождаемость тоже сокращалась, но реализация мер продолжилась: с 2023 г. в городе Цзюцюань (провинция Ганьсу) семьям с двумя детьми предоставляется единовременная жилищная субсидия в 50 тыс. юаней, с тремя — 100 тыс. юаней, а в провинции Цзянси (ОКР 13,43% в 2018 г., 6,52% в 2023 г.) можно выбирать между арендой государственного жилья и денежной субсидией на оплату жилья²².

Таким образом, институциональные особенности Китая, в частности, система «хукоу» и исполнительная автономия местного самоуправления, поэтапно переводят реализацию мер общенациональной жилищной политики на уровень провинций, где региональные и муниципальные органы власти имеют право самостоятельно выбирать пути решения поставленных задач, в том числе в вопросах регулирования рождаемости. Возможности для этого создаются разнообразием жилищного сектора китайской экономики, сочетающего в себе как черты современного рынка, так и сохранившиеся традиции национального планового хозяйства. Например, общие для всех стран характеристики социального жилья, основанные на его полном или частичном некоммерческом статусе и целевых группах потребителей, в Китае связываются с числом рождённых детей и репродуктивными перспективами семьи, популярные в высокоурбанизированных странах «вторые дома» могут приобретаться «текущим» населением как жильё для взрослеющих детей, а качество учебных заведений в школьном округе влияет на намерение завести ребёнка.

²² Материнские субсидии были введены во многих местах, и необходимо принять комплексные меры (на китайском языке). — URL: [https://www.news.cn/politics/2023-03/22/c_1129454817.htm#:~:text=\(дата обращения: 03.02.2025\).](https://www.news.cn/politics/2023-03/22/c_1129454817.htm#:~:text=(дата%20обращения%3A03.02.2025).)

Современная политика народонаселения Китая носит многосторонний характер, охватывающий экономические, политические и социальные аспекты. Сегодня это позволяет учесть как стратегию макроэкономического развития, так и особенности на микроуровне, сформировавшиеся в условиях длительной обязательной одноплодности. С этой точки зрения жилищные проблемы остаются одними из основных, влияющих на индивидуальный пронаталистский выбор на фоне многообразных особенностей населения в рамках единого национального комплекса, а политика, направленная на повышение доступности жилья и поддержку молодых семей, имеет решающее значение для достижения китайских целей в отношении многодетности.

Среди факторов, определяющих уровень рождаемости, важное значение имеют как общие для всех индустриальных и постиндустриальных сообществ, так и специфически китайские, использование которых для регулирования процессов естественного движения населения и миграции возможно в других странах. Для государств с внутренней региональной социально-экономической дифференциацией и неоднородными демографическими традициями важен опыт выполнения масштабных задач на местном уровне в рамках централизованного административного управления; актуален пример регулирования доступности жилья в условиях роста цен на недвижимость, усиливающегося жилищного неравенства и социально уязвимых групп населения, а также использования дополнительного жилья как фактора принятия позитивных репродуктивных решений, актуальных в контексте меняющихся демографических планов Китая.

Литература и Интернет-источники

1. **Сунь, И.** Сравнительная характеристика жилищных систем Китая и России / И. Сунь, И.Ф. Гареев // Жилищные стратегии. — 2015. — Т. 2. — № 3. С. 223–240. DOI: 10.18334/zhs.2.3.1918; EDN: VWVQVN
2. **Atalay, K.** Housing wealth, fertility intentions and fertility / K. Atalay, A. Li, S. Whelan // Journal of Housing Economics. — 2021. — Vol. 54. DOI: 10.1016/j.jhe.2021.101787

3. **Clark, W.A.V.** Can millennials access homeownership in urban China? / W.A.V. Clark, Y. Huang, D. Yi // *Journal of Housing and the Built environment*. — 2021. — Vol. 36. — P. 69–87. DOI: 10.1007/s10901-019-09672-0
4. **Daysal, M.** Home prices, fertility, and early-life health outcomes / M. Daysal, M. Lovenheim, N. Siersbæk, D. Wasser // *Journal of Public Economics*. — 2021. — Vol. 198. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2021.104366
5. **Meng, L.** Do housing booms reduce fertility intentions? Evidence from the new two-child policy in China / L. Meng, L. Peng, Y. Zhou // *Regional Science and Urban Economics*. — 2023. — Vol. 101. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2023.103920
6. **Pan, L.** Housing price and fertility rate / L. Pan, J. Xu // *China Economic Journal*. — 2012. — Vol. 5. — No. 2–3. — P. 97–111. DOI: 10.1080/17538963.2013.764675
7. **Wrenn, D.** House prices and marriage entry in China / D. Wrenn, J. Yi, B. Zhang // *Regional Science and Urban Economics*. — 2018. — Vol. 74. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2018.12.001
8. **Li, T.** To settle down, or not? Evaluating the policy effects of talent housing in Shanghai, China / T. Li, X. Lei, W. Guo // *Land*. — 2022. — Vol. 11. — No. 8. DOI: 10.3390/land11081145
9. **Chen, Q.** Fertility intentions to have a second or third child among the childbearing age population in Central China under China's three-child policy: A cross-sectional study / Q. Chen, A. Wang, X. Song // *Journal of Global Health*. — 2023. — Vol. 13. — P. 1–12. DOI: 10.7189/jogh.13.04072
10. **Yue, C.** Assessing intentions for a third child among Chinese adults: A nationwide online survey regarding China's 3-child policy / C. Yue, X. Zheng, W. Shang // *Medicine*. — 2023. — Vol. 102. — No. 12. DOI: 10.1097/MD.0000000000003255
11. **Ly, C.** Association between urban educational policies and migrant children's social integration in China: Mediated by psychological capital / C. Ly, P. Yang, J. Xu // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. — 2023. — Vol. 20. — No. 4. — P. 30–47. DOI: 10.3390/ijerph20043047
12. **Zhang, X.** China's demographic future under the new Two-child Policy / X. Zhang, F. Guo, Z. Zhai // *Population Research and Policy Review*. — 2019. — Vol. 38. — No. 4. — P. 537–563. DOI: 10.1007/s11113-019-09519-01
13. **Cui, C.** A relay race: Intergenerational transmission of housing inequality in urban China / C. Cui, Y. Huang, F. Wang // *Housing Studies*. — 2020. — Vol. 35. — No. 6. — P. 1088–1109. DOI: 10.1080/02673037.2019.1648771
14. **Deng, W.J.** The changing determinants of homeownership amongst young people in urban China / W.J. Deng, J. S. C.M. Hoekstra, M.G. Elsinga // *International Journal of Housing Policy*. — 2016. — Vol. 16. — No. 2. — P. 201–222. DOI: 10.1080/14616718.2015.1135857
15. **Zhu, L.** Intergenerational housing asset transfer and the reproduction of housing inequality in urban China / L. Zhu // *Chinese Journal of Sociology*. — 2018. — Vol. 4. — No. 4. — P. 453–480. DOI: 10.1177/2057150X18792835
16. **Shao, Sh.** The housing status and two-child fertility willingness of floating population: Evidence from the Chinese General Social Survey / Sh. Shao, Zh. Tian, Y. Zhang, B. Li // *Economic Analysis and Policy*. — 2023. — Vol. 80. — P. 247–266. DOI: 10.1016/j.eap.2023.08.012
17. **Whalley, J.** A numerical simulation analysis of (Hukou) labour mobility / J. Whalley // *Journal of Development Economics*. — 2007. — Vol. 83. — No. 2. P. 392–410. DOI: 10.1016/j.jdevco.2006.08.003
18. **Whalley, J.** Social origins, Hukou conversion, and the wellbeing of urban residents in contemporary China / J. Whalley, Sh. Zhang // *Social Science Research*. — 2013. — Vol. 42 — No. 1. — P. 71–89.
19. **Du, Y.** Homeownership pathways and fertility in urban China / Y. Du, H. Dong // *Journal of Population Research*. — 2023. — Vol. 40. DOI: 10.1007/s12546-023-09308-9
20. **Huang, Y.** Second Home Ownership in Transitional Urban China / Y. Huang, Y. Chengdong // *Housing Studies*. — 2011. — Vol. 26. — No. 3. — P. 423–447. DOI: 10.1080/02673037.2011.542100
21. **Liu, H.** Housing wealth and fertility: evidence from China / H. Liu, L. Liu, F. Wang // *Journal of Population Economics*. — 2023. — Vol. 36. — P. 359–395. DOI: 10.1007/s00148-021-00879-6

22. **Man, J.Y.** Housing Policy and Housing Markets: Trends, Patterns, and Affordability. / J.Y. Man, Z. Sigi, R. Rongrong // *China's Housing Reform and Outcomes*, ed. Joyce Yanyun Man. — Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy. — 2011. — P. 3–4.
23. **Е. Ч.** Система обеспечения жильём в Китае: экономико-социологический анализ / Чжаося Е, А.В. Петров // *Общество. Среда. Развитие*. — 2021. — №. 2. — С. 19–23. EDN: UDKWGF
24. **Huang, Y.** Introduction to SI: Homeownership and housing divide in China / Y. Huang, L. Gan // *Cities* — 2021. — Vol. 108. DOI: 10.1016 / j.cities.2020.102967
25. **Feng, J.** Intra-urban migration and correlative spatial behavior in Beijing in the process of suburbanization: based on 1000 questionnaires / J. Feng, Y. Zhou // *Geographical Research*. — 2004. — Vol. 23 — No. 2. — P. 227–242.
26. **Feng, J.** On the development of China's second residence-dynamic mechanism, characteristics, effect, and prospect for planning / J. Feng, Z. Liu // *Geography and Territorial Research*. — 2000. — Vol. 16 — No. 1. — P. 30–35.
27. **Xu, W.** On the spatial distribution and the influential factors of vacation oriented second homes: a case study on Sanya City / W. Xu, J. Bao // *Journal of Yunnan Normal University*. — 2006. — Vol. 38. — No. 5. — P. 63–67. (in Chinese)
28. **Xu, W.** A preliminary analysis of the spatial distribution of suburban second home — a case study of Foshan City, Guangdong Province / W. Xu, J. Bao // *Planners*. — 2006. — Vol. 10. — No. 22. — C. 71–74. (in Chinese)

Сведения об авторах:

Русанов Александр Валерьевич, к.геогр.н., инженер, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rusanovmsu@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9047-401X; РИНЦ SPIN-код: 1921-9980.

Ван Е, зам. директора международного отдела, Группа по привлечению инвестиций в новый район Харбина, Харбин, КНР.

Контактная информация: e-mail: towangye@126.com; ORCID: 0009-0009-2706-0509; РИНЦ SPIN-код: 2927-2473.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-76-88

HOUSING ASPECTS OF FERTILITY POLICY: CHINA'S EXPERIENCE

Alexander V. Rusanov^{1*}, Ye Wang²

¹Lomonosov Moscow State University

(1–46 Leninskiye gory, Moscow, Russia, 119991)

²Harbin New District Investment Attraction Group

(699 Innovation New Road, Harbin, China, 150000)

*E-mail: rusanovmsu@gmail.com

For citation:

Rusanov A.V., Wang Ye. Housing aspects of fertility policy: China's experience. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 76–88. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-76-88 (in Russ.)

Abstract. China's specific feature is the use of housing tools to implement demographic policy: birth control, population aging compensation, and accelerated urbanization as a base for further economic growth based on post-industrial modernization and innovation. Abolition of the compulsory single-child policy in 2016, which lasted for more than 30 years, did not lead to the expected increase in the birth rate, and most often the rejection of the second child was explained by financial and housing problems. The extraordinary role of the residential real estate sector in China's economic

development has contributed to the housing boom, the reproductive consequences of which are caused by the housing status of different groups of the population (owners and tenants of commercial and social housing), institutional specifics (hukou registration system, taxes) and socio-demographic differentiation of regions. Although rising housing prices increase both the incomes of owners and the expenses of tenants, the birth rate remains low everywhere. Since national housing policy measures are implemented at the provincial level under the conditions of executive autonomy of local self-government, regional and municipal authorities independently choose the most effective ones to stimulate the birth rate. The diversity of the housing sector, which combines the features of the modern market and the traditions of the national planned economy, makes it possible to link the requirements for consumers of social housing with the number of children born and the reproductive prospects of the family, to purchase second homes for the «floating» population as temporary housing for student children, and to take into account the quality of educational institutions in the school district when deciding on the birth of a child. Of particular interest is China's experience in the evolution of pronatal demographic policy measures at the stages of abandoning single-child family, allowing two-child family and stimulating three-child family starting in 2021 in regions with different birth rates.

Keywords: China, housing, privatization, rental housing, second homes, demographic policy, fertility.

References and Internet sources

1. Sun I., Gareev I. F. Sravnitel'naya kharakteristika zhilishchnykh sistem Kitaya i Rossii [Comparative characterization of Chinese and Russian housing systems]. Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 223–240. DOI: 10.18334/zhs.2.3.1918 (in Rus.)
2. Atalay K., Li A., Whelan S. Housing wealth, fertility intentions and fertility. *Journal of Housing Economics*. 2021. Vol. 54. DOI: 10.1016/j.jhe.2021.101787
3. Clark W. A. V., Huang Y., Yi D. Can millennials access homeownership in urban China? *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 36. P. 69–87. DOI: 10.1007/s10901-019-09672-0
4. Daysal M., Lovenheim M., Siersbæk N., Wasser D. Home prices, fertility, and early-life health outcomes. *Journal of Public Economics*. 2021. Vol. 198. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2021.104366
5. Meng L., Peng L., Zhou Y. Do housing booms reduce fertility intentions? Evidence from the new two-child policy in China. *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 101. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2023.103920
6. Pan L., Xu J. Housing price and fertility rate. *China Economic Journal*. 2012. Vol. 5. P. 97–111. DOI: 10.1080/17538963.2013.764675
7. Wrenn D., Yi J., Zhang B. House prices and marriage entry in China. *Regional Science and Urban Economics*. 2018. Vol. 74. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2018.12.001
8. Li T., Lei X., Guo W. To settle down, or not? Evaluating the policy effects of talent housing in Shanghai, China. *Land*. 2022. Vol. 11. No. 8. DOI: 10.3390/land11081145
9. Chen Q., Wang A., Song X. Fertility intentions to have a second or third child among the childbearing age population in Central China under China's three-child policy: A cross-sectional study. *Journal of Global Health*. 2023. Vol. 13. P. 1–12. DOI: 10.7189/jogh.13.04072
10. Yue P., Zheng X., Shang W. Assessing intentions for a third child among Chinese adults: A nationwide online survey regarding China's 3-child policy. *Medicine*. 2023. Vol. 102. No. 12. DOI: 10.1097/MD.00000000000033255
11. Ly P., Yang P., Xu J. Association between urban educational policies and migrant children's social integration in China: Mediated by psychological capital. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 30–47. DOI: 10.3390/ijerph20043047
12. Zhang X., Guo F., Zhai Z. China's demographic future under the new two-child Policy. *Population Research and Policy Review*. 2019. Vol. 38. No. 4. P. 537–563. DOI: 10.1007/s11113-019-09519-01
13. Cui P., Huang Y., Wang F. A relay race: Intergenerational transmission of housing inequality in urban

- China. *Housing Studies*. 2020. Vol. 35. NO. 6. P. 1088–1109. DOI: 10.1080/02673037.2019.1648771
14. Deng W. J., Hoekstra J. S. P. M., Elsinga M. G. The changing determinants of homeownership amongst young people in urban China. *International Journal of Housing Policy*. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 201–222. DOI: 10.1080/14616718.2015.1135857
 15. Zhu L. Intergenerational housing asset transfer and the reproduction of housing inequality in urban China. *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 4. No. 4. P. 453–480. DOI: 10.1177/2057150X18792835
 16. Shao Sh., Tian Zh., Zhang Y., Li B. The housing status and two-child fertility willingness of floating population: Evidence from the Chinese General Social Survey. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 80. P. 247–266. DOI: 10.1016/j.eap.2023.08.012
 17. Whalley J. A numerical simulation analysis of (Hukou) labour mobility. *Journal of Development Economics*. 2007. Vol. 83. No. 2. P. 392–410. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.08.003
 18. Whalley J., Zhang Sh. Social origins, Hukou conversion, and the wellbeing of urban residents in contemporary China. *Social Science Research*. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 71–89.
 19. Du Y., Dong H. Homeownership pathways and fertility in urban China. *Journal of Population Research*. 2023. Vol. 40. DOI: 10.1007/s12546-023-09308-9
 20. Huang Y., Chengdong Y. Second home ownership in transitional urban China. *Housing Studies*. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 423–447. DOI: 10.1080/02673037.2011.542100
 21. Liu H., Liu L., Wang F. Housing wealth and fertility: evidence from China. *Journal of Population Economics*. 2023. Vol. 36. P. 359–395. DOI: 10.1007/s00148-021-00879-6
 22. Man J. Y., Sigi Z., Rongrong R. Housing policy and housing markets: trends, patterns, and affordability. *China's Housing Reform and Outcomes*. Ed. J. Y. Man. Cambridge, MA. Lincoln Institute of Land Policy. 2011. P. 3–4.
 23. E Zhaosya, Petrov A. V Sistema obespecheniya zhil'jom v Kitaje: ekonomiko-sotsiologicheskij analiz [The housing provision system in China: an economic and sociological analysis]. Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]. 2021. No. 2. P. 19–23. (in Russ.)
 24. Huang Y., Gan L. Introduction to SI: Homeownership and housing divide in China. *Cities*. 2021. Vol. 108. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102967
 25. Feng J., Zhou Y. Intra-urban migration and correlative spatial behavior in Beijing in the process of suburbanization: based on 1000 questionnaires. *Geographical Research*. 2004. Vol. 23. No. 2. P. 227–242.
 26. Feng J., Liu Z. On the development of China's second residence-dynamic mechanism, characteristics, effect, and prospect for planning. *Geography and Territorial Research*. 2000. Vol. 16. No. 1. P. 30–35.
 27. Xu W., Bao J. On the spatial distribution and the influential factors of vacation oriented second homes: a case study on Sanya City. *Journal of Yunnan Normal University*. 2006. Vol. 38. No. 5. P. 63–67 (in Chinese)
 28. Xu W., Bao J. A preliminary analysis of the spatial distribution of suburban second home — a case study of Foshan City, Guangdong Province. *Planners*. 2006. Vol. 10. No. 22. P. 71–74 (in Chinese)

Information about the authors:

Rusanov Alexander Valerievich, Candidate of Geography, Research Engineer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: rusanovmsu@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9047-401X; Elibrary SPIN-code: 1921–9980.

Wang Ye, Deputy Director, International Department, Harbin New Area Investment Promotion Group, Harbin, China.

Contact Information: e-mail: towangye@126.com; ORCID: 0009-0009-2706-0509; Elibrary SPIN-code: 2927–2473.

Статья поступила в редакцию 14.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-89-100
EDN: BDWAYH

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРО- ЗАПАДНОЙ ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ

Макеева С.Б.

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Финансирование:

В статье использованы материалы исследования, проведённого при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24–28–00276. — URL: <https://rscf.ru/project/24–28–00276/>.

Для цитирования:

Макеева С.Б. Особенности китайской региональной демографической политики в северо-западной провинции Шэньси // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 89–100. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-89-100; EDN: BDWAYH

Аннотация. Одним из факторов успеха региональных преобразований в Северо-Западном регионе выступают стабильные демографические показатели его провинций и автономных районов. В статье анализируется современная региональная демографическая политика в Шэньси. Основу исследования составляют официальные данные Статистического управления Шэньси, нормативно-правовые документы Народного правительства этой провинции по вопросам развития народонаселения. В рамках объявленной в 2016 г. общегосударственной стратегии сбалансированного развития населения Китая особую значимость приобретает региональная демографическая политика в северо-западной провинции Шэньси, направленная на увеличение прироста населения, снижение смертности, повышение рождаемости, привлечение высококвалифицированных работников из других провинций и зарубежных стран для осуществления социально-экономического подъёма как данной провинции, так и в целом северо-западных китайских территорий. На основе анализа статистических данных Шэньси за 2000–2023 гг. показано неравномерное распределение населения по всей территории провинции, ускоренный рост численности города Сианя за счёт других городов провинции и сельских районов, снижение доли жителей трудоспособного возраста. Автором установлено, что в Шэньси создаются высококачественные социально-экономические условия в сфере здравоохранения, образования, предоставления высокооплачиваемых вакансий на рынке труда, формирования равномерной пространственной инновационной инфраструктуры. Региональная демографическая политика Шэньси встроена в систему экономического усиления Северо-Западного региона и дополняется узконаправленными демографическими программами на уровне городских и сельских районов провинции.

Ключевые слова: демографическая политика, северо-запад Китая, провинция Шэньси, рождаемость, старение населения.

Введение

Северо-Западный Китай — это внутренние территории китайского государства, объединяющие провинции Шэньси, Цинхай, Ганьсу, Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы. В региональном управлении Китайской Народной Республики (КНР) Северо-Западный регион принято обозначать как территорию «пяти северо-западных провинций». С 1999 г. данный регион включён в приоритетную программу пространственных социально-экономических преобразований «Западное развитие» [1, с. 142]. Северо-Западный регион является стратегически важной территорией Китая, так как граничит с Россией, Монголией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Пакистаном, Индией и Афганистаном. В Северо-Западном регионе наблюдается наибольшая концентрация национальных меньшинств в Китае, основными по численности из которых являются хуэйцы, уйгуры, казахи, тибетцы, монголы и русские. Данный регион отличается обширной территорией в 3 млн км² (31,7% территории страны) и малонаселённостью (103 млн человек), в среднем плотность населения в Северо-Западном регионе составляет 34 человека на 1 км² (в Восточном Китае — 392 человека на 1 км²). Основными причинами низкой плотности населения северо-западных территорий выступают горный рельеф и пустыни (сухой климат, нехватка воды), преобладание в экономике сырьевой промышленности и сельского хозяйства. Современная демографическая ситуация в Северо-Западном Китае усугубляется новыми тенденциями в развитии народонаселения КНР, связанными со снижением темпов прироста населения, сокращением рождаемости и старением населения.

Одной из стратегически важных провинций Северо-Западного Китая выступает провинция Шэньси, которая с 1990-х гг. стала передовой территорией в инновационных преобразованиях политики «реформ и открытости». Природно-географическое расположение Шэньси определяет важность данной провинции в реализации инфра-

структурных проектов Китая, объединяющих транспортно-логистические, сырьевые, торгово-экономические линии с запада на восток и с юга на север. Одним из факторов успеха преобразований в Северо-Западном регионе КНР выступают стабильные демографические показатели его провинций и автономных районов. В рамках объявленной в 2016 г. общегосударственной стратегии сбалансированного развития населения Китая особую значимость приобретает региональная демографическая политика в провинции Шэньси, направленная на увеличение прироста населения, привлечение квалифицированных работников из провинций КНР и зарубежных стран для осуществления социально-экономического подъёма как данной провинции, так и в целом северо-западных территорий.

Вопросы современного демографического развития китайского Северо-Западного региона становятся предметом исследования учёных КНР в рамках рассмотрения демографической стратегии Китая [2], планирования народонаселения китайского государства [3], демографической политики КНР [4], истоков проблем, связанных с сокращением китайского населения [5]. Возрастную структуру населения Шэньси исследовали Чжан Дунмин [6]; старение жителей провинции — Фэн Юэцуй [7]; политика планирования семьи — У Цзюньхуэй [8]; вопросы урбанизации Шэньси — Ян И [9]; результаты проведения региональной политики по ликвидации бедности в Шэньси — Жэнь Цзунчжэ [10]. Некоторые аспекты развития провинции Шэньси разбираются и отечественными учёными — в статьях С.А. Булгакова [11] и В.В. Смирнова [12] рассматриваются вопросы её экономической эволюции.

Целью представленной статьи является анализ современной региональной демографической политики в провинции Шэньси на основе выявления демографических проблем данной территории Китая. Характеризуя это исследование, стоит отметить, что на основе введения в научный оборот новых документальных источников провинции Шэньси впервые представле-

на региональная демографическая политика в отношении северо-западных территорий Китая. Источниками информации были официальные данные Статистического управления Шэньси за 2000–2023 гг., нормативно-правовые документы правительства рассматриваемой провинции по вопросам развития народонаселения. Методами исследования являлись системный и статистический, позволившие выявить закономерности реализации региональной демографической политики в провинции Шэньси.

Изменение численности и структуры населения провинции Шэньси в современный период

В ходе демографического развития с 1949 г. Шэньси демонстрировала ежегодный прирост населения. За 74 года существования КНР в провинции количество жителей увеличилось на 26,3 млн человек: с 13,2 млн в 1949 г. до 39,5 млн человек в 2023 году¹. Самый быстрый рост численности населения наблюдался в период с 1949 по 1978 гг., что было вызвано основанием текстильной и машиностроительной базы в провинции и улучшением социально-экономической ситуации. Начало политики «реформ и открытости» с 1978 г. совпало с проведением общегосударственной демографической политики «одна семья — один ребёнок», направленной на снижение рождаемости. В Шэньси ежегодно с 1978 по 2007 гг. население в среднем увеличивалось на 0,3 млн человек, а с 2008 по 2018 гг. темпы прироста замедлились и количество жителей возрастало на 0,2 млн человек в год. В период с 2019 по 2022 гг. население Шэньси увеличивалось по 0,03 млн человек в год, а в 2023 г. была зафиксирована убыль населения на 0,04 млн человек по сравнению с 2022 годом. Снижение темпов прироста населения на протяжении последних десятилетий и убыль в 2023 г. свидетель-

ствуют о наличии в рассматриваемой провинции предпосылок к обострению демографических проблем, характерных и для других китайских регионов, таких как Северо-Восточный регион, где население сократилось с 2010 по 2020 гг. на 8 млн человек. Китайское правительство в сложившихся условиях начало разрабатывать систему региональной демографической политики, которая в целом направлена на повышение рождаемости, но при этом учитывает специфику каждого региона [13–15]. Детальный анализ демографической ситуации в Шэньси позволяет выявить основные проблемы в развитии народонаселения Северо-Западного региона на примере данной провинции и определить комплекс мер, направленных на их решение.

Статистические данные демографического развития Шэньси за 2000–2023 гг. демонстрируют изменение численности и структуры населения провинции. Выбор данного периода обусловлен необходимостью установить ключевые направления современной региональной демографической политики. Замедление темпов прироста населения за последние десятилетия подтверждают статистические данные, представленные Народным правительством и Статистическим бюро провинции Шэньси. По итогам пятой Всекитайской переписи населения за 2000 г. количество жителей провинции составляло 36,05 млн человек, по результатам шестой переписи за 2010 г. — 37,3 млн человек, седьмой переписи за 2020 г. — 39,5 млн человек² (табл. 1). Результаты проведения китайской общегосударственной политики «одна семья — один ребёнок» (1979–2015 гг.) по планированию семьи, отразились на современной демографической ситуации в провинции Шэньси, что привело к замедлению темпов роста населения, снижению рождаемости и уменьшению числа женщин детородного возраста. В 2023 г. Шэньси вошла в число китайских провинций и автономных районов, где была зафиксирована убыль населения:

¹ Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Шэньси за 2023 г. (на китайском языке). — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qs_444/202403/t20240327_2324303.html (дата обращения: 10.04.2024).

² Статистические материалы Статистического управления провинции Шэньси за 2000–2023 гг. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qs_444/index.html (дата обращения: 10.04.2024).

число жителей сократилось с 39,6 млн человек в 2022 г. до 39,5 млн в 2023 году³. Причиной сложившейся ситуации являлось снижение уровня рождаемости с 10,6‰ в 2000 г. до 6,8‰ в 2023 г., а также рост уровня смертности с 6,4‰ в 2000 г. до 8,1‰ в 2023 году. Если в 2000 г. естественный при-

рост населения составлял 4,9‰, то к 2023 г. он уменьшился до -1,3‰⁴: впервые в новейшей истории Шэньси смертность превысила показатели рождаемости. Отрицательная демографическая динамика требовала от правительства Шэньси запуска региональных программ по стимулированию рождаемости в дополнении к общегосударственной политике Китая «одна се-

Таблица 1

**Динамика основных демографических показателей
провинции Шэньси за 2000–2023 годы**

Table 1

Changes in demographic indicators in Shaanxi Province over the period 2000–2023

Год	Численность населения, млн человек			Общий коэффициент рождаемости, ‰	Общий коэффициент смертности, ‰
	Всего	Мужчины	Женщины		
2000	36,050	18,750	17,300	10,6	6,4
2001	36,579	18,819	17,760	10,5	6,3
2002	36,737	18,883	17,854	10,5	6,4
2003	36,894	18,914	17,980	10,7	6,4
2004	37,051	19,055	17,996	10,6	6,3
2005	37,200	19,136	18,064	10,0	6,0
2006	37,350	19,209	18,141	10,2	6,2
2007	37,479	19,272	18,207	10,2	6,2
2008	37,620	19,339	18,281	10,3	6,2
2009	37,720	19,396	18,324	10,2	6,2
2010	37,326	19,287	18,039	9,7	6,0
2011	37,426	19,304	18,122	9,8	6,1
2012	37,530	19,384	18,146	10,1	6,2
2013	37,636	19,435	18,201	10,0	6,2
2014	37,750	19,488	18,262	10,1	6,3
2015	37,928	19,581	18,347	10,1	6,3
2016	38,126	19,692	18,434	10,6	6,2
2017	38,353	19,798	18,555	11,1	6,2
2018	38,643	19,944	18,699	10,7	6,2
2019	38,761	20,002	18,759	10,6	6,3
2020	39,528	20,226	19,302	9,0	7,1
2021	39,540	20,180	19,360	7,9	7,4
2022	39,560	20,180	19,380	7,4	7,6
2023	39,520	20,170	19,350	6,8	8,1

Источник: Статистическое управление провинции Шэньси. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsjsj/tjgb/qs_444/index.html (дата обращения: 10.04.2024).

рост населения составлял 4,9‰, то к 2023 г. он уменьшился до -1,3‰⁴: впервые в но-

мья — два ребёнка» (2016–2021 гг.), «одна семья — три ребёнка» (с 2021 г. по настоящее время).

Характеризуя изменения этнического состава населения Шэньси, стоит отме-

³ Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Шэньси за 2023 г. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsjsj/tjgb/qs_444/202403/t20240327_2324303.html (дата обращения: 14.04.2024).

⁴ Официальный бюллетень основных данных пятой Всекитайской переписи населения за 2000 г. по провинции

Шэньси. — URL: http://www.shaanxi.gov.cn/zfxxgk/fdzqknr/tjxx/tjgb_240/stjgb/200402/t20040226_1661651_wap.html (дата обращения: 11.04.2024).

тять, что по результатам Всекитайской переписи 2000 г. в провинции ханьцы (китайцы) составляли 35,8 млн человек (99,5%), а количество этнических меньшинств (хуэйцы, уйгуры, казахи, тибетцы, монголы, русские и другие) достигло 0,3 млн человек (0,5%). Итоги Всекитайской переписи населения 2020 г. демонстрировали увеличение количества ханьцев до 39,3 млн человек (99,44%) в этническом составе Шэньси и уменьшение числа национальных меньшинств до 0,2 млн человек (0,56%)⁵. Данная ситуация была вызвана реализацией общегосударственной стратегии «Западное развитие» по экономическому усилению северо-западных провинций, включая Шэньси и переносу предприятий из Восточного региона и переселению высококвалифицированных работников, преимущественно ханьцев, во внутренние территории Китая.

Оценивая гендерный состав населения провинции Шэньси, отметим, что на протяжении периода с 2000 по 2023 гг. наблюдалось преобладание мужского населения. Число жителей мужского пола увеличилось с 18,7 млн человек в 2000 г. до 20,2 млн человек в 2023 году. Также наблюдалось увеличение количества женского населения с 17,3 млн человек до 19,3 млн человек⁶. Гендерные изменения были обусловлены общекитайской спецификой преобладания мужского населения над женским в количественном соотношении в результате распространения на протяжении длительно периода времени традиционных конфуцианских взглядов и обязательному рождению в семье мальчика, а также длительно-го развития китайского аграрного общества и потребности китайских сельских домохозяйств в мужских рабочих руках [6; 7]. Для провинции Шэньси, где развито инновационное аграрное производство и размещена уникальная сельскохозяйственная высокотехнологичная научная база в городе

Янлин, преобладание мужского населения рассматривается как необходимость в поддержании гармоничной экономической инфраструктуры с развитым сельским хозяйством. Однако, в настоящее время ситуация меняется и происходит постепенная смена ориентиров в китайских семьях на рождение девочек, так как при вступлении в брак родители мальчика обязаны обеспечить его квартирой, а родители девочки, если позволяет материальное положение, могут подготовить только небольшое приданое. Поэтому современные молодые китайские пары всё больше заинтересованы в рождении девочек, что влияет на увеличение доли женского населения в обозримом будущем.

Статистические данные также демонстрируют ежегодное сокращение количества населения трудоспособного возраста. Кроме того, в Шэньси стала преобладать тенденция старения населения, о чем свидетельствует рост числа престарелых граждан. В 2000 г. население в возрасте от 0 до 14 лет составило 9,0 млн человек (25%), от 15 до 64 лет — 24,9 млн человек (69,1%), от 65 и старше — 2,1 млн человек (5,9%). В 2010 г. динамика возрастных показателей изменилась и число жителей Шэньси в возрасте от 0 до 14 лет составило 5,5 млн человек (14,7%), от 15 до 64 лет — 28,7 млн человек (76,8%), от 65 и старше — 3,2 млн человек (8,5%). По итогам Всекитайской переписи населения 2020 г. количество жителей провинции от 0 до 14 лет составило 6,9 млн человек (17,3%), группа от 15 до 65 лет являлась самой многочисленной и достигла 25,09 млн (63,5%), а население в возрасте от 65 и старше составило 7,6 млн человек (19,2%)⁷. Средняя продолжительность жизни в провинции Шэньси в 2023 г. достигла 75,7 лет. Решение проблем уменьшения рождаемости, сокращения числа жителей трудоспособного возраста, а также старение населения становится основным направлением в региональной демографической по-

⁵ Официальный бюллетень основных данных седьмой Всекитайской переписи населения за 2020 г. по провинции Шэньси № 1. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qz_444/index.html (дата обращения: 10.04.2024).

⁶ Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Шэньси за 2023 год. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qz_444/202403/t20240327_2324303.html (дата обращения: 10.04.2024).

⁷ Официальный бюллетень основных данных седьмой Всекитайской переписи населения за 2020 г. по провинции Шэньси № 4. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qz_444/202105/t20210528_2177395.html (дата обращения: 12.04.2024).

литике, осуществляемой Народным правительством провинции Шэньси.

Для рассматриваемой провинции характерно неравномерное распределение населения по всей территории, что обусловлено горным рельефом на севере и юге. Результаты переписи населения 2020 г. показывают, что в основном жители провинции сосредоточены в центральном районе Шэньси на равнине Гуаньчжун — 25,9 млн человек (65,5%), в северных районах Шэньси проживают 5,9 млн человек (14,9%), а в южных районах сосредоточено 7,7 млн человек (19,6%)⁸. Шэньси к началу XXI в. являлась традиционно аграрной провинцией, и её население в основном было сосредоточено в сельских районах. По состоянию на 2000 г. количество сельских жителей провинции составляло 24,4 млн человек (67,7%)⁹. Уровень урбанизации в провинции к 2000 г. являлся низким — 32,2%. Но включение Шэньси в общегосударственную программу «Западное развитие» по социально-экономическому усилению центральных и северо-западных провинций Китая повлияло на строительство и расширение территории городов Шэньси, а также усилило отток сельского населения в города в условиях запуска высокотехнологического городского производства. Динамика численности городского населения в Шэньси изменялась следующим образом: в 2000 г. — 11,6 млн человек (32,3%), в 2005 г. — 13,8 млн человек (37,2%), в 2011 г. — 17,7 млн человек (47,3%), в 2015 г. — 20,4 млн человек (53,9%), в 2019 г. — 23,3 млн человек (59,4%), а в 2023 г. — 25,7 млн человек (65,2%)¹⁰.

Спецификой урбанизации в Шэньси является то, что в основном увеличивалась чис-

ленность жителей столицы провинции — города Сианя, а также городов Яньань и Юйлинь (табл. 2). Резкий рост населения Сианя с 2010 по 2020 гг. на 4,4 млн человек был вызван притоком жителей из других городов и сельских районов провинции из-за присвоения Сианю в 2016 г. статуса «государственного центрального города», дающего преимущества международного экономического центра Китая. Причиной роста числа трудовых мигрантов северного города Юйлинь является создание в 2011 г. в нём общегосударственной зоны промышленного развития высоких и новых технологий, которая выступает местом притяжения китайских специалистов со всей провинции. Региональная демографическая политика призвана стабилизировать рост других городов провинции и сохранить статус аграрной базы, что требует разработки мер по привлечению высококвалифицированных кадров в средние и малые города, а также сельские районы Шэньси.

Статистические данные Шэньси за 2000–2023 гг. свидетельствуют о формировании сложной демографической ситуации в провинции, вызванной замедлением темпов роста населения, снижением уровня рождаемости, повышением уровня смертности и старением населения, неравномерным распределением населения по всей территории провинции, ускоренным ростом численности города Сианя за счёт других городов провинции и сельских районов, снижением доли жителей трудоспособного возраста. В сложившихся условиях Народное правительство Шэньси определяет демографический вектор региональной политики одним из важных, потому что от результативности мер по решению проблем народонаселения зависят темпы социально-экономического усиления как Шэньси, так и Северо-Западного региона в целом.

Основные направления региональной демографической политики в Шэньси

В провинции Шэньси региональная демографическая политика регулируется нормативно-правовой базой, которая согласована с Законом о народонаселении КНР

⁸ Официальный бюллетень основных данных седьмой Всекитайской переписи населения за 2020 г. по провинции Шэньси № 2. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/q5.444/202105/t20210528_2177393.html (дата обращения: 10.04.2024).

⁹ Официальный бюллетень основных данных пятой Всекитайской переписи населения за 2000 г. по провинции Шэньси. — URL: http://www.shaanxi.gov.cn/fzxxgk/fdzdgknr/tjxx/tjgb_240/stjgb/200402/t20040226_1661651_wap.html (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁰ Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Шэньси за 2023 год. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/q5.444/202403/t20240327_2324303.html (дата обращения: 10.04.2024).

Таблица 2
Динамика численности населения в городах провинции Шэньси с 2000 по 2020 годы

Table 2

Population dynamics in cities of Shaanxi province from 2000 to 2020

Город	Численность населения, млн человек		
	2000	2010	2020
Сиань	7,41	8,468	12,953
Тунчуань	0,81	0,834	0,698
Баоцзи	3,67	3,717	3,322
Сяньян	4,83	4,895	3,960
Вэйнань	5,39	5,286	4,689
Ханьчжун	3,48	3,416	3,211
Анькан	2,67	2,630	2,493
Шанло	2,39	2,342	2,041
Яньнань	2,06	2,187	2,283
Юйлинь	3,20	3,351	3,625

Источник: Статистическое управление провинции Шэньси. — URL: http://tjj.shaanxi.gov.cn/tjsj/ndsj/tjgb/qs_444/index.html (дата обращения: 10.04.2024).

от 2001 года. С 2016 г. внедряется механизм регулярных консультаций на уровне Народного правительства провинции, Комитета здравоохранения и планирования семьи Шэньси по решению демографических проблем с привлечением научных экспертов¹¹. С 2017 г. по настоящее время демографическая политика в Шэньси осуществляется в соответствии с задачами «Плана демографического развития провинции Шэньси» на 2016–2030 годы¹². Этот документ был разработан правительством провинции в соответствии с общегосударственной стратегией КНР по долгосрочному сбалансированному демографическому развитию, положениями политики «одна семья — два ребёнка» с 2016 г. и «одна семья — три ребёнка» с 2021 г., а также приоритетами социально-экономических преобразований северо-западных территорий Китая.

Первым направлением региональной демографической политики в Шэньси в области рождаемости является продвиже-

ние общегосударственного вектора на рождение двух и трёх детей. С 2024 г. в Шэньси для семей с двумя детьми и более, при условии наличия регистрации в данной провинции, предусмотрено единовременное пособие на рождение второго ребёнка в размере 3000 юаней, а также ежемесячное пособие на третьего ребёнка в размере 200 юаней. В городе Сиань провинции Шэньси для семей, родивших второго ребёнка с 2024 г. вступает в силу льготная политика при покупке жилья, которая включает в себя снижение налогов, предоставление субсидий. Конкретная сумма субсидий и размер снижения налога определяется в частном порядке. При переходе к новой политике Китая «одна семья — два ребёнка» с 2016 г. и «одна семья — три ребёнка» с 2021 г. в Шэньси запущена программа «старые люди — прежние методы, новые люди — новые методы». Согласно данной программе сохраняются все льготные выплаты, гарантии бесплатного медицинского обслуживания «единственного ребёнка», родившегося при распространении политики «одна семья — один ребёнок» (с 1979 по 2016 гг.), а также остаются в силе выплаты пенсионного пособия «родителю единственного ребёнка» [8, с. 3].

¹¹ Комитет здравоохранения и планирования семьи провинции Шэньси. — URL: <http://sxwjw.shaanxi.gov.cn/index.html> (дата обращения: 11.04.2024).

¹² План демографического развития провинции Шэньси на 2016–2030 гг. — URL: http://www.shaanxi.gov.cn/zfxxgk/zfgb/2018_3966/d5q_3971/201803/t20180320_1638241_wap.html (дата обращения: 13.04.2024).

Политика стимулирования рождаемости в Шэньси подчинена системе демографического планирования Китая и включает в себя меры по охране здоровья матери и ребёнка, совершенствованию высококачественной системы осмотров перед беременностью и в процессе родов, своевременной вакцинации детей, усилению мониторинга врождённых дефектов. К 2020 г. в Шэньси было возведено 127 лечебных центров для тяжелобольных беременных и новорождённых, а также создано 10 центров вспомогательных репродуктивных технологий. В настоящее время в Шэньси функционирует 23 службы охраны материнства и детства, 31 образцово-показательная база развития детей раннего возраста. В провинциальных планах указано, что к 2025 г. в каждом уезде и городе Шэньси должен быть создан 1–2 государственных учреждений сферы охраны материнства и детства. Города Шэньси внедряют комплекс мер экономической помощи по поддержке рождаемости, включая бесплатное медицинское обслуживание беременных женщин и матерей с детьми; снижение налогов на покупку жилья для семей с двумя и более детьми; предоставление субсидий семьям с двумя и более детьми на получение платного дошкольного, среднего и высшего образования. Особо остро стоит вопрос с обеспечением детей местами в детских садах. Для родителей на первое место выходит проблема устройства детей в детский сад с наилучшей образовательной и бытовой базой. Поэтому открываются коммерческие детские сады в провинции, стоимость которых субсидируется государством для вторых и третьих детей. В провинциальном фонде ежегодно на эти цели выделяется более 700 млн юаней. В провинции уделяется особое внимание пропаганде созданию семей и рождению детей. В 2022 г. была запущена программа по формированию бренда «Мать и дитя». В Шэньси проводится конкурс на «лучший город по уходу за младенцами и детьми» в рамках программы «Уход за будущим».

Вторым направлением демографической политики в провинции Шэньси выступает

обеспечение комплексного ухода за детьми и получение высококачественного дошкольного, начального и среднего образования. Одной из проблем провинции является наличие неграмотного населения — 1,08 млн человек (2020 г.). С 2021 г. Народное правительство провинции продолжило реформирование системы образования и разработало «14-й пятилетний план развития образования в провинции Шэньси», в котором было предусмотрено повышение качества образования, а также снижение нагрузки по выполнению домашних заданий. Получают распространение региональные программы по развитию дошкольного образования. С 2021 г. в Шэньси началось строительство 10 колледжей и университетов, а также реализуется программа «Шесть отличников — один выдающийся» по формированию высококлассных специалистов.

Третье направление региональной демографической политики в Шэньси связано с общегосударственной программой КНР по ликвидации бедности. Народное правительство провинции уделяет особое внимание поддержанию высокого уровня рождаемости в сельской местности с помощью методов социального обеспечения, предоставления рабочих мест и развития сельского предпринимательства, а также привлечения инвестиций в сельское жилищное строительство [10]. На особом контроле у провинциального правительства сельские семьи с детьми-инвалидами, неполные семьи, а также малообеспеченные семьи.

Четвёртое направление региональной демографической политики — улучшение качества рабочей силы и оптимизация распределения населения. Совершенствуется система технического профессионального образования через расширение сотрудничества учебных заведений и предприятий. Уделяется внимание подготовке высокотехнологичных инновационных аграрных работников для расширения сельскохозяйственного производства. Провинциальное правительство заинтересовано в равномерной урбанизации. Для густонаселённого района Гуаньчжун характерна реализация программ по развитию крупных мегаполи-

сов, запуску новых отраслей промышленности, улучшению инфраструктуры [9, с. 90]. С целью привлечения населения в горные южные и северные районы Шэньси проводится перепланировка деревень и посёлков. Предполагается создание оптимальных условий для развития рыночных отношений в сельской местности южных и северных районов Шэньси с целью переселения трудовых мигрантов из шэньсийских городов территории Гуаньчжун. Запускаются программы по привлечению китайских иностранных студентов, обучавшихся за рубежом, для ведения бизнеса в малонаселённых территориях Шэньси через создание там инновационных промышленных кластеров.

Пятое направление региональной демографической политики направлено на решение проблемы старения населения и включает в себя комплекс мер по поддержке престарелых жителей провинции. В Шэньси создаётся высококачественная система ухода за пожилыми людьми, включающая строительство социальных учреждений для стареющих граждан (гериатрические центры, дома престарелых, реабилитационные центры). Внедряется система субсидий и социального обеспечения пожилых жителей. Старение населения вынуждает Народное провинциальное правительство запускать программы профессиональной переподготовки работников в возрасте от 50 лет и старше. Был создан Фонд развития занятости пожилых граждан Шэньси, который занимается сбором средств для улучшения благосостояния пожилых граждан.

В период с 2023 по 2080 гг. будет дальнейшее обострение таких демографических проблем как нехватка рабочей силы и ускоренное старение населения, поэтому преодолению данных трудностей будет посвящена деятельность административных органов данной провинции [9]. Негативные тенденции по сокращению количества жителей провинции будут сохраняться. Региональный комплекс мер по стимулированию рождаемости, внедряемый за последние годы не приносит масштаб-

ных положительных результатов. По нашему мнению, вопрос повышения рождаемости как в провинции Шэньси, так и во всем Китае должен решаться не только экономическими способами. Нужно учитывать, что Китай — это государство с высоким экономическим потенциалом, вторая после США экономика мира. Мы считаем, что отрицательная демографическая динамика требует нового подхода, направленного на снижение высокой конкуренции в китайском обществе при получении образовательных услуг, устройстве на престижную работу, а также требуется искоренение общественной установки на обязательное приобретение родителями сыну квартиры, когда он вступает в брак. Поэтому Народное правительство провинции Шэньси должно сосредоточиться не только на экономических мерах повышения рождаемости, но и разрабатывать новые способы региональной демографической политики социально-поведенческого характера, стимулирующих повышение заинтересованности населения провинции в рождении вторых и третьих детей.

Современный Китай столкнулся со сложной демографической ситуацией, проявляющейся в сокращении рождаемости, убыли и старении населения. Данная демографическая динамика особую остроту принимает в менее развитых территориях, таких как северо-западная провинция Шэньси. Поэтому достижение приоритетных стратегических целей экономического подъёма Западного Китая напрямую зависит от региональной демографической политики провинции Шэньси. Последовательная, согласованная с прежними демографическими общегосударственными проектами региональная политика провинции Шэньси в области развития народонаселения структурно встроена в систему пространственных преобразований всего Северо-Западного Китая. Прослеживается решение проблем не через устранение последствий отрицательной демографической динамики, а че-

рез создание высококачественных социально-экономических условий в сфере здравоохранения, образования, предоставления высокооплачиваемых вакансий на рынке труда, формирования равномерной пространственной инновационной инфраструктуры. Региональная демографическая

политика Шэньси встроена в систему экономического усиления Северо-Западного региона и дополняется узконаправленными демографическими программами на уровне городских и сельских районов провинции.

Литература и Интернет-источники

1. **Макеева, С.Б.** «Западное развитие» как основной вектор стратегических региональных преобразований в КНР в начале XXI в. / С.Б. Макеева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2022. — № 2. — С. 140–151. DOI: 10.31857 / S086919080014442-3; EDN: ECGYLV
2. **Лян, Ц.** Демографическая стратегия: как население влияет на экономику и инновации / Цзяньчжан Лян. — Пекин : CITIC, 2023. — 432 с. (на китайском языке)
3. **Тянь, С.** План крупного государства — ретроспектива и перспективы демографической политики Нового Китая / Сюэюань Тянь. — Фучжоу : Народное изд-во провинции Фуцзянь, 2020. — 153 с. (на китайском языке)
4. **Чэнь, Ц.** Политика и реализация демографического развития в Китае / Цзяншэн Чэнь, Ляньян Ли, Цзяньминь Ху. — Пекин : Экономика, 2017. — 229 с. (на китайском языке)
5. **Тянь, С.** 60 лет демографической политики Китая / Сюэюань Тянь. — Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2009. — 406 с. (на китайском языке)
6. **Чжан, Д.** Исследование влияния регулирования политики рождаемости на возрастную структуру населения провинции Шэньси / Дунминь Чжан, Лань Юн // Население северо-запада. — 2012. — № 1(33). — С. 70–74. (на китайском языке)
7. **Фэн, Ю.** Текущая ситуация и меры противодействия старению населения в сельской местности провинции Шэньси / Юэцзюй Фэн // Население и планирование семьи. — 2011. — № 10. — С. 9–10. (на китайском языке)
8. **У, Ц.** Анализ соотношения полов при рождении на раннем этапе регулирования политики планирования семьи в провинции Шэньси / Цзюньхуэй У, Цзяомэй Ян, Хун Янь, Шаонун Дан // Статистика здравоохранения Китая. — 2019. — № 4. — С. 3–6. (на китайском языке)
9. **Ян, И.** Общая количественная и качественная оценка урбанизации в провинции Шэньси / И Ян, Сяонин Лю // Бухгалтерский учёт в сельском хозяйстве Китая. — 2023. — № 3. — С. 90–95. (на китайском языке)
10. **Жэнь, Ц.** Синяя книга провинции Шэньси: Отчет по результатам исследования ликвидации бедности в провинции Шэньси / Цзунчжэ Жэнь, Куаньли Бай, Цзянькан Ван. — Пекин : Издательство литературы по общественным наукам, 2017. — 277 с. (на китайском языке)
11. **Булгаков, С.А.** Основные тенденции экономического развития провинции Шэньси в 2000-е гг. / С.А. Булгаков // Современные востоковедческие исследования. — 2021. — Т. 3. — № 2. — С. 206–213. EDN: ETPCGW
12. **Смирнов, В.В.** Проблема продовольственного снабжения советских специалистов в Шэньси в годы «Большого скачка» / В.В. Смирнов // Современные востоковедческие исследования. — 2023. — Т. 5. — № 2. — С. 130–141. DOI: 10.24412 / 2686-9675-2-2023-130-141; EDN: ADEXCI
13. **Дэн, С.** Исследование финансовой и налоговой политики для поддержки устойчивого развития населения на примере провинции Шэньси / Сяолань Дэн, Юньи У, Жохун Лю // Финансы и учёт Западного региона. — 2019. — № 1. — С. 3–8. (на китайском языке)
14. **Люй, Ц.** Анализ согласованного развития населения, ресурсов и окружающей среды провинции Шэньси / Цзиньсин Люй, Чжунсюэ Чжоу // Ресурсы и окружающая среда засушливых районов. — 2011. — № 4(25). — С. 16–21. (на китайском языке)

15. **Русанова, Н.Е.** Особенности нового китайского пронатализма / Н.Е. Русанова, Е. Ван // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 39–51. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.4; EDN: FNKLXQ

Сведения об авторе:

Макеева Светлана Борисовна, д.ист.н., доцент, зав. отделом, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: msbmag9581@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2953-0411; РИНЦ SPIN код: 6442–8153.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-89-100

FEATURES OF THE CHINESE REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN THE NORTHWESTERN PROVINCE OF SHAANXI

Svetlana B. Makeeva

IDR FCTAS RAS

(6 Fotievoy str., cor. 1, Moscow, Russia, 119333)

E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Funding:

The article presents the findings of a study conducted with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 24–28–00276. URL: <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/>.

For citation:

Makeeva S.B. Features of the Chinese regional demographic policy in the northwestern province of Shaanxi. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 89–100. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-89-100 (in Russ.)

Abstract. *One of the factors for the success of regional transformations in the northwestern region is stability of the demographic indicators of its provinces and autonomous regions. The article analyzes modern regional demographic policy in Shaanxi in order to identify the demographic problems of this province. As part of the national strategy for balanced development of China's population, announced in 2016, regional demographic policy in the northwestern province of Shaanxi is aimed at increasing population growth, reducing mortality, raising birth rate, attracting highly qualified workers from other provinces and foreign countries to ensure socio-economic recovery of both this province and the northwestern Chinese territories on the whole. Based on the analysis of Shaanxi statistical data for 2000–2023, the article shows uneven distribution of the population throughout the province, accelerated growth of the city of Xi'an at the expense of other cities in the province and rural areas, and decrease in the proportion of working-age residents. The author has found that Shaanxi is creating high-quality socio-economic conditions in the areas of healthcare, education, provision of high-paying vacancies in the labor market, and formation of a uniform spatial innovation infrastructure.*

Keywords: *demographic policy, northwest China, Shaanxi province, birth rate, population aging.*

References and Internet sources

1. Makeeva S.B. «Zapadnoe razvitiye» kak osnovnoy vektor strategicheskikh regional'nykh preobrazovaniy v KNR v nachale 21 v. [«Western development» as the main vector of the PRC's strategic regional transformations in the 21st century]. *Vostok. [Oriens]*. 2022. No. 2. P. 140–151. DOI: 10.31857/S086919080014442-3 (in Russ.)
2. Liang J. Renkou zhanlue. [Demographic Strategy: How Population Influences the Economy and Innovation]. Beijing. [CITIC Publishing house]. 2023. 432 p. (in Chinese)

3. Tian X. Daguo zhi ce — xin Zhongguo renkou zhengce huigu yu zhanwang [*The Plan of a Large State — a Retrospective and Prospects for the Demographic Policy of New China*]. Fuzhou. [People's publishing house of Fujian province]. 2020. 153 p. (in Chinese)
4. Chen J. et al. Zhongguo renkou fazhan de zhengce yu shishi — shehui jianshe juan [*Policy and Implementation of Demographic Development in China*]. Beijing. [Publishing house Economy]. 2017. 229 p. (in Chinese)
5. Tian X. Zhongguo renkou zhengce 60 nian [60 Years of China's Demographic Policy]. Beijing. [Publishing house of literature on social sciences]. 2009. 406 p. (in Chinese)
6. Zhang D., Yong L. Shengyu zhengce tiaozheng dui Shanxi xing renkou nianling jigou de yingxiang yanjiu [Study of the influence of fertility policy regulation on the age structure of the population of Shaanxi province]. Xibei renkou [Population of the North-West]. 2012. No. 1(33). P. 70–74. (in Chinese)
7. Feng Y. Shanxi nongcun renkou laoling hua xianzhuang yu duice [Current situation and measures to counteract population aging in rural areas of Shaanxi province]. Renkou yu jihua shengyu [Population and Family Planning]. 2011. No. 10. P. 9–10. (in Chinese)
8. Wu J. et al. Shengyu zhengce tiaozheng chuqi Shanxi sheng chusheng renkou xingbie bi ji qi yingxiang yinsu fenxi [Analysis of sex ratio at birth at the early stage of family planning policy regulation in Shaanxi province]. Zhongguo weisheng tongji [Health Statistics of China]. 2019. No. 4. P. 3–6. (in Chinese)
9. Yang Y., Liu X. Shanxi xing renkou chengzhen hua zhi liang zonghe pingjia [General quantitative and qualitative assessment of urbanization in Shaanxi province]. Zhongguo nongye Kuaiji [Accounting in Agriculture of China]. 2023. No. 3. P. 90–95. (in Chinese)
10. Ren Z. et al. Shanxi lanpishu: Shanxi jingzhun tuopin yan jiu baogao [Blue Book of Shaanxi Province: Report on the Study of Poverty Eradication in Shaanxi Province]. Beijing. [Publishing house of literature on social sciences]. 2017. 277 p. (in Chinese)
11. Bulgakov S. A. Osnovnye tendentsii ekonomicheskogo razvitija provintsii Shjen'si v 2000-e gg. [The main trends in the economic development of Shaanxi province in the 2000s.]. Sovremennyye vostokovedcheskiye issledovaniya [Modern Oriental Studies]. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 206–213. (in Russ.)
12. Smirnov V. V. Problema prodovol'stvennogo snabzheniya sovetskih spetsialistov v Shjen'si v gody «Bol'shogo skachka» [The Soviet specialists' food supply problem in Shaanxi during the «Great Leap» years]. Sovremennyye vostokovedcheskiye issledovaniya [Modern Oriental Studies]. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 206–213. DOI: 10.24412/2686-9675-2-2023-130-141 (in Russ.)
13. Deng X. et al. Zhichi renkou ke chixu fazhan de caishui zhengce yanjiu — yi Shanxi sheng wei li [Study of financial and tax policies to support sustainable development of the population using the example of Shaanxi province]. Xibu caihui [Finance and Accounting of the Western Region]. 2019. No. 1. P. 3–8. (in Chinese)
14. Lu J., Zhou Zh. Shanxi xing renkou yu ziyuan huanjing xietiao yanjin fenxi [Analysis of the coordinated development of population, resources and environment of Shaanxi province]. Ganhua qu ziyuan yu huanjing [Resources and Environment of Dry Areas]. 2011. No. 4(25). P. 16–21. (in Chinese)
15. Rusanova N. E., Wang Ye. Osobennosti novogo kitajskogo pronatalizma [National features of the new Chinese pronatalism]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 39–51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4 (in Russ.)

Information about the author:

Makeeva Svetlana Borisovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: msbmag9581@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2953-0411, Elibrary SPIN-code: 6442-8153.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-101-113
EDN: ADCFFZ

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ

Манаков А.Г.*, Теренина Н.К., Кроток Р.Н.

Псковский государственный университет
(180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2)

*E-mail: region-psk@yandex.ru

Финансирование:

Публикация подготовлена за счёт гранта «Выполнение научных исследований и разработок российско-белорусскими научными коллективами на базе научно-исследовательских подразделений Псковского государственного университета в 2024 / 2025 годах».

Для цитирования:

Манаков А.Г., Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Оценка современной конфессиональной структуры населения регионов Латвии // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 101-113. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-101-113; EDN: ADCFFZ

Аннотация. В настоящее время в религиозной структуре населения Латвии представлены примерно в равной мере приверженцы трёх направлений христианства: католицизма, православия и протестантизма. Однако в переписях населения Латвии не фиксируется конфессиональный состав населения. В статье поставлена задача оценки современной конфессиональной структуры населения регионов Латвии (Видземе, Латгале, Земагале и Курземе) и её столицы с опорой на итоги социологических опросов, а также на результаты переписей населения, когда задавался вопрос о религиозной принадлежности населения. Данная оценка строится на основе разработанной авторами методики. На уровне Латвии использовались итоги социологического опроса населения, проведённого Латвийским агентством SKDS в 2018 году. По национальной статистике за 2023 г. была рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения Латвии и её регионов исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов. Эта структура была скорректирована с учётом доли латышей-католиков и православных латышей на основании итогов переписей населения, когда задавался вопрос о вероисповедании (с 1897 по 1935 гг.). Затем была оценена современная религиозность внутри каждой из основных конфессиональных групп населения, оказавшаяся наиболее высокой в группе потенциально-православного населения (87%), которым в этом плане немного уступили потенциальные католики (85%), и значительно — потенциальные протестанты (чуть выше 50%). С опорой на рассчитанную среднюю по стране религиозность потенциально-конфессиональных групп была дана оценка распределения населения исторических регионов Латвии и столицы страны по трём основным конфессиональным группам и нерелигиозной части населения.

Ключевые слова: религиозная мозаичность, протестанты, католики, православные, потенциальная конфессиональная структура, нерелигиозное население.

Введение

Латвию можно считать поликонфессиональным государством. В начале 2000-х гг. в стране действовало около 170 различных деноминаций, количество которых по сравнению с 1990 г. выросло более чем в 1,5 раза¹. В современной религиозной структуре населения страны представлены примерно в равной мере приверженцы трёх основных направлений христианства: католицизма, православия и протестантизма. Однако в переписях населения современной Латвии не задаётся вопрос о религиозной принадлежности населения. Поэтому существуют только оценки конфессиональной структуры населения страны, полученные в результате проведения социологических исследований. Итоги социологических опросов населения даже на уровне страны имеют значительные статистические погрешности, и главное, они не позволяют составить чёткую региональную картину по тематике опроса. Именно оценка конфессиональной структуры населения на уровне регионов Латвии и является основной задачей данного исследования.

Решение данной задачи осложняется в связи с процессом секуляризации, развернувшимся в Латвии в XX столетии и особенно в XXI веке. Как отмечает С.А. Горохов [1, с. 158], в советское время это была политическая секуляризация, которая сменилась кратковременным периодом десекуляризации в постсоветское время. В Латвии, как и в других странах Прибалтики, начался процесс конфессиональной «реконструкции», характеризуемый как возрождением традиционных религий, так и распространением нетрадиционной религиозности [2, с. 102]. Но в XXI в., в соответствии с обще-европейским трендом, ускорилась социальная секуляризация, и сейчас около трети населения Латвии не отождествляет себя с какой-либо из религий. Целью исследования является оценка современной конфессиональной структуры населения исторических регионов Латвии (Видземе, Латгале,

Земагале и Курземе) и её столицы с опорой на итоги социологических опросов на уровне всей страны, а также на результаты переписей населения, на которых задавался вопрос о религиозной принадлежности населения.

Материалы и методы

Информационной основой исследования является размещённая на сайте «Population statistics of Eastern Europe & former USSR»² этническая и конфессиональная статистика по итогам переписей населения 1897, 1920, 1925, 1930, 1935 гг. и текущего учёта населения Латвии в 2023 году. Также используются результаты социологических опросов населения страны, проведённых Латвийским агентством SKDS (опрос проводился среди жителей Латвии в возрасте от 18 до 74 лет, примерно по 1000 респондентов в каждом из опросов; задавался вопрос «К какой вере вы принадлежите?»; имеются данные с 2000 по 2018 гг.³).

Оценка современной конфессиональной структуры населения исторических регионов Латвии строится на основе разработанной авторами методики. Всего можно выделить пять последовательных шагов, которые были сделаны для достижения цели исследования.

1. На первом этапе исследования была рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения Латвии исходя из традиционной религиозной принадлежности проживающих в ней народов. Так, к потенциально-протестантскому населению можно отнести латышей, эстонцев и немцев, потенциально-католическому — поляков и литовцев, потенциально-православному — русских, белорусов

² Population statistics of Eastern Europe & former USSR. — URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 14.06.2024).

³ Misāne, A. Reliģiskā dažādība Latvijā. LU Sociālo un politisko pētījumu institūts. Biedrība «Patvērums «Drošā māja»», 2016 / A. Misāne. — URL: https://cilvektiesibas.org.lv/media/attachments/31/10/2016/A.Misane_ppt.pdf (дата обращения: 14.06.2024); Kaktiņš, A. Lūk, kā izskatās Latvijas iedzīvotāju reliģiskās un konfesionālās piederības pēdējās 3 aptaujās, kur tas ir ticis prasīts / A. Kaktiņš. — URL: <https://twitter.com/arniskaktins/status/1044214761557282816?lang=he> (дата обращения: 14.06.2024).

¹ Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). — Москва: Институт Европы РАН, 2009. — С. 313.

и украинцев, потенциально-иудейскому — евреям. Потенциальная конфессиональная структура населения была рассчитана как по этнической статистике за 2023 г., так и по итогам всех переписей населения на территории Латвии, в которых задавался вопрос о вероисповедании (с 1897 по 1935 гг.).

Расчёт потенциальной конфессиональной структуры населения используется для оценки религиозного состава населения в случае отсутствия официальной статистики по распределению населения по конфессиональным группам. Данный методический приём был предложен С.Г. Сафроновым [3] применительно к изучению религиозного состава населения Европейской России на 1989 г., и в дальнейшем был апробирован нами на уровне административно-территориальных единиц современных Эстонии, Латвии и Литвы [4].

2. На втором этапе работы была рассчитана разность между реальным и потенциальным конфессиональным составом населения по итогам переписей населения, где был одновременно учёт этнической и конфессиональной структуры населения (с 1897 по 1935 гг.). Перед этим верующее население было распределено по четырём крупным конфессиональным группам, включающим и протестантов, католиков, православных (со старообрядцами) и иудеев. Разность между реальной и потенциальной конфессиональной структурой населения позволила выявить численность представителей этнических групп, не придерживающихся традиционных для своих народов деноминаций. В первую очередь, это латыши-католики (преимущественно проживающие в Латгалии, то есть латгалцы-католики, хотя католицизм был принят и заметной частью латышей, проживающих в других регионах Латвии) и православные латыши. При этом, разность между численностью иудеев и евреев оказалась близка к нулю.

3. Третьим шагом в исследовании стала корректировка потенциальной конфессиональной структуры населения Латвии за 2023 г., рассчитанной исходя из традици-

онной конфессиональной принадлежности этносов, но уже с учётом устойчивой за длительное время доли латышей-католиков и православных латышей, выявленной по итогам переписей населения на территории Латвии. Данная корректировка происходила не только на уровне всей Латвии, но и её исторических регионов (Видземе, Латгале, Земгале, Курземе) и столицы страны Риги.

4. Далее, опираясь на современную этническую статистику и опросы населения по религиозной принадлежности, была рассчитана средняя религиозность трёх основных конфессиональных групп Латвии (из списка основных групп выпали иудеи, доля которых ныне является незначительной). При этом распределение населения Латвии по основным конфессиональным группам было принято в соответствии с итогами опроса населения 2018 г., который дал такие результаты: православные и старообрядцы — примерно 28%, протестанты и католики — по 20%. Оставшиеся 32% составили преимущественно лица, не обозначившие по разным причинам свою религиозную принадлежность (атеисты, верующие без привязки к какой-либо религии, не ответившие на вопрос о вероисповедании и т.п.). Эта категория населения для упрощения её обозначения далее называется нерелигиозным населением.

5. И наконец, заключительным этапом исследования стала оценка распределения населения регионов Латвии по трём основным конфессиональным группам, исходя из рассчитанной средней по стране религиозности данных групп, и нерелигиозной части населения.

Кроме того, в исследовании используются показатели, отражающие степень сложности религиозной (конфессиональной) структуры населения. Основной из них — индекс религиозной мозаичности (ИРМ) [5–7], который является аналогом применяемого в этнодемографии индекса этнической мозаичности (ИЭМ) [8]. Отечественные [9–11] и зарубежные учёные [12–14], называют этот показатель индексом этнической фракционализации. При этом нуж-

но отметить, что изначально он носил название «индекс этнолингвистической фракционализации» и служил для оценки языкового разнообразия территорий [15]. Для расчёта ИРМ используется следующая:

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum_{(i=1)}^n R_i^2, \quad (1)$$

где n — количество религий (религиозных направлений) в стране или регионе, R_i — доля приверженцев i -й религии (религиозного направления) в стране или регионе. В нашем исследовании применён модифицированный вариант данного показателя, предложенный С.А. Гороховым [16]. Специфика данного варианта ИРМ, названного модифицированным индексом религиозной мозаичности (МИРМ), связана с более чётким интервалом значений показателя. Значения ИРМ изменяются в интервале от 0 (когда всё население определённой территории придерживается одной религии или направления религии) до $1 - 1/n$, а значения МИРМ укладываются в интервал от 0 до 1. Величину МИРМ можно рассчитать следующим образом:

$$\text{МИРМ} = \text{ИРМ} / (1 - 1/n) \quad (2)$$

Также С.А. Горохов предложил, опираясь на МИРМ, определять степень конфессиональной гомогенности / гетерогенности территорий. В случае, если величина МИРМ составляет от 0 до 0,280, то территорию можно считать крайне гомогенной в конфессиональном плане, при МИРМ от 0,281 до 0,556 — относительно гомогенной, при МИРМ от 0,557 до 0,820 — относительно гетерогенной, при МИРМ от 0,821 до 1 — крайне гетерогенной [1, с. 106]. В нашем исследовании МИРМ рассчитывался по четырём крупным конфессиональным группам — приверженцам трёх направлений христианства (протестанты, католики, православные со старообрядцами) и иудаизма.

Но, в связи с наличием достаточно многочисленной категории населения,

не обозначающего своей принадлежности ни к одной из конфессий, возникает проблема учёта этой части населения при расчёте индекса религиозной мозаичности. Один вариант решения данной проблемы — исключить эту часть населения из расчёта МИРМ. Но тогда индекс мозаичности будет отражать сложность структуры только религиозной части населения конкретной территории. Второй вариант предполагает расчёт общего индекса мозаичности [1], где учитываются лица, не обозначившие свою религиозную принадлежность, как одна группа (нерелигиозное население). Чтобы не путать общий индекс мозаичности с МИРМ, предложено назвать этот показатель модифицированным индексом конфессиональной мозаичности (МИКМ).

Результаты исследования

Проследим изменение МИРМ и МИКМ на территории Латвии в период с 1897 по 2018 гг. (рис. 1). Величина МИРМ между переписями населения 1897 и 1935 гг. росла, что свидетельствует о нарастании гетерогенности религиозной структуры населения в этот период. Эту тенденцию подтверждают результаты проведённого нами ранее исследования [17]. В целом величина МИРМ позволяет говорить о Латвии в период первой независимости как об относительно гетерогенном в конфессиональном плане государстве.

В начале XXI в. продолжался рост величины МИРМ, и Латвия перешла в категорию стран с крайне гетерогенной структурой религиозной части населения (МИРМ стал превышать 0,821). В 2000 г. ещё более высокой оказалась величина общего индекса мозаичности, в расчёте которого учитывается категория населения, не ассоциирующего себя ни с одним из религиозных направлений (МИКМ). К 2018 г. показатели МИКМ и МИРМ сравнялись, достигнув очень высокого значения, близкого к единице (0,986). Таким образом, в настоящее время можно говорить о крайне высокой гетерогенности как религиозной части населения, так и конфессиональной

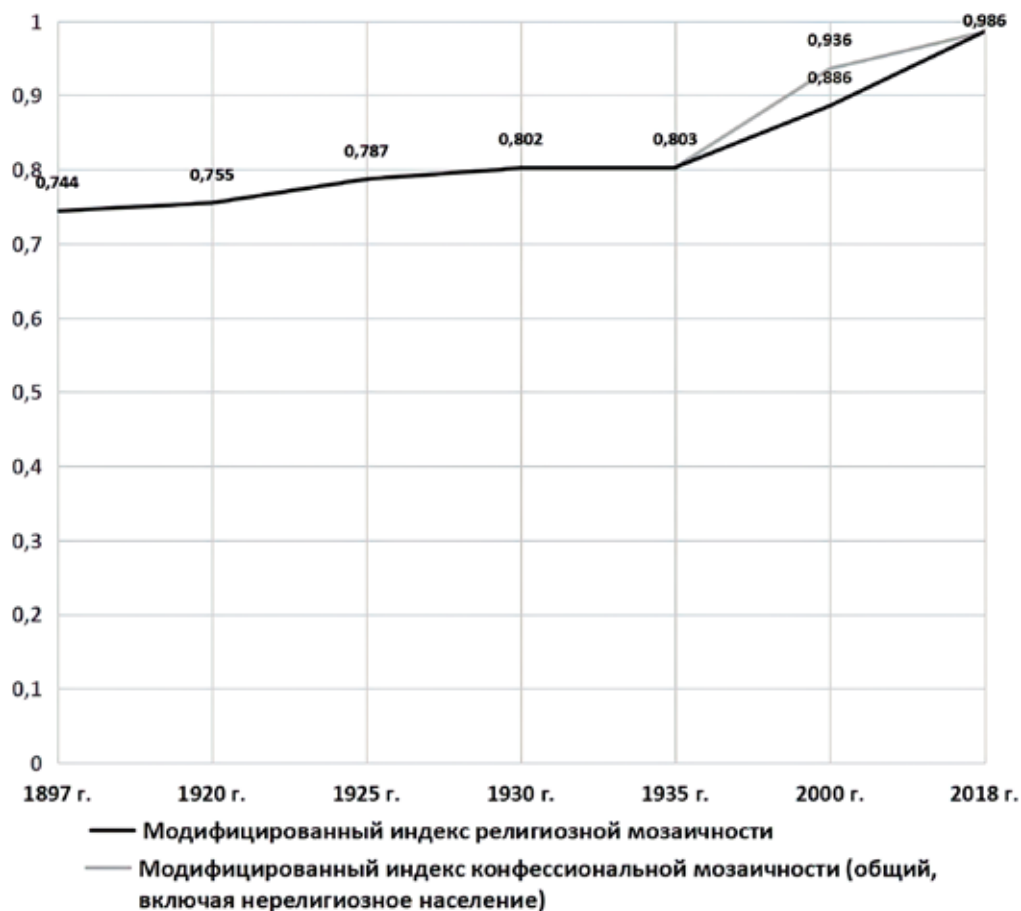

Рис. 1. Динамика модифицированных индексов религиозной и конфессиональной мозаичности на территории Латвии с 1897 по 2018 год

Fig. 1. Dynamics of modified indices of religious and confessional mosaic in the territory of Latvia from 1897 to 2018

Источник: расчёты авторов.

структуры населения в целом (с учётом лиц, не обозначающих своей религиозной принадлежности).

Изменения в конфессиональной структуре населения Латвии с 1897 по 2018 гг. представлены на рис. 2. Можно отметить достаточно высокий уровень стабильности удельного веса приверженцев направлений христианства по итогам переписей населения вплоть до 1935 года. Происходило лишь медленное перераспределение между при-

верженцами лютеранства и католичества в пользу последних, что можно объяснить более высоким естественным приростом среди католического населения в то время. Доля православных оставалась примерно на одном уровне. По сравнению с 1897 г. в период первой независимости Латвии снизилась доля иудеев, что связано с их частичным выездом после отмены черты осёдлости еврейского населения в начале Первой мировой войны.

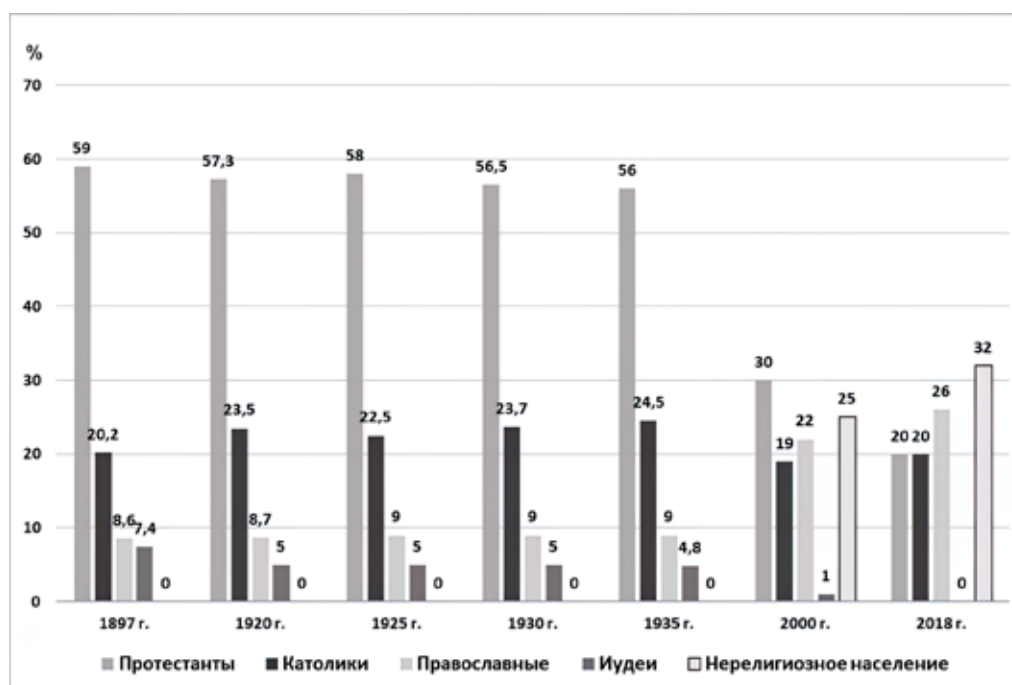

Рис. 2. Изменение доли основных конфессиональных групп населения, проживающего на территории Латвии, с 1897 по 2018 год

Fig. 2. Change in the share of the main religious groups of the population living in Latvia in 1897–2018
Источник: расчёты авторов.

На этом фоне можно проследить наиболее значительные изменения в конфессиональной структуре населения Латвии в начале XXI века. Во-первых, резкое падение доли протестантов, большей частью перешедших в категорию нерелигиозного населения. Во-вторых, значительный рост доли православных, объясняемый миграционным притоком восточнославянского населения (русских, украинцев и белорусов) в советский период истории Латвии и ростом религиозности данной категории населения в постсоветское время (на фоне миграционного оттока и естественной убыли в этот период). В-третьих, почти полное исчезновение приверженцев иудаизма по причине выезда в постсоветское время подавляющего большинства сохранившегося в Латвии в послевоенный период еврейского населения. При этом доля католиков уменьшилась в значительно меньшей пропорции, чем протестантов, что объясняется

сохранением высокого уровня религиозности среди потенциально-католического населения.

В соответствии с представленной выше методикой, с опорой на традиционную религиозную принадлежность этносов, была рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения исторических регионов Латвии по итогам переписей населения с 1897 по 1935 гг. и на 2023 год. Исходя из различий между реальной и потенциальной конфессиональной структурой населения по результатам переписей в каждом историческом регионе страны была выявлена доля латышей-католиков (в том числе латгальцев-католиков в Латгалии) и православных латышей. Отметим, что выявленные различия между реальной и потенциальной конфессиональной структурой населения на уровне исторических регионов страны характеризовались стабильностью, что позволило перейти к корректировке по-

тенциальной конфессиональной структуры населения на 2023 г. с учётом выявленного на уровне страны и регионов устойчивого за длительный временной интервал удельного веса латышей-католиков и православных латышей.

Доля потенциально-протестантского населения на 2023 г. была оценена в 39,5%, потенциально-католического населения — в 23,5%, потенциально-православного населения — в 32%. Скорректированная потенциальная конфессиональная структура населения позволила перейти к оценке религиозности каждой крупной конфессиональной группы. Наиболее надёжные данные о современной конфессиональной структуре населения Латвии, на наш взгляд, представлены в итогах социологического опроса, проведённого в 2018 г. Латвийским агентством SKDS. Так как такие опросы агентство проводило с 2000 г. фактически ежегодно, с их помощью можно проследить динамику доли конфессиональных групп в первые два десятилетия XXI века. В этот период доля православных имела тенден-

цию к росту, и с 2000 по 2018 гг. увеличилась с 22 до 26%, что можно объяснить ростом религиозности потенциально-православного населения; доля лютеран уменьшалась (с 28 до 20%), доля католиков колебалась в интервале от 19 до 24%, но в 2018 г. была оценена в 20%. Из других конфессиональных групп можно отметить только старообрядцев (2–4%) и баптистов (1–2%).

Сопоставление конфессиональных групп по итогам социологического опроса 2018 г. и потенциально-конфессиональной структуры населения по этнической статистике за 2023 г. привело к таким оценкам уровня религиозности приверженцев трёх направлений христианства: протестанты — 50,6%, католики — 85,2%, православные и старообрядцы — 87,1%. Именно этот уровень религиозности, рассчитанный в среднем по Латвии, был принят для расчёта численности и удельного веса трёх основных конфессиональных групп в населении исторических регионов страны. Результаты этих расчётов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Доля основных конфессиональных групп в населении регионов Латвии и разность между реальным и потенциально-конфессиональным населением по итогам переписей населения 1897, 1925, 1935 гг. и оценка на 2023 год

Table 1

The share of the main religious groups in the population of the regions of Latvia and the difference between the actual and potential religious population based on the results of the population censuses of 1897, 1925, 1935, and estimate for 2023

Территория	Основные конфессиональные группы			Разность между реальным и потенциально-конфессиональным населением*		
	Протестанты	Католики	Православные*	Протестанты	Католики	Православные*
1897 год						
Латвия, человек	1156424	362462	245949	-334052	298992	10860
Латвия, %	59,1	20,22	12,75	-17,31	15,5	0,56
Рига	64,06	9,5	17,52	-6,15	2,46	1,42
Видземе	78,96	3,87	13,17	-8,2	1,08	6,26
Латгале	7,47	57,03	22,53	-44,29	50,59	-6,31
Земгале и Курземе	75,3	11,10	4,99	-7,43	5,5	-0,69
1925 год						
Латвия, человек	1070819	416769	256777	-362164	342434	25119
Латвия, %	58,05	22,59	13,92	-19,63	18,56	1,36
Рига	66,69	9,63	11,48	-5,82	3,45	2,82
Видземе	88,4	1,81	9,1	-8,88	1,37	7,62
Латгале	8,04	56,91	29,02	-49,17	51,96	-2,69

Земгале	72,98	17,80	6,22	-9,59	11,33	-1,48
Курземе	84,77	7,20	2,59	-5,14	4,72	1,18
1935 год						
Латвия, человек	1094787	476963	281584	-446983	405101	48218
Латвия, %	56,13	24,45	14,44	-22,92	20,77	2,47
Рига	64,75	11,61	11,75	-8,86	6,01	3,18
Видземе	86,13	4,05	9,14	-9,78	3,09	6,92
Латгале	7,64	57,51	29,85	-53,91	53,90	0,24
Земгале	68,62	21,61	7,2	-16	15,43	0,92
Курземе	84,32	8,51	2,85	-6,65	5,98	1,27
2023 год**						
Латвия, человек	376600	376600	527240	-367690	-65390	-78050
Латвия, %	20	20	28	-19,53	-3,47	-4,14
Рига	4,9	32,3	38,7	-4,81	-5,61	-5,73
Видземе	33,2	3,9	22,8	-32,43	-0,68	-3,38
Латгале	3,7	40,2	35,2	-3,58	-6,98	-5,20
Земгале	29,7	15,8	17,7	-29,02	-2,74	-2,62
Курземе	35,5	7,7	16,1	-34,68	-1,34	-2,38

*православные христиане, включая старообрядцев.

**в 2023 г. потенциальная конфессиональная структура населения, рассчитанная исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, скорректирована с учётом доли латышей-католиков и православных латышей в соответствии с итогами переписей населения на территории Латвии с 1897 по 1935 гг.; оценка дана от общей численности населения, включая лиц, не обозначивших свою религиозную принадлежность.

Источник: расчёты авторов.

Как видно из таблицы, наиболее значительные изменения в современной конфессиональной структуре населения Риги и исторических регионов Латвии по сравнению с годами первой независимости страны произошли в пользу православных, что объяснимо перестройкой этнической структуры населения Латвии в советский период. Наибольшие потери в пользу нерелигиозного населения произошли со стороны бывших приверженцев протестантизма (в первую очередь, лютеран), и заметно меньше — со стороны католиков и православных. Оценка на 2023 г. по доле нерелигиозного населения, протестантов, католиков и православных со старообрядцами по историческим регионам Латвии и Риге представлена на рис. 3.

Наиболее спорной является оценка современной конфессиональной структуры населения Риги. Если лидерство православ-

ных объяснимо сложившейся на данный момент этнической структурой населения столицы Латвии, то второе место католиков нельзя объяснить, опираясь на тот же аргумент. В данном случае в пользу высокой доли католиков в Риге может говорить только невозможность Латгалии, да и других исторических регионов страны, быть местом размещения всех католиков Латвии. К примеру, в 2023 г. всё население Латгалии составляло лишь 245 тыс. человек, латышское население там немногим превосходило 113 тыс. человек, и понятно, что не все они являются латгальцами-католиками. При этом общая численность католиков в Латвии оценивается сейчас в 376 тыс. человек, в Латгалии их около 100 тыс. человек (26% от католиков страны), и более половины их сконцентрировано в Риге, которая на протяжении длительного периода принимала миграционные волны, идущие из Латгалии

Рис. 3. Доля протестантов, католиков и православных со старообрядцами и нерелигиозного населения по историческим регионам Латвии (оценка на 2023 г.)

Fig. 3. The share of Protestants, Catholics, Orthodox with Old Believers and non-religious population by historical regions of Latvia (estimated for 2023)

Источник: расчёты авторов.

(к примеру, в 1935 г. в этой области проживало свыше 326 тыс. католиков, или 68% католиков всей страны).

Выводы

В первой четверти XXI в. ускорился процесс секуляризации населения Латвии, но его темпы заметно различались по основным конфессиональным группам. Наибольшая скорость этого процесса характеризовала протестантскую общность, представлявшую преимущественно титульным населением страны. Значительно большую устойчивость проявляли православная община. Несмотря на быстрые темпы сокращения русского, украинского и белорусско-

го населения, доля православных и старообрядцев в структуре верующего населения Латвии в последние десятилетия демонстрирует рост.

В ходе исследования рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения Латвии с опорой на традиционную конфессиональную принадлежность этносов (по национальной статистике за 2023 г.), которая затем была скорректирована с учётом устойчивой за длительный временной интервал доли латышей-католиков и православных латышей по итогам переписей населения, когда фиксировалась религиозная принадлежность населения (с 1897 по 1935 гг.). Современная доля потенциально-протестантского населения в Лат-

вии составляет около 40%, потенциально-католического населения — 23%, потенциально-православного населения — 32%.

Опираясь на эти данные и на итоги социологических опросов, проведённых во втором десятилетии XXI века, была оценена религиозность внутри трёх обозначенных групп населения. Уровень религиозности оказалась наиболее высоким в группе потенциально-православного населения

(87%), им немного уступили потенциальные католики (85%), и значительно — потенциальные протестанты (чуть выше 50%). Исходя из рассчитанной средней по стране религиозности данных потенциально-конфессиональных групп была дана оценка распределения населения исторических регионов Латвии по трём основным конфессиональным группам и нерелигиозной части населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Горохов, С.А.** География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства / С.А. Горохов. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 235 с.
2. **Старостенко, В.В.** К вопросу о специфике религиозности населения на постсоветском пространстве: страны Балтии / В.В. Старостенко // Религия и общество — 12. Сборник научных статей / под общей ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. — Могилёв : Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2018. — С. 102–105. EDN: XXAMMX
3. **Сафронов, С.Г.** Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века / С.Г. Сафронов // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. — Москва, 2001. — С. 443–460. EDN: LXBEVY
4. **Manakov, A.G.** Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic / A.G. Manakov, V.S. Dementiev // Baltic Region. — 2019. — Vol. 11. — No. 1. — P. 92–108. DOI: 10.5922 / 2079-8555-2019-1-7; EDN: OLYSMG
5. **Манаков, А.Г.** Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия / А.Г. Манаков. — Псков : Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. — 300 с.
6. **Теренина, Н.К.** Опыт расчёта коэффициента религиозной контрастности по регионам России / Н.К. Теренина, Р.Н. Кроток // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 82–94. EDN: GEQAKG
7. **Дементьев, В.С.** Конфессиональные контактные зоны Российской империи в разрезе уездов и округов по итогам переписи 1897 года / В.С. Дементьев, Р.Н. Кроток // Псковский региональный журнал. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 91–106. DOI: 10.37490 / S221979310029977-7; EDN: ZZRAYB
8. **Эккель, Б.М.** Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР / Б.М. Эккель // Советская этнография. — 1976. — № 2. — С. 33–42.
9. **Буфетова, А.Н.** Национальная неоднородность в регионах России / А.Н. Буфетова, Е.А. Коломак // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 110–123. EDN: YIBHPJ
10. **Bufetova, A.N.** Cultural heterogeneity and economic development in Russia / A.N. Bufetova, A.A. Khrzhanovskaya, E.A. Kolomak // Journal of Siberian Federal University. — 2020. — Vol. 13. — No. 4. — P. 453–463. DOI: 10.17516 / 1997-1370-0582; EDN: KRJFOQ
11. **Рожина, Е.А.** Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России / Е.А. Рожина, Р.И. Васильева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 82–94. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-82-94; EDN: LJNPYB
12. **Montalvo, J.** Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth / J. Montalvo, M. Reynal-Querol // UPF Working Paper. — 2002. — No. 660. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926 (дата обращения: 10.06.2024).

13. **Posner, D.N.** Measuring Ethnic Fractionalization in Africa / D.N. Posner // American Journal of Political Science. — 2004. — Vol. 48. — No. 4. — P. 849–863. DOI: 10.1111 / j.0092-5853.2004.00105.x
14. **Churchill, S.A.** Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata / S.A. Churchill // Economic Issues. — 2019. — Vol. 24. — No. 1. — P. 21–34.
15. **Greenberg, J.H.** The Measurement of Linguistic Diversity / J.H. Greenberg // Language. — 1956. — Vol. 32. — No. 1. — P. 109–115.
16. **Горохов, С.А.** Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира / С.А. Горохов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2014. — № 4. — С. 56–61. EDN: TAVMZH
17. **Кроток, Р.Н.** Территориальная структура конфессионального пространства Латвии в конце XIX — начале XX вв. / Р.Н. Кроток // Псковский регионологический журнал. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 24–39. DOI: 10.37490 / S221979310031532-8; EDN: WXRXHA

Сведения об авторах:

Манаков Андрей Геннадьевич, д.геогр.н., проф., Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Контактная информация: e-mail: region-psk@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-2688; РИНЦ SPIN-код: 5640-9652.

Теренина Наталья Константиновна, к.геогр.н., доцент, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Контактная информация: e-mail: brazelon@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5288-9409; РИНЦ SPIN-код: 3280-7324.

Кроток Роман Николаевич, младший научный сотрудник, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

Контактная информация: e-mail: roma.krotok@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5111-0686; РИНЦ SPIN-код: 8664-9645.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-101-113

ASSESSMENT OF THE MODERN CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF LATVIA

Andrei G. Manakov*, Natalia K. Terenina, Roman N. Krotok

Pskov State University

(2 Lenin sq., Pskov, Russia, 180000)

**E-mail: region-psk@yandex.ru*

Funding:

The publication was financed through a grant «Carrying out scientific research and development by Russian-Belarusian scientific teams on the basis of research units of Pskov State University in 2024 / 2025».

For citation:

Manakov A.G., Terenina N.K., Krotok R.N. Assessment of the modern confessional structure of the population of the regions of Latvia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 101-113. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-101-113 (in Russ.)

Abstract. *Currently, Latvia can be characterized as a multi-confessional state. In the modern religious structure of the country's population, adherents of the three main directions of Christianity are represented approximately equally: Catholicism, Orthodoxy and Protestantism. However, the Latvian population census does not record the religious composition of the population. The article*

sets the task of assessing the modern religious structure of the population of the historical regions of Latvia (Vidzeme, Latgale, Zemagale and Kurzeme) and its capital, based on the results of sociological surveys at the country level, as well as on the results of population censuses, which asked about the religious affiliation of people. This assessment is based on the methodology developed by the authors. At the Latvian level, the results of a sociological survey of the population conducted by the Latvian agency SKDS in 2018 were used. From the national statistics for 2023, the potential religious structure of the population of Latvia and its regions was calculated based on the traditional religious affiliations of ethnic groups. This structure was then adjusted taking into account the proportion of Catholic Latvians and Orthodox Latvians based on the results of population censuses when the question on religion was asked (from 1897 to 1935). Then, modern religiosity was assessed within each of the main potential-confessional groups of the population, which turned out to be the highest in the group of the potential-Orthodox population (87%), to whom potential Catholics (85%) were slightly behind in this regard, and potential Protestants (slightly above 50%) were significantly behind. Based on the calculated national average religiosity of potential religious groups, an assessment was made of the distribution of the population of the historical regions of Latvia and the capital of the country among the three main religious groups and the non-religious part of the population.

Keywords: religious mosaic, Protestants, Catholics, Orthodox, potential confessional structure, non-religious population.

References and Internet sources

1. Gorokhov S.A. Geografiya religij: Tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva [Geography of Religions: Cycles of Development of the Global Confessional Space]. Moscow. YuNITY-DANA [UNITY-DANA]. 2020. 235 p. (in Russ.)
2. Starostenko V.V. K voprosu o spetsifike religioznosti naseleniya na postsovetском prostranstve: strany Baltii [On the issue of the specifics of religiosity of the population in the post-Soviet space: the Baltic countries]. *Religiya i obshchestvo* — 12. Sbornik nauchnykh statej [Religion and Society — 12. Collection of scientific articles]. V.V. Starostenko, O.V. Dyachenko (eds.). Mogilev. Mogil'ovskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.A. Kuleshova [A.A. Kuleshov Mogilev State University]. 2018. P. 102–105. (in Russ.)
3. Safronov S.G. Konfessional'noye prostranstvo Rossii v nachale i kontse 20 veka [Confessional space of Russia at the beginning and end of the 20th century]. *Gorod i derevnya v Yevropejskoj Rossii: sto let peremen* [The Town and the Country in the European Russia: One Hundred Years of Changes]. T. Nefedova, P. Polyan, A. Treivish (eds.). Moscow. 2001. P. 443–460. (in Russ.)
4. Manakov A.G., Dementiev V.S. Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic. *Baltic Region*. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 92–108. DOI: 10.5922 / 2079-8555-2019-1-7
5. Manakov A.G. Geokul'turnoye prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhiya [Geocultural Space of the North-West of the Russian Plain: Dynamics, Structure, Hierarchy]. Pskov. 2002. 300 p. Available at: <http://st.volny.edu/> (Accessed: 2 June 2024). (in Russ.)
6. Terenina N.K., Krotok R.N. Opyt raschyota koeffitsienta religioznoj kontrastnosti po regionam Rossii [Experience of calculating the coefficient of religious contrast by regions of Russia]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yestestvennye i fiziko-matematicheskije nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and Physical and Mathematical Sciences]. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 82–94. (in Russ.)
7. Dementiev V.S., Krotok R.N. Konfessional'nyye kontaktnyye zony Rossijskoj imperii v razreze ujezdov i okrugov po itogam perepisi 1897 goda [Confessional contact zones of the Russian Empire by counties and districts according to the results of the 1897 census]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies]. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 91–106. DOI: 10.37490 / S221979310029977-7 (in Russ.)
8. Eckel B.M. Opredeleniye indeksa etnicheskoy mozaichnosti natsional'nogo sostava respublik, krayov i oblastej SSSR [Estimation of the index of ethnic mosaic in the national composition of republics, krayov i oblastej SSSR].

- territories and oblasts of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1976. No. 2. P. 33–42. (in Russ.)
9. Bufetova A.N., Kolomak E.A. Natsional'naya neodnorodnost' v regionakh Rossii [National diversity in the Russian regions]. *EKO* [*ECO*]. 2017. No. 4. P. 110–123. (in Russ.)
 10. Bufetova A.N., Khrzhanovskaya A.A., Kolomak E.A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia. *Journal of Siberian Federal University*. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 453–463. DOI: 10.17516 / 1997-1370-0582
 11. Rozhina E.A., Vasilyeva R.I. Etnicheskoye raznoobrazie i ekonomicheskaya diversifikatsiya: analiz regionov Rossii [Ethnic diversity and economic diversification: the case of Russian regions]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 82–94. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-82-94 (in Russ.)
 12. Montalvo J., Reynal-Querol M. Why ethnic fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. *UPF Working Paper*. 2002. No. 660. Available at: https://papers.ssrn.com / sol3 / papers.cfm?abstract_id=394926 (Accessed: 10 June 2024).
 13. Posner D.N. Measuring ethnic fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*. 2004. Vol. 48. No. 4. P. 849–863. DOI: 10.1111 / j.0092-5853.2004.00105.x
 14. Churchill S.A. Income and ethnic fractionalisation: Evidence from British Microdata. *Economic Issues*. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 21–34.
 15. Greenberg J.H. The measurement of linguistic diversity. *Language*. 1956. Vol. 32. No. 1. P. 109–115.
 16. Gorokhov S.A. Religioznaya mozaichnost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov sovremennogo mira [Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [*Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*]. 2014. No. 4. P. 56–61. (in Russ.)
 17. Krotok R.N. Territorial'naya struktura konfessional'nogo prostranstva Latvii v kontse 19 — nachale 20 vv. [Territorial structure of the confessional space of Latvia in the late 19th and early 20th centuries]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [*Pskov Journal of Regional Studies*]. 2024. Vol. 20. No. 3. P. 24–39. DOI: 10.37490 / S221979310031532-8 (in Russ.)

Information about the authors:

Manakov Andrei Gennadievich, Doctor of Geography, Professor, Pskov State University, Pskov, Russia.

Contact information: e-mail: region-psk@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3223-2688; Elibrary SPIN- code: 5640–9652.

Terenina Natalia Konstantinovna, Candidate of Geography, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia.

Contact information: e-mail: brazelon@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5288-9409; Elibrary SPIN- code: 3280–7324.

Krotok Roman Nikolaevich, Junior Researcher, Pskov State University, Pskov, Russia.

Contact information: e-mail: roma.krotok@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5111-0686; Elibrary SPIN-code: 8664–9645.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-114-126
EDN: AIIALI

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Рюмина Е.В.*, Федотов А.А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: ryum50@mail.ru

Для цитирования:

Рюмина Е.В., Федотов А.А. Типология регионов России по показателям человеческого потенциала // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 114-126. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-114-126; EDN: AIIALI

Аннотация. В статье представлены результаты типологизации регионов по показателям человеческого потенциала. Цель исследования — группировка регионов по уровню развития человеческого потенциала и в этом аспекте выявление среди них образцовых и отстающих. Объект исследования — 85 российских регионов и показатели их человеческого потенциала. Сначала рассматривались 22 показателя, характеризующих различные аспекты человеческого потенциала: демографический, трудовой, образовательный, культурный, экологический и относящийся к социальному здоровью, включая его негативные компоненты — потребление алкоголя и преступность. Далее выбранные показатели были проанализированы и проверены на мультиколлинеарность, в результате чего осталось 9 показателей, отражающих: ожидаемую продолжительность жизни, рождаемость, заболеваемость, долю высококвалифицированных работников, удельный вес руководителей и специалистов, потребление алкоголя, число посещений музеев и театров, число разводов, экологическое поведение. Типологизация проведена методами кластерного анализа: иерархического и k-средних. Использованы данные официальной статистики социально-экономического развития регионов за 2021 год. В результате кластеризации получено 9 групп регионов, от 1 до 22 регионов в группе. Каждой группе дана содержательная характеристика. Группировка регионов сильно отличается от привычных типологий по экономическому развитию. Например, Московская и Ленинградская области по характеристикам человеческого потенциала определены на уровне «ниже среднего», а экономически развитая Республика Татарстан и дотационная Псковская область попали в одну группу. Полученная типология расширяет представление о региональной дифференциации человеческого потенциала и позволяет по-другому взглянуть на уровень его развития в отдельных регионах и их группах. Основная польза типологии заключается в том, что группы с высокими значениями показателей человеческого потенциала должны стать объектами анализа тех эффективных мер воздействия на него, которые регионы реализуют и благодаря которым достигли хороших результатов. Этот опыт следует распространять на менее успешные в плане развития человеческого потенциала регионы.

Ключевые слова: человеческий потенциал, показатели, регионы России, типология, кластерный анализ.

© Рюмина Е.В., Федотов А.А., 2025

Представленное исследование является продолжением работы по теме «Развитие человеческого потенциала с дифференциацией по регионам и социальным группам: факторы и модели», выполняемой в ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Теоретические предпосылки развития этой темы изложены В.В. Локозовым [1]. Под человеческим потенциалом нами понимается качественный потенциал населения или, проще говоря, качество населения, т.е. мы не ограничиваемся человеческим потенциалом экономики, а рассматриваем его в широком смысле — во всех сферах жизнедеятельности. Задачи ставятся в региональном разрезе. В силу разных условий развития регионов и жизни их населения — исторических, природных, географических, экономических, национальных, демографических и т.д. — в усреднённом виде жители разных регионов могут и сильно отличаться, и, наоборот, быть похожими друг на друга. Именно такой «усреднённый житель» и представляет объект данного исследования.

В рамках выполнения названной научной темы были выделены следующие компоненты человеческого потенциала: демографический потенциал, потенциал здоровья, трудовой, образовательный, культурный потенциал, социальное здоровье, экологическое поведение, гендерный разрез человеческого потенциала. Для каждой компоненты выработаны показатели. Формирование системы соответствующих показателей для дальнейшего межрегионального анализа — это, во многом, творческая задача, условия которой естественно ограничены, с одной стороны, возможностями статистического учёта, а с другой, — конкретными прикладными задачами дальнейших исследований.

Таким образом, границы этой работы были определены выбранными показателями человеческого потенциала по его основным компонентам, а в качестве цели работы выступала группировка регионов по схожим характеристикам компонентов человеческого потенциала, т.е. типологизация регионов. Коллективом разработчиков указанной выше научной темы было выбрано, на осно-

ве данных официальной региональной статистики, 22 показателя человеческого потенциала: 1) ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), лет; 2) суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину (СКР); 3) доля женщин наиболее активного репродуктивного возраста (20–39 лет) во всём населении в среднем за 2021 г., в %; 4) доля лиц в возрасте 65 лет и старше во всём населении в среднем за 2021 г., в %; 5) коэффициент миграционного прироста; 6) заболеваемость на 1000 человек; 7) ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ); 8) доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; 9) удельный вес численности высококвалифицированных работников в численности занятых, %; 10) доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий в численности занятых, %; 11) средняя зарплата в регионе к средней по РФ, %; 12) чистый региональный продукт на 1 занятого, к среднему по РФ (ЧРП), %; 13) средняя продолжительность обучения среди занятых (лет); 14) доля занятых с высшим образованием (%); 15) доля занятых со средним профессиональным образованием (%); 16) число посещений культурных мероприятий (театров и музеев) на 1000 человек населения; 17) потребление алкоголя, литров на душу населения; 18) преступность на 100000 человек населения; 19) индекс экологического поведения, безразмерный; 20) коэффициент брачности на 1000 человек населения; 21) коэффициент разводимости на 1000 чел. населения; 22) доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, супружеском союзе, в возрасте от 18 до 34 лет в общей численности этой возрастной группы, %. На трёх показателях остановимся отдельно в силу, во-первых, необходимости дополнительного обоснования их включения в число характеристик человеческого потенциала (зарботная плата и чистый региональный продукт), во-вторых, отсутствия в статистике этих показателей и авторского подхода к их построению (индекс экологического поведения населения).

К показателям первого типа относятся средняя зарплата в регионе и чистый регио-

нальный продукт на одного занятого. Традиционно эти показатели относятся к характеризующим уровень / качество жизни населения. При рассмотрении же человеческого потенциала в части трудового потенциала желательно было характеризовать его ещё и результативностью труда, а не только долями высококвалифицированных работников, руководителей и специалистов. В связи с этим, в качестве результатов труда, и были взяты показатели средней заработной платы и чистого регионального продукта на одного занятого. В статье М.С. Токсанбаевой объяснено, что такие показатели отражают «реализацию этих [трудовых] способностей, выраженную в стоимостных измерителях. Данные оценки также «впитывают» квалификационные параметры занятых. Так, заработная плата находится в прямой зависимости от квалификации: чем квалифицированнее труд, тем выше зарботки, и, соответственно, трудоёмкость производства. Что касается валового регионального продукта (ВРП) и ЧРП на одного работника, то они коррелируют с потребностями работодателей в квалификационных компетенциях персонала» [2].

Отношение к окружающей природной среде и её ресурсам — важная качественная характеристика населения. Предложен индекс экологического поведения населения, состоящий из частных трёх индексов, отражающих потребление воды населением в быту, потребление населением электроэнергии и образование коммунальных отходов; всё в расчёте на одного человека.

Далее необходимо было проверить выбранный набор показателей на мультиколлинеарность, т.е. корреляцию между независимыми переменными. Две переменные коллинеарны, когда они находятся между собой в линейной зависимости, если коэффициент корреляции более 0,7. Чтобы избавиться от мультиколлинеарности, необходимо исключить из модели один из факторов, который имеет наибольшую тесноту связи с другими переменными.

На базе информации о 22 показателях человеческого потенциала, собранной для всех 85 регионов России, построена корреляционная матрица размером 22х22

(табл. 1). В таблице под номерами 1–22 рассмотрены показатели, под теми же номерами перечисленные выше. Согласно построенной матрице получилось 8 пар с высокой степенью корреляционной связи: 1) показатели 1 и 18 — ОПЖ и преступность (–0,70); 2) 2 и 4 — СКР и доля лиц старше 65 лет (–0,77); 3) 9 и 13 — удельный вес численности высококвалифицированных работников и средняя продолжительность обучения среди занятых (0,82); 4) 9 и 14 — удельный вес численности высококвалифицированных работников и доля занятых с высшим образованием (0,81); 5) 11 и 12 — средняя зарплата в регионе к средней по РФ и ЧРП (0,70); 6) 13 и 14 — средняя продолжительность обучения среди занятых и доля занятых с высшим образованием (0,94); 7) 10 и 11 — доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий и средняя зарплата в регионе к средней по РФ (0,73); 8) 10 и 12 — доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий и ЧРП на 1 занятого, к среднему по РФ (0,72).

Из выделенных пар самые высокие значения у трёх из них — попарно между удельным весом численности высококвалифицированных работников в численности занятых (№ 9), средней продолжительностью обучения среди занятых (№ 13) и долей занятых с высшим образованием (№ 14). Для устранения мультиколлинеарности в этих трёх парах необходимо убрать две из трёх переменных. Чтобы понять, какую переменную оставить, проведём небольшой анализ, исходя из следующего: 1) у показателя 13 очень узкий диапазон принимаемых значений (от 12,2 до 14); 2) у показателя 9 самые низкие по сравнению с показателями 13 и 14 коэффициенты корреляции с другими переменными (0,26 в среднем по модулю против 0,3 и 0,34 соответственно; также у переменной № 9 всего 3 значения выше 0,3 в отличие от 5 и 8 значений соответственно у переменных №№ 13 и 14). Таким образом, среди этих трёх переменных наиболее независимой является № 9 — высококвалифицированные работники. Переменные № 13 и № 14 предлагаются к исключению.

Таблица 1

Матрица парных коэффициентов корреляции показателей человеческого потенциала

Table 1

Matrix of paired correlation coefficients of human potential indicators

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	1,00																					
2	0,10	1,00																				
3	0,68	0,39	1,00																			
4	-0,24	-0,77	-0,64	1,00																		
5	0,18	-0,18	0,16	0,05	1,00																	
6	-0,34	-0,09	-0,30	-0,01	-0,05	1,00																
7	0,52	0,18	0,41	-0,05	0,01	-0,28	1,00															
8	-0,03	-0,01	-0,14	0,10	-0,02	0,13	0,08	1,00														
9	0,26	0,07	0,19	-0,14	0,30	-0,02	-0,02	0,00	1,00													
10	-0,02	0,56	0,21	-0,61	-0,06	0,27	-0,16	-0,02	0,50	1,00												
11	-0,15	0,23	0,04	-0,43	0,13	0,34	-0,32	-0,04	0,61	0,73	1,00											
12	0,00	0,28	0,06	-0,40	0,07	0,41	-0,28	0,06	0,41	0,72	0,70	1,00										
13	0,49	0,06	0,31	-0,20	0,28	-0,16	0,01	-0,16	0,82	0,42	0,39	0,27	1,00									
14	0,57	0,19	0,46	-0,32	0,22	-0,23	0,10	-0,15	0,81	0,45	0,34	0,28	0,94	1,00								
15	-0,48	-0,33	-0,59	0,39	0,01	0,34	-0,28	0,04	-0,21	-0,11	0,07	0,04	-0,22	-0,49	1,00							
16	0,08	-0,19	-0,09	0,29	0,41	0,07	0,12	-0,10	0,20	-0,08	0,03	-0,04	0,12	0,04	0,19	1,00						
17	-0,58	-0,24	-0,56	0,22	0,17	0,46	-0,33	-0,05	0,10	0,12	0,50	0,35	-0,15	-0,29	0,56	0,22	1,00					
18	-0,70	0,19	-0,36	-0,04	-0,21	0,32	-0,28	-0,02	-0,14	0,15	0,27	0,14	-0,42	-0,42	0,34	-0,08	0,51	1,00				
19	0,31	0,27	0,16	-0,17	-0,28	-0,07	0,12	0,13	-0,33	-0,08	-0,47	-0,12	-0,13	-0,07	-0,12	-0,14	-0,54	-0,15	1,00			
20	-0,33	-0,09	-0,14	0,11	0,27	0,23	-0,06	0,03	0,29	0,13	0,46	0,16	0,01	-0,06	0,17	0,41	0,52	0,30	-0,56	1,00		
21	-0,53	-0,11	-0,27	0,06	-0,05	0,31	-0,28	-0,13	-0,02	0,01	0,35	0,13	-0,23	-0,25	0,21	-0,04	0,51	0,57	-0,45	0,63	1,00	
22	0,44	0,02	0,30	-0,04	-0,04	-0,24	0,12	-0,26	0,21	0,07	-0,04	-0,11	0,48	0,47	-0,18	0,11	-0,34	-0,34	0,08	-0,32	-0,33	1,00

Источник: рассчитано авторами.

Ещё 3 переменные показали парные значения коэффициентов корреляции выше или равные 0,7 (по модулю). Это доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий в численности занятых, средняя зарплата в регионе к средней по РФ и ЧРП на 1 занятого. Для устранения мультиколлинеарности из трёх переменных оставляем показатель № 10 (удельный вес руководителей и специалистов). В итоге остаются ещё не рассмотренными 2 пары: 1) №№ 1 и 18 (коэф. $-0,7$): ОПЖ и уровень преступности; 2) №№ 2 и 4 (коэф. $-0,77$): СКР и доля лиц в возрасте 65 лет и старше во всём населении.

Из первой пары (№№ 1 и 18) целесообразно убрать показатель преступности, так как он касается только 1,4% населения, и колебания по регионам небольшие. Кроме того, показатель общей преступности малоинформативен, так как объединяет в себе большое количество преступлений разных видов и тяжести; поэтому корреляционные связи с показателями качества жизни и другими компонентами человеческого потенциала у показателя общей преступности неоднозначны. Возможно, если всё-таки потребуется ввести в модель показатель преступности, имеет смысл выбрать какой-то более частный показатель (типа числа убийств и покушений на убийства).

Вторая пара (№№ 2 и 4) тесно связана между собой по логике: чем больше процент пожилых людей в обществе, тем меньше процент молодых женщин, соответственно меньше рождается детей. Задача состоит в том, чтобы из двух этих переменных оставить одну. Решение заключается в анализе парных коэффициентов корреляции каждой из выбранных переменных (№№ 2 и 4) со всеми остальными переменными в модели. Анализ показал, что переменная № 2 более независима: средний по модулю коэффициент корреляции со всеми остальными переменными составил 0,19 по сравнению с 0,23 у переменной № 4. Кроме того, для переменной № 2 только 3 коэффициента корреляции с другими переменными оказались выше 0,3, а у переменной № 4 таких показателей 6.

Итак, на данном этапе мы устранили мультиколлинеарность в наборе наших переменных, сократив число показателей с 22 до 16 показателей. Однако в построенной матрице есть ещё две пары тесно связанных между собой показателей с коэффициентами парной корреляции близкими к пороговому значению, во-первых, №№ 20 и 21 — брачность и разводимость (0,63). Эти показатели тесно связаны между собой: по данным ЕМИСС, в 2021 г. в России распалось 70% браков от количества заключённых в этом году браков. При выборе одного из этих показателей следует учитывать, что коэффициент брачности неоднозначно характеризует стремление людей к семейной жизни. То, что, например, в Москве он намного выше (7,0), чем в Республике Ингушетии (2,9), не говорит о большей приверженности к семейным ценностям москвичей, а, наоборот, может отражать факт вступления в брак второй, третий раз и т.д., тогда как для северокавказских республик повторные браки редки. В связи с этим оставим для дальнейшего анализа однозначно интерпретируемый коэффициент разводимости. Во-вторых, показатели № 1 и № 3: ОПЖ и доля женщин репродуктивного возраста (0,68). Здесь предлагается убрать второй показатель (долю женщин репродуктивного возраста), так как женщин в структуре населения больше, и поэтому он во многом просто отражает долю молодых людей, что тесно связано с ОПЖ. Кроме того, разброс значений данного показателя с 11,2 до 17,8% сокращается до 11,2–15%, если убрать лишь 4 региона: республики Дагестан, Ингушетия, Чеченскую и Кабардино-Балкарскую.

Теперь перейдём от формального анализа показателей к содержательному. Помимо вышеперечисленных показателей, к исключению из модели представлены следующие пять: 1) миграционная активность (№ 5) — это в большей мере фактор человеческого потенциала, а не его компонента, т.к. люди мигрируют в поисках лучшего качества жизни. Как составляющая человеческого потенциала данный показатель выступает лишь косвенно, отражая степень активности и предприимчивости населения, готов-

ности к переменам и риску; 2) ожидаемая продолжительность здоровой жизни (№ 7). Этот показатель в статистических сборниках появился недавно, и методика его построения ещё не до конца обоснована. Продолжительность здоровой жизни — это количество лет, в течение которых человек здоров без хронических и изнурительных заболеваний, но последние характеристики не всегда можно точно идентифицировать; 3) доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (№ 8). Этот показатель тоже трудно определить, поскольку он не ограничивается только числом посещений спортивных объектов; 4) доля занятых со средним профессиональным образованием (№ 15). Во-первых, это очень «низкая планка»; во-вторых, у нас есть уже более информативный показатель по высококвалифицированным работникам; 5) доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, супружеском союзе, в возрасте от 18 до 34 лет (№ 22). Данный показатель малоинформативен, т.к. взят широкий диапазон лет (от 18 до 34), половина которого приходится на диапазон молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет, у которых семейная жизнь ещё впереди.

Таким образом в результате анализа корреляционной матрицы из 22 показателей было оставлено 9: 1) ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), лет; 2) суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину (СКР); 3) заболеваемость на 1000 человек; 4) удельный вес численности высококвалифицированных работников в численности занятых, %; 5) доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий в численности занятых, %; 6) число посещений культурных мероприятий (театров и музеев) на 1000 человек населения; 7) потребление алкоголя, литров чистого спирта на душу населения; 8) коэффициент разводимости на 1000 человек населения; 9) индекс экологического поведения, безразмерный. Данные показатели отражают по большей части демографический аспект человеческого потенциала (он наиболее доступен для объективного измерения), однако в набор включены по-

казатели и по другим составляющим человеческого потенциала: интеллектуальной (профессиональной), социальной, культурной, экологической.

Теперь, после выбора набора переменных, можем переходить к выработке, на их основе, типологии регионов по критериям развития человеческого потенциала. Объединение регионов в группы по показателям человеческого потенциала помогает ответить на следующие вопросы: 1) какие факторы повлияли на то, что внутри групп регионы имеют близкие характеристики человеческого потенциала; 2) за счёт чего в разных группах регионов сформировался разный человеческий потенциал; 3) какие негативные факторы повлияли на группы с низким человеческим потенциалом; 4) что способствовало высокому развитию человеческого потенциала в лучших группах регионов. С целью выделения групп регионов со схожими характеристиками человеческого потенциала был проведён кластерный анализ [3–5].

Существует много методов кластеризации, из которых выбран метод *k*-средних в силу его простоты и высокой эффективности, а также возможности анализировать большие объёмы данных. Суть метода такова: он стремится минимизировать суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от центров этих кластеров. Всю процедуру можно разделить на 3 этапа: 1) вначале заранее задаётся число кластеров (*k*); 2) далее случайным образом выбираются центры для каждого кластера, и каждой точке присваивается номер ближайшего к ней центра; 3) затем идёт перерасчёт центров кластеров, полученных на предыдущем этапе для того, чтобы минимизировать среднеквадратичное отклонение всех точек от центров кластеров (отсюда и название метода: *k*-средних). Данный этап повторяется снова и снова, пока в результате *n*-го количества итераций суммарное квадратичное отклонение не становится минимальным (то есть перестаёт изменяться).

Применение процедуры кластерного анализа методом *k*-средних ограничивается числовыми данными и требует задания

числа кластеров заранее, но она имеет следующие уникальные возможности: 1) высокая эффективность (не нуждается в вычислении всех попарных расстояний между наблюдениями, в отличие от большинства других алгоритмов кластеризации); 2) возможность анализировать большие массивы данных; 3) способность сохранять расстояния от центра кластера до каждого объекта. Данный метод обязательно требует стандартизации данных, поэтому все показатели были нормализованы на отрезке [0;1]. Кроме того, так как метод чувствителен к выбросам, предварительно исходные данные были проанализированы на предмет аномальных значений, которые были изъяты из дальнейшего анализа.

Аномальными значениями являются те, что расходятся далеко от центральной группы — межквартильного размаха, представляющего собой пространство между 1-м и 3-м квартилями, то есть включающего 50% центральных по значениям наблюдений. В нашем наборе данных таких регионов оказалось 26, каждый из которых попал в число регионов-выбросов из-за значений одного-двух показателей. Такое большое число выбросов обусловлено большим количеством показателей — их 9. Отметим, что показателями, определившими для отдельных регионов роль выбросов, являются: а) в связи с их очень высокими значениями: ОПЖ, СКР, посещаемость культурных мероприятий, и б) из-за очень низких значений в ряде регионов — показатель потребления алкоголя на душу населения. Т.е. в регионы-выбросы попали регионы, являющиеся лучшими по ряду показателей, и, убрав из анализа 26 таких регионов, мы теряем большую часть информации.

Чтобы включить эти регионы в процедуру кластеризации, значения-выбросы были исправлены в соответствии с используемой методикой определения зоны выбросов. Зона выбросов начинается на расстоянии 1,5 интерквартильного размаха в обе стороны от его границ. Соответственно для устранения наличия регионов в зоне выбросов значения соответствующих показателей были заменены на значения на гра-

нице зоны выбросов. То есть мы передвинули фактические значения регионов-выбросов на границу выбросов. Например, граница потребления алкоголя на душу населения, ниже которой регион попадает в выбросы, — 1,49 литров, а, в частности, в Чеченской Республике — 0,14 литра. При этом максимальное значение показателя — 11,32 литра в Сахалинской области. Предлагается для тех регионов, где показатель ниже 1,49 литра, вести расчёт со значением 1,49 литра, подразумевая под этой границей все значения «1,49 литра и ниже». Таким же образом сделано и с верхней границей некоторых показателей: в Санкт-Петербурге экстремально высокий уровень посещения культурных мероприятий — 3972 на 1000 человек, поэтому здесь значение было исправлено на 1410, которое является верхней границей зоны выбросов для данного показателя в регионах. То есть всем регионам, где показатель равен или выше 1410 посещений, приписывается значение 1410.

Также в выбросы попало 6 регионов, в которых показатель ОПЖ выше границы в 72,84 года. Из них в трёх превышение меньше одного года (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики), Москва по продолжительности жизни выше границы выбросов на 1,61 года и существенное превышение в республиках Дагестан (76,47) и Ингушетия (80,52). Изменив показатель ОПЖ в этих регионах на 72,84 года, особое внимание обратим к ним при анализе результатов кластеризации. Такой подход в нашем случае оправдывается тем, что мы не завышаем значения худших, проблемных для региона показателей, например, ОПЖ в регионах с низкой продолжительностью жизни, а только снижаем значения некоторых показателей в образцовых регионах, лидирующих по этим показателям. Далее расчёты проводились при этих допущениях.

Чтобы выбрать примерное число кластеров, был проведён иерархический анализ, который результатом выдаёт дендрограмму, наглядно показывающую степень родства между кластерами [3-5]. В иерархическом анализе изначально каждому на-

блюдению присваивается отдельный кластер; далее близкие кластеры постепенно сливаются, пока не останется один кластер. Для выбора оптимального числа кластеров нужно отследить на дендрограмме момент, когда при слиянии кластеров происходит большой скачок, который показывает, что расстояние между соединяемыми кластерами резко увеличивается, и значит, здесь нужно остановиться. Далее методом к-средних проведена кластеризация регионов с 9-тью их группами.

Получена следующая типология регионов, построенная по характеристикам человеческого потенциала: 1) группа 1 (12 регионов) — Оренбургская, Курганская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Амурская области, Республика Алтай, Красноярский, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Еврейская АО; 2) группа 2 (2 региона) — Москва, Санкт-Петербург; 3) группа 3 (4 региона) — Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия); 4) группа 4 (5 регионов) — Мурманская, Магаданская, Сахалинская области, Камчатский край, Чукотский АО; 5) группа 5 (22 региона) — Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Архангельская (кроме НАО), Вологодская, Кемеровская, Омская, Кировская, Нижегородская области, республики Карелия, Коми, Башкортостан, Марий Эл, Удмуртская, Хакасия, Пермский и Алтайский края; 6) группа 6 (1 регион) — Республика Тыва; 7) группа 7 (22 региона) — Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская, Астраханская, Ростовская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Новосибирская, Томская области, республики Адыгея, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, Мордовия, Чувашская, Бурятия, Краснодарский и Ставропольский края; 8) группа 8 (4 региона) — республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Чеченская; 9) группа 9 (13 регионов) — Калужская, Московская, Тульская, Ярославская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Волгоградская, Тюменская

(без АО) области, Севастополь, республики Крым и Татарстан.

Как видим, группы различаются по числу входящих в них регионов — от 1 до 22. В большинстве кластеров, кроме самых многочисленных, прослеживается группировка регионов по географическому местоположению: в группе 1 — восточные регионы, 3-я группа представлена северными регионами, 4-я группа — преимущественно регионами Дальнего Востока, в 6-й группе — только Республика Тыва, в 8-й — республики Северного Кавказа. Группа 2 включает обе столицы. Для более детального анализа типологии регионов построим таблицу со средними значениями показателей в каждой группе (табл. 2). Жирным шрифтом в таблице выделены наилучшие значения каждого показателя, серым тоном — наихудшие.

В соответствии с таблицей 2 в группу 1 вошли те регионы от Урала до Дальнего Востока, где на уровне «ниже среднего» оцениваются все показатели человеческого потенциала, кроме СКР, который на уровне чуть выше среднего. Группа также отличается максимальным коэффициентом разводимости. Другие регионы тех же федеральных округов (Приволжского, Уральского, Сибирского, Дальневосточного) попали в группы с намного лучшими характеристиками человеческого потенциала.

Двумя наилучшими показателями характеризует группа 2, которую образуют Москва и Санкт-Петербург, — это удельный вес высококвалифицированных работников и число посещений культурных мероприятий. В сравнении с другими регионами здесь высокая ОПЖ. Проблемными для этой группы являются показатели рождаемости, заболеваемости, потребления алкоголя, разводимости — все они хуже медианного значения. Если посмотреть на коэффициент брачности, то в этой группе он самый высокий, но при высокой разводимости большое число заключаемых браков не говорит о приверженности обеих столиц семейным ценностям. Это ещё раз подтверждает неоднозначность коэффициента брачности — при низкой разводимости

Таблица 2

Средние значения показателей человеческого потенциала в группах регионов

Table 2

Average values of human potential indicators in groups of regions

Группа	ОПЖ	СКР	Заболеваемость	Доля высококвалифицированных работников	Доля руководителей и специалистов	Число посещений культурных мероприятий	Потребление алкоголя	Коэффициент разводимости	Индекс экологического поведения
1	67,7	1,63	890	24,1	11,0	389	6,9	5,4	0,56
2	73,5	1,49	927	44,7	16,1	2064	6,3	4,2	0,57
3	70,7	1,85	1111	32,7	18,6	394	7,7	4,6	0,64
4	67,4	1,59	866	31,6	14,5	583	9,9	5,2	0,39
5	68,7	1,39	966	23,6	10,3	677	7,2	4,4	0,63
6	66,9	2,94	652	31,0	19,5	386	2,8	3,1	0,83
7	70,1	1,41	759	27,7	10,5	395	4,5	4,3	0,63
8	75,9	1,93	555	23,3	11,0	347	0,14	3,0	0,73
9	69,8	1,38	788	27,8	10,1	1521	7,3	4,4	0,51
min по всем регионам	64,9	1,04	460	20,4	6,8	100	0,14	2,5	0,30
max по всем регионам	80,5	2,94	1308	48,5	21,8	3972	11,3	6,4	0,84

Источник: рассчитано авторами.

высокая брачность положительно характеризует регион, при высокой разводимости, скорее, отрицательно.

Интересна своим составом группа 3, в которую вошли 4 северных региона. Она имеет два экстремальных показателя: самый высокий удельный вес руководителей и специалистов среди занятых и самую высокую заболеваемость населения. Первое связано с активно развивающимися в регионах добывающими производствами, которые привлекают к работе специалистов из других регионов, а второе — с суровыми климатическими условиями. Кроме того, в этих регионах Севера выше среднего СКР, но хуже большинства регионов показатель потребления алкоголя и коэффициент разводимости.

Группу 4 составляют Мурманская область и четыре субъекта Дальневосточного ФО. Объединяющим эти регионы показателем, сильно отличающим их от остальных регионов, является потребление алкоголя на душу населения, — в среднем 9,9 л, в том числе в Сахалинской области — максимальные по стране 11,32 л, а в Магаданской — 10,88 л. Также здесь низкая ОПЖ — в четырех регионах 67–68 лет, а в Чукотском АО — минимальные по стране 64,9 года. В регионах отмечается высокая разводимость — на втором месте по всем группам. Самый низкий индекс экологического поведения можно объяснить высокими заработными платами во всех регионах группы. В [6] мы выявили, что ресурсосбережение в быту стимулируется в реально-

сти не экологическим воспитанием и образованием, а только трудным материальным положением семей. В обеспеченных семьях расходуют электроэнергию и воду, образуют коммунальные отходы в объёмах, намного превышающих объективно необходимые для жизни человека. В регионах группы средняя зарплата в 2021 г. в 1,6–2,3 раза превышала среднюю по России, составлявшую 57,2 тыс. рублей. Это и явилось основной причиной избыточного потребления, свойственного населению регионов группы.

В группу 5 вошли регионы четырёх федеральных округов — Центрального (8), Северо-Западного (4), Приволжского (6) и Сибирского (4). Все показатели здесь хуже, чем средние значения по всем регионам, за исключением индекса экологического поведения. По всей группе 5 можно сделать вывод, что человеческий потенциал в регионах имеет множество проблем, требующих решения. Отметим, что большинство показателей регионов находятся в узком диапазоне, что говорит об обоснованности их объединения в одну группу. Заметно отличаются только показатели числа посещаемости культурных мероприятий и потребления алкоголя — от 5,36 л в Алтайском крае до 10,3 л в Республике Карелия. Соотношение регионов с максимальным и минимальным потреблением алкоголя точно соответствует их соотношению по заработной плате: в Карелии она самая высокая в группе, в Алтайском крае — самая низкая.

Наиболее противоречивая группа — это № 6, состоящая из одного региона: Республики Тыва. В ней самый низкий показатель ОПЖ и, одновременно с этим, самая высокая рождаемость. Низкий, в сравнении с другими регионами, показатель потребления алкоголя на душу населения (2,8 литра на человека в год), видимо, указывает на распространение отличных от официальных источников приобретения алкоголя или на его нелегальное производство. Дополним, в Республике Тыва максимальный показатель преступности — 2251 преступление на 100 тыс. человек, что кратно превышает среднее значение по регионам. Кроме

рождаемости, наилучшее значение имеет индекс экологического поведения. Последнее можно объяснить свойственной населению республики экономией в потреблении электроэнергии и воды вследствие низкого уровня финансового обеспечения [8].

В другой самой многочисленной группе 7 регионы из 6 федеральных округов: Центрального (5 регионов), Южного (5), Северо-Кавказского (3), Приволжского (6), Сибирского (2) и Дальневосточного (1). Развитие человеческого потенциала в группе 7 можно охарактеризовать уровнем «выше среднего». По значениям всех показателей, кроме посещаемости культурных мероприятий, эта группа лучше группы 5 (тоже с 22 составляющими её регионами). Значения показателей всех регионов группы близки друг другу. Среди регионов выделяются только два по СКР — Республика Мордовия с низким коэффициентом (1,11) и Республика Бурятия с высоким (1,87). В Астраханской и Новосибирской областях коэффициент разводимости равен 5 и 4,9 соответственно, тогда как во всех остальных регионах в этой группе он ниже, в интервале 3,2–4,4.

Наилучшей по показателям человеческого потенциала является группа 8, состоящая из 4 республик Северо-Кавказского ФО. В ней максимальные средние значения по 4 показателям — ОПЖ, уровню заболеваемости, потреблению алкоголя, коэффициенту разводимости, а также высокие показатели рождаемости и экологического поведения. Наихудшие показатели по удельному весу высококвалифицированных работников и по числу посещений культурных мероприятий, низкий показатель удельного веса руководителей и специалистов. Если учесть, что доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием в этой группе регионов высокая, то можно сделать вывод о недоиспользовании трудового потенциала, возможно, вследствие отсутствия в регионах предприятий и организаций, требующих высокой квалификации сотрудников. Низкий уровень посещаемости культурных мероприятий также связан, скорее всего, с недостаточным числом проводимых мероприятий.

Группа 9 включает в себя 13 регионов Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Уральского ФО. Средние значения показателей человеческого потенциала по этой группе близки к значениям группы 7, но, если последняя была охарактеризована уровнем «выше среднего», то в группе 9 четыре показателя имеют значения хуже среднего — это СКР, удельный вес руководителей и специалистов, потребление алкоголя, индекс экологического поведения. При этом первые два показателя здесь минимальные по всем группам. Высокое значение в группе имеет только показатель культурного развития человеческого потенциала.

Заключение

Выработанная типология систематизирует регионы по показателям человеческого потенциала и высвечивает в каждой группе основные проблемы его развития. Поскольку привычнее видеть типологию регионов по экономическому развитию, то и в нашем случае проявляется стереотип оценки регионов — трудно принять то, что, например, Московская и Ленинградская области по характеристикам человеческого потенциала на уровне «ниже среднего», или что высоко развитая Рес-

публика Татарстан и дотационная Псковская область в нашем анализе попали в одну группу.

Полученные группы можно анализировать с разных сторон, группируя их и обобщая в соответствии с конкретным показателем человеческого потенциала или аспектом, или же, наоборот, разделяя на более мелкие группы для более детального анализа. Отдельным направлением работы представляется анализ регионов-выбросов с аномальными и экстремальными значениями показателей. Дальнейшие исследования и интерпретации результатов могут преследовать конкретную прикладную цель или же проходить в виде широких поисков соответствий, расширяя наше представление об уровне развития человеческого потенциала в регионах страны и открывая неочевидные взаимосвязи между его компонентами.

Основную же пользу представленной типологии мы видим в том, что группы с высокими значениями показателей человеческого потенциала должны стать объектами анализа тех эффективных мер воздействия на него, которые регионы реализуют и благодаря которым достигли хороших результатов. Этот опыт следует распространять на другие, менее успешные в плане развития человеческого потенциала регионы.

Литература и Интернет-источники

1. **Локосов, В.В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181 / population. 2023.26.4.1; EDN: FFZUND
2. **Токсанбаева, М.С.** Социально-экономические факторы, влияющие на качество трудового потенциала населения регионов России / М.С. Токсанбаева, О.А. Коленникова, Р.И. Попова // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 98–110. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-98-110; EDN: WEHNTT
3. **Everitt B.S.** Cluster analysis. Fifth Edition / Brian S. Everitt. Sabine Landau, Morven Leese, Daniel Stahl. — U.K : John Wiley & Sons, — 2011. — 330 p.
4. **Lior R.** A Survey of Clustering Algorithms / R. Lior // *Data Mining and Knowledge Discovery Handbook. Second Edition* / Ed. Oded Maimon and Lior Rokach. — New York : Springer, 2010 — P. 269–298. DOI: 10.1007 / 978-0-387-09823-4
5. **Simovici, D.A.** Mathematical Tools for Data Mining. Second edition / D.A. Simovici, C. Djeraba. — London : Springer-Verlag, 2014. — 831 p. DOI: 10.1007 / 978-1-4471-6407-4
6. **Рюмина, Е.В.** Анализ факторов региональной дифференциации показателей потребления электроэнергии населением России / Е.В. Рюмина // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 107–116. DOI: 10.19181 / population.2023.26.3.9; EDN: YRYQVK

Сведения об авторах:

Рюмина Елена Викторовна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; РИНЦ SPIN-код: 6902-7304

Федотов Артём Александрович, к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; РИНЦ SPIN-код: 5172-1491

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-114-126

TYPOLOGY OF RUSSIAN REGIONS ACCORDING TO HUMAN POTENTIAL INDICATORS

Elena V. Ryumina*, Artem A. Fedotov

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: ryum50@mail.ru*

For citation:

Ryumina E.V., Fedotov A.A. Typology of Russian regions according to human potential indicators. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 114-126. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-114-126 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of creating a typology of the country's regions according to the characteristics of various components of human potential. The purpose of the study is to group regions by the level of human potential development and identify exemplary and lagging regions among them in this aspect. The object of the study is 85 Russian regions and indicators of their human potential. First, 22 indicators of human potential were considered, characterizing various aspects of human potential: demographic, labor, educational, cultural, environmental and related to social health, including its negative components — alcohol consumption and crime. Further, the selected indicators were analyzed and checked for multicollinearity, resulting in 9 indicators reflecting life expectancy, fertility, morbidity, the proportion of highly skilled workers, the proportion of managers and specialists, alcohol consumption, the number of visits to museums and theaters, the number of divorces, environmental behavior. Creation of a typology was carried out using the methods of cluster analysis: hierarchical and k-means. The official statistics data on the socio-economic development of the regions for 2021 were used. As a result of clustering, 9 groups of regions were obtained, from 1 to 22 regions in the group. Each group is given a meaningful characteristic. The grouping of regions differs greatly from the usual typologies of economic development. For example, the Moscow and Leningrad oblasts are defined as «below average» in terms of human potential characteristics, while the highly economically developed Republic of Tatarstan and the subsidized Pskov oblast are in the same group. The resulting typology expands our understanding of the regional differentiation of human potential and allows us to take a different look at the level of its development in separate regions and their groups. The main benefit of the presented typology is that groups with high values of human potential indicators should become the objects of analysis of the effective measures implemented by regions, thanks to which the regions have achieved good results. This experience should be extended to other regions that are less successful in terms of human development.*

Keywords: *human potential, indicators, regions of Russia, typology, cluster analysis.*

References

1. Lokosov V.V. Chelovecheskij potentsial: kontseptual'nyje podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.1 (in Russ.)
2. Toksanbaeva M.S., Kolennikova O.A., Popova R.I. Sotsial'no-ekonomicheskiye faktory, vliyayushchije na kachestvo trudovogo potentsiala naseleniya regionov Rossii [Socio-economic factors affecting the quality of labor potential in the regions of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. No. 3. P. 98–110. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-98-110 (in Russ.)
3. Everitt B.S., Landau S., Leese M., Stahl D. *Cluster Analysis*. Fifth Edition. John Wiley & Sons. 2011. 330 p.
4. Rokach L. A survey of clustering algorithms. *Data Mining and Knowledge Discovery Handbook*. Second Edition. Eds. O. Maimon and L. Rokach. New York. Springer. 2010. P. 269–298. DOI: 10.1007 / 978-0-387-09823-4
5. Simovici D., Djeraba C. *Mathematical Tools for Data Mining*. Second edition. London. Springer. 2014. 831 p. DOI: 10.1007 / 978-1-4471-6407-4
6. Ryumina E.V. Analiz faktorov regional'noj differentsiatsii pokazatelej potrebleniya elektroenergii naselenijem Rossii [Analysis of the regional differentiation factors of indicators of electricity consumption by the population of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 107–116. DOI: 10.19181 / population.2023.26.3.9 (in Russ.)

Information about the authors:

Ryumina Elena Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; Elibrary SPIN-code: 6902–7304

Fedotov Artem Aleksandrovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; Elibrary SPIN-code: 5172–1491

Статья поступила в редакцию 08.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-127-137
EDN: EROPKZ

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕЛА В РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Котомина М.А.

Институт географии РАН
(119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29–4)

E-mail: kotomina.maria@gmail.com

Финансирование:

Работа выполнена в Институте географии РАН по теме государственного задания Института географии РАН № 124032900015–3 (FMWS-2024–0008) «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы».

Для цитирования:

Котомина М.А. Социальная инфраструктура села в России: динамика, проблемы и пути решения // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 127-137 DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-127-137; EDN: EROPKZ

Аннотация. В статье исследуется динамика социальной инфраструктуры сельских территорий Российской Федерации за последнее десятилетие, включая анализ нормативно-правовой базы и статистических данных за 2010, 2015 и 2022 годы. В России нет федерального закона, регулирующего социально-экономическое развитие сельских территорий, вследствие чего сельское развитие остаётся сферой, вторичной по отношению к развитию аграрного производства. Программно-целевой подход к управлению сельскими территориями, выраженный в национальных проектах и государственных программах, даёт ограниченные результаты из-за узкой направленности мероприятий, получающих основную долю финансирования (строительство жилья и инфраструктуры), тогда как декларируется, но фактически не реализуется комплексный подход к развитию села. Анализ статистических данных о динамике основных сфер социальной инфраструктуры села (образование, здравоохранение, культура, спорт, торговое и бытовое обслуживание) показывает их стагнацию либо сокращение: уменьшение числа учреждений и объёма обслуживания, связанное с оттоком сельского населения и сжатием отраслей сельской экономики. В наибольшей степени сокращение сельской инфраструктуры затрагивает сферы здравоохранения, культуры, торгового и бытового обслуживания. Несколько лучше ситуация в сфере образования, где действуют государственные стандарты, и в обеспечении объектами для физкультуры и спорта. Для кардинального улучшения сельской социальной инфраструктуры необходима комплексная политика сельского развития: современная правовая база, эффективное государственное управление, установление стандартов обеспечения села социальной инфраструктурой, поддержка разнообразных отраслей сельской экономики. Также при реализации государственной политики по развитию человеческого потенциала и социальной инфраструктуры необходимо большее внимание к развитию этих сфер на сельских территориях.

Ключевые слова: сельское развитие, сельские территории, социальная инфраструктура, государственная поддержка, государственные программы.

Государственное регулирование развития сельских территорий в России

Одним из важных компонентов устойчивого социально-экономического развития сельских территорий является развитие социальной инфраструктуры, которая обеспечивает доступ сельских жителей к материальным и духовным благам современного общества. Сельская социальная инфраструктура включает в себя предприятия и организации, обслуживающие население: торговлю и бытовое обслуживание, образовательные услуги, услуги здравоохранения, учреждения культуры и спорта [1].

В истории России после 1991 г. предпринималось несколько попыток создания правовой рамки для развития сельских территорий. В 1990-х гг. были приняты законы «О земельной реформе» и «О крестьянском и фермерском хозяйстве». Суть реформ переходного периода заключалась в либерализации экономических отношений в сельском хозяйстве и создании многоукладной экономики в сельской местности, где стали действовать различные организационно-правовые формы аграрных предприятий. Радикальные экономические и политические преобразования привели к разрушению существующих хозяйственных связей, сокращению производства и падению доходов сельского населения [2].

На федеральном уровне до 2005 г. социально-экономическое развитие села регулировалось двумя законами: законом РСФСР «О социальном развитии села» (1990 г.) и федеральным законом РФ «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.). В конце 1990-х — начале 2000-х гг. наступил восстановительный рост аграрного сектора, тогда же было разработано новое сельскохозяйственное законодательство, соответствующего капиталистическому этапу развития сельской экономики [3].

В настоящее время основным законом, регулирующим развитие сельских территорий, является федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.). Положения закона регламентируют главным об-

разом сельскохозяйственное производство, однако в ст. 1 в определении объекта государственной политики указано «устойчивое развитие территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий». Понятие «устойчивого развития сельских территорий» формулируется в ст. 5 как «стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объёма производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель». Это определение, на наш взгляд, носит слишком «отраслевой» характер и не включает такие направления, как диверсификация сельской экономики, повышение качества человеческого капитала, развитие сельской инфраструктуры, сохранение природной и культурной среды.

Поскольку закон «О развитии сельского хозяйства» адресован главным образом сельхозпроизводителям, целесообразно выделить развитие сельских территорий в отдельный федеральный закон. На рубеже 2000-х гг. была попытка принять такой закон. В 1998 г. в Государственную Думу РФ был внесён законопроект «О социальном развитии сельских поселений», который был одобрен Государственной Думой РФ, но отклонён Президентом РФ. В законопроекте целью государственной политики провозглашалась «приоритетность социального развития сельских поселений и проведение целенаправленной бюджетной, финансовой, кредитной, денежной, налоговой, инвестиционной и социальной политики в интересах решения социально-экономических задач и осуществление природоохранной деятельности в сельских поселениях»¹. Вместо федерального закона в 2002 г. постановлением правительства был принят документ более низкого ранга — федеральная целевая программа «Социальное развитие села» на 2002–2013 годы.

До сих пор сельское развитие остаётся темой, упоминаемой «на обочине» законо-

¹ Законопроект «О социальном развитии сельских поселений». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98028849-2> (дата обращения: 05.07.2024).

дательства о сельском хозяйстве. Поддержка социального развития сельских территорий с 2000-х гг. была составной частью государственных программ развития сельского хозяйства, либо выделялась в отдельную целевую программу. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» затрагивала все сферы, в том числе развитие социальной инфраструктуры, и ставила целью повышение уровня жизни сельских жителей и обеспечение их доступным жильём и современной инфраструктурой. Основные расходы (70%) ложились на региональные бюджеты и внебюджетные источники, что привело к невыполнению мероприятий. В итоге, мероприятия программы свелись преимущественно к финансированию жилья и инженерной инфраструктуры (газификация, водоснабжение и водоотведение, телефонная связь, автодороги)². Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» (2006–2007 гг.) наряду с мероприятиями по развитию аграрного производства предусматривал обеспечение доступным жильём молодых специалистов на селе. Это направление было наименьшим по финансированию (4 млрд руб. из бюджета в 40 млрд), при этом строительство и покупка жилья проводились по принципу софинансирования, где доля федеральных средств в общей стоимости жилья составляла около 30% [4].

После завершения национального проекта «Развитие АПК» в действие вступила «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». Первой целью программы было указано «устойчивое развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения». В качестве результатов ожидалось улучшение жилищных условий, повышение обеспеченности питьевой водой и уровня газификации сельских населённых пунктов. Мероприятия по развитию социальной и инженерной инфра-

структуры проводились в рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села на 2002–2013 гг.». Внутри самой госпрограммы финансировались субсидии на покупку и строительство жилья в сельской местности, а также проекты комплексной застройки и благоустройства сельских поселений. Всего на устойчивое развитие села планировалось направить 31 млрд руб. из 130 млрд (23,8%)³.

В последующей «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы» среди основных заявленных целей устойчивого развития сельских территорий не представлено, однако оно указано в качестве одного из направлений, со сроком реализации 2018 год. Меры по развитию села принимались в рамках федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», которая с 2018 г. стала составной частью госпрограммы⁴.

С 2020 г. действует «Государственная программа комплексного развития сельских территорий до 2030 года», нацеленная на замедление темпов сокращения сельского населения, повышение доходов сельских жителей, улучшение сельской инфраструктуры и жилищных условий. В программе под «сельскими территориями» понимаются не только сельские поселения, но и сельские населённые пункты в составе городских округов, посёлки городского типа и города численностью населения менее 30 тыс. человек. Общий объём финансирования программы из федерального бюджета должен составить 121,9 млрд рублей. Основное финансирование из федерального бюджета

² Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года». – URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2008/151> (дата обращения: 05.07.2024).

³ Постановление Правительства РФ от 14 июля 2007 г. N 446 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». – URL: <https://base.garant.ru/2162858> (дата обращения: 05.07.2024).

⁴ Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016> (дата обращения: 05.07.2024).

приходится на субсидии на строительство и приобретение жилья в сельской местности (39,5%), проект «Современный облик сельских территорий» (36,9%), развитие транспортной инфраструктуры (21%). Эти три направления концентрируют 97,4% предполагаемых федеральных расходов, то есть программа направлена почти исключительно на развитие инженерной и жилищной инфраструктуры села⁵. Изначальная нацеленность программ на инженерное обустройство влечет за собой недостаточное развитие других направлений — обеспечение занятости сельского населения и повышение его доходов, развитие сельской социальной инфраструктуры, создание благоприятных социальных условий жизни на селе.

Развитие социальной инфраструктуры села в 2010–2022 годах

Информационной базой для исследования сельской социальной инфраструктуры послужили данные Росстата, большинство из них представлено на интернет-сайте Росстата и в электронной базе ЕМИСС. Также использовались данные профильных министерств.

Учреждения образования на селе представлены в основном организациями до-

школьного и общего среднего образования. В последнее десятилетие в сельской местности происходит сокращение числа образовательных организаций (табл. 1 и 2), при том, что число обучающихся остаётся на том же уровне либо возрастает, то есть происходит укрупнение организаций, главным образом в целях оптимизации бюджетов. Сокращение числа организаций приводит к снижению их территориальной доступности. Для отдалённых и малонаселённых сельских населённых пунктов это означает увеличение времени на дорогу до школы и возможные перебои с доставкой учеников из-за погодных условий, плохой организации подвоза или выхода из строя школьных автобусов.

В случае дошкольных учреждений, для которых не предусмотрено обязательного подвоза учащихся из отдалённых деревень, сокращение числа организаций означает снижение доступности детских садов. Несмотря на эту проблему, число мест в сельских дошкольных организациях растёт, как и охват детей 1–6 лет дошкольным образованием. Однако в 2022 г. охват детей дошкольным образованием на селе (58,3%) оставался на треть ниже, чем в городе (79,1%) (табл. 1).

Таблица 1

Дошкольные образовательные учреждения (ДОУ) в сельской местности

Table 1

Pre-school educational institutions in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Общее число дошкольных учреждений (включая филиалы), тыс. единиц	19,5	17,6	16,4	84,1	93,2
Численность воспитанников ДОУ, тыс. человек	1107,3	1457,7	1350,4	122,0	92,6
Число мест в ДОУ, тыс. единиц	1235,2	1554,2	1595,8	129,2	102,7
Приходится мест в ДОУ на 1000 детей 1–6 лет, единиц	463	508	689	148,8	135,6
Охват детей 1–6 лет обучением в дошкольном учреждении, %	41,5	47,7	58,3	140,5	122,2
Удельный вес зданий ДОУ, требующих капитального ремонта и / или находящихся в аварийном состоянии, %	27,8	10,4	9,8	35,3	94,2

Источник: составлено автором по данным Министерства просвещения РФ.

⁵ Государственные программы РФ. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/878> (дата обращения: 05.07.2024).

В сфере среднего образования происходит укрупнение школ одновременно с сокращением малокомплектных школ. Вероятно, с этим связан рост числа учащихся, занимающихся во вторую и третью смены. Благоприятные тенденции — рост удельного веса педагогов с высшим образованием и рост обеспеченности современными телекоммуникациями (охват школ высокоскоростным доступом к сети Интернет — 77,2%). Техническое состояние школ ухуд-

шается: 28,4% зданий сельских школ нуждаются в капитальном ремонте. Дисперсный характер расселения в сельской местности в сочетании с ликвидацией малокомплектных школ предполагает расширение охвата детей подвозом школьными автобусами. В 2022 г. автопарк школьных автобусов составил 22,5 тыс., подвозом было охвачено 93,7% из числа нуждающихся в этом учеников (табл. 2).

Таблица 2

Общеобразовательные организации в сельской местности

Table 2

General education organizations in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Число учреждений, реализующих программы общего образования, тыс. единиц	34,3	29,8	22,0	64,1	73,8
Число учащихся по программам общего образования, тыс. человек	3742,3	3726,0	4056,7	108,4	108,9
Число учащихся в расчете на одно учреждение, человек	109	125	184	168,8	147,2
Удельный вес учащихся, занимающихся во 2-ю и 3-ю смены, %	8,9	8,6	10,7	120,2	124,4
Удельный вес педагогических работников с высшим образованием, %	73	76,4	78,3	107,3	102,5
Удельный вес зданий школ, имеющих высокоскоростной доступ в сеть Интернет (более 1 мбит / с), %	5,8	27,8	77,2	1331,0	277,7
Удельный вес зданий школ, требующих капитального ремонта и / или находящихся в аварийном состоянии, %	20,3	13,9	28,4	139,9	204,3
Число автобусов, предназначенных для перевозки обучающихся, единиц	--	20432	22457	--	109,9

Источник: составлено автором по данным Министерства просвещения РФ.

Состояние сферы здравоохранения — одна из наиболее чувствительных тем на селе. Согласно опросу экспертов, самой проблемной областью остаётся доступность медицины (территориальная удалённость, дороговизна лекарств и платных услуг), а также её качество — квалификация персонала, состояние и оснащённость медицинских организаций, доступность профильных специалистов [5]. В сельской местности происходит сокращение числа стационаров и коечного фонда, связанное с оптимизацией бюджетных расходов и закрытием участковых больниц. Это снижает доступность больничных стациона-

ров для сельских жителей, проживающих в отдалённых населённых пунктах. Часть сельских стационаров была преобразована в поликлиники. Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений возросла на 8,1% по сравнению с 2015 г., но другие показатели отражают сжатие сферы сельского здравоохранения. Снижается обеспеченность сельского населения врачами и средним медицинским персоналом, сокращается число станций скорой помощи и количество фельдшерско-акушерских пунктов. В 2022 г. 77,4% зданий медицинских организаций были в неудовлетворительном состоянии (табл. 3).

Таблица 3

Организации здравоохранения в сельской местности

Table 3

Healthcare institutions in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Число больничных организаций, единиц	1349	1036	948	70,3	91,5
Количество коек в круглосуточных стационарах в сельской местности, единиц	153,4	161,9	150,8	98,3	93,1
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, число посещений в смену	435,8	555,4	596,4	136,9	107,4
Количество фельдшерско-акушерских пунктов, единиц	37775	34288	33458	88,6	97,6
Численность врачей на 10 тыс. человек населения	13,3	16,3	15,5	116,5	95,1
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек населения	56,2	95,3	92,3	164,2	96,9
Число станций скорой помощи, единиц	728	963	728	100	75,6
Удельный вес медицинских организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии, либо требуют капитального ремонта, %	-	-	77,4	-	-

Источник: составлено автором по данным Министерства здравоохранения РФ.

Объекты в сфере культуры на селе представлены в основном учреждениями культурно-досугового типа и сельскими библиотеками. За последние 12 лет число культурно-досуговых учреждений сократилось более чем на 10%, количество мест в зрительных залах — на 25%, численность работников культурно-досуговых учреждений — на 35%. За тот же период число библиотек сократилось на 9%, численность

пользователей библиотек — на 11%, охват библиотечным обслуживанием — на 7,6% (табл. 4). Досуг сельских жителей обеспечивается в основном телевидением и сетью Интернет, однако библиотеки и сельские клубы могут стать важными центрами притяжения людей и культурной жизни. Особенно актуальны мероприятия в сельских

Таблица 4

Учреждения культуры и библиотечное обслуживание в сельской местности

Table 4

Cultural institutions and libraries in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс. единиц	41,1	35,4	36,7	89,3	103,7
Число мест в зрительных залах культурно-досуговых учреждений, тыс. единиц	6765,5	5994,0	5197,9	76,8	86,7
Число мест в зрительных залах в расчёте на одно учреждение, единиц	164,6	169,3	141,8	86,1	83,8
Обеспеченность населения учреждениями культурно-досугового типа, мест на 1000 человек	180	158	141,3	78,5	89,4
Численность работников культурно-досуговых учреждений, тыс. человек	204,4	164,6	130,8	64,0	79,5
Число библиотек, тыс. единиц	35,7	30,0	32,5	91,0	108,3
Число пользователей библиотек, млн человек	19,0	16,4	16,9	88,9	103,0
Охват населения библиотечным обслуживанием, %	49,8	43,3	46,0	92,4	106,2

Источник: составлено автором по данным Министерства культуры РФ.

клубах для жителей старших возрастов, также всегда востребованы занятия и кружки для детей.

Динамика спортивной инфраструктуры на селе выглядит удовлетворительно. Число спортивных сооружений выросло на 3% с 2010 г., но с 2015 г. сократилось. Речь идёт

прежде всего о плоскостных спортивных сооружениях (футбольные поля, спортивные площадки), наиболее распространённых в сельской местности. Более чем вдвое выросла доля сельских жителей, вовлечённых в занятия спортом, достигнув 42% в 2022 г. (табл. 5).

Таблица 5

Физическая культура и спорт в сельской местности

Table 5

Physical training and sports in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Число спортивных сооружений, тыс. единиц	105,7	111,4	109,2	103,3	98,0
В том числе число плоскостных спортивных сооружений, тыс. единиц	63,6	67,9	65,6	103,1	96,6
Численность сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, млн человек	6,1	9,9	15,5	254,1	156,6
Удельный вес сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, %	16,3	26,2	42,1	258,3	160,7

Источник: составлено автором по данным Министерства спорта РФ.

Таблица 6

Торговое и бытовое обслуживание в сельской местности

Table 6

Retail and household services in rural areas

Показатель	2010	2015	2022	2022 к 2010, %	2022 к 2015, %
Число предприятий розничной торговли, тыс. единиц	217,6	229,3	199,8	91,8	87,1
Площадь торгового зала магазинов (павильонов, торговых центров), млн м ²	11,3	12,5	12,9	114,2	103,2
Площадь торгового зала в расчёте на 1 тыс. жителей, м ²	301	329	356	118,3	108,2
Число предприятий общественного питания, тыс. единиц	15,6	17,8	14,8	94,9	83,1
Число мест в предприятиях общественного питания, тыс. единиц	571,4	742,6	522,0	91,4	70,3
Число мест в предприятиях общественного питания в расчёте на 1 тыс. жителей, ед.	15,2	19,6	14,3	94,1	73,0
Число объектов бытового обслуживания, единиц	40592	45509	37954	93,5	83,4
В расчёте на 100 сельских населённых пунктов с постоянным населением приходится объектов бытового обслуживания, единицы	30,4	33,8	29,6	97,4	87,6

Источник: составлено автором по данным Росстата.

В сфере торгового обслуживания происходит сокращение числа предприятий, однако растёт число торговых площадей в расчёте на одно предприятие. Из-за сокращения количества магазинов снизилась их

доступность для жителей отдалённых сел. Сокращаются и другие сферы обслуживания: предприятия общественного питания и объекты бытового обслуживания (табл. 6). Такая динамика является следствием как

неблагоприятной демографической ситуации на селе, так и ухудшения деловой среды для малых предприятий, составляющих основу сектора услуг в сельской местности.

В заключение анализа социальной инфраструктуры отметим, что общий тренд сжатия сферы социального обслуживания на селе согласуется с демографической динамикой сельских территорий: с 2015 по 2022 гг. численность сельского населения сократилась, по данным Росстата, на 2,3% — с 37,9 млн до 37 млн человек. Сжатие «сельской ойкумены» ставит новые вызовы: каким образом сохранить и повысить качество жизни сельских жителей при все более разреженном и поляризованном характере сельского расселения [6].

Пути развития социальной сферы на селе

Село представляют собой социально-территориальную систему, которая в современных условиях нуждается в поддержке со стороны государства из-за своей специфики: обширной территории, разреженного расселения, повышенных транспортных и эксплуатационных издержек хозяйственной деятельности, сезонного характера сельского хозяйства, высоких климатических рисков и пр. К тому же, сельские территории России чрезвычайно разнообразны по природным и социально-экономическим условиям, что требует дифференцированного подхода к их развитию.

Опыт других стран показывает, что государство может эффективно развивать сельские территории. Это поддержка сельхозпроизводителей (гарантированные цены на сельхозпродукцию, прямые субсидии фермерам, субсидирование транспортных издержек, лизинг сельхозтехники, льготные кредиты, налоговые льготы); программы строительства жилья и инфраструктуры; грантовая поддержка местных инициатив (например, программа LEADER в ЕС). Мощный инструмент поддержки села — установление стандартов социального обслуживания и качества жизни на селе. Такая система действует в Великобритании, где го-

сударство гарантирует сельским жителям соблюдение заданного уровня социальных благ, включая транспортное обслуживание, доступ к образованию, здравоохранению, культуре и спорту, социальной защите, информационным услугам, почтовому и банковскому обслуживанию [7]. Этот путь может быть перспективным для России с её разнообразием территорий и обширными зонами «социального запустения».

Для поддержки социального развития сельских территорий в нашей стране применяется программно-целевой подход, реализованный через государственные программы⁶. Мероприятия в отношении сельских территорий содержатся в госпрограммах: «Программа комплексного развития сельских территорий» (основная программа по развитию сельских территорий); «Развитие образования»; «Развитие здравоохранения»; «Развитие культуры»; «Развитие сельского хозяйства». В программах по развитию образования и здравоохранения предусмотрены единовременные выплаты работникам образования и здравоохранения, заключившим пятилетний трудовой договор на работу в сельской местности (программы «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель»). В программе по развитию культуры такой меры нет, но заявлена поддержка культурно-досуговых учреждений и автоклубов в сельской местности, а также строительство многофункциональных культурных центров в малых городах.

Программа «Комплексное развитие сельских территорий» входит в направление «Комфортная и безопасная среда для жизни» наряду с другими инфраструктурными программами. Она направлена на обеспечение сельчан доступным жильём и инженерной инфраструктурой, но также содержит мероприятия по развитию кадрового потенциала и обеспечению занятости сельских жителей. Программа не предусматривает отдельных мер по развитию социальной инфраструктуры, «передоверяя» их профильным министерствам. Проблема в том, что госпрограммы других ми-

⁶ Государственные программы РФ — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649> (дата обращения: 05.07.2024).

нистерств не рассматривают сельские территории как приоритетные, ограничиваясь отдельными мерами (программы «Земский учитель» и пр.), либо вскользь упоминая о реализации своих мероприятий на селе.

Выводы

Действующие меры по поддержке социальной инфраструктуры села представляются недостаточными, о чем свидетельствует анализ статистики, показывающий стагнацию, а чаще деградацию сельской социальной сферы. Для проведения более эффективной политики развития сельских территорий могут быть предприняты следующие меры.

1. Усиление направления «развитие сельских территорий» внутри Министерства сельского хозяйства, либо управление развитием сельских территорий через отдельный орган исполнительной власти. Иначе сельское развитие остаётся «в тени» поддержки сельскохозяйственных производителей.

2. Установление федеральных стандартов для сельской местности по основным направлениям социального обслуживания:

образование, здравоохранение, социальные услуги, инженерное благоустройство, транспортная инфраструктура, связь. Федеральной и региональным властям следует в приоритетном порядке выделять финансирование для приведения сельской инфраструктуры к стандартам, которые должны пересматриваться каждые 5–10 лет.

3. Усиление государственных программ поддержки здравоохранения, образования, культуры, спорта, социального обслуживания отдельными направлениями, касающимися развития данной сферы на сельских территориях.

4. Усиление роли местных сообществ и местного самоуправления при разработке и реализации общественно значимых проектов.

Положительная динамика в демографическом, экономическом и социальном развитии сельских территорий возможна только при слаженной и однонаправленной работе по поддержке разнообразных аспектов сельской жизни, создании условий для развития экономики и человеческого потенциала на селе.

Литература и Интернет-источники

1. **Домарацкая Е.А.**, Особенности социальной инфраструктуры сельских территорий / Е.А. Домарацкая, И.М. Гоголев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2021. — № 4. — С. 552–558.
2. **Кирилина, И.В.** Основные результаты реформирования аграрной России сферы начала 1990х гг. / И.В. Кирилина // Известия ПГУ имени В.Г. Белинского. — 2007. — № 7. — С. 101–103. EDN: JWQWAP
3. **Афанасьев, А.А.** Правовое регулирование сельской жизни на федеральном уровне / А.А. Афанасьев // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2014. — № 3. — С. 260–266. EDN: SGSBDN
4. **Барсукова, С.Ю.** Неформальные способы реализации формальных намерений, или как реализуется Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» / С.Ю. Барсукова // Серия WP4. Социология рынков. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2007. — 54 с. EDN: QSCILT
5. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2015 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Выпуск 3 / ред. Л.В. Бондаренко и другие. — Москва : Росинформгрупп, 2017. — 353 с.
6. **Нефедова, Т.Г.** Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах центра России / Т.Г. Нефедова // Крестьяноведение. — 2021. — № 1. — С. 126–153.
7. **Лаврухина, Е.А.** Качество жизни сельского населения (современный мировой опыт) / Е.А. Лаврухина // Социология власти. — 2012. — № 1. — С. 105–112. EDN: NPDEEA

Сведения об авторе:

Котомина Мария Александровна, к.геогр.н., старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kotomina.maria@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6524-6077; ПИНЦ SPIN-код: 3946-9138.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-127-137

RURAL SOCIAL SERVICES IN RUSSIA: DYNAMICS, PROBLEMS AND SOLUTIONS

Maria A. Kotomina

Institute of Geography RAS

(29 Staromonetny per., Moscow, Russia, 119017)

E-mail: kotomina.maria@gmail.com

Funding:

The work was performed at the Institute of Geography RAS under the State assignment № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008) «Socio-economic area of Russia in the conditions of global transformations: internal and external challenges».

For citation:

Kotomina M.A. Rural social services in Russia: dynamics, problems and solutions. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 127-137. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-127-137 (in Russ.)

Abstract. *The article considers the changes of rural social infrastructure in Russian Federation during the recent ten years, including analysis of regulatory legal acts on rural development, as well as statistical data for 2010, 2015 and 2022. There is no federal law regulating the socio-economic development of the Russian rural areas. As a consequence, it remains an underestimated sphere as compared to the attention paid to agricultural production. Targeted approach to managing rural development, used in the national projects and state programs, has rather low efficiency due to limited range of measures. Most of funding is invested in rural housing and infrastructure, while there is declared, but actually not implemented a comprehensive approach to rural development. Analysis of the statistical data on rural social services (education, healthcare, sports, culture, domestic services and retail) shows their stagnation or reduction, mostly due to outflow of rural population and contraction of rural economy. This primarily affects the spheres of healthcare, culture, retail and domestic services. The situation is slightly better in education, where state standards are implemented, and in sport infrastructure provision. To radically improve the rural social services, the government should implement a comprehensive policy for rural development: appropriate legal basis, responsible and effective public administration, setting standards for providing rural social services, support of different rural economy sectors. Also, in the implementation of the state policy on development of human capital, it is necessary to pay more attention to rural social sphere.*

Key words: *rural development, rural regions, social services, state support, state programs.*

References and Internet sources

1. Domaratskaya E.A., Gogolev I.M. Osobennosti sotsial'noj infrastruktury sel'skikh territorij. [Features of the social infrastructure of rural territories]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, Seriya «Ekonomika i pravo»*. [Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law]. 2021. No. 4. P. 552–558. (in Russ.)

2. Kirilina I.V. Osnovnyye rezul'taty reformirovaniya agrarnoj Rossii sfery nachala 1990kh gg. [Main results of the agrarian reform in Russia in the early 20s]. *Izvestiya PGU imeni V.G. Belinskogo [Bulletin of Belinsky Penza State University]*. 2007. No. 7. P. 101–103. (in Russ.)
3. Afanas'ev A.A. Pravovoje regulirovaniye sel'skoj zhizni na federal'nom urovne. [Legal regulation of rural life at the federal level]. *Problemy ehkonomiki i yuridicheskoy praktiki [Economic Problems and Legal Practice]*. 2014. No 3. P. 260–262. (in Russ.)
4. Barsukova S. Yu. Neformal'nyye sposoby realizatsii formal'nykh namerenij, ili kak realizuetsya Prioritetnyj natsional'nyj proekt «Razvitie APK». [*Informal Means of Realization of Formal Intentions, or How the Priority National Project «Agro-Industrial Complex Development» Is Implemented*]. Series WP402. Moscow. GU-VShE [Higher School of Economics]. 54 p. (in Russ.)
5. O sostoyanii sel'skikh territorij v Rossijskoj Federatsii v 2015 godu Yezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa: nauch. izd. [*On the State of Rural Territories in the Russian Federation in 2015. Annual monitoring report*]. Issue 3. Moscow. 2017. 348 p. (in Russ.)
6. Nefedova T.G. Polyarizatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy sel'skoj mestnosti v staroosvojennykh regionakh tsentra Rossii. [Polarization of the socio-economic sphere and prospects for rural areas in the old-developed regions of the central Russia]. *Krest'yanovedeniye [Russian Peasant Studies]*. 2021. No. 1. P. 126–153. (in Russ.)
7. Lavrukhina E.A. Kachestvo zhizni sel'skogo naseleniya (sovremennyy mirovoj opyt). [Quality of life of agricultural population (modern world experience)]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*. 2012. No 1. P. 105–112. (in Russ.)

Information about the author:

Kotomina Maria Alexandrovna, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Geography RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kotomina.maria@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6524-6077; Elibrary SPIN-code: 3946–9138.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-138-152
EDN: ESINWN

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Дорошенко С.В.^{*1}, Кислая Т.Н.²

¹Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)

²Луганский государственный университет имени Владимира Даля
(291034, Россия, Луганск, квартал Молодёжный, 20-а)

*E-mail: doroshenkos@mail.ru

Для цитирования:

Дорошенко С.В., Кислая Т.Н. Демографические тенденции и развитие социальной сферы в Луганской Народной Республике // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 138-152.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-138-152; EDN: ESINWN

Аннотация. Предмет исследования — демографическое и социальное развитие Луганской Народной Республики (ЛНР) в период 2014–2022 годов. Цель исследования заключается в выявлении основных тенденций и особенностей демографического развития, а также социальной сферы республики, сформировавшихся в том числе, в период «непризнанной» самостоятельности 2014–2021 гг., а также наметить возможные направления преодоления негативных трендов с учётом нового статуса региона. Исследование опирается на методы дескриптивного, статистического и сравнительного анализа. Информационной базой послужили данные Государственного комитета статистики ЛНР. Для сравнительного анализа использованы и некоторые данные Госслужбы статистики Украины, а также данные из исследований отдельных авторов. Демографическая ситуация в ЛНР проанализирована за 2014–2022 гг., а развитие социальной сферы за 2014–2021 гг. Анализ показал, что за 2014–2022 гг. значительно сократился демографический потенциал региона, а темпы его восстановления пока недостаточны. Численность населения республики продолжает снижаться. Факторами сокращения населения выступают как естественная убыль, так и миграционный отток. Наблюдается негативная динамика развития систем здравоохранения, а также среднего и высшего образования, одновременно в последние годы наметились стабилизация и рост отдельных показателей. В 2023 г. за счёт государственных средств существенно обновлена транспортная и социальная инфраструктура региона, что позволяет в перспективе надеяться на улучшение демографических показателей. Однако демографические проблемы требуют и отдельных решений, в том числе реализации на территории республики новой модели социальной поддержки, мерами которой пользуются граждане России.

Ключевые слова: новые регионы, демографические показатели, система здравоохранения, среднее и высшее образование, социальная сфера, стратегическое планирование.

Постановка проблемы

Обретение в октябре 2022 г. Луганской (ЛНР) и Донецкой (ДНР) народными республиками¹, а также Херсонской и Запорожской областями нового статуса — субъектов Российской Федерации — предопределило интеграцию этих регионов в российское социально-экономическое пространство. С этой целью до 1 января 2026 г. в них был установлен переходный период. Жизнедеятельность указанных регионов в 2014–2022 гг. протекала в разных политико-правовых и институциональных условиях: Запорожская и Херсонская области находились в составе Украины, а ЛНР и ДНР, возникшее на части территории Луганской и Донецкой областей, получили опыт самостоятельной государственности, хотя и непризнанной. В мировой практике такие государственные образования, как ЛНР и ДНР до октября 2022 г., являясь объектом многих научных исследований [1–6], имеют разные названия (государства де-факто, частично признанные государства и другие). На постсоветском пространстве к их числу относятся, республики Абхазия и Южная Осетия, возникшие в результате военных конфликтов, и независимость которых РФ признала в 2008 г., активно оказывая им финансовую поддержку [7], развивая торгово-экономические отношения [8], а также приграничное сотрудничество [9]. В последние годы появились результаты математического моделирования развития постсоветских сецессий [10].

Кроме того, ЛНР и ДНР с 2014 г. существуют в условиях военных действий и социальной напряжённости, которые с 2022 г. распространились и на Херсонскую и Запорожскую области. Безусловно, это наложило отпечаток на демографическую ситуацию, сложность которой является общей проблемой для регионов. При этом именно демографические факторы выступают детерми-

нантами устойчивого экономического развития России в долгосрочной перспективе [11]. Цель исследования — выявить тенденции и особенности демографического развития, а также социальной сферы ЛНР, сформировавшиеся в период 2014–2022 гг., и наметить направления преодоления негативных трендов с учётом нового статуса региона.

Социально-демографические проблемы ЛНР в современных исследованиях

Несмотря на политические и экономические сложности в образованных республиках всегда понималась необходимость разработки социальной политики. Происходило это по-разному. Например, в Приднестровской Молдавской Республике, образовавшейся в сентябре 1990 г., когда отсутствовал опыт построения самостоятельного государства в условиях конфликта, только в начале 2000-х гг. последовательно стали формироваться механизмы социальной политики. Но, к примеру, ДНР, по мнению экспертов, намного быстрее прошла такой путь [12].

В отечественных научных работах 2014 г. — первой половины 2022 г. ЛНР и ДНР часто выступают объектами сравнительных исследований [13], в которых подчеркивается, что многие общие социально-экономические проблемы республик, включая миграцию, сокращение человеческого потенциала, социальное разделение и напряжённость, высокую детскую смертность, низкую рождаемость, являются, в том числе, и следствием «разрушительных действий украинских чиновников и политиков» [14] после 1991 года. Среди проблем развития социальной сферы республик указывается дефицит медицинских работников, сохраняющийся и по причине начавшихся в 2014 г. военных действий [15]. Одновременно подчёркивается, что для ЛНР ключевой проблемой социально-экономического развития является крайне низкая, даже в сравнении с ДНР [16], величина среднедушевых доходов и, как следствие, низкий уровень жизни населе-

¹ Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050006> (дата обращения: 12.12.2023).

ния, что негативно сказывается на качестве жизни населения и демографических процессах.

Следует заметить, что для постсоветских территорий особого статуса вообще характерна схожесть трендов развития. К примеру, анализируя демографическое развитие Республики Южная Осетия за 2009–2022 гг., были также выделены тенденции снижения численности населения, сохранения высокой смертности и заболеваемости, закрепления модели «малодетной» семьи, миграции молодёжи, причинами которых являются и низкое качество жизни, особенно в сельской местности, и недостатки системы здравоохранения, и сжатый внутренний рынок труда [17]. А.Ю. Яценко, анализируя демографическую ситуацию в ЛНР, сложившуюся к 2021 г., отнесла республику «к территориям с первым типом воспроизводства населения — суженный тип, «демографическая зима», для которого характерны низкий уровень рождаемости, возрастающее количество людей пожилого возраста и снижение числа детей и подростков» [18, с. 259].

Понимание необходимости нейтрализации и перелома негативных демографических трендов, важность развития социальной сферы с течением времени находило отражение в стратегических документах республики. К примеру, С.А. Дитковская разделила период развития ЛНР в условиях экономической блокады и непрекращающихся обстрелов на два этапа и выделила приоритеты каждого из них: 1) сентябрь 2014 г. — 2017 г.: этап восстановления разрушенного хозяйства и налаживания нормальной жизнедеятельности (приоритеты — восстановление жилья, создание финансовой системы, возобновление работы промышленных предприятий; 2) 2018 г. — начало 2022 г.: этап стратегического планирования социально-экономического развития (приоритеты — безопасность жителей; повышение уровня пенсий, социальных выплат и заработных плат; создание промышленного комплекса, обеспечивающего внутренние потребности). Начало второго этапа связано с представлени-

ем в мае 2018 г. пятилетней программы социально-экономического развития «Наш выбор» [19].

Демографические процессы в ЛНР, в том числе и 2014–2021 гг., не остаются без внимания. При этом практически не встречаются работы, где анализировался бы относительно полный набор демографических показателей, а также ситуация в социальной сфере, включая здравоохранение и образование. Поэтому считаем важным обратиться к этим проблемам в своём исследовании. Кроме того, дополнительным стимулом является ситуация, в которой находится республика сегодня: переход от относительно самостоятельного периода жизнедеятельности к статусу полноправного субъекта РФ, как следствие — адаптация к новым институциональным условиям. Одновременно на небольшой части территории республики ещё продолжают военные действия, что является серьезным внешним вызовом, который необходимо учитывать.

Информационной базой послужили данные Государственного комитета статистики ЛНР. Кроме того, для сравнительного анализа использованы некоторые ранее собранные данные Государственной службы статистики Украины, доступ к официальному сайту которой в настоящее время ограничен, а также данные отдельных авторов. Демографическая ситуация в ЛНР проанализирована за 2014–2022 гг., а развитие социальной сферы за 2014–2021 годы. Основным выбран 2021 г., так как в 2022 г. в ЛНР произошло изменение форм статистической отчетности. Также изменилась площадь республики в связи с возвращением части территории, и в 2023 г. она составила более 26 тыс. км². Кроме того, анализ проведён в разрезе показателей, привычных для российского сообщества несмотря на различия в формах статистической отчётности — отдельные показатели были подобраны по смыслу и их пришлось рассчитывать.

В целом, за период 2014–2022 гг. произошли существенные изменения в системе статистических показателей ЛНР. Единственная за период 2014–2021 гг. перепись

населения² проводилась в 2019 г., но её результаты не были опубликованы. В официальной статистике используется показатель «расчётная численность населения: «расчёты численности населения базируются на данных Всеукраинской переписи населения 2001 г. с учётом естественного и миграционного движения населения, а также изменений численности населения в результате административно-территориальных преобразований»³. Тем не менее, в ком-

плексе демографические показатели достаточно точно отражают ситуацию в регионе.

Результаты исследования

Важнейшим демографическим показателем является численность населения, проживающего на территории в определённый период. Поскольку в 2014–2022 гг. ЛНР территориально была разделена, то важно сопоставить изменения численности в обеих частях. Для этой цели в табл. 1 использованы данные статистики Украины и ЛНР, а также некоторые сведения из статьи А.Г. Вороновой, где для построения прогнозной модели рождаемости ЛНР в том числе использованы данные наличного населения, по словам

Таблица 1

Динамика численности населения Луганской Народной Республики, тыс. человек

Table 1

Dynamics of the Lugansk People's Republic population, thousand people

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Население Луганской области (без ЛНР)									
Наличное*	н/д	н/д	2205,4	2195,3	2167,8	2151,8	2135,9	н/д	...
Постоянное**	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2116,7	2098,3	н/д	...
Экономически активное население трудоспособного возраста**	953,32	339,5	338,1	330,7	333,4	336	325,1	317,8	...
Население ЛНР***									
Наличное	1521,1	1506,5	1504,0	1488,2	1473,0	1457,9	1443,9	1429,1	1405,2
Постоянное	1516,0	1501,5	1499,0	1483,3	1468,0	1452,9	1438,9	1424,2	1400,2
Доля населения в возрасте 16–59 лет, %	63,2	62,6	62,7	61,2	60,9	60,7	60,4	59,4	58,4
Доля населения в возрасте 60 и старше, %	23,6	24,4	17,4	25,1	25,9	26,6	28,3	28,7	29,1

Источник: составлено авторами на основе: *[20]; **Государственная служба статистики Украины — URL: <https://ukrstat.gov.ua/head.html> (дата обращения: 24.01.2023); *** Государственный комитет статистики ЛНР. — URL: <http://www.gkslnr.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

автора, «ранее временно оккупированной территории Луганской области»[20, с. 44].

Примечательно, что в статистике Украины и ЛНР для характеристики численности используются показатели постоянного и наличного населения. К сожалению, официальные данные по общей численности населения Луганской области (без ЛНР) доступны не в полном объёме, но очевидно, что наблюдалось уменьшение населения. В ЛНР за 9 лет

численность и наличного, и постоянного населения сократилась почти на 116 тыс. человек или на 7,6%. В табл. 1 также приведены официальные данные о численности экономически активного населения (ЭАН) трудоспособного возраста (в статистике Украины это население в возрасте 16–59 лет) в Луганской области (без ЛНР) за 2014–2021 гг., которые свидетельствуют о трёхкратном сокращении трудовых ресурсов. Из данных

ЛНР также видна тенденция сокращения доли населения трудоспособного возраста — почти на 5%. Очевидно увеличение на 5,5% удельного веса населения старшего поколения, за весь период доля старшей возрастной группы увеличилась на 23,3%.

Рассмотрим динамику некоторых других демографических показателей ЛНР (табл. 2). В последней строке табл. 2 для сравнения приведены данные миграционного оттока в Луганской области (без ЛНР) за 2014–2021 годы. Данные таблицы свидетельствуют об изменениях таких показателей, как урбанизация, смертность и рождаемость, миграция, семейные отношения, демографи-

ческая нагрузка. Очевидно, что ЛНР является высоко урбанизированной территорией. Доля городского населения составляет около 94% и практически не изменилась за анализируемый период. Такое высокое значение объясняется ещё и тем, что в 2014 г. при образовании ЛНР из Луганской области в неё не вошли преимущественно сельские территории. Возможно, показатель чуть уменьшится после воссоединения этих территорий. На гендерное соотношение населения, которое хотя и медленно, но постоянно смещается в пользу женщин, безусловно, оказывает влияние фактор продолжающегося военного конфликта.

Таблица 2

Динамика демографических показателей Луганской Народной Республики, человек

Table 2

Dynamics of the Lugansk People's Republic demographic indicators, persons

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля городского населения, %	94,1	94,1	93,8	93,8	93,8	93,8	93,8	93,8	93,8
Число мужчин на 1000 женщин	840	840	840	839	839	839	838	837	837
Число пенсионеров на 1000 человек населения	н/д	н/д	275	290	291	293	294	288	283*
Число родившихся	10162	6775	7335	7279	6462	5874	5423	4969	5151
Число умерших	23996	17566	22044	21973	22361	22174	24035	30738	31969
Естественный прирост/убыль	-13834	-10791	-10800	-14694	-15899	-16300	-18612	-25769	-26818
Общий прирост (сокращение) расчётной численности наличного населения	-14603	-11009	-15749	-15700	-15228	-15113	-13989	-14768	-23976
Число браков, единиц	3746	3273	2328	2917	2922	3700	3836	4908	4873*
Число разводов, единиц	696	544	611	637	616	3728	4189	3755	3760*
Число разводов на 1000 браков	185,8	166,2	262,5	218,4	210,8	1007,6	1092,0	765,1	771,6
Миграционный прирост/отток	-769	-218	-1040	-534	786	2311	3844	1793	436
Данные по Луганской области (без ЛНР)**									
Миграционный отток	-8120	-5634	-2487	-19147	-5630	-4940	-3491	-3377	...

*рассчитано авторами, так как информация за 2022 г. не представлена в официальной статистике ЛНР.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: Государственный комитет статистики ЛНР. — URL: <http://www.gkslnr.su> (дата обращения: 20.11.2023); **Государственная служба статистики Украины. — URL: <https://ukrstat.gov.ua/head.html> (дата обращения: 24.01.2022).

По сравнению с 2014 г. почти вдвое сократилось число родившихся — на 49,3%. Прирост показателя в 2022 г. по отношению к предыдущему году незначительный — 3,7%. В среднем число родившихся за последние 2 года колеблется около 5000 человек. Рождаемость является чувствительным показателем к влиянию внешних неблагоприятных факторов. Кроме того, проявляется и отложенное влияние событий на жизнь общества, что находит отражение в последующих периодах. За 2023 г. существенно улучшилась инфраструктура и в целом условия жизни населения ЛНР и, как следствие, в перспективе можно надеяться на увеличение рождаемости, а также на снижение числа умерших, которое заметно возросло (на 33,1%) в 2022 г. по сравнению с 2014 годом. Вообще число умерших за последние годы стабильно растёт — за 2022 г. по отношению к 2021 г. увеличение составило 3,9%. К сожалению, помимо общего старения населения, у этого явления есть и другая причина — условиях военного конфликта.

Как мы видели из данных табл. 1, в ЛНР высокий удельный вес людей старшего поколения. И показатель числа пенсионеров на 1000 человек населения до 2021 г. увеличивался (табл. 2), но затем начал снижаться, в том числе и по причине роста смертности. В целом, значительно выросла динамика сокращения расчётной численности населения: с 14,6 тыс. человек в 2014 г. до почти 24 тыс. человек в 2022 году. Естественная убыль населения почти на 94% выше значения 2014 г., но за 2022 г. ее прирост можно оценить как незначительный — чуть более 4%. Следует отметить, что с 2019 г. в ЛНР начался расчёт относительно нового для местной статистики показателя — ожидаемая продолжительность жизни при рождении. В 2019, 2020 и 2021 гг. он был определён на уровне 70,7; 70,0 и 67,5 лет соответственно. Снижение значений этого показателя дополнительно характеризует непростую демографическую ситуацию.

За прошедший период серьезно пострадал институт семьи. Несмотря на неуклонный рост числа зарегистрированных бра-

ков (в 2021 г. показатель достиг 4908 единиц), количество разводов катастрофически увеличилось: в 2022 г. по сравнению с 2014 г. в 5,4 раза. В 2019–2020 гг. число разводов превышало число браков. Коэффициент разводимости в республике очень высок, что является тревожным сигналом, поскольку именно семейный потенциал рассматривается как важнейшая составляющая человеческого потенциала [21].

В заключении о показателях миграции. В 2014–2017 гг. в ЛНР наблюдался миграционный отток населения, который достиг максимума в 2016 году. В последующие годы отток сменился миграционным приростом, нарастающим до 2020 г., но несколько уменьшившимся в 2021–2022 годы. Для сравнения мы привели данные по Луганской области (без ЛНР), из которых видно, что в период 2014–2021 гг. с этой территории наблюдался только отток населения с максимальным значением 19147 человек в 2017 году.

В целом, текущая ситуация в ЛНР характеризуется снижением общего демографического потенциала. Численность населения республики пока продолжает сокращаться как по причине естественной убыли, так и миграции. Решающим фактором отрицательной динамики основных демографических показателей, конечно, являются сложные условия жизни в связи с проведением специальной военной операции.

Развитие социальной сферы

Рассмотрим ситуацию в социальной сфере республики, во многом определяющую будущие успехи и демографического, и экономического развития региона. Отдельные показатели развития в ЛНР важнейшей социальной сферы — системы здравоохранения, а также уровень заболеваемости и смертности населения представлены в табл. 3.

В настоящее время система здравоохранения ЛНР включает 107 государственных учреждений, из них: 91 медицинское учреждение, 13 учреждений госсанэпиднадзора, ГУП фармацевтического профиля, ме-

Таблица 3

Показатели развития системы здравоохранения в ЛНР

Table 3

Indicators of the healthcare system development in the LPR

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность врачей всех специальностей, тыс. человек	4,1	3,9	4,1	4,1	4,1	4,1	3,9	3,8
Численность среднего медперсонала, тыс. человек	10,1	9,9	10,9	10,7	10,2	10,1	10,0	10,0
Число лечебных учреждений, ед.	99	60	60	60	61	61	61	61
Число больничных коек, тыс. ед.	15,2	13,1	12,8	12,8	13,0	11,5	11,4	11,4
Число амбулаторно-поликлинических учреждений, ед.	125	69	69	69	70	70	70	70
Плановая мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, тыс. посещений в смену	32,0	30,7	30,1	30,0	30,2	30,2	30,2	30,2
Заболеваемость (число впервые в жизни зарегистрированных случаев заболеваемости), на 100 тыс. постоянного населения, в том числе:	42348	31828	28567	45558	46264	43748	41549	46840
болезни органов дыхания	18023	13287	13377	19261	19281	18290	18874	23871
болезни системы кровообращения	2541	2131	3106	3245	3138	3161	2812	2625
болезни кожи и подкожной клетчатки	2881	2213	3144	3235	3333	3115	2794	2674
Число умерших детей в возрасте до 1 года, человек	114	78	74	62	65	45	43	33
Коэффициент смертности детей в возрасте до 1 года, ‰	10,1	10,8	11,6	10,2	9,5	11,0	8,2	8,5
Смертность населения от некоторых внешних причин. всего умерших, человек, в т.ч.:	2183	1585	1405	1279	1279	1306	1231	1219
от случайных отравлений и воздействия алкоголя	128	92	134	115	137	144	138	161
от преднамеренных самоповреждений, включая самоубийства	328	246	264	224	211	231	213	218

Источник: составлено авторами на основе: Государственный комитет статистики ЛНР. — URL: <http://www.gkslnr.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

дицинский университет и Министерство здравоохранения ЛНР. Как свидетельствуют данные табл. 3, медицинскую помощь населению оказывают в 70 лечебных амбулаторно-поликлинических и 61 лечебном учреждениях с общим коечным фондом 11,4 тыс. коек, что составляет 78,5 коек на 10 тыс. населения — это на 25% меньше показателя 2014 года. В 2015 г. произошло существенное снижение ряда инфраструктурных показателей (количество коек, учреждений) по сравнению с 2014 годом. Несколько сократилась общая численность врачей — за весь период показатель снизился на 7,3%. При этом с учётом значи-

тельного сокращения лечебных учреждений (по сравнению с 2014 г. на 38,4%), изменение численности врачей можно оценивать, как незначительное, что в совокупности с другими показателями характеризует устойчивую тенденцию к стабилизации в здравоохранении республики. Однако сокращение негативно сказывается на росте заболеваемости населения.

Заболеваемость населения является важнейшим показателем здоровья общества, а также критерием оценки качества и эффективности профилактической работы, объективным и чувствительным индикатором медико-социального благополучия.

В 2021 г. первичная заболеваемость в расчёте на 100 тыс. постоянного населения составила 46,8 тыс. случаев, что является самым высоким значением за анализируемый период, и оценивается отрицательно. Если говорить о приросте показателя, то по первичной заболеваемости в 2021 г. отмечается увеличение случаев в сравнении с 2014 г. на 10,6%, а с 2020 г. — на 13,3%. В целом, тенденция отрицательная, особенно, если учитывать и снижение общей численности населения региона.

Наиболее тревожная ситуация складывается с заболеваемостью органов дыхания (около 50% от общего значения). Одновременно и прирост за весь период этого показателя более высокий — 32,4% по сравнению с 10,6% показателя первичной заболеваемости в целом. Болезни системы кровообращения, а также кожи и подкожной клетчатки занимают второе и третье место по количеству заболевших. Удельный вес этих видов заболеваний составляет примерно по 6%. При этом с 2018–2019 гг. по обоим группам наблюдается снижение числа заболевших. Но по сравнению с 2014 г. в 2021 г. уровень заболеваемости по болезням кожи снизился на 7,2%, а по болезням системы кровообращения вырос на 3,3%. Такие тенденции требуют учёта при формировании стратегии и социальных программ региона. Ещё одним важным показателем уровня здравоохранения и качества жизни является младенческая смертность. Как видно из табл. 1, число умерших детей в возрасте до 1 года стабильно снижается — за 2014–2021 гг. этот показатель снизился почти в 3,5 раза. Соответственно снижается и коэффициент младенческой смертности — число умерших детей в возрасте до 1 года в расчёте на 1000 родившихся живыми. В 2021 г. был зафиксирован небольшой прирост коэффициента.

В табл. 3 приведены данные смертности населения от внешних причин (от употребления алкоголя и преднамеренных самоповреждений, в том числе самоубийств). Оба показателя за анализируемый период не имеют какой-то устойчивой динамики роста или снижения. К примеру, замет-

ное снижение в 2015 г. сменилось ростом в 2016 году. Также рост значений наблюдался в 2019 и 2021 годах. В целом за весь период смертность по причине отравления и воздействия алкоголя возросла более чем на четверть. Это тревожный тренд. В республике также отмечается высокий уровень смертности по причине преднамеренных самоповреждений (самоубийств). Хотя за 2014–2021 гг. значение показателя сократилось в 1,5 раза, однако увеличился удельный вес этого показателя в общей смертности от внешних причин — с 15% до 18%. На наш взгляд, это является сигналом для активизации деятельности служб социальной поддержки населения.

Отдельные показатели развития другой значимой социальной сферы ЛНР — системы образования ЛНР представлены в табл. 4. Помимо традиционных показателей, характеризующих развитие среднего и среднего специального образования, в табл. 4 приведены четыре показателя, отражающих ситуацию в системе высшего образования и науке республики.

В 2021 г. система дошкольного образования ЛНР включала 322 учреждения, в том числе 260 детских садов и 62 дошкольных отделения при учебно-воспитательных комплексах, что несколько ниже показателя 2017–2018 гг., но по сравнению с 2014 г. таких учреждений стало на 20 больше. Однако с 2018 г. наблюдается снижение численности детей в образовательных учреждениях в расчёте на 100 мест. Таким образом, существует резерв мест, что с учётом роста рождаемости в 2022 г. можно оценить как положительный момент. На территории ЛНР также организована работа 134 образовательных учреждений дополнительного образования детей и взрослых, в том числе 48 — в сфере культуры и 36 учреждений, осуществляющих учебно-спортивную работу.

Количество общеобразовательных учреждений практически не меняется и составляет 330 единиц. В течение всего анализируемого периода наблюдается рост численности обучающихся в общеобразовательных учреждениях. Даже при незначительном снижении этого показателя в 2021 г.

Таблица 4

Показатели развития системы образования и подготовки научных кадров в ЛНР

Table 4

Indicators of the education system and the training of scientific personnel development in the LPR

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Дошкольные образовательные учреждения, единиц	302	306	321	323	323	317	322	322
Численность детей в образовательных учреждениях в расчёте на 100 мест, человек	87	90	99	100	97	93	87	78
Общеобразовательные учреждения, единиц	н\д	332	329	331	331	331	330	330
Численность обучающихся в общеобразовательных учреждениях, человек	н\д	81195	85893	87732	88543	89590	90098	89274
Численность учителей, человек	н\д	8417	8774	9050	8758	8452	8664	8674
Образовательные учреждения среднего профессионального образования, единиц	50	50	50	50	50	50	48	46
Количество учащихся в учреждениях среднего профессионального образования, человек	н\д	10318	10102	9281	8769	8068	7731	7719
Образовательные учреждения высшего образования, единиц	8	6	7	7	7	7	7	7
Численность студентов образовательных учреждений высшего образования, человек	66317	37717	42964	39592	41067	42900	38631	36824
Численность аспирантов, человек	952	316	375	392	397	355	365	381
Численность докторантов, человек	68	19	25	26	28	36	27	21

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: Государственный комитет статистики ЛНР. — URL: <http://www.gkslnr.su> (дата обращения: 20.11.2023).

на 0,9%, общее количество обучающихся по сравнению с 2015 г. увеличилось на 9,9%. Следует отметить, что с 2020 г. отмечается и рост численности учителей, заметно сократившейся в 2019–2020 годах. Основным фактором этой благоприятной тенденции выступает российская поддержка. Одновременно произошло сокращение количества учреждений среднего профессионального образования — 46 в 2021 г. против 50 в 2014–2019 годах. Количество учащихся соответственно сократилось в 2021 г. на 25,5% по сравнению с 2015 годом. В 2020–2021 гг. ситуация с численностью учащихся этого звена стабилизировалась. На наш взгляд, помимо геополитических и общих демографических факторов на сложившуюся ситуацию в среднем специальном образовании повлияло снижение популярности рабочих специальностей в республике.

Что касается профессионального уровня преподавательского состава, то на начало 2021 / 2022 учебного года в образовательных организациях среднего профессионального образования и высшего образования работали 4039 педагогических и научно-педагогических работников. Из них с ученой степенью 1250 человек, в том числе 205 докторов и 1045 кандидатов наук, а также с ученым званием 1044 человека, в том числе 179 профессоров и 865 доцентов. Система высшего образования в республике предоставлена 7 учреждениями, которые ведут подготовку бакалавров, специалистов, магистров, а также аспирантов и докторантов. В 2021 г. образовательными учреждениями среднего профессионального образования и высшего образования было подготовлено и выпущено 2973 магистра, 992 специалиста, 4016 бакалавров

и 2566 младших специалистов. Однако численность студентов в республике за 2014–2021 гг. сократилась на 44,5%, и такие темпы снижения выше по сравнению с другими показателями численности обучающихся. Основным фактором этого тренда выступает более высокая мобильность молодых людей, которые успешно пользуются возможностью получения образования за пределами республики. Но наибольшее сокращение произошло в системе подготовки научных кадров: численность аспирантов и докторантов за 2014–2021 гг. снизилась в 2,5 и 3 раза соответственно.

В целом, анализируемый период характеризуется негативной динамикой развития системы среднего и высшего образования ЛНР, хотя в последние годы наметилась стабилизация и даже рост отдельных показателей. Однако общие темпы пока недостаточны, что усиливает «кадровый голод» в республике. Для решения этих проблем необходимы адекватные управленческие воздействия.

Заключение

За период 2014–2022 гг. значительно сократился демографический потенциал региона, а темпы его восстановления пока недостаточны. Осознавая, что на уровень экономического развития влияют не только финансовые и экономические факторы, но и способность соответствующих институтов регулировать социальные и демографические процессы на территории, с 2018 г. власти республики начали отражать социально-демографические проблемы в программных документах. Так, в мае 2018 г. была представлена «Программа социально-экономического развития Луганской Народной Республики до 2023 года»⁴. В сентябре 2021 г. была принята трёхлетняя «Программа социально-экономического развития ЛНР на 2022–2024 годы»⁵, одной

из основных целей которой было заявлено повышение благосостояния и качества жизни населения. Но в основном в ЛНР, как и в ДНР, разрабатывались только годовые программы социально-экономического развития, что оправдано в условиях высокой неопределённости.

Изменение в 2022 г. политического и институционального статуса республики повлекло разработку и принятие новых стратегических документов, прежде всего, на уровне Правительства Российской Федерации. Так, в апреле 2023 г. правительством России была представлена долгосрочная «Программа социально-экономического развития Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей на 2023–2025 гг.»⁶ с целевыми показателями до 2030 года. В декабре 2023 г. была утверждена государственная программа РФ «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»⁷. В рамках программных документов определены текущие приоритеты: безотлагательно требуют решения проблемы развития промышленности, банковской сферы, дорожного строительства, теплоснабжения. Но одновременно учтены и расходы на здравоохранение, образование, культуру, спорт, а также средства на восстановление жилья. В рамках программных мероприятий в 2023 г. в ЛНР за счёт государственных средств уже существенно обновлена транспортная и социальная инфраструктура (до-

ной Республики. – URL: <https://sovminlnr.ru/akty-sovetaministrov/rasporyazheniya/25481-ob-utverzhdenii-programmy-socialno-ekonomi-cheskogo-razvitiya-luganskoy-narodnoy-respubliki-na-20222024-gody.html> (дата обращения: 02.08.2022).

⁶ Правительство утвердило программу развития новых регионов. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/644ab7039a7947323dd30c9e> (дата обращения: 02.01.2024).

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2023 № 2255 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/511574ffc6ab6f149fb621f956bcfee021f54fc/ (дата обращения: 02.01.2024).

⁴ В Луганске состоялась презентация Программы социально-экономического развития ЛНР до 2023 года. – URL: <https://www.nslnr.ru/news/v-luganske-sostoyalas-prezentatsiya-programmy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-lnr-do-2023/> (дата обращения: 02.08.2022).

⁵ Официальный сайт Правительства Луганской Народ-

роги, объекты ЖКХ, учреждения образования, здравоохранения, культуры и другие). Это, в определённой мере, позволяет в перспективе надеяться на снижение отрицательной демографической динамики.

Однако демографические проблемы требуют самостоятельного решения. Ситуация в ЛНР имеет общие черты со многими российскими регионами, в которых также наблюдается снижение рождаемости, старение населения, отток молодёжи. Поэтому республика, как и все новые субъекты, должна быть встроена в «Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Необходимо ещё большее расширение спектра услуг в рамках национального проекта «Демография» и реализации на территории республики новой модели социальной поддержки, мерами которой пользуются граждане Российской Федерации.

Кроме того, необходимо повысить точность статистической информации. В частности, предлагается включить в законопроект «О стратегическом планировании

в Луганской Народной Республике» механизм обеспечения более точной региональной статистической информацией, особенно показателей численности населения, что позволит повысить качество прогнозов, которые играют значимую роль не только в демографической, но и в экономической политике. Реструктуризация экономики республики должна быть направлена на максимально возможное использование собственных трудовых ресурсов.

Эффективность и результативность управления ЛНР будет определяться не только максимальным использованием существующих возможностей, преимуществ и сильных сторон региона, но и минимизацией рисков и угроз в развитии его демографического потенциала. В совокупности не только прекращение военных действий, восстановление социальной инфраструктуры, жилья, создание новых рабочих мест, но и целевые мероприятия в области демографии определяют появление и укрепление позитивных трендов.

Литература и Интернет-источники

1. **Шеломенцев, А.Г.** Факторы социально-экономического развития частично признанных и непризнанных республик Кавказа / А.Г. Шеломенцев, К.С. Гончарова // Вестник МГИМО Университета. — 2021. — Т. 14. — № 5. — С. 203–223. DOI: 10.24833 / 2071-8160-2021-5-80-203-2232; EDN: JSXJKV
2. **Sebentsov, A.B.** Economic Development as a Challenge for «De Facto States»: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia / A.B. Sebentsov, M.S. Karpenko, A.A. Gritsenko et al. // Regional Research of Russia. — 2022. — Vol. 12. — P. 414–427. DOI: 10.1134 / S2079970522700277
3. **Galkina, T.A.** Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse / T.A. Galkina, F.A. Popov // Regional Research of Russia. — 2016. — Vol. 6. — No. 3. — P. 258–266. DOI: 10.1134 / S2079970516030023; EDN: YVZOVH
4. **Bakke, K.M.** Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states / K.M. Bakke, A.M. Linke, J. O'Loughlin, G. Toa // Political Geography. — 2018. — Vol. 63. — P. 159–173. DOI: 10.1016 / j.polgeo.2017.06.011
5. **Токарев, А.А.** Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния / А.А. Токарев // Полис. — 2017. — № 4. — С. 106–117. EDN: ZBGHPF
6. **Кислая, Т.Н.** Механизм формирования стратегии саморазвития непризнанной республики / Т.Н. Кислая, О.А. Голубцова // Вестник факультета управления СПбГУ. — 2017. — № 2. — С. 30–39. EDN: YLJIJE
7. **Трушкова, Е.А.** Финансовая помощь Российской Федерации в целях социально-экономического развития Республики Южная Осетия / Е.А. Трушкова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2023. — № 3(96). — С. 161–170. DOI: 10.37493 / 2307-907X.2023.3.18; EDN: YMVJSE

8. **Дорошенко, С.В.** Особенности торговых взаимодействий российских регионов и частично признанных республик южного Кавказа / С.В. Дорошенко // Вестник НГУЭУ. — 2023. — № 2. — С. 53–71. DOI: 10.34020 / 2073-6495-2023-2-053-071; EDN: XVMENT
9. **Голунов, С.В.** Приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств / С.В. Голунов // Сравнительная политика. — 2021. — № 4. — С. 124–142. DOI: 10.24411 / 2221-3279-2021-10045; EDN: YNTPJZ
10. **Токарев, А.А.** Математическое моделирование как механизм прогноза сецессий / А.А. Токарев // Пути к миру и безопасности. — 2021. — № 2(61). — С. 57–79. DOI: 10.20542 / 2307-1494-2021-2-57-79; EDN: YMCCOT
11. **Бирюкова, С.С.** Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков / С.С. Бирюкова, В.А. Козлов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 2. — С. 3–13. — URL: DOI: 10.14515 / monitoring.2023.2.2412; EDN: AATDKE
12. **Хромов, Н.И.** Опыт осуществления социальной политики в непризнанной республике / Н.И. Хромов, А.А. Бунин // Вестник ДонНУ. Серия В: Экономика и право. — 2016. — № 3. С. 133–142. EDN: YSXMQX
13. **Белашенко, Д. А.** ДНР и ЛНР: «проблемные государства» или «государства де-факто» / Д.А. Белашенко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. — № 1–2(72–73). — С. 125–131. EDN: PPDAAМ
14. **Салита, С.В.** Сравнительный анализ современных особенностей социально-экономического развития ЛНР и ДНР / С.В. Салита, О.А. Голубцова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2021. — № 1(43). — С. 50–55. EDN: YZULMF
15. **Салита, С.В.** Исследование ключевых факторов, влияющих на социально-экономическое развитие ЛНР и ДНР / С.В. Салита, О.А. Голубцова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2022. — № 1(55). — С. 146–150. EDN: LBCTSL
16. **Салита, С.В.** Анализ тенденций социально-экономического развития региона в формате устойчивого развития / С.В. Салита, О.А. Голубцова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2022. — № 9(63). — С. 133–138. EDN: TCDNPQ
17. **Дорошенко, С.В.** Демографическое развитие Республики Южная Осетия: тенденции, риски, стратегические приоритеты / С.В. Дорошенко, В.В. Джабиев // Регионалистика. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 29–48. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.29; EDN: WJNMHE
18. **Яценко, А.Ю.** Анализ состояния рынка труда Луганской Народной Республики // А.Ю. Яценко / Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2021. — № 7(49). — С. 257–261.
19. **Дитковская, С.А.** Социально-экономическое развитие Луганской Народной Республики (2014–2022 годы) / С.А. Дитковская // Человек. Наука. Социум. — 2023. — № 1(13). — С. 27–58. EDN: MYAPLJ
20. **Воронова, А.Г.** Анализ и прогнозирование рождаемости в Луганской Народной Республике / А.Г. Воронова // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2022. — № 4(58). — С. 41–46. EDN: MWZQFV
21. **Доброхлеб, В.Г.** Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России / В.Г. Доброхлеб, О.А. Ефанова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 99–109. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.9; EDN: KMGSRB

Сведения об авторах:

Дорошенко Светлана Викторовна, д.э.н., доцент, зав. сектором, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: doroshenkos@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8282-6062, РИНЦ SPIN-код: 9789-7160.

Кислая Татьяна Николаевна, к.э.н., доцент Луганского государственного университета имени Владимира Даля, Луганск, Россия

Контактная информация: e-mail: sauertat2021@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2160-7050; РИНЦ SPIN-код: 2053-7728.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-138-152

DEMOGRAPHIC TRENDS AND THE SOCIAL SPHERE DEVELOPMENT IN THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Svetlana V. Doroshenko^{1*}, Tatyana N. Kislaya²

¹*Institute of Economics of the Ural Branch of RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

²*Lugansk Vladimir Dahl State University
(20-a Molodezhny quarter, Lugansk, Russia, 291034)*

*E-mail: doroshenkos@mail.ru

For citation:

Doroshenko S.V., Kislaya T.N. Demographic trends and the social sphere development in the Lugansk People's Republic. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 138-152. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-138-152 (in Russ.)

Abstract. *The demographic and social development of the Lugansk People's Republic (the LPR) in the period of 2014–2022 is the study subject. The study aim is to identify the main trends and features of the demographic development, as well as the social sphere of the LPR, which were formed, among other things, during the period of the «unrecognized» independence of the republic in 2014–2021, and to outline possible mechanisms to overcome negative trends, taking into account the new status of the region. The research is based on the methods of descriptive, statistical and comparative analysis. The information base was provided by the data of the State Statistics Committee of the LPR. Also, for comparative analysis, some previously collected data from the State Statistics Service of Ukraine, as well as data from studies by individual authors, were used. The demographic situation in the LPR was analyzed for 2014–2022, and the social sphere development for 2014–2021. The analysis showed that in 2014–2022 the human potential of the region significantly decreased, and the pace of its recovery is still insufficient. The population continues to decline. Natural decrease and migration outflow are the main factors of the population decline. There is observed a negative dynamics in the development of health care systems, as well as secondary and higher education in the LPR, although in recent years there has been stabilization and even an increase in certain indicators. In 2023, the transport and social infrastructure in the LPR was significantly updated at the expense of public funds, which allows us to hope in the future for improvement of a decrease in negative demographic dynamics. However, the demographic problems still require special solutions, proposals for some of which are presented in the article.*

Keywords: *new regions, demographic indicators, healthcare system, secondary and higher education, social sphere, strategic planning.*

References and Internet sources

1. Shelomentsev A.G., Goncharova K.S. Faktory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya chastichno priznannykh i nepriznannykh respublik Kavkaza [Factors of socio-economic development of partially recognized and unrecognized republics of the Caucasus]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 2021. Vol. 14 No. 5. P. 203–223. DOI: 10.24833 / 2071-8160-2021-5-80-203-2232 (in Russ.)
2. Sebentsov A.B., Karpenko M.S., Gritsenko A.A. et al. Economic Development as a Challenge for «De Facto States»: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia. *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. P. 414–427. DOI:10.1134 / S2079970522700277

3. Galkina T.A., Popov F.A. Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse. *Regional Research of Russia*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 258–266. DOI:10.1134 / S2079970516030023
4. Bakke K.M., Linke A.M., O'Loughlin J., Toa G. Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states. *Political Geography*. 2018. Vol. 63. P. 159–173. DOI: 10.1016 / j. polgeo.2017.06.011
5. Tokarev A.A. Sravnitel'nyj analiz setsessij na postkommunisticheskom prostranstve: kvantifikatsiya faktorov vliyaniya [Comparative analysis of the post-communist secessions: the prognostic attempt of quantification of the factors' impact on secession]. *Polis [Polis. Political Studies]*. 2017. No. 4. P. 106–117. (in Russ.)
6. Kislaya T.N., Golubtsova O.A. Mekhanizm formirovaniya strategii samorazvitiya nepriznannoj Respubliki [Mechanism of formation of the self-development strategy of unrecognized republic]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU. [Bulletin of the Faculty of Management of St. Petersburg State University of Economics]*. 2017. No. 2. P. 30–39. (in Russ.)
7. Trushkova E.A. Finansovaya pomoshch Rossijskoj Federatsii v tselyakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Financial assistance of the Russian Federation for the socio-economic development of the Republic of South Ossetia]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta [Newsletter of North-Caucasus Federal University]*. 2023. № 3 (96). P. 161–170. DOI 10.37493 / 2307–907X.2023.3.18 (in Russ.)
8. Doroshenko S.V. Osobennosti torgovykh vzaimodejstvij rossijskikh regionov i chastichno priznannykh respublik yuzhnogo Kavkaza [The features of trade interactions between Russian regions and partially recognized republics of the South Caucasus]. *Vestnik NGUEU. [Vestnik NSUEM]*. 2023. No. 2. P. 53–71. DOI: 10.34020 / 2073–6495–2023–2–053–071 (in Russ.)
9. Golunov S.V. Prigranichnoje sotrudnichestvo postsovetsskikh de-fakto gosudarstv [Cross-border cooperation of post-Soviet de facto states]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]*. 2021. No. 4. P. 124–142. DOI: 10.24411 / 2221–3279–2021–10045 (in Russ.)
10. Tokarev A.A. Matematicheskoe modelirovanije kak mekhanizm prognoza setsessij [Forecasting secessions through mathematical modeling]. *Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]*. 2021. No. 2(61). P. 57–79. DOI: 10.20542 / 2307–1494–2021–2–57–79 (in Russ.)
11. Biryukova S.S., Kozlov V.A. Demograficheskie issledovaniya v sovremennom kontekste: dolgosrochnye trendy razvitiya i vliyaniye vneshnikh shokov [Demographic research in modern context: long-term trends and impact of external shocks]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2023. No. 2. P. 3–13. DOI:10.14515 / monitoring.2023.2.2412 (in Russ.)
12. Khromov N.I., Bunin A.A. Opyt osushchestvleniya sotsial'noj politiki v nepriznannoj respublike [Experience in the implementation of social policy in the unrecognized republic]. *Vestnik DonNU. Ser. V: Ekonomika i pravo [Bulletin of Donetsk National University. Ser. C: Economics and Law]*. 2016. No. 3. P. 133–142. (in Russ.)
13. Belashchenko D.A. DNR i LNR: «problemnyje gosudarstva» ili «gosudarstva de-fakto» [DPR and LPR: «problem states» or «de facto states»]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanij [Journal of Historical, Political and International Studies]*. 2020. No. 1–2 (72–73). P. 125–131. (in Russ.)
14. Salita S.V., Golubtsova O.A. Sravnitel'nyj analiz sovremennykh osobennostej sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya LNR i DNR [Comparative analysis of modern features of the socio-economic development of the LPR and the DPR]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalja [Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl State University]*. 2021. No. 1(43). P. 50–55. (in Russ.)
15. Salita S.V., Golubtsova O.A. Issledovaniye klyuchevykh faktorov, vliyayushchikh na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye LNR i DNR [Study of the key factors influencing the socio-economic development of the LPR and the DPR]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalja [Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl State University]*. 2022. No. 1(55). P. 146–150. (in Russ.)

16. Salita S.V., Golubtsova O.A. Analiz tendentsij sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona v formate ustojchivogo razvitiya [Analysis of the trends in socio-economic development of the region in terms of sustainable development]. Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya [Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl State University]. 2022. No. 9(63). P. 133–138. (in Russ)
17. Doroshenko S.V., Dzhabiev V.V. Demograficheskoe razvitije Respubliki Juzhnaya Osetiya: tendentsii, riski, strategicheskiye priority [Demographic development of the Republic of South Ossetia: trends, risks, strategic priorities]. Regionalistika [Regionalistica]. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 29–48. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.29 (in Russ)
18. Yatsenko A. Yu. Analiz sostoyaniya rynka truda Luganskoj Narodnoj Respubliki [Analysis of the state of the labor market of the Luhansk People's Republic]. Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya [Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl State University]. 2021. No. 7(49). P. 257–261 (in Russ)
19. Ditkovskaya S.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitije Luganskoj Narodnoj Respubliki (2014–2022 gody') [Socio-economic development of the Luhansk People's Republic (2014–2022)]. Chelovek. Nauka. Sotsium [Human. Science. Socium]. 2023. No. 1(13). P. 27–58. (in Russ)
20. Voronova A.G. Analiz i prognozirovaniye rozhdaemosti v Luganskoj Narodnoj Respublike [Analysis and forecasting of birth rate in the Lugansk People's Republic]. Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya [Vestnik of Lugansk Vladimir Dahl State University]. 2022. No. 4(58). P. 41–46. (in Russ)
21. Dobrokhleb V.G., Efanova O.A. Semejnyj potentsial kak sostavlyayushchaya chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [Family potential as a component of the human potential of Russian regions]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 99–109. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.9 (in Russ)

Information about the authors:

Doroshenko Svetlana Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: doroshenkos@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8282-6062, Elibrary SPIN-code: 9789–7160.

Kislaya Tatyana Nikolaevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Russia.

Contact information: e-mail: sauertat2021@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2160-7050; Elibrary SPIN-code: 2053–7728.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-153-167
EDN: FLPIUH

ЭФФЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВКЛАД В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Кривенко Н.В.*, Васильева А.В.

*Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)*

**E-mail: nvkrivenko@yandex.ru*

Финансирование:

Статья выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения (УрО) РАН.

Для цитирования:

Кривенко Н.В., Васильева А.В. Эффекты преобразований в региональной системе здравоохранения: вклад в здоровьесбережение населения // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 153-167. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-153-167; EDN: FLPIUH

Аннотация. Актуальность исследования преобразований в системе здравоохранения, направленных на здоровьесбережение населения, сохранение человеческого потенциала, обусловлена демографическими вызовами для России: сокращением рождаемости, увеличением демографической нагрузки и другое. Научная значимость исследования состоит в развитии методических подходов, рассматривающих систему здравоохранения доходной отраслью в отличие от имеющихся подходов, определяющих её затратной отраслью, предложении авторского подхода, позволяющего выявлять «узкие места» в деятельности региональной системы здравоохранения по направлениям и службам, определять приоритеты развития и оценку полученных эффектов в результате мероприятий, направленных на профилактику и снижение заболеваемости, смертности и инвалидности населения. Апробация авторского подхода проведена на примере реализации мероприятий в региональной системе здравоохранения Свердловской области. На основе теории полезности с использованием показателя валового регионального продукта (ВРП) на душу населения дана оценка эффектов мероприятий, направленных на улучшение здоровья населения Свердловской области. Получена оценка эффекта роста ожидаемой продолжительности жизни в стоимостном выражении на основе концепции «слабой устойчивости» с использованием индекса развития человеческого потенциала. Реализация инновационных преобразований по службам в системе здравоохранения Свердловской области свидетельствует о достижении высоких медицинских, социальных, экономических эффектов, способствует повышению уровня здоровья населения региона. Обоснованы направления развития здравоохранения, наиболее эффективные с позиции восстановления здоровья и продления жизни населения, а также способствующие повышению эффективности деятельности региональной системы здравоохранения.

Ключевые слова: регион, здоровье населения, здравоохранение, экономический эффект, ВРП.

Введение

На сегодняшний день наряду с геополитическими угрозами для России большую тревогу вызывают демографические вызовы: сокращение рождаемости, рост демографической нагрузки, негативные тенденции по показателю естественной убыли населения и др. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), влияние системы здравоохранения на здоровье населения составляет 10–15%¹. Однако Г.Э. Улумбекова опровергает данный «миф», на примере реализации национального проекта «Здоровье» в 2005–2012 гг. и других целевых программ в России, показывает возможности увеличения продолжительности жизни населения при увеличении государственного финансирования здравоохранения на 35% и повышении эффективности его деятельности². А.Е. Иванова и соавторы [1] доказывают в своих исследованиях: резервы сокращения показателей общего коэффициента смертности российского населения, обусловленные эффективностью системы здравоохранения, составляют 12,9% у мужчин и 20,6% у женщин в возрасте до 65 лет.

Проблемы достижения не только медицинских, но и экономических эффектов в здравоохранении рассмотрены в исследованиях многих зарубежных учёных³, а также

в трудах российских учёных [2–6]. Однако, несмотря на большое количество публикаций по данной проблематике, недостаточная исследованность возможностей достижения эффектов от преобразований в системе здравоохранения как вклада отрасли в укрепление здоровья населения, сохранение человеческого потенциала, в том числе трудоспособного, на региональном уровне, актуализирует научную и практическую значимость представленного исследования.

Результаты

Образ жизни, уровень социально-экономического развития регионов и другие факторы оказывают непосредственное влияние на состояние здоровья населения России. Однако, по данным ВОЗ, в общей смертности в России доля предотвратимых смертей — 30–40%, что требует больших усилий от отечественного здравоохранения. Учитывая действие вышеперечисленных факторов на медико-демографические показатели, в условиях геополитических, демографических вызовов представляет научный интерес исследование преобразований в региональном здравоохранении, влияющих на их изменение, возможностей достижения медицинских, социальных, экономических эффектов на уровне общества.

Медико-демографические показатели не только отражают состояние общественного здоровья, но и могут сигнализировать о негативных тенденциях в экономике региона: высокие показатели нетрудоспособности, преждевременной смертности, в том числе трудоспособного населения, приводят к экономическим потерям. Преждевременная смерть наносит существенный экономический ущерб в результате непродуцированного валового регионального продукта (ВРП) [7]. С учётом сказанного, оценку экономических эффектов системы здравоохранения предложено производить на основе теории полезности с использованием значения показателя ВРП на душу населения.

Мультидисциплинарность оценки эффективности здравоохранения в России

¹ Экономический ущерб от плохого здоровья: ситуация в Европейском регионе. Справочный документ. — Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2008. — 34 с.

² Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // ОРГЗДРАВ. — URL: https://orgzdrav.vshouz.ru/ru/jarticles/orgzdrav/104.html?SSr=260134fe6914ffffffffff27c_07e902110e1a21-145f (дата обращения: 08.01.2025).

³ Gray A.M., Clarke P.M., Wolstenholme J.L., Wordsworth S. Applied Methods of Cost-effectiveness Analysis in Healthcare. Oxford: Oxford University Press, 2010. — 328 p.; Omachonu V.K., Einspruch N.G. Innovation in healthcare delivery systems: a conceptual framework // The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal. — 2010. — Vol. 15. — No. 1. — P. 1–20; Singh Vijai Kumar. Innovations in Healthcare Management. Cost Effective and Sustainable. — 2015; Figueras J., Robinson R., Jakubowski E. Purchasing to improve health systems performance: drawing the lessons. — Buckingham: Open University Press. — 2011. — P. 44–80; Galea G., McKee M. Public-private partnerships with large corporations: Setting the ground rules for better health // Health Policy. — 2014. — Vol. 115. — Iss. 2–3 — P. 138–140. DOI: 10.1016/j.healthpol.2014.02.003

проявляется в комплексном исследовании этого явления как экономистами, так и демографами, врачами [8, с. 33]. Оценка результативности деятельности регионального здравоохранения производится нами с использованием интегрального коэффициента достижения целевых показателей, позволяет определить в динамике по годам изменение показателей общей продолжительности жизни, снижения смертности от всех причин, что характеризует положительные или отрицательные тенденции в лечении заболеваний по определенным профилям, а также в целом изменения в состоянии здоровья населения, эффективность функционирования отрасли.

В здравоохранении целесообразно комплексное рассмотрение эффективности по следующим направлениям: 1) медицинская эффективность — достижение наилучшего медицинского результата за счёт использования научных достижений, инноваций в лечении пациентов при наименьших затратах всех видов ресурсов; 2) экономическая эффективность — соотношение экономического эффекта и произведенных затрат, позволяющей оценить рациональность расходования ресурсов, экономическую целесообразность организационных, технологических, информационных инноваций; 3) социальная эффективность: на уровне пациента — достижение удовлетворенности медицинской помощью, социального результата при возвращении его к труду и активной жизни в обществе; на государственном уровне — снижение заболеваемости в результате своевременного выявления заболеваний в рамках профилактической, диспансерной работы; инвалидности, смертности, в том числе за счёт внедрения организационных, медицинских, реабилитационных инноваций, достижение увеличения продолжительности предстоящей жизни населения.

Показатели социальной эффективности взаимосвязаны с показателями медицинской и экономической эффективности, полученными как снижение народнохозяйственных потерь в результате достигнутого

медицинского эффекта в соотношении с затраченными на это ресурсами. Существуют различные варианты расчётов экономических эффектов в здравоохранении, в том числе: 1) экономический эффект в результате предотвращённого ущерба, характеризующего уменьшение потерь, связанных с заболеваемостью, инвалидностью, преждевременной смертностью, оценивается в динамике либо в сравнении возможного и реального ущерба; 2) экономический эффект в результате экономии затрат при внедрении организационных, информационных новаций, инновационных методик лечения за счёт сокращения сроков госпитализации и длительности реабилитации пациентов; уменьшения стоимости лечения; 3) в нашем исследовании проведена оценка значимых экономических эффектов по службам региональной системы здравоохранения, приоритетных с точки зрения преобразований: эффект от снижения потерь от смертности трудоспособного населения; эффект от увеличения числа родившихся с учётом их дожития до 18 лет. Экономические эффекты достигаются в результате полученных медицинских эффектов, при этом достигаются социальные эффекты на уровне общества, что напрямую зависит от совершенствования организации медицинской помощи населению региона, управленческих решений в системе регионального здравоохранения по повышению её доступности и качества, профилактики заболеваний [8, с. 99].

В общественном сознании сложилось отношение к системе здравоохранения как к затратной отрасли народного хозяйства, направленной на реализацию прав граждан на охрану здоровья. Однако в соответствии с теорией полезности, жизнь лиц, участвующих в процессе общественного производства, «ценнее» тех, кто получает пенсию или живёт на социальное пособие. Во избежание дискриминации людей по их вовлеченности в экономическую деятельность в исследовании также была проведена оценка экономического эффекта роста ожидаемой продолжительности жизни с использованием разработанного Б.А.Коробицыным с соавторами подхода к оценке стоимости челове-

ческой жизни, основанного на использовании индекса человеческого развития (ИЧР) [9; 10]. Преимуществом данного подхода является то, что он не связан с подсчетом благ, произведенных тем или иным человеком, а исходит из того, что долгая полноценная жизнь сама по себе является ценностью. Поэтому метод не дискриминирует людей по их вовлеченности в экономическую деятельность, величине заработной платы, или величине затрат на их социальное обеспечение. Кроме того, данный подход позволяет оценивать не только ущерб, связанный с преждевременной смертью, но и экономический эффект от увеличения средней ожидаемой продолжительности жизни населения.

В исследовании авторами проведена оценка экономических эффектов от прогрессивных преобразований в системе регионального здравоохранения на основе концепций системной экономики, изменений, с применением статистического, аналитического, сравнительного методов, теории полезности с использованием значения показателя ВРП на душу населения, концепции «слабой устойчивости» с использованием ИЧР.

Алгоритм исследования учитывает специфику и многообразие различных профилей заболеваемости, включает следующие этапы. На первом этапе необходимо проанализировать медико-демографические показатели по службам в системе регионального здравоохранения, достижение целевых показателей в соответствии со «Стратегией развития здравоохранения в России», национальными проектами «Здравоохранение», «Демография», другими стратегическими документами. На втором этапе необходимо определение «узких мест» в работе служб системы регионального здравоохранения. На третьем — формируются приоритетные направления развития регионального здравоохранения с точки зрения наибольших потерь человеческого потенциала, трудового потенциала населения и необходимости его сохранения, разрабатываются мероприятия, направленные на профилактику и снижение заболеваемости, смерт-

ности и инвалидности населения по направлениям и службам. На четвертом этапе внедряются прогрессивные преобразования: инновационные организационные, информационные, медицинские технологии в рамках приоритетных направлений развития регионального здравоохранения, способствующие здоровьесбережению населения. На пятом — производится оценка полученных эффектов при реализации мероприятий, направленных на укрепление здоровья населения, по службам системы регионального здравоохранения на основе теории полезности и оценка экономического эффекта роста ожидаемой продолжительности жизни на основе индекса человеческого развития.

Авторский подход был апробирован на примере деятельности ряда служб системы здравоохранения Свердловской области за период 2000–2021 гг., характеризующегося наиболее негативными медико-демографическими показателями. Учитывая значительную долю травм в структуре заболеваемости населения на российском⁴ и региональном уровне начиная с 2000 г., а также высокие потери от преждевременной смертности трудоспособного населения от травм, в Екатеринбурге и Свердловской области важным приоритетным направлением развития регионального здравоохранения стало совершенствование оказания травматологической помощи.

Разработана инновационная технологическая модель развития травматологической службы Екатеринбурга — система оказания травматологической помощи населению по замкнутому циклу, объединяющая догоспитальный, госпитальный и восстановительный этапы лечения, внедрены инновационные организационные, медицинские, информационные технологии⁵. Трав-

⁴ Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. — Москва, 2013. — 717 с.; Государственный доклад «О состоянии здоровья населения и деятельности учреждений здравоохранения Свердловской области в 2001 году» от 16 августа 2002 года. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/801112183> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Кривенко Н.В. Проблемы управления организационно-экономическими изменениями в учреждениях здравоохранения: монография / Институт экономики УрО РАН. — Екатеринбург, 2012. — 369 с.

матизм рассмотрен как совокупность различных видов травм (бытовая, криминальная, уличная, транспортная, производственная, спортивная, суицидальная), которые, в свою очередь, состоят из различных факторов риска их получения. В исследовании были применены многофакторный и регрессионный анализ для выявления наиболее значимых факторов риска при различных видах травматизма. Предложены управляемые факторы по стабилизации показателей по различным видам травматизма, разработана новая система профилактики травматизма в Свердловской области и Екатеринбурге, инновационность которой заключается в использовании комплексного межведомственного подхода, профилактике причин травматизма и профилактике последствий травматизма, включающих: предупреждение заболеваний на уровне коррекции факторов риска; раннее выявление заболеваний; лечение и реабилитацию⁶.

За годы работы целевой травматологической программы «Инвалид» за счёт улучшения консультативной помощи и своевременной медицинской и социальной реабилитации у пациентов с последствиями травм опорно-двигательного аппарата уровень повторной инвалидности снизился на 12,5%, по последствиям производственной травмы — на 33%. Экономический эффект за счёт уменьшения затрат по выплате пенсий по инвалидности в результате снижения инвалидности, достигнутого при реализации мероприятий по медицинской и социальной реабилитации, составляет не менее 32,5 млн рублей в год. Если учесть, что больные получают пенсию и социальные льготы на протяжении многих лет, то такой эффект можно считать социально значимым⁷.

В процессе исследования нами были разработаны и внедрены экономикоматематические модели, позволяющие бо-

лее рационально использовать ресурсы, оптимизировать затраты в региональном здравоохранении, получены свидетельства на интеллектуальные продукты, результаты интеллектуальной деятельности (РИД)⁸. В результате преобразований за период 2000–2021 гг. достигнуты медицинские и социальные эффекты на уровне общества: снижение первичной заболеваемости от травм на 17%; сокращение числа умерших в трудоспособном возрасте от травм в 4,5 раза (табл. 1). Экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте в связи с травматизмом рассчитан по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{см. трудосп. возр.}} = Y_{\text{возм.}} - Y_{\text{реальн.}} \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{см. трудосп. возр.}}$ — экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте; $Y_{\text{возм.}}$ — возможный ущерб от потерь от смертности в трудоспособном возрасте (размер ущерба рассчитывается, исходя из числа умерших в трудоспособном возрасте в базисном году и ВРП на одного занятого в данном периоде); $Y_{\text{реальн.}}$ — реальный ущерб от потерь от смертности в трудоспособном возрасте (размер ущерба рассчитывается, исходя из числа умерших в трудоспособном возрасте в данном периоде и ВРП на одного занятого в данном периоде).

Исходя из разницы числа умерших в трудоспособном возрасте от травм в 2021 г. по сравнению с 2000 г. на 11820 человек и ВРП на одного занятого в 2021 г. (1501, тыс. рублей), получен экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте в связи с травматизмом — 17,7 млрд рублей, что доказывает значимость проведённых преобразований в травматологической службе системы здравоохранения Свердловской области (табл. 1).

⁶ Елфимов П., Кузнецова Н., Подлужная М., Рыбин А. Система профилактики травматизма в крупном индустриальном центре и его территориальном образовании // Гений Ортопедии. – 2009. – № 4. С. 88–90.

⁷ Кривенко Н.В. Проблемы управления организационно-экономическими изменениями в учреждениях здравоохранения: монография / Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2012. – 369 с.

⁸ Например, Кривенко Н.В., Кузнецова Н.Л. Экономикоматематическая модель ресурсосберегающих технологий с использованием теории массового обслуживания, позволяющая повысить доступность медицинской помощи и обеспечить сохранение ее качества для населения. Свидетельство на интеллектуальный продукт № 73200400022 от 12.02.2004 года.

Таблица 1

**Результаты преобразований в травматологической службе системы
здравоохранения Свердловской области за 2000–2021 годах**

Table 1

Results of the transformations in the trauma service of the
healthcare system of Sverdlovsk oblast in 2000–2021

Направления преобразований	Результаты	Динамика показателей	
		2000	2021
Разработка и внедрение целевых программ, в том числе «Травматология», «Реабилитация больных травматологического профиля», «Инвалид» Разработка и внедрение системы профилактики травматизма в Свердловской области и городе Екатеринбурге.	Инновационная технологическая модель развития травматологической службы Екатеринбурга. Включена как один из разделов концепции развития травматологической помощи населению Свердловской области. Создание Межрегионального травматологического центра УрО РАН. Внедрение инновационных организационных, медицинских, информационных технологий.	Заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни), травмы: 102,1	Заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни), травмы: 84,8 (снижение на 17%)
		Число умерших в трудоспособном возрасте вследствие травм, человек: 15174	Число умерших в трудоспособном возрасте вследствие травм, человек: 3354 (сокращение в 4,5 раза)
		Экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте в связи с травматизмом: 17,7 млрд рублей	

Источники: 1) Свердловская область в 2017–2021 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://sverdlgks.ru/folder/36989> (дата обращения: 30.01.2024); 2) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 / Росстат. — 397 с.

В 2014 г. ВОЗ была принята новая стратегия, направленная на ликвидацию туберкулёза в мире, одобренная всеми странами-членами ВОЗ, в том числе и Россией⁹. Несмотря на снижение заболеваемости туберкулёзом в России за период 2000–2020 гг. в 2,7 раза, уровень заболеваемости туберкулёзом в Сибирском, Дальневосточном и Уральском ФО превышает общероссийские значения [11], что определяет борьбу с туберкулёзом приоритетным направлением развития здравоохранения. Для совершенствования деятельности противотуберкулёзной службы с 2007 г. в Свердловской области внедрены медицинские, организационные, информационные инновации [12], что обусловило проведение нами исследований за период 2007–2021 гг. (табл. 2).

Совместные исследования противотуберкулёзной службы Свердловской области и Института экономики УрО РАН позволили сформировать многофакторную модель, позволяющую оценить результативность службы и эффективность финансовых затрат. Предложенная нами дескриптивная модель построена на основе многофакторного анализа, позволяющего в динамике исследовать влияние внешних и внутренних факторов и причинно-следственные связи, рассматривает прирост (или снижение) результативных показателей деятельности службы, экономический эффект (или потери). Динамическая модель отражает высокую изменчивость внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие данного социально значимого заболевания, в конечном итоге — на вклад противотуберкулёзной службы Свердловской области в обеспечение защищенности населения, социально-демографической и экономической безопасности региона. Внешние факторы

⁹ Глобальная стратегия и цели в области профилактики, лечения и борьбы с туберкулёзом на период после 2015 года. — Женева: ВОЗ, 2014. — URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/175499/B134_12-ru.pdf?sequence=1 (дата обращения: 01.03.2024).

Таблица 2

Результаты преобразований в противотуберкулёзной службе системы здравоохранения Свердловской области за 2007-2021 гг.

Table 2

Results of the transformations in the anti-tuberculosis service of the healthcare system of Sverdlovsk oblast in 2007-2021

Направления преобразований	Результаты	Динамика показателей за 2007-2021 годы	
		2007	2021
1. Внедрение медицинских инноваций, информационно-аналитической системы, телекоммуникационных технологий в деятельность противотуберкулёзной службы. 2. Создание системы индикативного управления организациями противотуберкулёзной службы. 3. Разработка многофакторной модели оценки результативности службы и эффективности финансовых затрат.	1. Мониторинг индикаторов, динамический анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на показатели заболеваемости, распространённости данного заболевания. 2. Повышение уровней управления, инновационности, высокотехнологичности лечебного процесса противотуберкулёзной службы. 5. Оценка динамики результативных показателей деятельности службы, экономических эффектов	Заболеваемость на 100 тыс. населения: 111,7.	Заболеваемость на 100 тыс. населения: 49,1(снижение на 56%).
		Распространённость туберкулёза на 100 тыс. населения: 258,6	Распространённость туберкулёза на 100 тыс. населения: 129,8 (снижение на 50%)
		Смертность на 100 тыс. населения: 21,4	Смертность на 100 тыс. населения: 7,1 (сокращение на 67%).
		2012	2021
		Число умерших в трудоспособном возрасте вследствие туберкулёза, человек: 582	Число умерших в трудоспособном возрасте вследствие туберкулёза, человек: 192 (снижение на 67%)
		Экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте в связи с туберкулёзом: 585,5 млн рублей	

Источники: 1) Данные Росстата; ТАСС: На Урале в 2021 году смертность от туберкулёза достигла исторического минимума. – URL:// <https://tass.ru/obschestvo/14167653> (дата обращения: 09.02.2024). 2) Основные показатели здоровья населения и деятельности медицинских организаций Свердловской области. Бюллетень Министерства здравоохранения Свердловской области, 2021. – 397 с.

в нашей модели являются конкомитантными факторами, то есть неуправляемыми, но оказывающими влияние на поведение моделируемой системы. Внутренние факторы: организационные, технологические, экономические — являются управляемыми, играют значительную роль в функционировании всей противотуберкулёзной службы (на мезоуровне) организаций здравоохранения (на микроуровне). Выявление внешних факторов, влияющих на эпидемиологические показатели по туберкулезу, позволяет проводить мониторинг распространённости данного заболевания, определять территории риска. Роль поведенческих факторов: неудовлетворительное отношение населения к здоровому образу жизни, наличие вредных привычек приводит к «негативным инвестициям» в капитал здоровья, в том числе вероятности развития данного социально значимого заболевания. Доказано влияние внутренних факторов на конечные

результаты работы организаций здравоохранения, изменение в динамике медико-демографических показателей [13, с. 977].

Для повышения результативности деятельности противотуберкулёзной службы Свердловской области с 2013 г. внедрена система индикативного управления организациями службы с использованием многофакторного анализа. Данная система направлена на алгоритмизацию лечебно-профилактической деятельности на основе определения в динамике индикаторов достижения цели (показатели заболеваемости, распространённости, смертности от туберкулеза и др.) и показателей использования средств (охват флюорографическими осмотрами населения, применение инструментальных методов диагностики и другое). Применение медицинских инноваций, динамический анализ и мониторинг индикаторов с использованием информационно-аналитической системы, телекоммуникационных техноло-

гий позволяют оперативно управлять организациями противотуберкулёзной службы, оценивать эффективность управляющих воздействий, способствуют повышению качества медицинской помощи [13, с. 980].

Внедрение инновационных преобразований в противотуберкулёзной службе Свердловской области позволило к 2021 г. по сравнению с 2007 г.: снизить заболеваемость туберкулёзом на 56%, его распространённость — на 50%, достигнуть исторического минимума по сокращению смертности от туберкулёза. С 2012 г. по 2021 г. число умерших в трудоспособном возрасте вследствие туберкулеза уменьшилось на 390 человек (снижение на 67%). Согласно формуле 1, исходя из разницы числа умерших в трудоспособном возрасте вследствие туберкулёза в 2021 г. по сравнению с 2012 г. и ВРП на одного занятого в 2021 г. (1501,2 тыс. рублей), получен экономический эффект от снижения потерь от смертности в трудоспособном возрасте вследствие туберкулёза за данный период — 585,5 млн рублей (табл. 2), что доказывает значимость проведённых преобразований в противотуберкулёзной службе системы здравоохранения Свердловской области.

В 2000 г. в Свердловской области, как и в целом по стране, показатели службы охраны детства и родовспоможения характеризовались негативными тенденциями: сокращение рождаемости; высокие показатели младенческой смертности; неудовлетворённость населения качеством медицинской помощи детям и другое. М.А.Клупт отмечает рост рождаемости в стране в 2007–2015 гг. во многом под влиянием мер демографической политики, в то же время «ответ» рождаемости на экономические кризисы XXI в. характеризуется медленным восстановлением. Таким образом, экономические изменения — благоприятные, подобные введению новых мер демографической политики, или неблагоприятные, такие как экономические кризисы, — выполняют в этом случае роль триггера, запускающего последующий подъём или спад рождаемости [14].

Не уменьшая роли вышеперечисленных факторов, в своём исследовании мы делаем,

в первую очередь, акцент на прогрессивные изменения в службе охраны детства и родовспоможения, способствующие улучшению медико-демографических показателей, достижению медицинских, социальных, экономических эффектов. Так, например, внедрение высокотехнологичных методов лечения бесплодия у женщин и мужчин способствует возможности воспроизводства населения за счёт повышения рождаемости, достижению социальных эффектов на уровне общества.

С целью улучшения медико-демографические показатели, совершенствования деятельности службы охраны детства и родовспоможения системы здравоохранения Свердловской области, с 2000 г. наряду с федеральными программами на региональном уровне были разработаны и реализованы: губернаторская программа гарантий бесплатной медицинской помощи беременным, роженицам и новорождённым «Мать и дитя»; региональная программа по развитию детского здравоохранения на основе межведомственного взаимодействия¹⁰ и другие программы.

Для снижения материнской и перинатальной смертности создан инновационный инструмент в автоматизированной системе «Региональный акушерский мониторинг в Свердловской области (АС «РАМ»)), позволяющий формировать единое информационное пространство и сплошной мониторинг всех беременных женщин региона в режиме реального времени на основе системного подхода, анализа и управления потоками трехуровневой системы оказания медицинской помощи, что способствовало снижению количества экстренных случаев в результате своевременной госпитализации пациенток в Областной перинатальный центр и активного выявления жен-

¹⁰ Распоряжение Правительства Свердловской области от 17.06.2019 № 265-РП «Об утверждении программы «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям Свердловской области, до 2024 года». — URL: <https://minzdrav.midural.ru/uploads/document/4665/265-rp.pdf>; Губернаторская программа гарантий бесплатной медицинской помощи беременным, роженицам и новорождённым «Мать и дитя» (2000). — URL: <https://ekb4.info/ekaterinburg4/gubernatorskaya.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

щин с угрозой материнской смертности. Системная работа в сфере родовспоможения в Свердловской области, эффективная маршрутизация, оказание своевременной высокотехнологичной медицинской помощи беременным, междисциплинарный подход способствовали за три года работы программы снижению в 2016 г. по сравнению с 2013 г. показателей: перинатальной смертности — доношенных на 34%, недоношенных на 27%; мертворождаемости доношенных — на 34%, недоношенных — на 23%; ранней неонатальной смертно-

сти доношенных — на 34%, недоношенных — на 38%; младенческой смертности — на 16%; заболеваемости детей первого года — жизни на 10%; инвалидности детей — на 4% [15]. Внедрение новых организационных технологий, медицинских инноваций, информационно-аналитической системы в службе охраны детства и родовспоможения области позволило в динамике с 2000 г. по 2021 г. значительно улучшить медико-демографические показатели, в том числена на 73% сократить младенческую смертность (табл. 3). За 2000–2021 гг.

Таблица 3

Результаты преобразований в службе охраны детства и родовспоможения системы здравоохранения Свердловской области за 2000–2021 годы

Table 3

Results of the transformations in the child protection and childbirth care services in the health care system of Sverdlovsk oblast in 2000–2021

Направления инновационных преобразований	Результаты	Динамика показателей	
		2000	2021
Реформирование службы родовспоможения на территории Свердловской области с использованием новых организационных технологий.	Губернаторская программа «Мать и дитя».	Число родившихся: 38372 человек	Число родившихся: 42992 человек (разница: 4620, увеличение на 12%)
Внедрение трёхуровневой системы оказания медицинской помощи, сплошной мониторинг всех беременных женщин Свердловской области в автоматизированной системе «Региональный акушерский мониторинг»; развитие взаимодействия органов Министерства здравоохранения и Министерства социальной защиты.	Региональная программа по развитию детского здравоохранения.	Общий коэффициент рождаемости(промилле): 8,4	Общий коэффициент рождаемости (промилле): 10,1 (увеличение на 20%)
		Младенческая смертность (промилле): 15,0	Младенческая смертность (промилле): 4,0 (снижение на 73%)
			Ежегодный экономический эффект — 6,9 млрд рублей

Источник: Свердловская область в 2017–2021 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Официальные статистические публикации. — URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/36989> (дата обращения: 30.01.2024).

произошло увеличение числа родившихся на 4620 детей, что предполагает в дальнейшем их участие в производстве ВРП.

Отложенный ежегодный экономический эффект в результате увеличения числа родившихся рассчитан по формуле 2:

$$\mathcal{E}_{\text{отл. род.}} = (Ч_{\text{род.дан.}} - Ч_{\text{род.базис.}}) \times ВРП_{\text{дан.}} \quad (2)$$

где $Ч_{\text{род.дан.}}$ — число родившихся в данный период; $Ч_{\text{род.базис.}}$ — число родившихся в базисный период; $ВРП_{\text{дан.}}$ — ВРП на одного занятого в данный период.

Однако не все из них доживут до трудоспособного возраста и смогут приносить экономическую пользу, что было учтено в наших расчётах путём умножения разницы числа родившихся (4620 детей) на коэффициенты дожития до 18 лет: $4620 \times (1 - 0,0011) \times 5 \times (1 - 0,0002) \times 5 \times (1 - 0,0002) \times 5 \times (1 - 0,0006) \times 3 = 4577,2$. Исходя из ВРП на одного занятого в 2021 г. (1501200 руб.), увеличение числа родившихся за 2000–2021 гг. позволит получать отложенный ежегодный экономический эффект при достижении ими трудо-

способного возраста не менее 6,9 млрд рублей (табл. 3), что свидетельствует об эффективных преобразованиях в службе родовспоможения и детства в системе здравоохранения Свердловской области.

Ключевым результатом развития системы здравоохранения Свердловской области является рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении с 63,94 лет в 2000 г. до 68,8 лет в 2021 г. — для проведения оценки экономического эффекта которого данный результат был представлен в денежной форме с использованием разработанного Б.А.Коробицыным с соавторами подхода к оценке стоимости человеческой жизни, основанного на использовании индекса че-

ловеческого развития (ИЧР) [9; 10]. При расчете ИЧР принимается, что долгая жизнь в достойных условиях, позволяющих человеку реализовать свой потенциал, является общепризнанным обязательным условием устойчивого развития. ИЧР является агрегированным показателем прогресса в трех измерениях: здоровье, образование, уровень жизни. ИЧР публикуется в ежегодных докладах и используется Программой развития ООН для сравнения качества жизни населения в разных странах. Промежуточные индексы по каждому измерению рассчитываются с использованием максимальных и минимальных значений, приведённых в табл. 4.

Таблица 4
Целевые ориентиры и статистические данные для расчёта ИЧР для России

Table 4

Targets and statistical data for calculating the HDI for Russia

Индикатор	Целевые ориентиры		Значение для РФ в 2021 году
	Максимальное значение	Минимальное значение	
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	85,0	20,0	69,4
Средняя продолжительность обучения, лет	15,0	0	12,8
Ожидаемая продолжительность обучения, лет	18,0	0	15,8
Валовой национальный доход на душу населения, доллары США по паритету покупательной способности 2017 года	75000	100	27166

Источник: UNDP (United Nations Development Programme). 2022. Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World. — New York: — 305 p.

Ниже приведён расчёт ИЧР для России с использованием данных из доклада ООН 2022 года.

Индекс ожидаемой продолжительности жизни =
$$\frac{69,4-20,0}{85,0-20,0} = 0,76 \quad (3)$$

Индекс средней продолжительности обучения =
$$\frac{12,8-0}{15-0} = 0,853 \quad (4)$$

Индекс ожидаемой продолжительности обучения =
$$\frac{15,8-0}{18-0} = 0,878 \quad (5)$$

Сводный индекс обучения =

$$\frac{0,853+0,878}{2} = 0,866 \quad (6)$$

Индекс среднедушевого национального дохода =

$$\frac{\ln(27166) - \ln(100)}{\ln(75000) - \ln(100)} = 0,85 \quad (7)$$

ИЧР рассчитывается как среднее геометрическое трех индексов измерений:

$$\text{ИЧР} = \sqrt[3]{0,76 \times 0,866 \times 0,85} = 0,822 \quad (8)$$

В соответствии с концепцией «слабой устойчивости» и взаимозаменяемости раз-

личных составляющих общественного капитала, в том числе природного капитала, искусственно произведённого капитала и человеческого капитала, стоимостная оценка увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении на 1 год соответствует увеличению среднедушевого валового национального дохода, позволяющего достичь аналогичного роста ИЧР. Увеличив значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении на 1 год (то есть до 70,4 лет) при неизменных значениях ИЧР и сводного индекса обучения, мы определили эквивалентный валовой национальный доход на душу населения (x) из уравнения:

$$\sqrt[3]{\frac{70,4 - 20}{85 - 20} \times 0,866 \times \frac{\ln(x) - \ln(100)}{\ln(75000) - \ln(100)}} = 0,822, \quad (9)$$

В соответствии с полученными результатами расчётов увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении для россиян на один год по сравнению с существующим уровнем эквивалентно росту валового национального продукта на душу населения на 3305,7 долларов США (по паритету покупательной способности 2017 г.). С учётом полученной стоимостной оценки роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении предложено производить

оценку экономического эффекта её роста в Свердловской области в период 2000–2021 гг. по формуле:

$$E = \sum_{t=2001}^{2021} \frac{((ОПЖ_t - ОПЖ_{2000}) \cdot P_t) \cdot 3305,7}{1000}, \quad (10)$$

где $ОПЖ_t$ — ожидаемая продолжительность жизни при рождении в году t , лет; $ОПЖ_{2000}$ — ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2000 г., лет; P_t — численность постоянного населения в среднем за t год, тыс. человек.

Стоимостная оценка роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Свердловской области за 2000–2021 гг., полученная в соответствии с формулой (10) на основе значений показателей из табл. 5, составила 1269 млрд долларов США по паритету покупательной способности 2017 г., что соответствует 73983,7 млрд рублей по среднегодовому курсу, установленному Банком России в 2017 г. (58,3 руб./доллар), что эквивалентно в денежном выражении 24,3 объёмам ВРП Свердловской области за 2021 год. Несмотря на то, что рост ожидаемой продолжительности жизни в Свердловской области не только заслуга здравоохранения, но и комплекса других соци-

Расчёт экономических эффектов динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Свердловской области по годам

Таблица 5

Calculation of the economic effects of the dynamics of life expectancy at birth in Sverdlovsk oblast by year

Table 5

Показатель	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
$ОПЖ_t$	64,72	63,82	63,68	64,42	64,55	66,47	67,5	67,75	68,39	68,81
P_t	4530	4496	4456	4414	4375	4344	4325	4317	4311	4303
$\frac{((ОПЖ_t - ОПЖ_{2000}) \cdot P_t) \cdot 3305,7}{1000}$	11680	-1783	-3830	7004	8823	36327	50902	54374	63423	69271
Показатель	2011	2012	2013	2014	2017	2018	2019	2020	2021	
$ОПЖ_t$	69,3	69,5	69,81	69,76	71,23	71,29	71,81	70,2	68,8	
P_t	4302	4312	4318	4324	4327	4321	4313	4300	4277	
$\frac{((ОПЖ_t - ОПЖ_{2000}) \cdot P_t) \cdot 3305,7}{1000}$	76112	79248	83793	83192	104282	104975	112212	88991	68716	

Источник: расчёты авторов.

ально-экономических изменений, полученная оценка прогрессивных преобразований на уровне отдельных служб системы здравоохранения Свердловской области позволяет сделать вывод об их существенном вкладе в данный рост.

Заключение

Проведённые исследования позволяют сделать следующие обобщающие выводы.

1. Оценка прогрессивных преобразований на уровне отдельных служб системы здравоохранения Свердловской области свидетельствует о возможности достижения высоких медицинских, социальных, экономических эффектов, значительного вклада в здоровьесбережение населения региона.

2. Функционирование системы здравоохранения Свердловской области за период 2000–2021 гг. признано эффективным

с точки зрения снижения потерь от смертности трудоспособного населения по приоритетным направлениям, роста рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни населения региона.

3. Обоснованы направления развития здравоохранения, наиболее эффективные с позиции восстановления здоровья и prolongации жизни населения региона: выбор приоритетов с точки зрения необходимости сокращения наибольших потерь от заболеваемости, инвалидности, смертности населения; реализация региональных программ по приоритетам развития служб здравоохранения наряду с федеральными программами; внедрение организационных, информационных, медицинских инноваций в региональном здравоохранении.

Успешная апробация авторского подхода подтверждает возможность его использования на уровне систем здравоохранения других субъектов Российской Федерации.

Литература и Интернет-источников

1. **Иванова, А.Е.** Резервы снижения смертности в России, обусловленные эффективностью здравоохранения / А.Е. Иванова, В.Г. Семёнова, Т.П. Сабгайда // Вестник Российской Академии Наук. — 2021. — Т. 91 — № 9. — С. 865–878. DOI: 10.31857/S086958732109005X
2. **Улумбекова, Г.Э.** Финансирование здравоохранения для достижения ожидаемой продолжительности жизни в России 78 лет к 2030 году / Г.Э. Улумбекова, А.Б. Гинойн // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 129–140. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.11; EDN: PNHGLM
3. **Аганбегян, А.Г.** Демографическая драма на пути перспективного развития России / А.Г. Аганбегян // Народонаселение. — 2017. — № 3. — С. 4–23. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-1; EDN: ZWTFHV
4. **Артеменко, Д.А.** Оценка перспектив финансового обеспечения системы обязательного медицинского страхования / Д.А. Артеменко, Ф.Н. Кадыров, А.М. Чилилов // Финансы. — 2024. — № 1. — С. 58–64. EDN: LPIGUL
5. **Кривенко, Н.В.** Медицинский туризм как фактор эффективного использования потенциала регионального здравоохранения / Н.В. Кривенко, А.И. Цветков, Д.И. Кича // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 136–150. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.12; EDN: JPKZUT
6. **Восколович, Н.А.** Особенности формирования доступности медицинских услуг в условиях новой экономической реальности / Н.А. Восколович // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 166–177. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-13-166-177; EDN: ICONHZ
7. **Нифантова, Р.В.** Современные методические подходы к оценке стоимости человеческой жизни / Р.В. Нифантова, С.Е. Шипицына // Экономика региона. — 2012. — № 3(31). — С. 289–294. DOI: 10.17059/2012-3-30; EDN: PCIBVN
8. **Кривенко, Н.В.** Эффективность системы здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития регионов / Н.В. Кривенко, Д.С. Епанешникова, В.Г. Крылов [и др.]. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. — 235 с. EDN: SWURHA

9. **Коробицын, Б.А.** Стоимостная оценка изменения ожидаемой продолжительности жизни, основанная на использовании индекса развития человеческого потенциала / Б.А. Коробицын, А.А. Куклин, И.Л. Манжуров, Н.Л. Никулина // Экономика природопользования. — 2012. — № 6. — С. 103–111. EDN: PLVQWJ
10. **Черешнев, В.А.** Оценка экономической эффективности государственных программ социальной направленности методами имитационного моделирования / В.А. Черешнев, А.В. Васильева, Б.А. Коробицын // Экономический анализ: теория и практика. — 2017. — Т. 16. — № 1(460). — С. 174–187. DOI: 10.24891/ea.16.1.174; EDN: XKPFVP
11. **Цыбикова, Э.Б.** Заболеваемость туберкулёзом в субъектах Российской Федерации в 2020 году / Э.Б. Цыбикова // Социальные аспекты здоровья населения. — 2022. — Т. 68 — № 2. — С. 10. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-2-10; EDN: ESZQUQ
12. **Цветков, А.И.** Научное обоснование и эффективность индикаторного варианта управления крупным противотуберкулезным диспансером / А.И. Цветков, Ю.П. Чугаев, И.А. Черняев, П.Ф. Чернавин // Медицинский альянс. — 2020. — Т. 8. — № 3. — С. 102–110. DOI: 10.36422/23076348-2020-8-3-102-110; EDN: TPLPOL
13. **Кривенко, Н.В.** Эффективность финансирования здравоохранения для обеспечения экономической безопасности региона / Н.В. Кривенко, А.И. Цветков // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — № 3. — С. 970–986. DOI: 10.17059/2018-3-2; EDN: UZBOVX
14. **Клупт, М.А.** Современные демографические и экономические процессы в России: статистический анализ взаимосвязи / М.А. Клупт // Вопросы статистики. — 2024. — Т. 31. — № 5. — С. 57–67. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-5-57-67; EDN: DUQYWA
15. **Кривенко, Н.В.** Междисциплинарность в здравоохранении: вклад в обеспечение социально-демографической безопасности региона / Н.В. Кривенко, А.А. Куклин, О.Ю. Аверьянов // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 6(74). — С. 5–20. DOI: 10.29141/2073-1019-2017-74-6-1; EDN: YNERDS

Сведения об авторах:

Кривенко Наталья Васильевна, д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: nvkrivenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3292-6460; РИНЦ SPIN-код: 1455–0353.

Васильева Александра Владимировна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasilyeva.av@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-6319-8208; РИНЦ SPIN-код: 7499–6169.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-153-167

EFFECTS OF THE TRANSFORMATIONS IN THE REGIONAL HEALTHCARE SYSTEM: CONTRIBUTION TO SAVING THE POPULATION HEALTH

Natalya V. Krivenko*, Alexandra V. Vasilyeva

*Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str. Ekaterinburg, Russia, 620014)*

*E-mail: nvkrivenko@yandex.ru

Funding:

The article was carried out in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch RAS.

For citation:

Krivenko N.V., Vasilyeva A.V. Effects of the transformations in the regional healthcare system: contribution to saving the population health. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 153-167. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-153-167 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of studying the changes in the healthcare system aimed at saving the population health, preserving human potential and labor potential of the population, is due to demographic challenges to Russia: a decrease in the birth rate, an increase in the demographic burden, etc. The scientific significance of the study lies in development of methodological approaches that consider the healthcare system as a profitable industry, in contrast to the existing approaches that define it as a costly industry, proposal of the author's approach, which allows us to identify «bottlenecks» in the activities of the regional healthcare system by areas and services, determine development priorities and evaluate the effects of the measures aimed at preventing and reducing morbidity, mortality and disability of the population. The author's approach was tested using the example of implementing measures in the regional healthcare system of Sverdlovsk oblast aimed at improving the population health. Based on utility theory using the gross regional product (GRP) per capita indicator, the effects of measures aimed at improving population health in Sverdlovsk oblast are assessed. Assessment of the effect of increasing life expectancy at birth in Sverdlovsk oblast in value terms was based on the concept of «weak sustainability» using the Human Development Index. The implementation of innovative transformations by services in the healthcare system of Sverdlovsk oblast shows achievement of high medical, social, and economic effects, helps to improve the level of health of the region's population, reduce losses of the working population. There are substantiated the directions of healthcare development that are most effective from the standpoint of restoring health and prolonging the life of the population of the region, as well as contributing to raising the efficiency of the regional healthcare system,*

Keywords: *region, population health, healthcare, economic effect, GRP.*

References and Internet sources

1. Ivanova A.E., Semenova V.G., Sabgaida T.P. Rezervy snizheniya smertnosti v Rossii, obuslovlennyye effektivnost'yu zdavookhraneniya [Reserves for reducing mortality in Russia due to the effectiveness of healthcare]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 865–878. (in Russ.)
2. Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B. Finansirovaniye zdavookhraneniya dlya dostizheniya ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 78 let k 2030 godu [Healthcare financing to achieve 78 years of life expectancy in Russia by 2030]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 129–140. DOI: 10.19181 / population.2022.25.1.11 (in Russ.)
3. Aganbegyan A.G. Demograficheskaya drama na puti perspektivnogo razvitiya Rossii [Demographic drama on the path of perspective development of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No.3. P. 4–23. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-3-1 (in Russ.)
4. Artemenko D.A., Kadyrov F.N., Chililov A.M. Otsenka perspektiv finansovogo obespecheniya sistemy objazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya [Assessment of the prospects for financial support of the compulsory health insurance system]. *Finansy [Finance]*. 2024. No. 1. P. 58–64. (in Russ.)
5. Krivenko N.V., Tsvetkov A.I., Kicha D.I. Meditsinskij turizm kak faktor effektivnogo ispol'zovaniya potentsiala regional'nogo zdavookhraneniya [Medical tourism as a factor in the effective use of the regional healthcare potential]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No.4. P. 136–150. DOI: 10.19181 / population.2022.25.4.12 (in Russ.)
6. Voskolovich N.A. Osobennosti formirovaniya dostupnosti meditsinskih uslug v usloviyakh novoy ekonomicheskoy real'nosti [Features of the formation of medical services availability in the new economic reality]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 166–177. DOI: 10.24412/ 1561-7785-2024-13-166-177 (in Russ.)

7. Nifantova R.V., Shipitsyna S.E. Sovremennyye metodicheskije podkhody k otsenke stoimosti chelovecheskoj zhizni [Modern methods of human life evaluation]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2012. No. 3(31). P. 289–294. DOI: 10.17059 / 2012-3-30 (in Russ.)
8. Krivenko N.V., Epaneshnikova D.S., Krylov V.G., et al. Effektivnost' sistemy zdravoohraneniya kak faktor ustojchivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Effectiveness of the Healthcare System as a Factor in Sustainable Socio-Economic Development of Regions]. Ekaterinburg. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2020. 235 p. (in Russ.)
9. Korobitsyn B.A., Kuklin A.A., Manzhurov I.L., Nikulina N.L. Stoimostnaya otsenka izmeneniya ozhidaemoy prodolzhitelnosti zhizni, osnovannaya na ispolzovanii indeksa razvitiya chelovecheskogo potentsiala [Valuing of human life on the basis of Human Development Index]. *Ekonomika prirodopolzovaniya [Economy of Natural Resources]*. 2012. No. 6. P. 103–111. (in Russ.)
10. Chereshev V.A., Vasileva A.V., Korobitsyn B.A. Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti gosudarstvennykh program sotsialnoj napravlenosti metodami imitatsionnogo modelirovaniya [Assessing the economic efficiency of socially oriented government programs by simulation modeling methods]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2017. Vol. 16. No. 1(460). P. 174–187. DOI: 10.24891 / ea.16.1.174 (in Russ.)
11. Tsybikova E.B. Zabolevaemost tuberkulezom v subjektakh Rossijskoj Federatsii v 2020 godu [Incidence of tuberculosis in subjects of the Russian Federation in 2020]. *Sotsialnyye aspekty zdorovya naseleniya [Social Aspects of Population Health]*. 2022. Vol. 68. No. 2. P. 10. DOI: 10.21045 / 2071-5021-2022-68-2-10 (in Russ.)
12. Tsvetkov A.I., Chugaev Yu. P., Chernyaev I.A., Chernavin P.F. Nauchnoye obosnovaniye i effektivnost' indikatornogo varianta upravleniya krupnym protivotuberkuleznym dispanserom [Scientific substantiation of the indicative managing for large TB dispensary]. *Meditinskij alyans [Medical Alliance]*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 102–110. DOI: 10.36422 / 23076348-2020-8-3-102-110 (in Russ.)
13. Krivenko N.V., Tsvetkov A.I. Effektivnost finansirovaniya zdravookhraneniya dlya obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Efficiency of funding healthcare for ensuring economic security of a region]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2018. Vol. 14. No. 3. P. 970–986. DOI: 10.17059 / 2018-3-20 (in Russ.)
14. Klupt M.A. Sovremennyye demograficheskije i ekonomicheskije protsessy v Rossii: statisticheskij analiz vzaimosvyazi [Contemporary demographic and economic processes in Russia: a statistical analysis of their interaction]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2024. Vol. 31. No 5. P. 57–67. DOI: 10.34023 / 2313-6383-2024-31-5-57-67 (in Russ.)
15. Krivenko N.V., Kuklin A.A., Averyanov O. Yu. Mezhdistsiplinarnost' v zdravookhranении: vklad v obespecheniye sotsial'no-demograficheskoy bezopasnosti regiona [Interdisciplinary approach in healthcare: the contribution to maintaining socio-demographic security of a region]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Ural State University of Economics]*. 2017. No. 6(74). P. 5–20. DOI: 10.29141 / 2073-1019-2017-74-6-1(in Russ.)

Information about the authors:

Krivenko Natalya Vasilievna, Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: nvkrivenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3292-6460; Elibrary SPIN-code: 1455-0353.

Vasilyeva Alexandra Vladimirovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: vasilyeva.av@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-6319-8208; Elibrary SPIN-code: 7499-6169.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-168-178

EDN: DWSJAU

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСЦЕНИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Волкова И.А.* , Галынчик Т.А.*Нижевартовский государственный университет
(628602, Россия, Нижневартовск, ул. Ленина, 56)***E-mail: via.uprav@gmail.com***Для цитирования:**

Волкова И.А., Галынчик Т.А. Прекаризация занятости населения как фактор обесценивания человеческого капитала // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 168-178. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-168-178; EDN: DWSJAU

Аннотация. Прекаризация как особая форма социально-трудовых отношений интегрирована в структуру общества и разные сферы экономики. Нестабильная занятость может наблюдаться как в неформальном секторе экономики, так и в формальном, а безработица усугубляет ситуацию и ведет к потере квалификации и профессиональной идентичности, что способствует переходу в ряды прекариев. Целью исследования является определение возможности влияния прекаризации на сохранение человеческого капитала. В статье исследованы факторы, условия и тенденции, влияющие на рост прекарной занятости населения. Авторами обосновано негативное влияние прекаризации на воспроизводство человеческого капитала, способствующее его обесцениванию. Представлена структурная характеристика прекаризации, выявлена зависимость формирования социально-трудовых отношений от возраста, уровня образования, видов экономической деятельности, специальностей. Дана сравнительная характеристика и структура работников по видам занятости. Исследования указывают на динамику роста прекарной занятости, что влияет на качество развития социально-трудовых отношений. Наличие преимуществ от прекаризации для работодателей будет способствовать активному внедрению нестандартных форм занятости, что приведет к снижению социально-экономического благополучия и ухудшению состояния здоровья экономически активного населения. Сохранение и развитие человеческого капитала возможно только благодаря совершенствованию государственной политики в части формирования правовых условий для внедрения более гибких форм занятости и расширения возможностей использования нестандартных трудовых договоров, создания новых высокопроизводительных рабочих мест. Регулирование занятости в условиях институционализации способствует тому, что новые формы трудовых отношений будут положительно влиять на сохранение человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, прекаризация, трудовые отношения, занятые, формальный и неформальный сектор экономики.

Человеческий капитал представляет собой трудновосполнимый и затратный ресурс. Вопрос формирования, распределения и использования человеческого капитала не теряет своей актуальности и является стратегической задачей в обеспечении безопасности страны [1]. Однако в последнее десятилетие свои коррективы в процесс воспроизводства человеческого капитала вносят изменения в установлении и оформлении трудовых отношений, нетрадиционные формы занятости населения, одна из которых — прекаризация. Прекаризация как особая форма социально-трудовых отношений интегрирована в структуру общества и разные сферы экономики. В настоящее время масштабы прекаризации трудно контролировать в силу их активного роста. В России в 2015 г. эта социальная группа насчитывала, по экспертным оценкам, от 30 до 40% трудоспособного населения [2], в 2020 г. в прекаризацию «втянуто» до 20% экономически активного населения [3].

Прекаризация как явление отрицательно влияет на сохранение и развитие челове-

ского капитала, поскольку прекарии ограничены в использовании своего труда и находятся в рамках ущемления прав, в сравнении с гарантированной занятостью. Представители прекариата слабо мотивированы в получении новых компетенций, так как вложенные усилия и материальные затраты не всегда востребованы работодателями прекарной занятости.

Теоретические аспекты влияния прекаризации на воспроизводство человеческого капитала

Мнения исследователей, изучающих феномен прекаризации, разделились. Ряд авторов считает, что явление прекаризации несёт не только отрицательные последствия, но и имеет положительное влияние на процесс занятости населения [4–8]. С целью понимания причин возникновения прекаризации и последствий данного явления представлена его структурная характеристика (табл. 1). Основной отличительной особенностью прекаризации является не-

Таблица 1

Структурная характеристика явления прекаризации

Table 1

Structural characteristics of the phenomenon of precarization

Особенности организации трудовых отношений в зависимости от вида занятости	
Формальная неустойчивая занятость	Неформальная неустойчивая занятость
срочный трудовой договор; неполный рабочий день; занятость на фирмах-посредниках; удаленная занятость	занятость в неформальном секторе экономики; теневая занятость; занятость в фирмах-однодневках; неполная, сезонная, случайная занятость
Объекты прекаризации	
временно занятые; сезонные работники; работники с начисленной заработной платой меньше прожиточного минимума; работающие по договорам гражданско-правового характера; находящиеся в отпуске без сохранения зарплаты; работающие на условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам; фриланс, аутстаффинг, лизинг; стажеры, студенты; безработные; мигранты	
Критерии отнесения к прекариату	
отсутствие трудового договора или его оформление не более чем на один год; несоответствие образования и квалификации выполняемой работе; неопределенная длительность рабочего времени с преобладанием неполной или временной занятости; нестабильные и скрытые формы оплаты труда; полное или частичное отсутствие социальных гарантий; невозможность влиять на решения в организации; неясность перспектив жизни, неопределенность будущего	

Последствия прекаризации для работодателя как субъекта трудовых отношений	
Положительные	Отрицательные
быстрая адаптируемость кадрового состава и его профессиональная гибкость; возможность найма временной рабочей силы; подбор высококвалифицированных сотрудников; применение инновационных форм организации труда; использование оптимизированных технологий	высокая текучесть кадров; дисбаланс в организации труда; ограниченные возможности управления работником; низкое качество труда; потери инвестиций в человеческий капитал; невозможность раскрытия и сохранения человеческого потенциала
Последствия прекаризации для работника как субъекта трудовых отношений	
Положительные	Отрицательные
рыночные преимущества при обладании уникальными навыками; возможность карьерного роста; гибкость рабочего времени; возможность совмещения профессионального и личного развития; возможность выбора работодателя; перспективы трудоустройства без соответствующего образования и опыта работы	социальная незащищенность, снижение гарантий; невозможность профессионального развития; несоответствие санитарных требований и существующих условий труда; несправедливое распределение, снижение или задержка заработной платы; увеличение интенсивности работы, профессиональное и эмоциональное выгорание

Источник: составлено авторами на основе [9–11].

формальная занятость, которая представляет собой вид трудовых отношений, основанных на устной договорённости, без заключения трудового договора.

Нестабильность трудовых отношений, отсутствие у работника социальных гарантий и перспектив профессионального роста — основные факторы, влияющие на воспроизводство человеческого капитала. Опасность обесценивания человеческого капитала обусловлена масштабами прекаризации, поскольку нестабильная занятость может наблюдаться как в неформальном секторе экономики, так и формальном.

Целью исследования стало определение влияния прекаризации на воспроизводство человеческого капитала; основными задачами: характеристика прекаризации с позиции её воздействия на воспроизводство человеческого капитала; выделение факторов, влияющих на рост прекарной занятости; определение направлений управления процессом прекаризации; объект — процесс прекаризации; предмет — факторы, влияющие на рост прекарной занятости населения. В рамках исследования использованы методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Исследование проводилось с использованием статистических материалов Росстата, а также публикаций отечественных периодических изданий.

Результаты исследования факторов, влияющих на рост прекарной занятости

Анализ основных факторов, влияющих на масштабы прекаризации, характеризующих трудовой потенциал населения, подтверждает авторскую точку зрения о преимущественно негативном влиянии прекаризации на воспроизводство человеческого капитала. Прекариат включает в себя работающих на условиях неопределённости рабочего времени, а именно неполного рабочего дня, недели, месяца, года. Как показывает практика, представители прекариата, работающие полную рабочую неделю, имеют меньшую оплату труда. Эта группа попадает в ситуацию, когда работники подвергаются различным ограничениям, вынуждающим их прибегать к поиску новой работы.

Распределение наёмных работников по основному месту трудоустройства в зависимости от количества часов, отработанных в неделю, а также с учетом вида трудового договора представлено в табл. 2. В 2023 г. 95,7% часового фонда отработано на основе трудового договора, 1,7% — на основе договора гражданско-правового характера и 2,7% — отработано без оформления документов, то есть на основе устной договорённости. 90,8% часов отработали работники, заня-

тые профессиональной деятельностью от 31 до 40 часов в неделю, на этот показатель меньшее влияние оказал вид оформления трудовых отношений. Незначительную разницу имеет показатель отработанных часов в неделю на одного работника: 38,4 часа — на основе трудового договора, по договору гражданско-правового характера — 39,6 часов и без оформления документов — 38,1 часа.

Как было отмечено выше, большую часть прекариев составляют занятые на временной работе, ограниченной краткосрочными договорами. Количество занятых в неформальном секторе в возрасте 15 лет и старше в 2023 г. составило 13,3 млн человек (рис. 1). Наибольшая доля занятых работает полную рабочую неделю (31–40 часов), 30% — либо неполную рабочую неделю (18%), либо трудовая неделя превышает 40 часов.

Таблица 2

Наемные работники по фактическому количеству рабочих часов в неделю и видам трудового договора, тыс. человек

Table 2

Hired employees by actual number of working hours per week and types of employment contract, thousands persons

Форма занятости	Отработали в неделю, часов							Временно отсутствовали на работе
	менее 9	9–15	16–20	21–30	31–40	41–50	51 и более	
Всего, в том числе работали:	62	92	633	906	62234	2142	550	1919
на основе трудового договора в письменной форме	45	48	488	753	60182	1833	422	1877
на основе договора гражданско-правового характера	3	10	45	39	870	99	61	16
на основе устной договоренности с работодателем, без оформления документов	15	34	100	114	1183	210	67	26

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

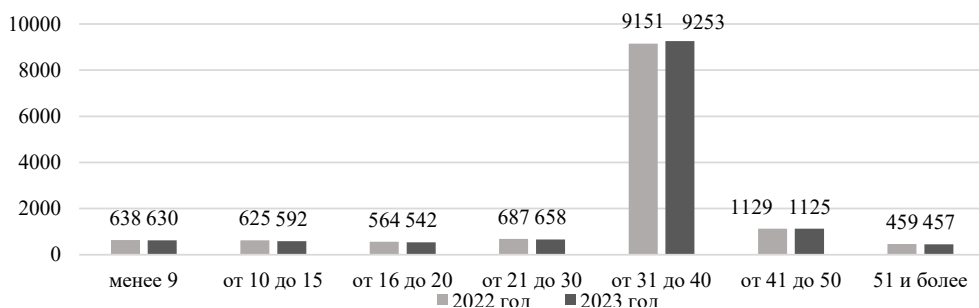

Рис. 1. Количество занятых в неформальном секторе по фактическому количеству рабочих часов в неделю, тыс. человек

Fig. 1. Number of people employed in the informal sector by actual number of working hours per week, thousand people

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

По видам экономической деятельности количество отработанных часов имеет не-

равномерную тенденцию (рис. 2). Наибольшее количество часов, отработанных в неде-

Рис. 2. Отработано в неделю в неформальном секторе по видам экономической деятельности, тыс. человеко-часов

Fig. 2. Work per week in the informal sector by type of economic activity, thousand person-hours
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

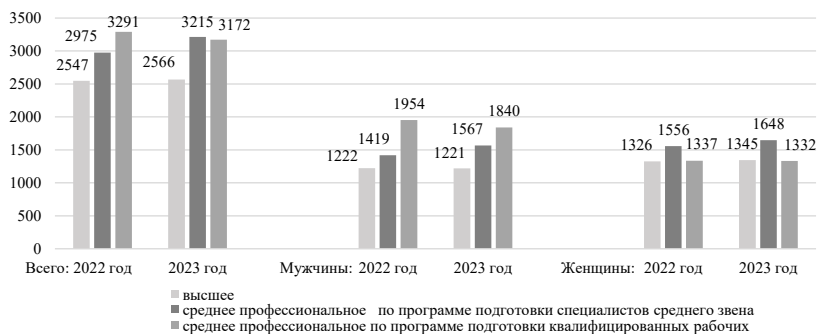

Рис. 3. Численность занятых в неформальном секторе по уровню образования, тыс. человек

Fig. 3. Number of people employed in the informal sector by level of education, thousand people
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

лю, было в торговле (154649 тыс. человеко-часов), сельском хозяйстве (60767 тыс. человеко-часов), транспортировке и хранении (56163 тыс. человеко-часов) и строительстве

(52460 тыс. человеко-часов). В меньшей степени подвержены прекаризации такие сферы экономики, как добыча полезных ископаемых, обеспечение электрической энер-

гий, водоснабжение и водоотведение, финансовая и страховая деятельность.

Следующий фактор, способствующий росту прекаризации, — мобильность трудовых ресурсов, усиливающая дисбаланс в профессиональном и квалификационном составе рабочей силы, что обеспечивает переход к гибкому рынку труда. В настоящее время наблюдается зависимость вида занятости от уровня образования и квалификации, а также несоответствие между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда. Существует негативная тенденция: работники, имеющие образование по менее востребованным направлениям, выпускники образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, неспособные адаптироваться к рыночным требованиям, пополняют ряды безработных. Безработица усугубляет ситуацию и ведет к потере квалификации и профессиональной идентичности, что способствует переходу в ряды прекариев.

Исследование зависимости занятости в неформальном секторе экономики от уровня образования показывает, что в меньшей мере подвержены возможности отнесения к прекариату работники, имею-

щие высшее образование, особенно представители мужской части населения (рис. 3). У мужчин отмечена высокая вероятность организовать трудовые отношения в неформальном секторе экономики при наличии среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных кадров; женщины со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена, имеют меньшую возможность трудоустроиться в формальном секторе экономики с заключением трудового договора в письменной форме и пополняют ряды прекариев.

Исследования востребованности специалистов в зависимости от имеющегося образования показывают, что наибольшая вероятность оказаться в рядах прекариата у работников в возрасте 20–29 лет с высшим образованием в области математических, естественных, экономических и юридических наук, а также у специалистов, получивших образование по направлению «Средства массовой информации». Большая вероятность трудоустройства в формальном секторе экономики, со всеми льготами и гарантиями, у работников образования, здравоохранения и медицины (рис. 4).

Рис. 4. Структура безработных в возрасте 20–29 лет по специальностям, %

Fig. 4. Structure of the unemployed aged 20–29 years by specialty, %

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

Менее востребованы на рынке труда специалисты среднего звена, имеющие профессиональные компетенции в сфере социологии и социальной работы, математических и естественных наук, гуманитарных наук, наук об обществе, сферах экономики, управления, юриспруденции, сервиса и туризма. Меньшую вероятность пополнить ряды безработных имеют сельхозработники, медицинские работники, работники культуры и искусства, инженеры.

Основными причинами сложившейся ситуации, обусловленной возможностью трудоустройства специалистов в зависимости от полученного образования, являются развитие гибкого рынка труда, расширение неформальной, неустойчивой занятости,

рост социальной и трудовой мобильности, высокая степень дифференциации востребованности выпускников учебных заведений на рынке труда [4; 5; 12].

Характерным показателем отнесения к прекариату являются возрастные ограничения населения. Как показывает практика, в последнее десятилетие высока корреляционная зависимость уровня трудоустройства и возраста кандидата. В настоящее время имеют меньшую востребованность работники предпенсионного и пенсионного возраста, в том числе и в неформальном секторе экономики, где высокая занятость (75,3%) отмечена у специалистов в возрасте от 30 до 59 лет (рис. 5).

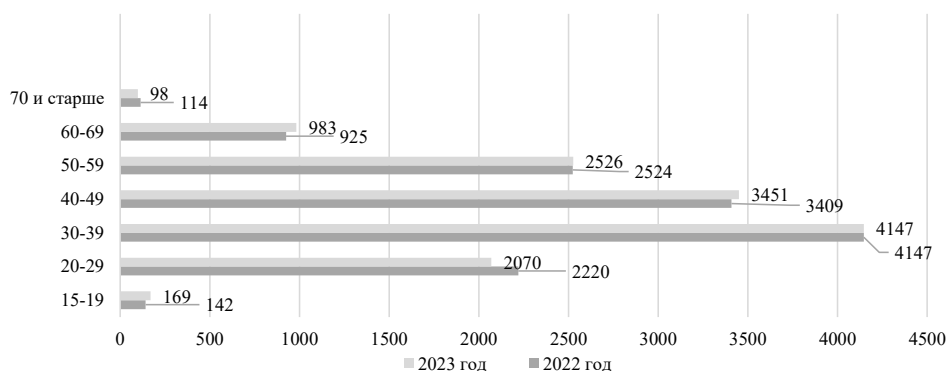

Рис. 5. Численность занятых в неформальном секторе по возрастным группам, тыс. человек

Fig. 5. Number of people employed in the informal sector by age group, thousand people

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 10.06.2024).

Наши исследования позволяют дать сравнительную характеристику представителей прекариата и безработных (табл. 3). Как видно, высока вероятность перехода из безработных в прекариат и обратно. Отмеченная мобильность негативно влияет на воспроизводство и сохранение человеческого капитала, так как этому способствуют неблагоприятные внешние и внутренние условия формирования социально-трудовых отношений.

Занятость в неформальном секторе экономики приобрела серьёзные масштабы.

Это работники активного трудоспособного возраста (30–39 лет), ряды которых вскоре пополняют молодые люди (20–24 года), отчаявшиеся найти работу в соответствии с уровнем образования и потребностями. В настоящее время потенциальная рабочая сила составляет 835 тыс. человек, из них: ищут работу, но не готовы приступить к ней — 5,3%, не ищут работу, но готовы приступить к ней — 94,7%, из них отчаявшиеся найти работу — 33,2%.

Большая часть работников, занятых в неформальном секторе экономики, семейные

Таблица 3

Сравнительная характеристика и структура работников по видам занятости, 2023 год

Table 3

Comparative characteristic and structure of workers by type of employment, 2023

Преобладающий показатель	Вид занятости:		
	занятое население в возрасте 15 лет и старше	безработные	занятые в неформальном секторе экономики
Возраст	35–39 лет – 15,5%	20–24 года – 16,4%	30–39 лет – 30,8%
Семейное положение	70,4% – состоят в браке	51,8% – состоят в браке, 45,4% – холосты, не замужем	67,4% – состоят в браке
Уровень образования	среднее профессиональное – 45,4%; высшее – 35%	среднее профессиональное – 39,5; высшее – 21,3%	среднее профессиональное – 47,5; среднее общее – 25%
Вид экономической деятельности	18% – торговля; ремонт автотранспортных средств; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	21,9% (по последнему месту работы) – торговля; ремонт автотранспортных средств; транспортировка и хранение	29,4% – торговля; ремонт автотранспортных средств; 15,4% – сельское хозяйство
Вид трудового договора	95,8% – трудовой договор в письменной форме	–	37,4% – на основе устной договоренности с работодателем, без оформления документов
Срок трудового договора	95,8% – не имеют установленного срока окончания трудовых отношений	–	68,5% – не имеют установленного срока окончания трудовых отношений

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата: Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023–701 с.; URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 10.06.2024).

граждане, что накладывает на них ответственность за содержание семьи и воспитание детей, следовательно, возникает потребность иметь заработок независимо от вида занятости. Наибольшая вероятность вступить в прекариарные отношения у работников без профессионального образования и у специалистов со средним профессиональным образованием. Исходя из видов экономической деятельности, труднее всего доказать свою профессиональную идентичность представителям сферы торговли; работникам, оказывающим услуги ремонта и занятым в сельском хозяйстве. Почти треть представителей неформального сектора экономики осуществляют трудовую деятельность на основе устной договоренности с работодателем, без оформления документов.

* * *

Исследования показывают динамику роста прекаризации занятости, что влияет

на качество развития социально-трудовых отношений. Наличие преимуществ от прекаризации для работодателей будет способствовать активному внедрению нестандартных форм занятости, что приведет к снижению социально-экономического благополучия и ухудшению состояния здоровья экономически активного населения, снижению и обесцениванию человеческого капитала.

В целях сохранения и развития человеческого капитала необходимо выработать систему управления процессом прекаризации, которая должна основываться на комплексе мер государственной поддержки, способствовать формированию правовых условий для внедрения более гибких форм занятости и расширению возможности использования нестандартных трудовых договоров. Совершенствование государственной политики может быть направлено на создание новых высокопроизводительных рабочих мест, формализацию трудо-

вых отношений. Занятость должна регулироваться в условиях институционализации, только в этом случае новые формы трудо-

вых отношений будут положительно влиять на сохранение человеческого капитала.

Литература и Интернет-источники

1. **Волкова, И.А.** Сохранение человеческого капитала как вектор регионального развития / И.А. Волкова, Н.Н. Самохина // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. — 2024. — № 1. — С. 111–118. EDN: DNOHDL
2. **Тощенко, Ж.Т.** Прекариат — новый социальный класс / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. — 2015. — № 6(374). — С. 3–13. EDN: UAXUBZ
3. **Тощенко, Ж.Т.** Новое социально-экономическое явление: прекариат / Ж.Т. Тощенко // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР имени С.Ю. Витте. — 2022. — Т. 1. — № 1. — С. 146–161. DOI: 10.37930 / 2782-618X-2022-1-1-146-161; EDN: GBMQXQ
4. **Бобков, В.Н.** Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин. — Ижевск : Шелест, 2023. — 104 с. EDN: HKEDFC
5. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / ред. Ж.Т. Тощенко. — Москва : Весь Мир, 2021. — 400 с. EDN: ECFBVH
6. **Попов, А.В.** От прекаризации к неустойчивой занятости: теоретическое осмысление хрестоматийных понятий / А.В. Попов, Т.С. Соловьева // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2019. — Т. 12. — № 5. — С. 90–101. EDN: YUTENT
7. **Кокшаров, В.А.** Прекаризация труда как растущая форма занятости молодых специалистов в условиях пандемии / В.А. Кокшаров, Г.А. Агарков, А.Д. Сущенко // Экономика региона. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 1061–1071. EDN: NUKBCD
8. **Попов, А.В.** Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни / А.В. Попов, Т.С. Соловьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 182–196. EDN: PTXSOG
9. **Шкаратан, О.И.** Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) / О.И. Шкаратан, В.В. Карачаровский, Е.Н. Гасюкова // Социологические исследования. — 2015. — № 12(380). — С. 99–110. EDN: VGMFUZ
10. **Долженко, Р.А.** Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики / Р.А. Долженко, Э.И. Попов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2014. — № 12(122). — С. 179–185. EDN: TAZKUF
11. **Тощенко, Ж.Т.** Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж.Т. Тощенко. — Москва : Наука, 2018. — 350 с. EDN: VKRCMM
12. **Волкова, И.А.** Человеческий капитал: концептуальный подход к определению и структуре / И.А. Волкова, Н.Н. Самохина // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. — 2023. — № 5. — С. 81–89. EDN WLWJLS

Сведения об авторах:

Волкова Инна Анатольевна, д.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Россия.

Контактная информация: e-mail: via.uprav@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2231-6351; РИНЦ SPIN-код: 8347-9813.

Галынчик Татьяна Анатольевна, к.э.н., доцент, научный сотрудник, Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Россия.

Контактная информация: e-mail: tagal@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9332-2791; РИНЦ SPIN-код: 9146-0018.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-168-178

PRECARIZATION OF EMPLOYMENT AS A FACTOR OF DEPRECIATION OF HUMAN CAPITAL

Inna A. Volkova*, Tatyana A. Galynchik

Nizhnevartovsk State University
(56 Lenina str., Nizhnevartovsk, Russia, 628602)

*E-mail: via.uprav@gmail.com

For citation:

Volkova I.A., Galynchik T.A. Precarization of employment as a factor of depreciation of human capital. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 168-178. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-168-178 (in Russ.)

Abstract. *Precarization as a special form of social and labor relations is integrated into the structure of society and various sectors of the economy. The danger of devaluation of human capital is caused by the scale of precarization, since unstable employment can be observed both in the informal and formal sectors of the economy, and unemployment exacerbates the situation and leads to a loss of qualifications and professional identity, which contributes to transition to the ranks of the precariat. The purpose of the study was to identify the possible impact of precarization on the preservation of human capital. The article examines the factors, conditions and trends affecting the growth of precarious employment. The authors substantiate the thesis about the negative impact of precarization on the reproduction of human capital, contributing to its depreciation. The article presents the structural characteristics of precarization, shows the dependence of the formation of social labor relations on age, level of education, types of economic activity, and specialties. There are given comparative characteristics and structure of employees by type of employment, which makes it possible to predict the dynamics of precarious employment growth. Preservation and development of human capital is possible only through improvement of the government policy regarding formation of legal conditions for introduction of more flexible forms of employment and expansion of opportunities for the use of non-standard employment contracts, creation of new high-performance jobs.*

Keywords: *human capital, precarization, labor relations, the employed, formal and informal sectors of the economy.*

References and Internet sources

1. Volkova I.A. Samokhina N.N. Sokhraneniye chelovecheskogo kapitala kak vektor regionalnogo razvitiya [Preservation of human capital as a vector of regional development]. *Kuznechno-shtampovoye proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniyem [Forging and Stamping Production. Materials Working by Pressure]*. 2024. No. 1. P. 111–118. (in Russ.)
2. Toshchenko Zh.T. Prekariat — novyy sotsialnyy klass [Precariat — a new social class]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya. [Sociological Studies]*. 2015. No. 6. P. 3–13. (in Russ.)
3. Toshchenko Zh. T. Novoje sotsialno-ekonomicheskoye yavleniye: prekariat [A new socio-economic phenomenon: precariat]. *Noonomika i nooobschestvo. Almanah trudov INIR imeni S.Yu. Vitte [Noonomics and Noo-Society. Almanac of Scientific Works of the S. Yu. Witte INID]*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 146–161. (in Russ.)
4. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Popov A.V., Shichkin I.A. Vliyaniye prekarizatsii na kachestvo zanyatosti i uroven zhizni pokolennykh grupp ekonomicheskii aktivnogo naseleniya [The Impact of Precarization on the Quality of Employment and Living Standards of Generational Groups of the Economically Active Population]. *Izhevsk. Izdatelstvo «Shelest».* [Shelest Publishing House]. 2023. 104 p. (in Russ.)

5. Prekarnaya zanyatost: istoki, kriterii, osobennosti [*Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*]. Ed. Zh. T. Toshchenko. Moscow. Ves' Mir. [The Whole World]. 2021. 400 p. (in Russ.)
6. Popov A.V., Soloveva T.S. Ot prekarizatsii k neustoichivoj zanyatosti: teoreticheskije osmyslenije khrestomatijnyh ponyatij [From precarization to precarious work: theoretical understanding of paradigmatic concepts]. Nauchno-tehnicheskije vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskije nauki [St. Petersburg State Polytechnic University Journal — Economics]. 2019. Vol. 12. No. 5. P. 90–101. (in Russ.)
7. Koksharov V.A., Agarkov G.A., Sushchenko A.D. Prekarizatsiya truda kak rastuschaya forma zanyatosti molodykh spetsialistov v usloviyakh pandemii [Precarisation of labor as a growing form of employment of young specialists in the context of the COVID-19 pandemic]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 1061–1071. (in Russ.)
8. Popov A.V., Soloveva T.S. Analiz i klassifikatsiya posledstvij prekarizatsii zanyatosti: individualnyj, organizatsionnyj i obshchestvennyj urovni [Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels]. Ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 182–196. (in Russ.)
9. Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. Prekariat: teoriya i empiricheskij analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2013) [Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994–2013 data)]. Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. No. 12. P. 99–110. (in Russ.)
10. Dolzhenko R.A., Popov E.I. Vzaimosvyaz' novykh form trudovykh otnoshenij i prekarizatsii truda v usloviyakh postindustrialnoj ekonomiki [Interrelation of new forms of labor relations and labor precarization in conditions of a post-industrial economy]. Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of the Altai State Agrarian University]. 2014. No. 12(122). P. 79–185. (in Russ.)
11. Toshchenko Zh. T. Prekariat: Ot protoklassa k novomu klassu [Precariat: From Protoclass to a New Class]. Moscow. Nauka. [Science]. 2018. 350 p. (in Russ.)
12. Volkova I.A., Samokhina N.N. Chelovecheskij kapital: kontseptualnyj podkhod k opredeleniyu i structure [Human capital: a conceptual approach to definition and structure]. Kuznechno-shtampovochnoje proizvodstvo. Obrabotka materialov davlenijem [Forging and Stamping Production. Materials Working by Pressure]. 2023. No. 5. P. 81–89. (in Russ.)

Information about the authors:

Volkova Inna Anatolyevna, Doctor of Economics, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

Contact information: e-mail: via.uprav@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2231-6351; Elibrary SPIN-code: 8347–9813.

Galynchik Tatyana Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

Contact information: e-mail: tagal@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9332-2791; Elibrary SPIN-code: 9146–0018.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-179-189
EDN: BZJLKK

РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Демченко Т.С.^{1*}, Демченко М.В.²

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
(115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: tstarshinona@mail.ru

Для цитирования:

Демченко Т.С., Демченко М.В. Роль потребительских кооперативов в повышении качества жизни населения // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 179-189. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-179-189; EDN: BZJLKK

Аннотация. В статье ставилась задача оценки влияния потребительских кооперативов на уровень жизни населения. Выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязи между развитием потребительских кооперативов и повышением качества жизни населения. На основе проведенного опроса (N=4422) делается оценка материального положения опрашиваемых, анализируются жизненные обстоятельства, которые коснулись респондентов за время введения санкций, определяется роль потребительских коопераций в поддержке достойного уровня жизни населения; выявляется желание респондентов открытия в их городе или селе кооперативных магазинов, а также вскрываются личные ожидания и заинтересованность респондентов в открытии таких магазинов. Территориальный срез оценок респондентов позволил определить наибольшую заинтересованность в появлении кооперативных магазинов и желание покупать в них товары, которые продемонстрировали жители городов, что может стать основой для разработки стратегий социально-экономического развития городов. Определено, что отсутствие заинтересованности в посещении кооперативных магазинов у сельских жителей выступает недостаток информационных мероприятий с целью разъяснения сущности потребительских кооперативов и магазинов для повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: качество жизни, население, потребительский кооператив, кооперативный магазин, кооперация.

Введение

Развитие человеческого потенциала обеспечивает повышение качества жизни населения, тем самым увеличивается удовлетворенность жизнью [1]. Существует мнение, что качество жизни отражает в основном внешние условия жизни человека, концепция повышения качества жизни заключается в создании благоприятных внешних условий, в которых человек сможет свободно развиваться и реализовывать свои способности и потребности [2]. В данном контексте представляется целесообразным сфокусироваться на развитии инфраструктуры в рамках конкретной территории [3], на которой реализуется жизнедеятельность человека, удовлетворяются его основные потребности в обеспечении комфортного проживания.

В современных условиях нестабильной геополитической обстановки, введённых санкций, представляется необходимым поиск новых путей развития территорий в целях повышения качества жизни населения [5–7]. С этой целью был издан Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». С целью достижения национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» были утверждены основные показатели, одним из которых является создание необходимой инфраструктуры для внешнеэкономической деятельности, технологической и промышленной кооперации и освоения новых рынков¹.

В научной литературе отмечается, что увеличение местной сельскохозяйственной продукции в региональном рационе питания достигается путём развития кооперации мелких сельхозпроизводителей и диверсификации каналов реализации [4]. Кооперация — это форма взаимодействия, объединяющая людей, реализуемая посредством взаимопомощи и солидарности. В более узком смысле кооперация представля-

ет собой форму реализации экономической деятельности, основанной на объединении материально-технических и организационных ресурсов, формировании более совершенных хозяйственных связей и взаимодействий участников предпринимательского процесса [8; 9]. Отечественные учёные, исследуя значение кооперации для отечественной экономики, отмечают положительный эффект в виде: конкурентоспособности, совместной закупки большого объёма сырья, создания единой транспортной логистики, сокращения издержек [10]. Кооперативным формам хозяйствования присущи заинтересованность участников в успехе общего дела; наличие и стремление к общей цели путём выстраивания доверительных отношений между участниками кооперативных объединений [11], повышение доходов и уровня жизни [12; 13].

Деятельность потребительских обществ регулируется Законом РФ от 19.06.1992 № 3085–1 (ред. от 08.08.2024) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 08.08.2024 N 278-ФЗ², установлен запрет для потребительских обществ брать заёмные средства граждан, которые не являются их пайщиками. Данные ограничения являются препятствием в получении дополнительных средств для развития деятельности. Однако, введённый запрет положительно влияет на развитие кооперативной деятельности путём повышения доверия граждан друг к другу.

Материалы и методы исследования

Цель исследования — анализ роли потребительских кооперативов, перспектив их развития в контексте повышения качества жизни населения. В статье решаются следующие исследовательские задачи: 1) опреде-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 278-ФЗ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

² Федеральный закон от 08.08.2024 N 278-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» и Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Российская газета, № 182 от 16.08.2024; Парламентская газета, Федеральный закон № 278-ФЗ от 08.08.2024.

ление негативных последствий от введения санкций, их влияния на уровень жизни населения; 2) оценка роли потребительских кооперативов в поддержке достойного уровня жизни населения; 3) анализ зависимостей между ожиданиями гражданами определённых благ и открытия кооперативных магазинов в их городе или селе. В этой связи выдвигается гипотеза, что качество жизни населения коррелируется с уровнем развития потребительских кооперативов. При написании статьи основным методом сбора первичной социологической информации стал анкетный опрос населения³. Проводилось онлайн-анкетирование с помощью платформы Google Forms. Результаты опроса обработаны авторами статьи с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 версии.

При формировании выборочной совокупности использовалась многоступенчатая, районированная, квотная выборка. На первой ступени отбирались субъекты РФ в каждом федеральном округе⁴. На вто-

рой — реализовывалось районирование в соответствии с местом проживания респондента (в городе или селе). На третьей — проводился квотный отбор респондентов. Квотами выступали основные социально-демографические признаки респондента (пол, возраст). Выборочная совокупность составила 4422 респондента. Сбор первичной социологической информации проводился в 2022 г., статистическая обработка полученных результатов, интерпретация данных осуществлялись в 2023–2024 годах.

Результаты и обсуждение

Уровень материального положения во многом определяет качество жизни населения. Результаты опроса показали, только 23,9% респондентов оценили своё материальное положение как хорошее, почти половина из опрошенных (49,6%) дали оценку «средне», 16,2% считают, что их материальное положение плохое (рисунок 1).

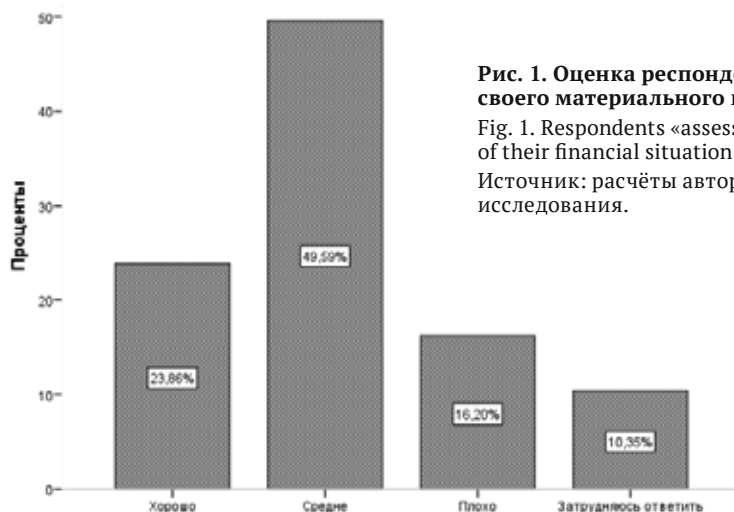

Рис. 1. Оценка респондентами своего материального положения

Fig. 1. Respondents' assessment of their financial situation

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

³ Авторы выражают признательность руководству Российского университета кооперации за организацию исследования.

⁴ Центральный федеральный округ: Москва, Московская, Владимирская и Смоленская области; Северо-Западный федеральный округ: Калининградская область; Южный федеральный округ: Республика Крым, Краснодарский край, Волгоградская область; Северо-Кавказский федеральный округ: Ставропольский край; Приволжский федеральный округ: Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия,

Проведённый опрос позволил выявить какие из показателей уровня качества жизни оказали наибольшее негативное воздей-

Татарстан, Удмуртская и Чувашская Республики, Саратовская область; Уральский федеральный округ: Челябинская область; Сибирский федеральный округ: Новосибирская область; Дальневосточный федеральный округ: Камчатский край.

ствие на уровень жизни граждан за время введения санкций. Большинству опрошенных пришлось изменить образ жизни и уменьшить свои траты (62,1%); возникновение чувства тревожности и неуверенности в завтрашнем дне появилось у 58,5% респондентов. Закрытие привычных магазинов выделили как отрицательное послед-

ствие от введённых санкций 57,4% опрошенных. В наименьшей степени введённые санкции повлияли на решение взять кредит (30,9%); ухудшение жилищных условий (31,9%); увеличение преступности и учащение краж (35,4%); увеличение конфликтных ситуаций (43,6%) и сложность или потерю работы (43,95%) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись Вас за время введения санкций?»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: «Which of the following life circumstances affected you during the imposition of sanctions?»

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

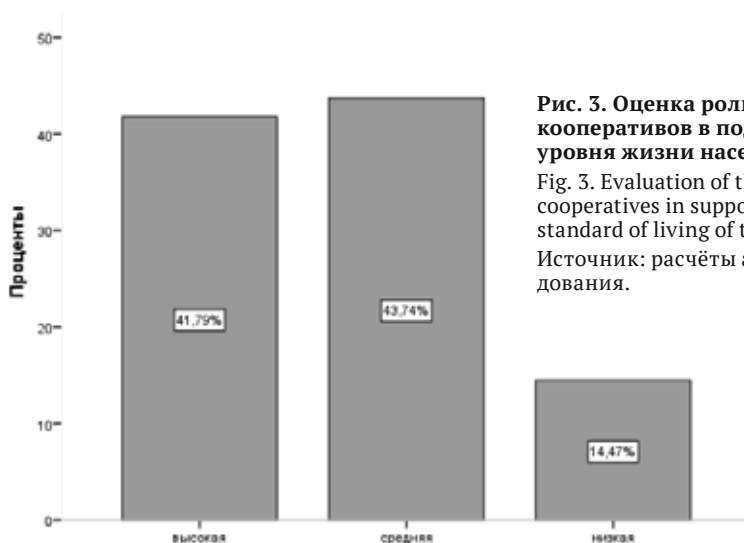

Рис. 3. Оценка роли потребительских кооперативов в поддержке достойного уровня жизни населения

Fig. 3. Evaluation of the role of consumer cooperatives in supporting a decent standard of living of the population

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Однако, население уже частично адаптировалось к введенным санкциям и ограничениям, находит новые пути повышения их качества жизни. Результаты проведенного опроса показали, что по оценкам опрошенных создание потребительских кооперативов положительно повлияет на поддержание достойного уровня жизни населения. Так, 41,8% респондентов высоко оценили роль потребительских кооперативов в поддержке достойного уровня жизни населения; 43,7% оценили средне и только 14,5% из общего числа опрошенных полагают, что роль потребительских кооперативов будет низкой (рис. 3)

Кооперативные магазины были популярными в СССР, это был один из востребован-

ных форматов торговли, положительно зарекомендовавший себя у населения. Результаты исследования показали, что граждане готовы покупать в кооперативных магазинах товары (44,0%). Почти треть (27,8%) из опрошенных продемонстрировали равнодушие и дали ответ «мне всё равно» на идею появления таких магазинов в их городе или селе; посчитали, что это идея плохая лишь 4,3% респондентов. Из всех опрошенных 23,9% хотели, чтобы в их городе открылись такие магазины, но они не стали бы их покупателями. Возможно, у граждан, которые дали такой ответ, не было практики покупок в исследуемой категории магазина или был отрицательный опыт покупок в них (рис. 4).

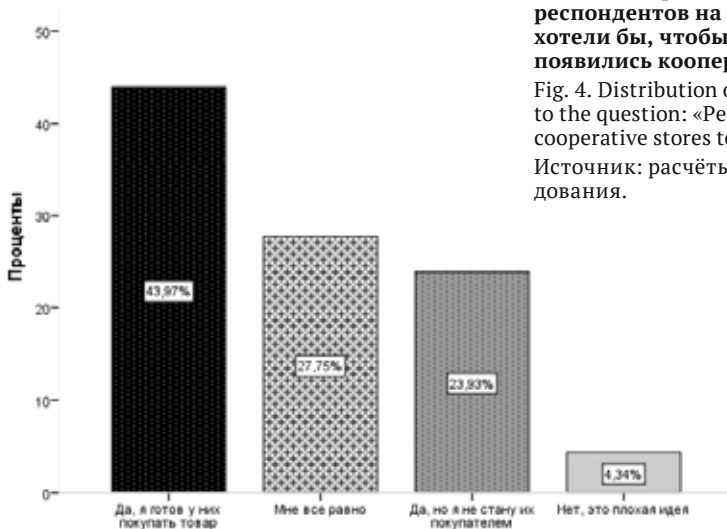

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Лично Вы хотели бы, чтобы в вашем городе / селе, появились кооперативные магазины?»

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: «Personally, would you like cooperative stores to appear in your city / village?»

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Зависимость между желанием респондентов появления кооперативных магазинов и их оценкой своего материального положения позволила определить, как имеющийся уровень жизни населения влияет на их мнение об открытии и совершении покупок в кооперативных магазинах (табл. 1). Результаты зависимости, приведённые в таблице, позволили определить,

что наибольшее количество респондентов (22,4%), которые готовы покупать товары в кооперативных магазинах, оценили своё материальное положение, как среднее. Полученные данные позволяют утверждать, что открытие кооперативных магазинов будет востребовано для жителей с разным достатком и уровнем жизни, особенно для среднего класса.

Таблица 1

Зависимость между желанием респондентов появления кооперативных магазинов и их оценкой своего материального положения, %

Table 1.

Relationship between the respondents' wish for cooperative stores to appear and their assessment of their material well-being, %

Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили своё материальное положение?»	Ответы на вопрос: «Лично Вы хотели бы, чтобы в вашем городе / селе, появились кооперативные магазины?»				
	Да, но я не стану их покупателем	Да, я готов у них покупать товар	Мне всё равно	Нет, это плохая идея	Всего
Затрудняюсь ответить	1,9	3,1	4,5	0,9	10,4
Плохо	4,4	6,7	4,2	0,9	16,2
Средне	12,6	22,4	12,8	1,8	49,6
Хорошо	5	11,8	5,9	1,1	23,8
Всего	23,9	44	27,7	4,4	100

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Проведённый опрос позволил выявить распределение мнений жителей городов и сельских поселений на появление кооперативных магазинов. Мнения респондентов, проживающих в городе и сельской местности, распределились однородно (рис. 5). Однако, наибольшую заин-

тересованность в появлении кооперативных магазинов и желание покупать в них товары, продемонстрировали все-таки жители городов, чем жители сельских поселений.

Также, обращает на себя внимание такой факт, что жители сёл в наименьшей

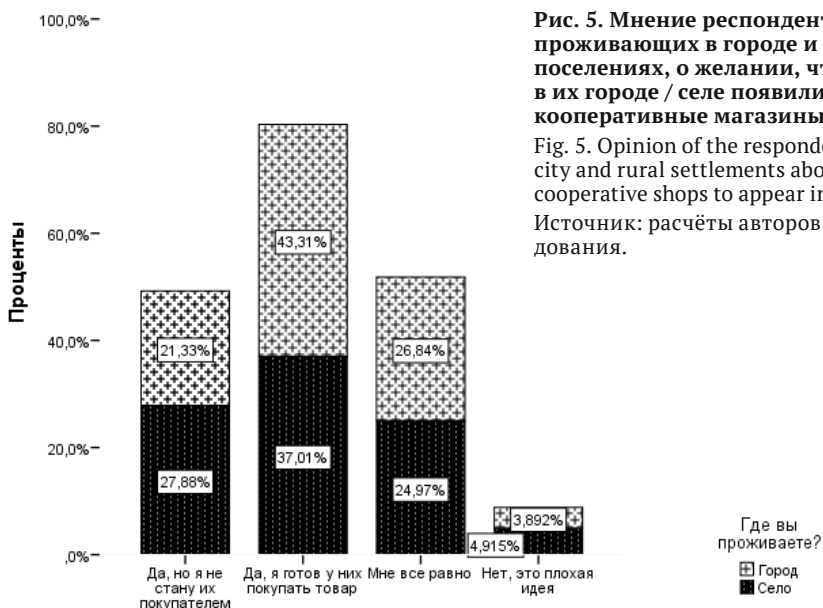

Рис. 5. Мнение респондентов, проживающих в городе и сельских поселениях, о желании, чтобы в их городе / селе появились кооперативные магазины

Fig. 5. Opinion of the respondents living in city and rural settlements about the desire for cooperative shops to appear in their city / village

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

степени готовы совершать покупки в кооперативных магазинах (27,9%), нежели жители городов (21,3%). Выявленные данные можно объяснить тем, что многие жители сельских поселений ведут личные подсобные хозяйства и у них есть дополнительный источник пропитания, поэтому многим из них покупать те или иные товары в кооперативных магазинах не так актуально, как жителям городов.

Результаты проведенного опроса позволили сделать предположение, что большинство граждан позитивно воспримут идею создания и увеличения количества кооперативных магазинов в их городе и они будут востребованы. Наибольшие ожидания от открытия кооперативных магазинов среди граждан, которые готовы покупать товары в таких магазинах, связывают с появлением качествен-

ного продукта от местного производителя (38,7%); с общим развитием города или села (36,0%) и расширением ассортимента продукции (34,4%). В наименьшей степени граждане ожидают от открытия таких магазинов составление конкуренции крупным торговым сетям (28,5%) и, как следствие, снижения цен на продукты (32,2%). Респонденты, которые хотят, чтобы в их городе открылись кооперативные магазины, но не готовы покупать в них товары, высоко оценили положительный эффект от открытия таких магазинов. Анализ полученных данных позволил выявить разницу в два раза в количестве респондентов, которые готовы покупать товары в кооперативных магазинах и которые хотят, чтобы в их городе или селе открылись такие магазины, но не желают покупать в них товары

Таблица 2

Зависимость между желанием респондентов появления кооперативных магазинов и личными ожиданиями от открытия таких магазинов, %

Table 2

Relationship between the respondents' desire for the appearance of cooperative stores and personal expectations from the opening of such stores, %

Ответы на вопрос: «Что лично Вы ждёте от открытия кооперативных магазинов в вашем городе/селе?»		Ответы на вопрос: «Лично Вы хотели бы, чтобы в вашем городе/селе, появились кооперативные магазины?»					
		Затрудняюсь ответить	Да, но я не стану их покупателем	Да, я готов у них покупать товар	Мне всё равно	Нет, это плохая идея	Всего
Появится качествен- ный продукт от мест- ного производителя	Да	3,3	18,2	38,7	16,6	2,2	79,0
	Нет	1,4	4,6	3,2	9,8	2,0	21,0
	Всего	4,7	22,8	41,9	26,4	4,1	100,0
Снизятся цены на про- дукты	Да	2,8	14,7	32,2	15,1	1,7	66,6
	Нет	1,9	8,1	9,7	11,3	2,4	33,4
	Всего	4,7	22,8	41,9	26,4	4,1	100,0
Расширится ассорти- мент продуктов	Да	3,3	15,2	34,4	15,0	1,8	69,6
	Нет	1,5	7,6	7,5	11,5	2,3	30,4
	Всего	4,7	22,8	41,9	26,4	4,1	100,0
Будет конкуренция крупным торговым сетям	Да	2,7	13,0	28,5	12,4	1,5	58,1
	Нет	2,1	9,8	13,4	14,0	2,6	41,9
	Всего	4,7	22,8	41,9	26,4	4,1	100,0
Мой город/село будет развиваться	Да	2,9	15,5	36,0	14,6	2,1	71,0
	Нет	1,8	7,3	5,9	11,9	2,1	29,0
	Всего	4,7	22,8	41,9	26,4	4,1	100,0

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

(табл. 2). Возможно у этих респондентов нет положительного опыта покупки товаров в подобных магазинах или они, видя положительный эффект, не осознают выгоду для себя. Однако данные интерпретации нуждаются в дополнительном эмпирическом исследовании.

Выявлено однородное распределение (без явных перекосов между ответами «да» или «нет») среди мнений респондентов, которые продемонстрировали равнодушие и отрицание идеи открытия в их городе кооперативных магазинов по всем показателям: появление качественного продукта от местного производителя; снижение цены на продукты; расширение ассортимента продуктов; составление конкуренции крупным торговым сетям; развитие города / села. Даже если респонденты изначально высказали мнение, что им всё равно будет или нет в их городе / селе кооперативный магазин, они относительно высоко оценили те блага, которые у них появятся: 16,6% опрошенных надеются, что появится качественный продукт от местного производителя; 15,1% ожидают, что цены на продукты снизятся; 15,0% считают, что ассортимент продуктов расширится; 12,4% полагают, что кооперативные магазины составят конкуренцию крупным торговым сетям; 14,6% из опрошенных верят, что с появлением таких магазинов их город / село будет развиваться.

Заключение

В ходе исследования было установлено противоречие между общественным признанием благ появления потребительских кооперативов и невысоким уровнем готовности населения к участию в данных практиках. Так, почти четверть (23,9%) опрошенных не собираются становиться покупателями кооперативных магазинов, хотя в относительно высокой мере осознают блага от открытия таких магазинов. Схожая ситуация складывается и с ответами респондентов, которые изначально высказали мнение, что им всё рано откроется ли в их городе или селе кооперативные магазины, или нет. Результаты исследования позволяют высказать предположение, что определяющим фактором отсутствия более высокого уровня заинтересованности в использовании кооперативных магазинов выступает отсутствие понимания у них положительного влияния таких магазинов на уровень жизни.

Результаты проведённого исследования подтвердили гипотезу о наличии взаимосвязи между развитием потребительских кооперативов и повышением качества жизни населения. По оценке граждан, появление кооперативных магазинов повлияет на повышение качества жизни за счёт: качественного продукта от местного производителя; снижения цены на продукты; расширения ассортимента продуктов; развития города или села.

Литература и Интернет-источники

1. **Волкова, М.И.** Выявление факторов удовлетворённости жизнью в России и Европе / М.И. Волкова // Социальная политика и социология. — 2017. — Т. 16. — № 5(124). — С. 6–15. EDN: YMWIHX
2. **Федотов, А.А.** Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) / А.А. Федотов // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 53–65. DOI: 10.19181 / population.2021.24.2.5; EDN: VJCREM
3. **Рогалева, Н.Л.** Система стимулирования сбыта предприятий торговли потребительской кооперации Камчатского края / Н.Л. Рогалева, А.В. Бычков, И.В. Фрумак // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13. — № 12. — С. 5539–5548. DOI: 10.18334 / epp.13.12.120148; EDN: MDBXHX
4. **Шаров, С.Ю.** Ресурсы развития сельского расселения в современной России / С.Ю. Шаров // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 109–118. DOI: 10.19181 / population.2020.23.3.10; EDN: MVWREI

5. **Медведева, Н.В.** Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью / Н.В. Медведева, Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Социологические исследования. — 2021. — № 10. — С. 72–82. EDN: NHSLVN
6. **Рычагова, О.Е.** Потребительская кооперация как особое правовое явление в гражданском праве Российской Федерации / О.Е. Рычагова, Е.А. Фесенко // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 1(164). — С. 181–183. EDN: HLEVGS
7. **Корчагина, И.И.** Адаптация российских семей к условиям потребительских ограничений / И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 153–164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164; EDN: AFIIJC
8. **Макаров, А.В.** Формирование программы развития производственной кооперации региона / А.В. Макаров, В.А. Трапезников // Экономика региона. — 2011. — № 3. — С. 175–183. DOI: 10.17059/2011-3-19; EDN: OFMWIX
9. **Артемова, Е.И.** Развитие сельскохозяйственной кооперации в Краснодарском крае / Е.И. Артемова, Е.В. Плотникова // Вестник Академии знаний. — 2018. — № 27(4). — С. 41–47; EDN: YLHFYT
10. **Щеглов, Д.К.** Оценивание уровня кооперации предприятий интегрированных организационно-производственных структур в условиях диверсификации производства / Д.К. Щеглов, В.И. Тимофеев, И.А. Андреев, С.А. Чириков // Инновации. — 2019. — № 8(250). — С. 67–70. EDN: IHQUQO
11. **Фролова, Е.В.** Доверие как фактор развития кооперации в России / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 6. — С. 35–57. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2405; EDN: EQPMTZ
12. **Кудрявцев, А.А.** Концептуальные направления развития цифровых кооперативных платформ, объединяющих малых сельскохозяйственных товаропроизводителей / А.А. Кудрявцев, Ю.В. Кармышова // Московский экономический журнал. — 2022. — № 1. — С. 267–279. EDN: JJYNZM
13. **Репушевская, О.А.** Региональная кооперация в условиях различных экономических систем / О.А. Репушевская // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. — 2022. — № 1. — С. 110–116. DOI: 10.37984/2076-9288-2022-1-110-116; EDN: XHNEEG

Сведения об авторах:

Демченко Татьяна Сергеевна, к.соц.н., доцент, старший научный сотрудник, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tstarshinova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5176-2441; РИНЦ SPIN-код: 6730-7118.

Демченко Максим Владимирович, к.юр.н., доцент, зав. кафедрой правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mvdemchenko@fa.ru.; РИНЦ SPIN-код: 2125-4453.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-179-189

THE ROLE OF CONSUMER COOPERATIVES IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF POPULATION

Tatyana S. Demchenko¹ *, Maxim V. Demchenko²

¹Plekhanov Russian University of Economics,
(36 Stremyanny lane, Moscow, Russia, 115054)

²Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: tstarshinona@mail.ru

For citation:

Demchenko T.S., Demchenko M.V. The role of consumer cooperatives in improving the quality of life of population. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 179-189. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-179-189 (in Russ.)

Abstract. *Development of consumer cooperatives is one of the factors of the socio-economic development of the country and improving the quality of life of the population. The article set tasks to assess the negative consequences of the sanctions and their impact on the standard of living of the population, the role of consumer cooperatives in supporting a decent standard of living of the population, the relationships between the desire of citizens to have cooperative stores in their city or village and the expectation of certain benefits from cooperative stores. A hypothesis was put forward that there is a relationship between development of consumer cooperatives and increase in the quality of life of the population; in the course of the study, the hypothesis was confirmed. Based on the conducted survey (N = 4422), an assessment of the financial situation of the respondents is made, life circumstances that affected the respondents during the introduction of sanctions are analyzed, the role of consumer cooperation in supporting a decent standard of living of the population is identified; the desire of respondents to have cooperative stores in their city or village is revealed, as well as the personal expectations and interest of respondents in opening such stores. Analysis of the territorial distribution of the respondents' assessments made it possible to find the greatest interest in the emergence of cooperative stores and the desire to buy goods in them demonstrated by city residents — this can become the basis for developing a strategy for the socio-economic development of cities. It was found that the lack of great interest in visiting cooperative stores among rural residents is due to insufficient level of effective information measures to clarify the essence of consumer cooperatives and shops in order to improve the quality of life of the population.*

Key words: *quality of life, population, consumer cooperative, cooperative store, cooperation.*

References and Internet sources

1. Volkova M.I. Vyyavleniye faktorov udovletvoryonnosti zhiznyu v Rossii i Yevrope [Identification of life satisfaction factors in Russia and Europe]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2017. Vol. 16. No. 5(124). P. 6–15. (in Russ.)
2. Fedotov A.A. Kachestvo zhizni i chelovecheskiy potentsial v kontseptsiyakh ustojchivogo i chelovecheskogo razvitiya (chast' pervaya) [Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development (Part 1)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 53–65. DOI: 10.19181 / population.2021.24.2.5 (in Russ.)
3. Rogaleva N.L., Bychkov A.V., Frumak I.V. Sistema stimulirovaniya sbyta predpriyatij torgovli potrebitelskoj kooperatsii Kamchatskogo kraja [The sales promotion system of consumer cooperation trade companies of the Kamchatka Territory]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]*. 2023. Vol. 13. No. 12. P. 5539–5548. DOI: 10.18334 / epp.13.12.120148 (in Russ.)
4. Sharov S. Yu. Resursy razvitiya sel'skogo rasseleniya v sovremennoy Rossii [Resources for rural settlement development in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 109–118. DOI: 10.19181 / population.2020.23.3.10 (in Russ.)
5. Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V. Vzaimodejstviye i perspektivy partnerstva territorialnogo obshchestvennogo samoupravleniya s mestnoj vlast'yu [Territorial public self-government and local government: interaction and prospects for partnership]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2021. No. 10. P. 72–82. (in Russ.)
6. Rychagova O.E., Fesenko E.A. Potrebitelskaya kooperatsiya kak osoboye pravovoye yavleniye v grazhdanskom prave Rossijskoj Federatsii [Consumer cooperation as a special legal phenomenon in civil law of the Russian Federation]. *Yevrazijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2022. No. 1 (164). P. 181–183. (in Russ.)

7. Korchagina I.I., Prokofyeva L.M. Adaptatsiya rossiyskikh semey k usloviyam potrebitelskikh ogranicheniy [Russian families' adaptation to the conditions of limited consumption]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 153–164. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-153-164 (in Russ.)
8. Makarov A.V., Trapeznikov V.A., Formirovaniye programmy razvitiya proizvodstvennoj kooperatsii regiona [Forming the development program of industrial cooperation in the region]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2011. No. 3. P. 175–183. DOI: 10.17059 / 2011-3-19 (in Russ.)
9. Artemova E.I., Plotnikova E.V. Razvitiye selskohozyajstvennoj kooperatsii v krasnodarskom kraye [Development of agricultural cooperation in the Krasnodar Territory]. *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*. 2018. No. 27(4). P. 41–47. (in Russ.)
10. Shcheglov D.K., Timofeev V.I., Andreev I. A., Chirikov S.A. Otsenivaniye urovnya kooperatsii predpriyatij integrirovannykh organizatsionno-proizvodstvennykh struktur v usloviyakh diversifikatsii proizvodstva [Assessing of the enterprise cooperation level in integrated organizational and production structures under the conditions of diversification of manufacturing]. *Innovatsii [Innovations]*. 2019. No. 8(250). P. 67–70. (in Russ.)
11. Frolova E.V., Rogach O.V. Doveriye kak faktor razvitiya kooperatsii v Rossii [Trust as a factor of the development of cooperation in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2023. No 6. P. 35–57. DOI: 10.14515 / monitoring.2023.6.2405 (in Russ.)
12. Kudryavtsev A.A., Karmyshova Yu.V. Kontseptualnyye napravleniya razvitiya tsifrovyykh kooperativnykh platform, obyedinyayushchikh malyykh selskokhozyajstvennykh tovaroproizvoditelej [Conceptual directions of development of digital cooperative platforms uniting small agricultural producers]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal [Moscow Economic Journal]*. 2022. No. 1. P. 267–279. (in Russ.)
13. Repushevskaya O.A. Regionalnaya kooperatsiya v usloviyakh razlichnykh ekonomicheskikh sistem [Regional cooperation in the conditions of various economic systems]. *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. [Basic and Applied Research of the Cooperative Sector of Economy]*. 2022. No. 1. P. 110–116. DOI: 10.37984 / 2076-9288-2022-1-110-116 (in Russ.)

Information about authors:

Demchenko Tatyana Sergeevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tstarshinova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5176-2441; Elibrary SPIN-code: 6730-7118.

Demchenko Maxim Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mvdemchenko@fa.ru., ORCID: 0000-0001-7010-8445; Elibrary SPIN-code: 2125-4453.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203
EDN: GRJMOI

РАЗВИТИЕ АГРОТУРИЗМА КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Дмитриева О.А.¹, Морковкин Д.Е.^{1*}, Симагин Ю.А.², Поляков А.Е.¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49 / 2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Дмитриева О.А., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Поляков А.Е. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения // Население. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 190-203. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-190-203; EDN: GRJMOI

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к сельскому туризму, вызванным высоким уровнем урбанизации и потребностью отдыха на природе, а также его мультипликативным воздействием как на экономику, так и на социально-культурную сферу села. В статье исследуется агротуризм как механизм диверсификации региональной экономики, и его роль в социально-экономическом развитии сельских территорий с целью улучшения качества жизни сельского населения. Сельские территории России имеют ряд социальных проблем, которые являются острыми и требующими первоочередного внимания, в частности проблемы занятости сельского населения, здоровья, образования, досуга. Решение этих проблем, в том числе за счёт развития агротуризма, будет способствовать социальному подъёму субъектов РФ. Проанализировано текущее состояние и перспективы развития агротуризма в России, выделен значительный разрыв между его потенциалом и реализацией по сравнению с опытом европейских стран, где он является одним из приоритетных туристических направлений. Также исследованы теоретические подходы к определению роли аграрного туризма и его влияния на устойчивое региональное развитие. В статье проведён анализ мультипликативного воздействия агротуризма на сельскую местность. Оно проявляется через стимулирование экономической активности, укрепление социальных связей и культурного наследия, а также через продвижение экологически устойчивых практик на сельских территориях. Авторы отмечают, что для устойчивого роста регионального агротуризма является необходимым эффективное взаимодействие институциональных структур с тенденциями развития данного направления. В статье проанализировано влияние компонентов институциональной структуры на эффективность развития агротуристического направления.

Ключевые слова: качество жизни, аграрный туризм, сельское население, диверсификация экономики, устойчивое развитие сельских территорий, институциональное влияние, национальные проекты.

© Дмитриева О.А., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Поляков А.Е., 2025

Постановка проблемы

Развитие региональной экономики способствует её органичному встраиванию в экономическое пространство страны. И реализуется это путём совершенствования специализации регионов в сочетании с экономически обоснованным повышением комплексности хозяйства на пути вовлечения в хозяйственный оборот новых экономических природных ресурсов, лучшего использования трудового потенциала и имеющегося производственного аппарата, привлечения инвестиционных ресурсов, развития инфраструктуры и транспортно-экономических связей, рационализации размещения производительных сил и развития социальной сферы [1]. Региональная экономика представляет собой комплексную систему, в которой каждый элемент влияет на устойчивое развитие региона.

Агротуризм является одним из ключевых факторов диверсификации экономики и стимулирования развития сельских территорий. Для крестьянских и фермерских хозяйств он выступает не только как результат поиска дополнительных ресурсов финансирования, но и как путь к созданию альтернативных источников дохода, что способствует устойчивости хозяйств. Это подтверждается опытом европейских стран, где агротуризм успешно внедрён в практику и является одним из ключевых направлений стратегического развития сельской местности [2].

На сегодняшний день удельный вес агротуризма в структуре туристических сервисов в России составляет менее 7%. При этом, учитывая, что вклад общего туризма в валовый внутренний продукт (ВВП) России по итогам 2022 г. оценивается в 2,6%, вклад аграрного туризма в ВВП страны можно оценить в пределах от 0,13% до 0,18%¹. В свою очередь, его доля в туризме европейских стран составляет около 50%². При этом,

для 59% стран Европы³ сельский туризм стоит в центре стратегических приоритетов развития. Около 2 / 3 европейских государств активно поддерживают сектор сельского туризма через государственные инвестиционные программы. Таким образом, в зарубежных странах наблюдается устойчивое развитие данного направления и его закрепление как одного из ключевых инструментов экономического роста⁴ (рис. 1).

Согласно отчёту о мировом рынке агротуризма, его рынок по итогам 2023 г. составил 59,9 млрд долларов США, в 2024 г. — 60,9 млрд при совокупном годовом темпе роста 7,0%. В 2028 г. планируемое значение рынка агротуризма составит 79,9 млрд долларов США⁵ (рис. 2).

Рост объясняется диверсификацией сельской экономики, возросшим интересом потребителей к фермерской жизни, усилиями по сохранению культурного наследия, акцентом на экологическом образовании, а также популярностью сезонных мероприятий и фестивалей. Этот факт подчёркивает актуальность и необходимость глубокого исследования данного направления с целью определения эффективных институциональных механизмов его развития и интеграции в региональную экономику.

Целью данного исследования является анализ агротуризма как фактора диверсификации региональной экономики и его влияние на её структурные элементы. В рамках исследования оценивается текущее состояние и перспективы развития агротуризма в России, выявляются ключевые направления для повышения его роли в экономическом развитии регионов. Осо-

selskogo-turizma-v-rossii-sostavlyayet-6.html (дата обращения: 08.11.2024).

³ Kovshun N., Kliuchnyk A., Tymchuk S., Orlenko O., Soloviova O., Horiunova K. Rural tourism potential in the development of the agriculture-industrial complex // E3S Web of Conferences 408. — URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2023/45/e3sconf_iscmee2023_01026.pdf (дата обращения: 08.11.2024).

⁴ Global Data Tracker // Lighthouse. — URL: <https://data.myighthouse.com/str/global-data-tracker> (дата обращения: 08.11.2024).

⁵ Agritourism Global Market 2024 // The business research company. — URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/agritourism-global-market-report> (дата обращения: 08.11.2024).

¹ Горожане тянутся к земле: как сельский туризм охватывает регионы Юга. — URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/19/11/2023/6559a8619a794717c333b91f?from=copy> (дата обращения: 08.11.2024).

² Епифанова: Доля сельского туризма в России составляет 6%. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/epifanova-dolya>

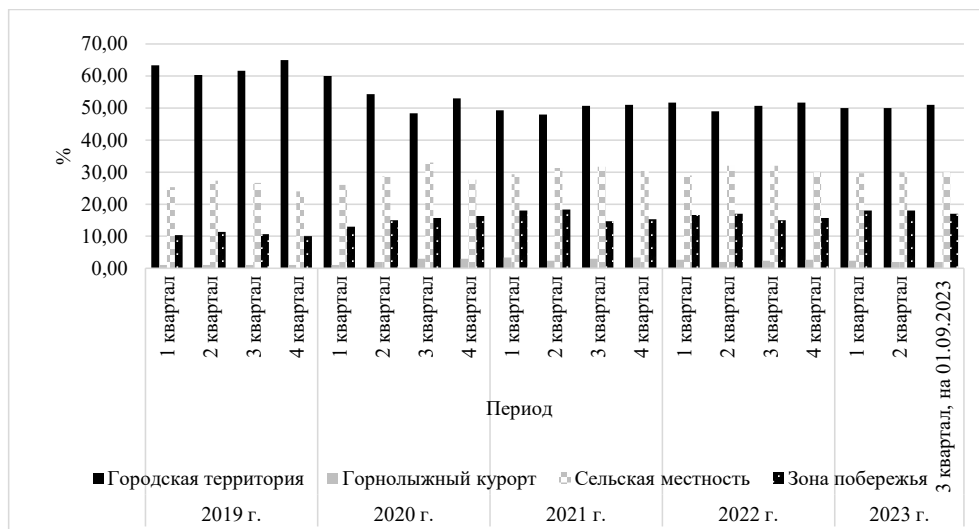

Рис. 1. Динамика туристических направлений в мире за период 2019–2023 гг., %

Fig. 1. Dynamics of tourist destinations in the world for the period of 2019–2023, %

Источник: составлено на основании данных Global Data Tracker // Lighthouse. — URL: <https://data.mylighthouse.com / str / global-data-tracker> (дата обращения: 08.11.2024).

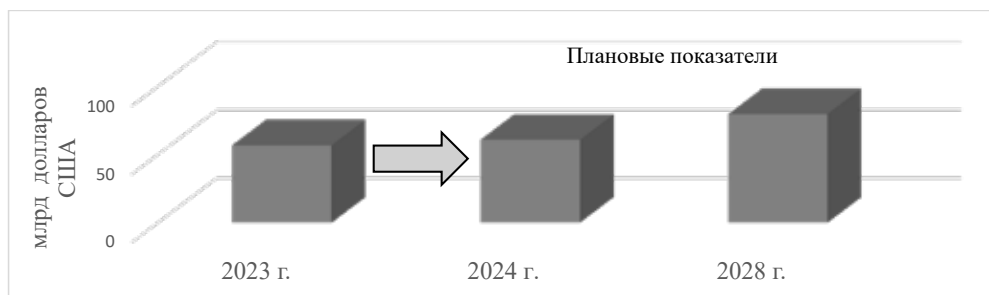

Рис. 2. Перспективы развития рынка агротуризма в мире

Fig. 2. Prospects for development of the agritourism market in the world

Источник: составлено на основании данных отчёта Agritourism Global Market 2024.

бое внимание уделено анализу институциональной среды и её влияния на развитие агротуризма, включая законодательное обеспечение, государственную поддержку, финансовые, социальные и образовательные аспекты. Методологической основой исследования выступают эмпирические и теоретические методы, а также компаративистский метод, которые в совокупности обеспечивают многогранный анализ агротуризма как инструмента диверсификации региональной экономики.

Методология

Агротуризм способствует диверсификации экономического потенциала регионов, преимущественно зависимых от сельскохозяйственного производства. Это особенно важно в свете уязвимости доходов от традиционной сельскохозяйственной деятельности перед факторами внешней среды, в том числе климатическими изменениями, факторами сезонности в отношении отдельных сельскохозяйственных производств,

нестабильности на мировом рынке и ограничительных мер, обусловленных последними геополитическими событиями [3]. Он позволяет туристам погрузиться в жизнь сельского населения, изучить процессы аграрного производства и принять участие в них, например, в сборе урожая, животноводстве. Данная форма туризма набирает популярность, что обусловлено тем, что путешественники стремятся к аутентичности и воссоединению с природой. Смещение фокуса на сельский туризм, в том числе агротуризм, и рост его привлекательности стало наиболее активным в период пандемии COVID-19.

Значимость агротуризма для региональной экономики подтверждается исследова-

ниями, включая отчёты Всемирной туристской организации ООН, которые выделяют его роль в борьбе с сокращением населения сельских районов. Развитие агротуризма помогает предотвратить отток населения, способствует привлечению молодых специалистов, играя также ключевую роль в сохранении культурного наследия и традиций. Динамика численности сельского населения в России представлена на рис. 3. Наблюдается незначительное снижение доли сельского населения в общем числе населения страны за период 2019–2023 гг. (с 25,4% в 2019 г. до 25,1% в 2023 г.) и общее соотношение городского и сельского населения за период составляет примерно $\frac{3}{4}$ на $\frac{1}{4}$.

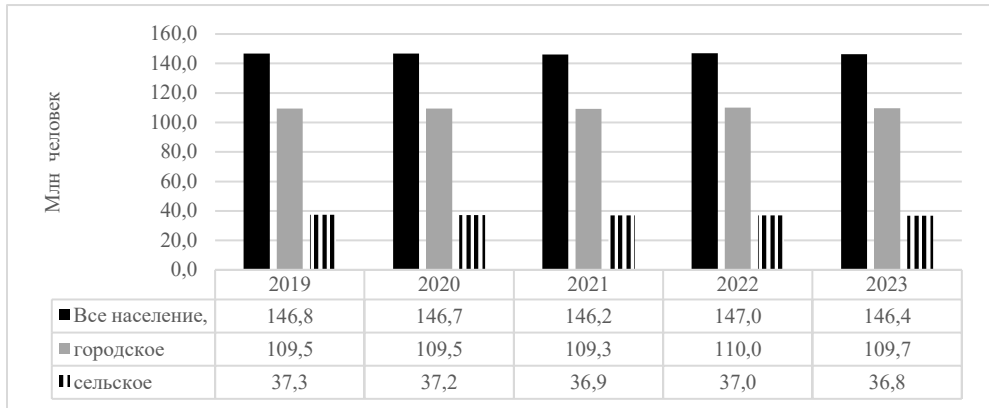

Рис. 3. Численность населения России за период 2019–2023 гг., млн человек

Fig. 3. Population of the country for the period of 2019–2023, million people

Источник: данные Росстата.

Значимость аграрного туризма для устойчивого развития сельских территорий подтверждается как в государственных стратегических документах, так и в научных исследованиях, посвящённых этой тематике. М.С. Оборин [1, с. 49] в своём исследовании акцентирует внимание на уникальных аспектах сельского туризма, оказывающих влияние на экономическую и социальную сферы. Автор утверждает, что сельский туризм не только сохраняет и развивает сельские территории, но и способствует их благоустройству и оптимальному

использованию их ресурсного потенциала. Данный вид туризма также активизирует работу личных подсобных, крестьянских и фермерских хозяйств, способствует возрождению ремёсел, увеличению занятости и доходов местного населения, а также снижает миграцию населения в другие регионы страны. При этом Parker, Scott, Geddes [4] отмечают, что агротуризм — это экономическая деятельность, приносящая доход владельцу на микроэкономическом уровне и способствующая росту ВВП страны на макроуровне. Его роль в региональном разви-

тии также подчёркивает в своих научных трудах Guluzade [5]. Исследование акцентирует важность внедрения принципов устойчивости в туристическую деятельность как фундамент для долгосрочного развития, которое положительно влияет на окружающую среду и экономику. Автор отмечает, что негативное воздействие на окружающую среду может серьёзно сдерживать экономическое развитие региона. Следовательно, применение устойчивых практик, особенно в сфере агротуризма, является ключевым для стимулирования регионального развития и обеспечения экологической безопасности региона.

Некоторые учёные [6] отмечают, что одним из основных преимуществ агротуризма является увеличение устойчивости сельских сообществ и культурных ландшафтов за счёт создания рабочих мест и роста доходов местных жителей. Кроме того, это может улучшить состояние окружающей среды, обогатить местную культуру и повысить качество жизни как фермеров, так и потребителей. Результаты исследований показывают, что в неблагоприятных экономических условиях привлечение туристов может стать дополнительным методом получения дохода для фермеров.

Сербские учёные [7, с. 482] в своих трудах также акцентируют внимание на значительной роли агротуризма в развитии сельских территорий и аграрного производства. Они отмечают, что диверсификация деятельности через развитие агротуризма требует скоординированных усилий на всех уровнях, включая местные органы власти и сообщества, правительство и частный бизнес. Такой подход способствует интегрированному и устойчивому развитию сельских районов, укреплению их экономического потенциала и сохранению уникального природного и культурного наследия. Исследование Л.В. Евграфовой раскрывает мультипликативное воздействие, которое сельский и агротуризм оказывает на региональную экономику. Исследование охватывает три ключевых аспекта [8, с. 13]: прямой, косвенный и вынужденный вклады данного вида туризма.

Результаты и обсуждение

Прямой вклад связан с доходами, получаемыми непосредственно от туристической деятельности. Данный вклад реализуется путём формирования цепочки поставщиков, создания новых рабочих мест. Он измеряется следующими показателями: совокупный выпуск; созданная валовая добавленная стоимость; полученные трудовые доходы; занятость населения; инвестиции; показатели, характеризующие вместимость и мощность объектов туристического бизнеса; показатели реализации товаров и услуг. Косвенный вклад демонстрирует влияние данного вида туризма на смежные отрасли, такие как аграрный сектор, транспорт, торговля, строительство инфраструктуры. Он определяется объёмом доходов поставщиков в туристической деятельности и трудоустройством населения в туристической деятельности. Вынужденный вклад заключается в оценке объёма потребительского спроса трудоустроенного в сфере сельского туризма населения.

При этом агротуризм, исходя из анализа его нормативного закрепления в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»⁶ и положений, регламентированных ст. 3 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»⁷, выступает в роли дополнительного вида деятельности сельхозпроизводителей и ориентирован, прежде всего, на диверсификацию источников дохода. Реализация услуг в сфере агротуризма даёт возможность товаропроизводителям не только оптимально распоряжаться существующими активами, но и формировать новые источ-

⁶ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5491.

⁷ Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 27. На законодательном уровне агротуризм определяется как сельский туризм (без выделения его как подвида сельского туризма). Анализируя положения, определяющие субъектов данного вида туризма, законодатель в Федеральном законе от 29.12.2006 № 264-ФЗ определяет сельский туризм как второстепенный вид деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей.

ники доходов, что особенно важно в контексте нестабильности рынка и сезонности аграрного производства. Дополнительно агротуризм вносит значительный вклад в развитие регионов через привлечение туристов и инвестиций, что стимулирует создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и укрепление экономико-социальной структуры. Следует подчеркнуть, что аграрный туризм тесно связан с цикличностью и сезонностью аграрных работ, например, с периодами посева и сбора урожая, что оказывает влияние на организацию агротуристической деятельности. Следует отдельно отметить последние изменения, внесенные 22 декабря 2024 г. в положения Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁸, которые позволяют крестьянским (фермерским) хозяйствам вести деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма, включая реализацию своей продукции и временное размещение гостей.

Агротуризм выполняет важную функцию в сохранении и продвижении культурного наследия сельских территорий. Взаимодействие туристической деятельности с традиционными методами ведения сельского хозяйства и образом жизни способствует не только передаче уникального опыта и навыков будущим поколениям, но и культурному обогащению туристов. Агротуристические маршруты также являются привлекательным направлением для иностранных туристов, поскольку в ряде стран агропромышленные производства полностью автоматизированы и нет возможности ознакомиться с классическими, традиционными технологиями сельского хозяйства. Соответственно агротуризм в российских сельских районах позволит наблюдать и принять участие в технологических процессах сельскохозяйственного производства.

Следовательно, развитие агротуризма оказывает комплексное влияние на региональную экономику, затрагивая основные элементы устойчивого развития: экономи-

ческий, социально-культурный и экологический. Это влияние обусловлено стимулированием экономического роста, укреплением социальных связей и сохранением культурного наследия, а также продвижением принципов экологической устойчивости на селе. На данный момент происходит активная разработка и утверждение институциональных и правовых основ для развития этого направления [9]. Так, в 2023 г., согласно информации Министерства сельского хозяйства России, агротуризм привлёк 250 тыс. посетителей. Прогнозируется увеличение объёмов продаж сельскохозяйственной продукции на 3–5% ежегодно. Это связано с тем, что агротуризм создаёт дополнительные возможности для сбыта продукции. Кроме того, развитие данного вида туризма способствует увеличению занятости в сельской местности: по итогам 2023 г. было создано более 200 новых рабочих мест.

По данным Россельхозбанка, в 2024–2027 гг. планируется увеличение числа туристов до 7 млн человек в год. Принимая во внимание фактор инфляции, Россельхозбанк прогнозирует, что к 2027 г. объем доходов, получаемых фермерами от сельского туризма, может достигнуть 250 млрд рублей в год, что составит до 5% от общего дохода крестьянско-фермерских хозяйств⁹.

В свою очередь, активному развитию агротуризма способствует развитие механизмов институциональной структуры. Она включает в себя законодательные, экономические, социальные и образовательные компоненты. Стимулирование развития агротуризма в настоящее время осуществляется через внедрение комплексных механизмов в рамках реализации положений «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁰.

⁹ Россельхозбанк рассказал о потенциале развития рынка агротуризма // Официальный сайт Россельхозбанка. – URL: <https://www.rshbl.ru/news/rosselkhozbank-rasskazal-o-potentsiale-razvitiya-rynka-agroturizma/> (дата обращения: 08.11.2024).

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 6 (часть II). – Ст. 1014.

⁸ Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19605> (дата обращения: 22.12.2024).

Основой для функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей служат нормативные правовые акты, которые регулируют различные аспекты этой деятельности, начиная от использования земельных участков и заканчивая стандартами предоставления услуг. Земельное законодательство (Земельный кодекс РФ), а также законодательство в области жилищного права играют важную роль, поскольку регламентируют порядок использования земель и обеспечения средствами размещения для организации сельского туризма, обеспечения агротуристических комплексов объектами инфраструктуры.

При этом на законодательном уровне рассматриваются вопросы внесения изменений в соответствующие нормативные акты в части правовой регламентации понятия «сельский туризм», внесения изменений в разрешительный порядок размещения и использования объектов инфраструктуры для целей оказания туристических услуг в фермерских хозяйствах.

Налоговое законодательство и предоставление налоговых льгот также оказывают влияние на экономическую эффективность агротуризма, снижая финансовую нагрузку на предприятия и стимулируя их развитие. Так, в Нижегородской области в отношении агротуристических объектов введена упрощённая система налогообложения, что даёт возможность установить налоговую ставку в размере 1% вместо 6%. Также предусматривается льгота в виде снижения ставки по налогу на имущество организаций с 2% до 0,55% в отношении основных средств для временного размещения туристов¹¹. Это способствует снижению налоговой нагрузки и росту инвестиционной привлекательности агротуристического направления экономического развития региона.

Важный вклад в развитие регионально-го агротуризма оказывает финансовая поддержка со стороны государственных и муниципальных органов. Это стимулирует при-

влечение инвестиций в сельские районы. Так, на законодательном уровне в законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предусмотрены меры поддержки, включающие предоставление субсидий, налоговых льгот и грантов. Эти меры способствуют снижению барьеров как для начинающих, так и действующих предприятий в сфере агротуризма.

Для развития агротуристического направления на законодательном уровне введена мера поддержки указанного сектора в виде предоставления гранта «Агротуризм». Грант предоставляется с целью стимулирования развития инфраструктуры, повышения качества услуг и продвижения агротуристических продуктов. При этом реализация данного гранта предусматривает финансирование ряда целевых объектов, представленных на рис. 4.

Соответственно, государственное субсидирование данного направления стимулирует развитие инфраструктуры сельских территорий, в том числе подведение коммуникаций, благоустройство территорий и строительство дорожной инфраструктуры. При этом, для целей получения данного финансирования, осуществляется оценка сельскохозяйственных товаропроизводителей в части реализации следующих направлений: планируемое количество новых рабочих мест, индекс объёмов производства сельскохозяйственной продукции и прирост выручки от её реализации, уровень заработной платы работников. Данные аспекты являются индикаторами экономического потенциала региона. Так, в 2023 г. одним из грантополучателей является проект «Юрьевские сады». Данные инвестиции направлены на расширение продаж сельскохозяйственной продукции, производимой хозяйством. Кроме того, предусматривается создание площадки для проведения конференций и семинаров, что позволит привлекать до 600 туристов ежегодно. Ожидается, что выполнение проекта приведёт к увеличению выручки от продажи продуктов питания на 15%¹².

¹¹ Курс на развитие экотуризма: Нижегородская область решила не прятать свою природу от гостей // Стратегия развития Нижегородской области. – URL: <https://strategy.nobl.ru/stati/apk/agroturizm/> (дата обращения: 08.11.2024).

¹² Грант для «Юрьевского» // Торгово-промышленная палата Ярославской области. – URL: <https://yartpp.ru/news/detail/grant-dlya-yureskogo/> (дата обращения: 08.11.2024).

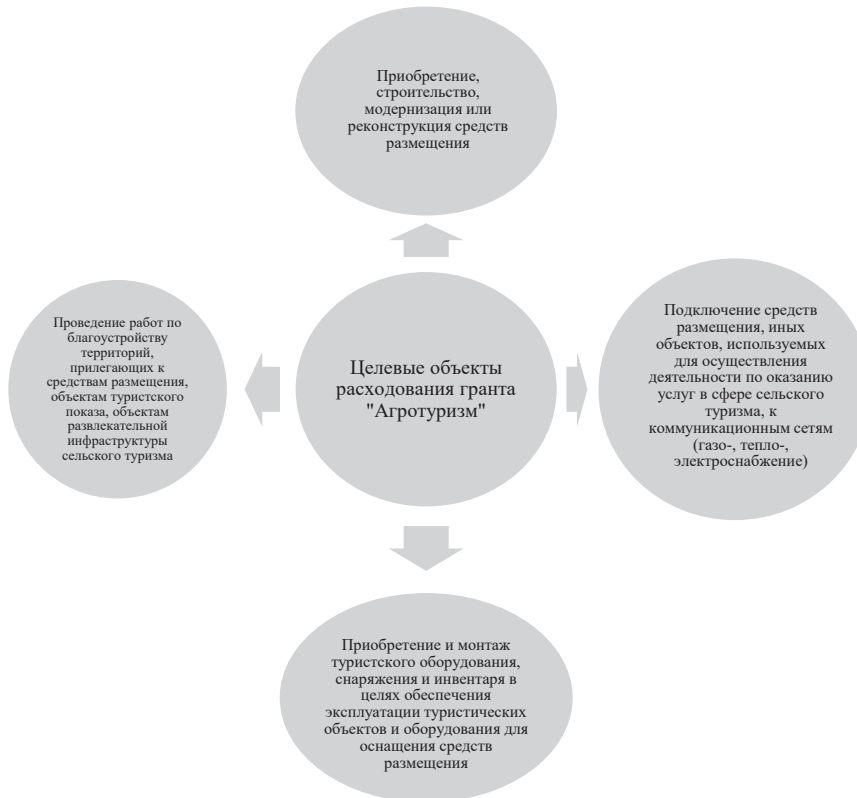

Рис. 4. Целевые объекты расходования гранта «Агротуризм»

Fig. 4. Targets for spending the Agritourism grant

Источник: составлено авторами в соответствии с приказом Минсельхоза России от 02.03.2022 № 116 «Об утверждении перечня целевых направлений расходования гранта «Агротуризм».

В 2023 г. Министерством сельского хозяйства РФ проведён отборочный конкурс, в котором было рассмотрено 164 заявки. По его итогам, в 48 регионах было выбрано 92 проекта для государственной поддержки в 2024 г. с финансированием от 3 до 10 млн рублей в зависимости от доли инвестирования в проект его инициатором¹³. Эти средства предполагается использовать на развитие инфраструктуры для размещения туристов, включая строительство и обустрой-

ство объектов, приобретение туристического оборудования, благоустройство территорий и другие цели.

Россия участвует в реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в рамках двух федеральных проектов «Развитие туристической инфраструктуры» и «Повышение доступности туристических продуктов». Эти мероприятия являются социальными и не финансируются за счёт средств федерального бюджета, но, тем не менее, они способствуют развитию сельского туризма. Так, например, ведётся перечень всех мероприятий, ярмарок, выставок, фестивалей на сельских территориях, которые в дальнейшем будут вклю-

¹³ Протокол заседания Комиссии по организации и проведению отбора проектов развития сельского туризма от 31.08.2023 № ОЛ-10-289 // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. — URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/8e5/vu58vif6pta3h3kumu72np3o5mei0n.pdf> (дата обращения: 08.11.2024).

чаться в туристические маршруты. Эти мероприятия направлены на популяризацию продвижения данного вида туризма. В рамках национального проекта планируется включение сельских туристских маршрутов во все информационные туристические системы, а также формирование календарного плана мероприятий, проводимых на сельских территориях.

Экологическая устойчивость является ещё одним ключевым аспектом, на который оказывает влияние развитие агротуризма. Важность сохранения окружающей среды и биоразнообразия становится особенно актуальной в контексте динамично развивающегося направления туризма. И реализация данного направления стимулирует продвижение современных экологических принципов и «зелёных» трендов, например, чистых практик ведения сельского хозяйства — органического земледелия. В этой связи значительную роль играет государственная поддержка, направленная

на реализацию экологических стандартов и соблюдение законодательных норм.

Важным направлением институциональной поддержки агротуризма является развитие партнёрских отношений между органами власти, частными инвесторами и местными сообществами. Такой подход способствует созданию синергетических связей между всеми участниками процесса, что ускоряет реализацию проектов и повышает эффективность инвестиционных вложений.

Исследование опыта стран Европы в сфере развития агротуризма подчёркивает значимость комплексного подхода, включающего взаимодействие между различными ведомствами и организациями. Данный подход предполагает реализацию совместной деятельности государственных органов, научного сообщества и предпринимателей. Взаимодействие этих ключевых субъектов обеспечивает эффективное развитие сельского туризма (рис. 5).

Рис. 5. Межсекторное взаимодействие в целях развития аграрного туризма

Fig. 5. Inter-sector cooperation for development of agricultural tourism

Источник: составлено авторами.

Так, государственные органы и органы местного самоуправления обеспечивают нормативно-правовую регламентацию порядка реализации агротуризма и меры его поддержки. Профильные некоммерческие организации, образовательные и экспертные организации, в свою очередь, осуществляют информационную, методическую и консультативную поддержку в области развития агротуризма. Субъекты сельского туризма (сельскохозяйственные товаропроизводители, туроператоры, местные жители) непосредственно осуществляют реализацию агротуристической деятельности и активно вовлечены в указанный процесс. Особое значение имеет роль туроператоров, поскольку они обладают необходимыми навыками и механизмами для продвижения данного направления. Тем не менее, следует отметить, что существующие инструменты и стратегии государственного управления в области агротуризма на данный момент реализуются разрозненно, что приводит к неполному освоению потенциала сельских территорий и неудовлетворённости спроса на сельский туризм. Это указывает на потребность в усиленном сотрудничестве и согласованности действий между всеми участниками процесса для гармоничного развития этой сферы.

Кроме того, развитие агротуризма способствует формированию спроса на подготовку специалистов в данном направлении. Является необходимым не только изучение аспектов сельского хозяйства, но и получение знаний по управлению туризмом и предоставлению туристических услуг. Это включает обучение непосредственно товаропроизводителей для организации и эффективного ведения аграрного туризма. Является необходимым организация обучения ведению деятельности в сфере туризма, а также организации предоставления туристических услуг гостеприимства.

Взаимодействие с образовательными учреждениями, включая университеты и техникумы, занимает центральное место в данном направлении. Это сотрудничество позволяет внедрять в учебный процесс новейшие научные инновационные разработки и прикладные знания, что способствует

подготовке специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для успешной работы. Так, на сегодняшний день высшие учебные заведения открывают специальности по направлению «Агротуризм» для целей подготовки специалистов в данном направлении: в Самарском государственном аграрном университете и Уральском государственном аграрном университете реализована подготовка специалистов данного направления, в том числе выделены бюджетные места. Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского осуществляет реализацию программы повышения квалификации по направлению «Агротуризм как инструмент развития сельских территорий»¹⁴.

Проведение образовательных и интегративных мероприятий, таких как семинары, конференции, тимбилдинги и практические занятия, способствует повышению заинтересованности туристов в данном направлении. Они предоставляют посетителям уникальные возможности для обучения и практического применения новых знаний непосредственно в сельской местности. Кроме того, семинары и конференции привлекают специалистов и студентов, заинтересованных в сельскохозяйственных инновациях и устойчивом развитии. Данные мероприятия создают платформу для обмена знаниями и опытом.

Институциональная система развития регионального агротуризма также ориентирована на сохранение культурного наследия через реализацию агротуристических проектов и программ. Это направление не только укрепляет взаимодействие между местными сообществами и туристами, но и обеспечивает формирование уникального туристического продукта, воплощающего местные традиции и ценности. Инвестиции в культурные и образовательные проекты способствуют сохранению и передаче традиционных знаний и обычаев, что является ключевым фактором в развитии сельского туризма. Государственная поддержка в рамках развития агротуризма нацелена, в том

¹⁴ РГУНХ. – URL: <https://dpo.rgunh.ru/courses/896/> (дата обращения: 08.11.2024).

числе, на восстановление памятников деревянного зодчества и памятников культуры, которые являются объектами культурного населения и перспективными направлениями агротуристических направлений. Таким образом, социокультурное влияние институциональной поддержки на агротуризм охватывает широкий спектр взаимосвязанных сфер, от стимулирования экономического развития до укрепления социальных и культурных связей.

Агротуризм является «инструментом» использования всего потенциала сельской местности с её природным, сельскохозяйственным, экономическим, социокультурным потенциалом. Он представляет собой один из наиболее перспективных и экологически стабильных видов туризма, который способствует диверсификации экономики сельских районов. Институциональ-

ная система оказывает комплексное влияние на развитие структур регионального агротуризма. Она предоставляет необходимую правовую, финансовую, образовательную и социальную поддержку, содействует сохранению культурного наследия и экологическому равновесию. Это также стимулирует рост благосостояния сельскохозяйственных товаропроизводителей. На сегодняшний день, осуществляется разработка и внедрение различных мер стимулирования агротуризма, вносятся соответствующие изменения в правовую регламентацию данного направления в целях повышения эффективности деятельности и развития инфраструктуры агротуристических объектов. Эффективно разработанная комплексная институциональная система способствует диверсификации региональной экономики, снижению миграции сельского населения, развитию региональной инфраструктуры, улучшению условий жизни и росту туристического потока.

Литература и Интернет-источники

1. **Оборин, М.С.** Устойчивое развитие аграрного туризма на основе использования потенциала сельских территорий / М.С. Оборин // Сервис plus. — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 43–52. DOI: 10.24411 / 2413-693X-2018-10205; EDN: UUPBQM
2. **Власов, А.В.** Современные проблемы региональной экономической интеграции (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза) / А.В. Власов, А.А. Галушкин, В.Ю. Дианова [и др.]. — Москва : КноРус, 2019. — 268 с. EDN: YXCJB]
3. **Иванова, Н.А.** Методологические основы стратегического развития региональной экономической системы / Н.А. Иванова // Управление и экономика: исследования и разработки. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2021. — С. 52–64. EDN: OKLLEQ
4. **Parker, C.** Snowball Sampling. SAGE Research Methods Foundations / C. Parker, S. Scott, A. Geddes // SAGE Research Methods Foundations. — URL: core.ac.uk/download/pdf/211022791.pdf (дата обращения: 08.11.2024).
5. **Lak, A.** Leveraging Agritourism in Rural Areas in Developing Countries: The Case of Iran / A. Lak, O. Khairabadi // Frontiers in Sustainable Cities. — 2022. — Vol. 4. DOI: 10.3389 / frsc.2022.863385
6. **Евграфова, Л.В.** Методологические подходы к оценке мультипликативного эффекта туризма в экономике / Л.В. Евграфова // Сервис в России и за рубежом. — 2022. — Т. 16. — № 5. — С. 11–20. EDN: JXOTMI; DOI: 10.5281 / zenodo.7393825
7. **Veljkovic, B.** Agritourism and rural development / B. Veljkovic, Z. Brocic // Tourism in function of development of the Republic of Serbia. — 2017. — P. 480–499.
8. **Дмитриева, О.А.** Экономические аспекты развития агротуризма: опыт России и зарубежных стран / О.А. Дмитриева, М.В. Ферафонтова, В.А. Шумаев // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 12(91). — С. 314–315. EDN: VLLPMT
9. **Shumaev, V.A.** Innovative aspects of agritourism project management / V.A. Shumaev, D.E. Morkovkin, I.L. Yurzinova [et al.] // Financial and Economic Tools Used in the World Hospitality Industry: Proceedings of the 5th International Conference on Management and Technology in

Knowledge, Service, Tourism and Hospitality (Бали, 21–22 октября 2017 г.). — Bali : CRC Press, 2018. — P. 241–248. EDN: YBIVIL

10. **Guluzade, S.B.** The Role of Sustainable Tourism in the Development of the Regional Economy / S.B. Guluzade // International Journal of Innovative Technologies in Economy. — 2023. — No. 3(43). DOI: 10.31435 / rsglobal_ijite / 30092023 / 8020

Сведения об авторах:

Дмитриева Ольга Александровна, к.э.н., доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: oladmitrieva@fa.ru; РИНЦ SPIN-код: 1252–3789.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

Поляков Антон Евгеньевич, к.э.н., доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: aepolyakov@fa.ru, ORCID ID: 0000-0002-2572-7631, Elibrary SPIN-код: 9423–4464.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-190-203

DEVELOPMENT OF AGRITOURISM AS A FACTOR IN DIVERSIFICATION OF REGIONAL ECONOMY: IMPACT ON THE QUALITY OF LIFE OF RURAL POPULATION

Olga A. Dmitrieva¹, Dmitry E. Morkovkin^{1*}, Yury A. Simagin², Anton E. Polyakov¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

For citation:

Dmitrieva O.A., Morkovkin D.E., Simagin Yu. A., Polyakov A.E. Development of agritourism as a factor in diversification of regional economy: impact on the quality of life of rural population. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 190-203. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-190-203 (in Russ.)

Abstract. The relevance of the study is due to the growing interest in rural tourism, caused by the high level of urbanization and the need for outdoor recreation, as well as its multiplier impact on both the economy and the socio-cultural sphere of the village. The article explores agritourism as a mechanism for diversifying the regional economy and its role in the socio-economic development of rural areas in order to improve the quality of life of rural population. In Russian agriculture, there are a number of social problems that are extremely acute and require primary attention, in particular, the problems of rural employment, health, education, and leisure. Solution of these problems will contribute to

a social upsurge of the constituent entities of the Russian Federation. The authors analyze the current state and prospects for development of agritourism in Russia, highlighting a significant gap between its potential and implementation in comparison with the experience of European countries, where it is one of the priority areas. Scientific theoretical approaches to identifying the role of agricultural tourism and its impact on sustainable regional development are also investigated. The article analyzed the multiplicative impact of agritourism on the countryside. It manifests itself through stimulating economic activity, strengthening social ties and cultural heritage, as well as through promotion of environmentally sustainable practices in rural areas. The authors note that for a sustainable growth of the regional agritourism, effective interaction of institutional structures with the development trends of this area is necessary. The article analyzes the impact of the components of the institutional structure on the effectiveness of the development of agritourism.

Keywords: quality of life, agricultural tourism, rural population, economic diversification, sustainable development of rural territories, institutional impact, national projects.

References and Internet sources

1. Oborin M.S. Ustoychivoye razvitiye agrarnogo turizma na osnove ispol'zovaniya potentsiala sel'skikh territoriy [Sustainable development of agricultural tourism based on the use of the potential of rural areas]. *Servis plus [Service plus]*. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 43–52. DOI: 10.24411 / 2413-693X-2018-10205 (in Russ.)
2. Vlasov A.V., Galushkin A.A., Dianova V.Yu., et al. Sovremennyye problemy regional'noy ekonomicheskoy integratsii (na primere Yevropeyskogo soyuza i Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza) [Modern Problems of Regional Economic Integration. (On the Example of the European Union and the Eurasian Economic Union)]. Moscow. KnoRus. 2019. 268 p. (in Russ.)
3. Ivanova N.A. Metodologicheskiye osnovy strategicheskogo razvitiya regional'noy ekonomicheskoy sistemy [Methodological foundations of the strategic development of the regional economic system]. Upravleniye i ekonomika: issledovaniya i razrabotki [Management and Economics: Research and Development]. Penza. Penza State Agrarian University. 2021. P. 52–64. (in Russ.)
4. Parker C., Scott S., Geddes A. *Snowball Sampling*. SAGE Research Methods Foundations. Available at: core.ac.uk/download/pdf/211022791.pdf (Accessed: 8 November 2024).
5. Lak A., Khairabadi O. Leveraging agritourism in rural areas in developing countries: The case of Iran. [Frontiers in Sustainable Cities]. 2022. Vol. 4. DOI: 10.3389 / frsc.2022.863385
6. Evgrafova L.V. Metodologicheskiye podkhody k otsenke multiplikativnogo effekta turizma v ekonomike [Methodological approaches to assessing the multiplicative effect of tourism in the economy]. *Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and Abroad]*. 2022. Vol. 16. No. 5. P. 11–20. DOI: 10.5281 / zenodo.7393825 (in Russ.)
7. Veljkovic V., Brocic Z. Agritourism and rural development. *Tourism in Function of Development of the Republic of Serbia*. 2017. P. 480–499.
8. Dmitrieva O.A., Ferafontova M.V., Shumaev V.A. Ekonomicheskiye aspekty razvitiya agroturizma: opyt Rossii i zarubezhnykh stran [Economic aspects of agritourism development: experience of Russia and foreign countries]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2015. No. 12(91). P. 314–315. (in Russ.)
9. Shumaev V.A., Morkovkin D.E., Yurzinova L.L., et al. Innovative aspects of agritourism project management. *Financial and Economic Tools Used in the World Hospitality Industry: Proceedings of the 5th International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism and Hospitality* (Bali, October 21–22, 2017). Bali. CRC Press. 2018. P. 241–248.
10. Guluzade S.B. The role of sustainable tourism in the development of the regional economy. *International Journal of Innovative Technologies in Economy*. 2023. No. 3(43). DOI: 10.31435 / rsglobal_ijite / 30092023 / 8020

Information about the authors:

Dmitrieva Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: oladmitrieva@fa.ru, Elibrary SPIN-code: 1252–3789.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Polyakov Anton Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: aepolyakov@fa.ru, ORCID ID: 0000–0002–2572–7631, Elibrary SPIN-code: 9423–4464

Статья поступила в редакцию 27.10.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-204-214
EDN: OQVLDA

ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Фролова Е.В.*, Тюриков А.Г.

Финансовый университет при Правительстве РФ
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: efrolova06@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Для цитирования:

Фролова Е.В., Тюриков А.Г. Институт семьи как фактор формирования доверия в современных экономических отношениях // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 204-214.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-204-214; EDN: OQVLDA

Аннотация. Институт семьи представляет собой первичную среду формирования экономических знаний и ценностей молодёжи, развития её финансовой культуры. Трансляция семейного опыта в сфере инвестиций, сбережений, управления финансами, позитивного отношения к предпринимательству обеспечивает ценностно-смысловое формирование и развитие доверия в экономических отношениях. Результаты исследований демонстрируют противоречие между признанием семьи как приоритета в системе ценностей россиян и снижением её функциональной значимости в процессе социализации молодёжи и формирования доверия. На основе анализа научных публикаций и результатов исследований в статье выделяются факторы, инициирующие кризис института семьи, сужение границ её влияния на модели экономического поведения молодёжи, снижение доверия. К таким факторам отнесены следующие: доминирование ценностей общества потребления, размывание культуры семейных отношений, разрывы межпоколенных связей в семье, деинституционализация «домашнего ухода» в лице дедушек и бабушек, свидетельства потери и / или изъятия финансовых активов семей в годы реформ и политических потрясений, закреплённые в исторической памяти российских поколений. Данные деструкции обуславливают девальвацию ценностей сберегательного поведения, формирование дефицита доверия в экономике, наращивание кредитной задолженности, снижение мотивации предпринимательства. Результаты экспертного опроса показали, что оценки ценностей и смыслов семьи как механизма воспроизводства доверия в экономике центрируются в низком диапазоне (2,84 балла из 5). Детализация ответов экспертов иллюстрирует следующие распределения оценок: в сфере сбережений (4,5 балла), в сфере трудовых отношений (3,0), бизнеса и предпринимательства (3,63), в финансовой сфере (2,8). В статье делается вывод о необходимости популяризации успешных семейных традиций сберегательного и инвестиционного поведения, реализации предпринимательских инициатив и накопления семейного капитала.

Ключевые слова: доверие, семья, воспроизводство доверия, экономические отношения, сберегательное поведение, предпринимательство.

Постановка проблемы

Доверие представляет собой сложный, многогранный социальный феномен, формирование которого обусловлено воздействием социально-экономических, культурных и политических факторов [1]. В современных условиях детерминантами дефицита доверия в экономических отношениях становятся геополитическая напряженность, влияние санкций, неопределённость будущего, функциональная слабость финансовых институтов, разрыв логистических цепочек [2]. Тенденции развития доверия в новых условиях отличаются снижением социальной консолидации и изменением характера экономических взаимодействий на различных уровнях их реализации (микро-, мезо- и макроуровнях). В современном обществе усиливаются настроения «деперсонификации» экономических отношений и рост неопределённости, что существенно затрудняет не только выстраивание конструктивных связей, но и сохранение устойчиво позитивного восприятия окружающей реальности. Дефицит доверия провоцирует такие деструкции в экономике, как низкая предсказуемость поведения хозяйствующих субъектов, увеличение транзакционных издержек, девальвация установленных норм экономического взаимодействия [3]. В этом контексте возрастает значимость исследования процессов развития доверия, анализа механизмов его формирования. Особую важность данный вопрос приобретает в условиях актуализации общественных потребностей, связанных с развитием доверия как фактора поддержания стабильности, роста экономики, достижения социального благополучия [4].

В трудах зарубежных учёных отмечается, что доверие выступает в роли социального капитала [5], способствующего достижению личностных целей [6]. Традиционным социальным механизмом, который формирует «общий фон доверия» выступает институт семьи. Прочность семейных взаимосвязей играет роль своеобразного трамплина для прыжка к доверию в тех жизненных пространствах, которые расположены вне сферы их прямого воздействия [7].

Что касается экономических отношений, то именно в рамках института семьи представляется наиболее конструктивным использование такого инструмента воспроизводства доверия, как популяризация успешных финансовых практик и накопления финансового капитала. Как справедливо отмечают российские учёные, семья представляет собой первичную среду формирования знаний и навыков в сфере экономических отношений и управления личными финансами [8]. Атрибутика финансового благополучия семьи, трансляция успешного опыта инвестиций и сбережений обеспечивает не только развитие финансовой грамотности, но и закрепление позитивных результатов экономических взаимодействий в личностных установках и ценностях, воспроизводства доверия в экономике.

В современных условиях, по мнению О.А. Ефановой и М.П. Пискаловой-Паркер, присутствует действие негативно окрашенных детерминант, свойственных переходным стадиям развития экономики, что обуславливает формирование «ценностной поливариантности» в общественных отношениях [9]. Развивает данную идею вывод Н. А Царевой о цивилизационной трансформации, повлекшей за собой «размывание культуры семейных отношений» [10]. Особенно негативно сказалось размывание культуры семейных отношений на финансовом опыте российских семей, что можно рассматривать в качестве лимитирующего фактора воспроизводства доверия в экономике. Российские учёные выделяют такие деструкции, как разрыв финансовых связей между поколениями, краткосрочные горизонты владения финансовыми активами, наличие рисков изъятия капитала [11]. Каждое новое поколение XX в. вынуждено было формировать собственные стратегии накопления капитала с «нулевой» базы вне семейного наследия. Анализ данных тенденций позволяет установить взаимосвязь между разрывом финансовых связей поколений, отсутствием гарантий сохранения наследственного капитала и низким уровнем доверия.

Методы, результаты и обсуждение

Анализ функциональной роли семьи в процессах воспроизводства доверия базируется на результатах массовых опросов, проведённых ведущими социологическими центрами РФ: 1) «Семья как ценность», проведённое Всероссийским Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в январе 2024 г. (телефонное интервью, N=1600); 2) «О разных поколениях» — Фондом Общественное мнение (ФОМ) (сентябрь 2020 г., N=1000); 3) «Предпринимательство в России: отношения россиян, барьеры» — ВЦИОМ (февраль 2019 г., N=1600); 4) «Условия для предпринимательства в России» — ФОМ (июль 2019 г., N=1500). Кроме того, авторы в своем исследовании опирались на результаты экспертного опроса (N=32 эксперта), раскрывающего функциональную роль и специфику действия социальных механизмов воспроизводства доверия в экономических отношениях.

Результаты исследования отчасти были изложены в ранее опубликованной статье¹, но ограничения по объёму не позволили дать детализированную оценку факторов, снижающих функциональную роль семьи в развитии доверия. Цель данной статьи — анализ значимости института семьи в процессе воспроизводства доверия, определение детерминант сужения границ воздействия семьи на формирование доверия в экономических отношениях. Гипотеза исследования: несмотря на признание высокой значимости семьи в ценностных ориентациях российского общества, функциональная роль института семьи как механизма формирования доверия в экономических отношениях снижается.

Как показывают результаты исследования ВЦИОМ, в числе приоритетных ценностей российского общества «крепкая семья» занимает верхние строки рейтинга (67%). Помимо признания ценностной значимости, создание семьи относится к числу важнейших целей для жизни человека (87%).

Отметим, что молодёжь, оценивая свои жизненные приоритеты, менее единодушна (только 70% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет разделяют данную позицию)².

Несмотря на признание семьи в качестве приоритетной ценности и жизненной цели, институт семьи в современных условиях переживает кризис. Семья подвергается разрушительному воздействию таких факторов, как нарастание агрессивности, доминирование потребительских ценностей, углубление социального неравенства. Кризис института семьи находит отражение в деформации семейных ценностей (отрицание большой семьи или отказ от брака), отложенном деторождении, массовых девиаций нравственной составляющей, росте разводов [12]. Рост стат фиксирует негативные тенденции, связанные, как с высокой долей разводов (6,5 разводов на 10 браков), так и со снижением суммарного коэффициента рождаемости (1,78 в 2015 г. и 1,42 в 2022 г.)³.

По мнению учёных, кризисное состояние современной российской семьи отражается и в резком социальном расслоении между возрастными когортами [13], разрыве межпоколенных связей. В исследованиях отмечается наличие ряда деструктивных тенденций, снижающих значимость института семьи в практиках воспроизводства доверия: трансформация гендерных ролей, деградация духовного содержания семейных отношений, рассогласование ценностей [14; 15]. Дополнительным фактором риска становится отрицание ценности накопленных знаний в «серебряном возрасте», инфляция идей о духовно-интеллектуальном богатстве старости, бережного отношения к пожилым членам семьи, как к носителям опыта поколений. Роль стариков как носителей мудрости зачастую нивелируется, что снижает возможности института семьи в формировании доверия. Ориентация на ценности общества потребления приводит к практикам наращивания кредитной задолженности, искажению смыслов сбере-

¹ Фролова Е.В., Тюрников А.Г. Механизмы формирования доверия в экономике: специфика и оценка функционального состояния // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 14–25.

² Семья как ценность. 2024 год // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semjakkak-cennost> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. // Росстат. — Москва, 2023. — 256 с.

гательного финансового поведения в опыте российских семей [16].

Как показывают результаты исследований, развитие межпоколенных взаимодействий в семье, с одной стороны, выступает одним из важнейших запросов в обществе, с другой — данные практики не всегда удовлетворяют социальные потребности и ожидания различных поколений. Так, результаты опроса ФОМ иллюстрируют полярность восприятия отношений между старшим поколением и молодёжью во взглядах представителей данных демографических групп. В частности, только 37% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет считают, что старшее поколение относится к молодёжи «скорее положительно» (для сравнения данный вариант ответа выбрали 62% людей в возрасте от 60 лет). Вызывает тревогу тот факт, что более 1 / 3 молодых людей (38%) считают, что молодёжь отрицательно относится к старшему поколению. Почти 2 / 3 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (59%) полагают, что «есть вопросы, в которых молодёжь и люди старшего поколения не способны понять друг друга, прийти к согласию»⁴. По мнению Б.С. Павлова, серьёзным вызовом институту семьи

стал процесс деинституционализации домашнего ухода, прежде всего, представителями старшего поколения в лице бабушек и дедушек [17].

Именно старшее поколение зачастую выступает носителем опыта и традиций сберегательного поведения. Жизненный опыт в возрасте от 55 лет зачастую заменяет финансовое образование, что определяет значимость межпоколенных связей в процессе трансляции сберегательных стратегий и доверия в экономике. Как отмечает Е.Л. Круглова, только интеграция опыта предков и старших поколений, семейной социализации и результатов освоения современных экономических компетенций могут обеспечить формирование эффективного финансового поведения личности [18].

Большинство респондентов (78%) считают, что именно семья определяет «то, какими вырастут дети». Только 14% отводит ключевую роль обществу, школе и окружению в данном вопросе. При этом, однако, результаты исследования ВЦИОМ иллюстрируют тревожный тренд снижения значимости семьи как механизма формирования личностных установок индивида в ответах молодого поколения (рис. 1).

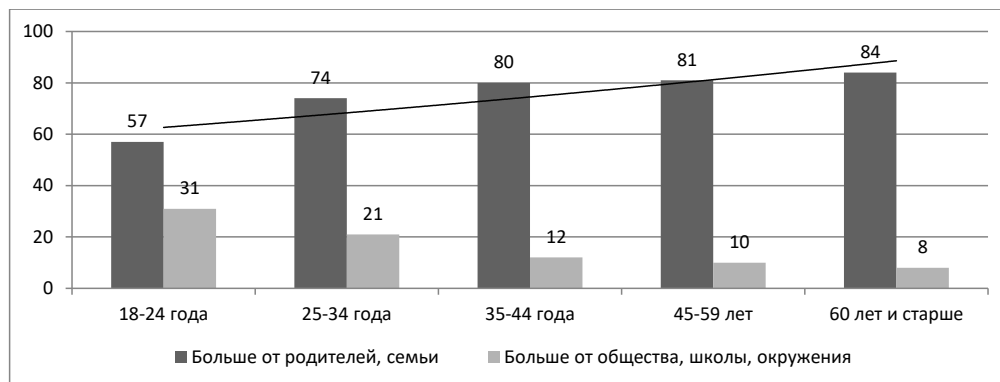

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как вам кажется, от кого больше зависит воспитание детей: от родителей и семьи или от общества, школы, окружения?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «In your opinion, on whom does the upbringing of children depend more, what kind of children will they grow up to be: more on their parents, family, or more on society, school, environment?», %

Источник: результаты исследования ВЦИОМ «Семья как ценность». — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ О разных поколениях. 2020 год // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14478> (дата обращения: 16.06.2024).

Указанные тренды позволяют высказать предположение об ослаблении функциональной роли семьи, как в целом в формировании общих ценностей подрастающего поколения, так и, в частности, в процессах трансляции и закрепления норм доверия. Данные выводы подтверждаются результатами экспертного опроса (рис. 2). Ценностям и смыслу семьи,

как механизмам формирования доверия в современных экономических отношениях, эксперты поставили 2,84 балла из пяти. При этом такие механизмы, как информация и смыслы, транслируемые через неофициальные каналы (блоги, социальные сети, независимые СМИ) занимают верхние строки рейтинга в оценках экспертов (оценка 3,54 балла).

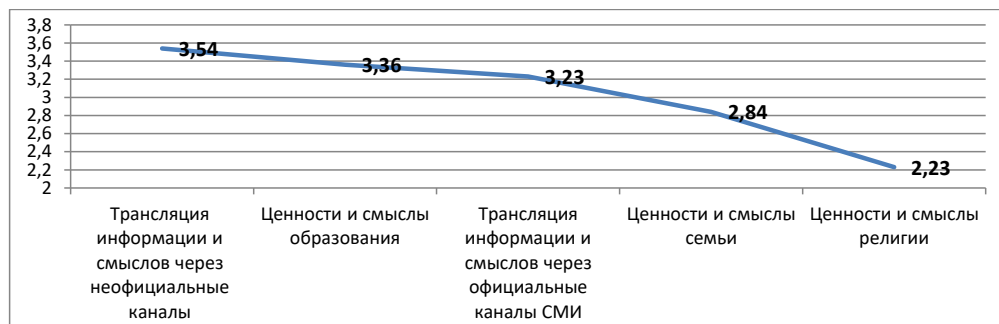

Рис. 2. Оценки функционального состояния социальных механизмов формирования доверия в современных экономических отношениях

Fig. 2. Assessments of the functional state of social mechanisms building trust in modern economic relations

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Полученные результаты свидетельствуют, что семья утрачивает свои позиции в практиках формирования доверия и экономической социализации подрастающего поколения. Внешние источники становятся более значимым фактором накопления информации и знаний об экономических взаимодействиях. Российские учёные отмечают, что одной из наиболее значимых детерминант, определяющих трансформацию процессов развития доверия, в последние годы становится масштабная цифровизация всех сфер общественной жизни. Данный тренд обусловил «стремительную виртуализацию» социальных отношений, модернизацию практик обмена информацией, количественные и качественные изменения в системе коммуникаций [19]. Глобализация информационного пространства (расширение возможностей и средств коммуникаций, рост темпов внедрения новых информационных технологий) оспаривает «монополию» семьи на формирование цен-

ности доверия. По мнению А.В. Верещагиной, следствием данных процессов становится сужение радиуса доверия до микромира семейных интеракций [20].

По мнению Н.Е. Хагуровой, деструктивные тенденции функционирования института семьи связаны не только с показателями репродуктивного поведения женщин, брачности и разводимости, но и с «потребительской деформацией» моделей взаимодействия в благополучных семьях. Делается вывод, что семейная забота часто ограничивается материальным обеспечением детей, а совместный досуг представляет собой обособленные практики пребывания в информационном пространстве. «Виртуальная изоляция» детей в современных условиях иллюстрирует функциональную слабость института семьи в практиках трансляции знаний и опыта [21]. Усиление кредитной нагрузки, сложность поддержания материального благополучия семьи в условиях кризиса экономической сферы диктуют

необходимость пересмотра женщиной ее профессиональных стратегий, «формирует новый гендерный порядок» (одна из оценок экспертов). Можно также отметить усиление новых вызовов институту семьи, которые связаны с нарастающими тенденциями представительства антисемейных идеологием в международных СМИ. Таким образом, отмечается инверсия семейных ролей и ценностей. Инверсность иллюстрируется в подмене традиционных функций, выполняемых членами семьи, ориентацией на достижение материальных успехов, снижении эффективности реализации функции социализации. В этих условиях поддерживать ценность доверия институтом семьи становится затруднительно.

Анализ ответов экспертов показывает, что ценности и смыслы семьи имеют наибольший вес в практиках воспроизводства доверия для сферы сбережений (4,5 балла). Что касается финансовой сферы и института собственности, то здесь экспертные оценки центрируются в нижнем диапазоне (2,8 и 2,29 баллов соответственно). В ходе интервью эксперты пояснили свою позицию, высказав предположение, что, с одной стороны, люди опираются на ценности и смыслы семьи, но, с другой, личный опыт взаимодействия в финансовой сфере приобретает приоритетное значение в процессе принятия решений. Иллюстрация данной точки зрения содержится в следующем высказывании эксперта: «Да, семья предопределяет всё, но, став взрослыми, люди принимают свои решения, берут кредиты, например, это их опыт».

Недостаточную эффективность ценности и смыслы семьи, по мнению экспертов, показывают в практике воспроизводства доверия в сфере трудовых отношений, бизнеса и предпринимательства (3,0 и 3,63 балла соответственно). Указанные обстоятельства позволяют предположить, что институт семьи в современных условиях не позволяет в полной мере обеспечивать мотивацию и готовность молодёжи к предпринимательской деятельности. Кризис доверия в сфере бизнеса и предпринимательства подтверждают результаты опроса ВЦИОМ.

Так, большинство опрошенных респондентов (62%) полагает, что в России сегодня невозможно «вести честный бизнес, ничего не скрывая и никого не обманывая»: 24% выбрали вариант ответа «безусловно, нет», 38% — «скорее, нет»⁵.

Учитывая комплексность и масштабность проблемы дефицита доверия в экономике, видится целесообразным наращивание функциональной значимости института семьи. Трансляция успешного экономического опыта семьи, популяризации семейного опыта инвестирования, сберегательного поведения, формировании финансовых связей и накопления семейного капитала, развития семейного предпринимательства может дополнять и усиливать влияние других социальных механизмов развития доверия.

Заключение

Как результаты исследований, так и анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что семья, несмотря на деструктивное влияние внешних факторов, остаётся лидером сохранения традиционных ценностей российского общества, передачи опыта и знаний подрастающему поколению. Институт семьи обеспечивает интеграцию молодёжи в общественную среду, создаёт условия для достижения ею социальной зрелости путём формирования знаний, навыков и поведенческих моделей во всех сферах общественной жизни, в том числе в экономике. Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что семейные ценности занимают верхние строки рейтинга в приоритетах россиян, а создание семьи, по мнению респондентов, относится к числу важнейших целей в жизни человека.

Однако, как показывают результаты исследований, семья в современных условиях утрачивает свои лидирующие позиции в практиках передачи подрастающему поколению соответствующих знаний, цен-

⁵ Предпринимательство в России: отношения россия, барьеры. 2019 год // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / predprinimatelstvo-v-rossii-otnoshenie-rossiyan-baryery> (дата обращения: 16.06.2024).

ностей и опыта, прежде всего в экономических отношениях. Кризис института семьи, обусловленный размыванием культуры семейных отношений, приводит к сужению границ её влияния на модели экономического поведения молодёжи. Отдельного внимания заслуживают нарастающие тенденции разрыва межпоколенных связей в семье, обесценивание опыта и знаний «третьего» возраста.

Ситуацию усугубляет недостаточность позитивного финансового опыта российских семей, а также свидетельство утраты семейных капиталов в 90-е годы российских реформ, а также революционных потрясений начала XX века. Результаты опроса экспертов показали, что средние оценки функционирования института семьи в качестве механизма воспроизводства доверия в экономике составляют 2,84 балла из пяти возможных.

Для российского населения характерны представления о преобладании неблагоприятных условий для ведения бизнеса. К последствиям снижения функциональной значимости института семьи как механизма воспроизводства доверия можно отнести такие деструктивные проявления экономического поведения, как снижение мотивации предпринимательской деятельности, сужение практик сберегательного финансового поведения, увеличение кредитной задолженности. Приоритетными направлениями повышения эффективности института семьи как механизма воспроизводства доверия могут стать следующие: популяризация успешных семейных традиций сберегательного и инвестиционного поведения, накопления семейного капитала, реализации предпринимательских инициатив.

Литература и Интернет-источники

1. **Веселов, Ю.В.** Трансформация культуры доверия в России / Ю.В. Веселов, Н.Г. Скворцов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 1. — С. 157–179. DOI: 10.14515 / monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNQ
2. **Антонюк, В.П.** Дефицит доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях: устранять или наращивать / В.П. Антонюк, Я.С. Иванова, С.М. Кулешов, А.С. Морозова // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 9. — С. 19–25. EDN: ESDHBX
3. **Фролова, Е.В.** Институциональное доверие в российских регионах / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Вестник Пермского университета. Политология. — 2022. — Т. 16. — № 2. С. 49–58. DOI: 10.17072 / 2218-1067-2022-2-49-58. EDN: GYMMJT
4. **Власова, А.В.** Феномен доверия в отечественном научном дискурсе / А.В. Власова, А.Г. Тюрников, А.С. Дронова, [и др.] // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12. — № 5. — С. 70–78. DOI: 10.26794 / 2226-7867-2022-12-5-70-78; EDN: KNCSUM
5. **Бурдые, П.** Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74. EDN: OYUVRD
6. **Коулман, Д.** Капитал социальный и человеческий / Д. Коулман // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 122–139.
7. **Штомпка, П.** Социология: Анализ современного общества / П. Штомпка; перевод с польского С.М. Червонной. — Москва : Логос, 2005. — 664 с.
8. **Бекирова, С.Э.** Повышение эффективности управления личными финансами на этапах жизненного цикла семьи / С.Э. Бекирова // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2019. — № 1(46). — С. 25–32. EDN: VZTSHX
9. **Ефанова, О.А.** Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений / О.А. Ефанова, М.П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 26–36. DOI: 10.19181 / population.2020.23.2.3; EDN: VTOKOQ
10. **Царева, Н.А.** Кризис доверия в семье как отражение кризиса в обществе / Н.А. Царева // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. — 2015. — № 5. — С. 136–141. EDN: UNASUD

11. **Белоновская, А.М.** Институциональное доверие как фактор финансового благополучия домохозяйств: международные и национальные аспекты / А.М. Белоновская, Н.Г. Баландина, Е.П. Збировская // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 12. — С. 244–248. EDN: VMKXDF
12. **Гурджиян, М.В.** Кризис семьи в современной России и пути его преодоления / М.В. Гурджиян // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 1. — С. 59–62. EDN: XISEWJ
13. **Смагина, М.В.** Социокультурная трансформация семьи в современной России как фактор неблагополучия / М.В. Смагина // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2016. — № 2. — С. 110–114. EDN: VVJBJN
14. **Доброхлеб, В.Г.** Семья перед лицом новых социальных вызовов / В.Г. Доброхлеб, Е.А. Баллаева // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 60–68. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-05; EDN: XWETKP
15. **Устинова, О.В.** Преодоление кризиса института семьи в России / О.В. Устинова, И.В. Пивоварова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2014. — № 1. — С. 78–82. EDN: RZRZDH
16. **Натсак, О.Д.** Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований) / О.Д. Натсак // Власть. — 2022. — Т. 30. — № 1. — С. 180–190. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8803; EDN: EPKFUA
17. **Павлов, Б.С.** Сбережение социального института родительской семьи как залог воспроизводства демографического благополучия регионального социума (теоретические посылы и практика анализа (1971–2021 гг.)) / Б.С. Павлов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2021. — № 3. — С. 62–81. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.5; EDN: UTCSGA
18. **Круглова, Е.Л.** Экономические стереотипы российских семей через призму пословиц и поговорок / Е.Л. Круглова // Социодинамика. — 2023. — № 7. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43831; EDN: VKXSSA
19. **Алексеев, М.С.** Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения / М.С. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2023. — № 71. — С. 177–191. DOI: 10.17223/1998863X/71/17; EDN: IUNVFC
20. **Верещагина, А.В.** Семья в формировании ценности доверия в молодежной среде современного российского города / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиятулина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. — 2016. — № 2(41). — С. 25. EDN: WWRHPB
21. **Хагурова, Н.Е.** Современная семья и воспитание: феноменология кризиса / Н.Е. Хагурова // Народное образование. — 2013. — № 7. — С. 207–213. EDN: RAGQRD

Сведения об авторах:

Фролова Елена Викторовна, д.соц.н., проф., проф. Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: efrolova06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; РИНЦ SPIN-код: 4098–3475.

Тюриков Александр Георгиевич, д.соц.н., проф., зав. кафедрой Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия,

Контактная информация: e-mail: AGTyurikov@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8388-9543; РИНЦ SPIN-код: 9908–3150.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-204-214

INSTITUTE OF FAMILY AS A FACTOR OF FORMING TRUST IN MODERN ECONOMIC RELATIONS

Elena V. Frolova*, Aleksandr G. Tyurikov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49, Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

**E-mail: efrolova06@mail.ru*

Funding:

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation:

Frolova E.V., Tyurikov A.G. Institute of family as a factor of forming trust in modern economic relations. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 204-214. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-204-214 (in Russ.)

Abstract. *The institution of family represents the primary environment for formation of economic knowledge and values of young people, development of their financial culture. The transmission of family experience in the field of investment, savings, financial management, and a positive attitude towards entrepreneurship provides value and semantic content to the process of forming and developing trust in economic relations. The research results demonstrate the contradiction between the recognition of the family as a priority in the value system of Russians and the decrease in its functional significance in the process of socialization of young people and formation of trust. Based on the analysis of scientific publications and research results, the article identifies the factors that initiate the crisis of the family institution, the narrowing of the boundaries of its influence on the economic behavior patterns of young people, and the decline in trust. These factors include the following: dominance of the values of the consumer society, erosion of the culture of family relations, breaks in intergenerational ties in the family, deinstitutionalization of «home care» in the person of grandparents, loss and / or seizure of financial assets of families during the years of reforms and political upheavals, consolidated in the historical memory of Russian generations. These destructions cause a devaluation of the values of saving behavior, formation of a deficit of trust in the economy, an increase in credit debt, and a decrease in the motivation of entrepreneurship. The results of the expert survey show that assessments of the values and meanings of family as a mechanism for reproduction of trust in the economy are centered in the low range (2.84 points out of 5). The details of the experts' answers illustrate the following distributions of assessments: in the field of savings (4.5 points), in the field of labor relations (3.0), in business and entrepreneurship (3.63), in the financial sphere (2.8). The article concludes that it is necessary to popularize successful family traditions of saving and investment behavior, implementation of entrepreneurial initiatives and accumulation of family capital.*

Keywords: *trust, family, reproduction of trust, economic relations, saving behavior, entrepreneurship.*

References and Internet sources

1. Veselov Yu. V., Skvortsov N.G. Transformatsiya kul'tury doveriya v Rossii [Transformation of the culture of trust in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2023. No. 1. P. 157–179. DOI: 10.14515 / monitoring.2023.1.2212 (in Russ.)

2. Antonyuk V.P., Ivanova Ya. S., Kuleshov S.M., Morozova A.S. Defitsit doveriya v transformiruyushchihsya sovremennykh ekonomicheskikh otnosheniyakh: ustranyat' ili narashchivat' [The deficit of trust in the transforming modern economic relations: to eliminate or increase]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. 2023. No. 9. P. 19–25. (in Russ.)
3. Frolova E.V., Rogach O.V. Institutsional'noye doverije v rossijskikh regionakh [Institutional trust within Russian regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 49–58. DOI: 10.17072 / 2218-1067-2022-2-49-58 (in Russ.)
4. Vlasova A.V., Tyurikov A.G., Dronova A.S., et al. Fenomen doveriya v otechestvennom nauchnom disкурсе [The phenomenon of trust in domestic scientific discourse]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 70–78. DOI: 10.26794 / 2226-7867-2022-12-5-70-78 (in Russ.)
5. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaja sotsiologija [Journal of Economic Sociology]*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (in Russ.)
6. Coleman J. Kapital sotsial'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2001. No. 3. P. 12–139. (in Russ.)
7. Sztompka P. Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva [Sociology: Analysis of Modern Society]. Trans. from Polish by S.M. Chervonna. Moscow. Logos. 2005. (in Russ.)
8. Bekirova S.E. Povysheniye effektivnosti upravleniya lichnymi finansami na etapakh zhiznennogo tsikla sem'i [Improving the efficiency of personal finance management at the stages of the family life cycle]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii [Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments]*. 2019. No. 1(46). P. 25–32. (in Russ.)
9. Efanova O.A., Pisklakova-Parker M.P. Sovremennaya rossijskaya sem'ya v usloviyakh izmeneniya gendernykh otnoshenij [Modern Russian family under the conditions of changing gender relations]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 26–36. DOI: 10.19181 / population.2020.23.2.3 (in Russ.)
10. Tsareva N.A. Krizis doveriya v sem'e kak otrazheniye krizisa v obshchestve [A crisis of confidence in the family as a reflection of crisis in society]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti [Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations of Life]*. 2015. No. 5. P. 136–141. (in Russ.)
11. Belonovskaya A.M., Balandina N.G., Zbirovskaya E.P. Institutsional'noye doverije kak faktor finansovogo blagopoluchiya domohozyaistv: mezhdunarodnyye i natsional'nyye aspekty [Institutional trust as a factor in the financial well-being of households: international and national aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015. No. 12. P. 244–248. (in Russ.)
12. Gurdzhiyan M.V. Krizis sem'i v sovremennoj Rossii i puti yego preodoleniya [The family crisis in modern Russia and ways to overcome it]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]*. 2017. No. 1. P. 59–62. (in Russ.)
13. Smagina M.V. Sotsiokul'turnaya transformatsiya sem'i v sovremennoj Rossii kak faktor neblagopoluchiya [Sociocultural transformation of the family in modern Russia as a factor of disadvantage]. *Ekonomicheskije i humanitarnye issledovaniya regionov [Economic and Humanitarian Studies of Regions]*. 2016. No. 2. P. 110–114. (in Russ.)
14. Dobrobleb V.G., Ballaeva E.A. Sem'ya pered litsom novykh sotsial'nykh vyzovov [Family in the face of new social challenges]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 60–68. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-2-05 (in Russ.)
15. Ustinova O.V., Pivovarova I.V. Preodoleniye krizisa instituta sem'i v Rossii [Overcoming the the family institution crisis in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]*. 2014. No. 1. P. 78–82. (in Russ.)
16. Natsak O.D. Finansovo-ekonomicheskije strategii tuvinskikh semej (po materialam sotsiologicheskikh issledovanij) [Financial and economic strategies of Tuvan families (on the materials of sociological research)]. *Vlast' [The Authority]*. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 180–190. DOI: 10.31171 / vlast.v30i1.8803 (in Russ.)

17. Pavlov B.S. Sberezhenije sotsial'nogo instituta roditel'skoj sem'i kak zalog vosproizvodstva demograficheskogo blagopoluchiya regional'nogo sotsiuma (teoreticheskije posyly i praktika analiza (1971–2021 gg.)) [Saving the social institute of the parental family as a key to demographic well-being reproduction in regional communities (theoretical background and practical analysis (1971–2021))]. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskije nauki [PNRP Sociology and Economics Bulletin]. 2021. No. 3. P. 62–81. DOI: 10.15593 / 2224-9354 / 2021.3.5 (in Russ.)
18. Kruglova E.L. Ekonomicheskije stereotipy rossijskikh semej cherez prizmu poslovits i pogovorok [Economic stereotypes of Russian families through the prism of proverbs and sayings]. Sotsiodinamika [Sociodynamics]. 2023. No. 7. DOI: 10.25136 / 2409-7144.2023.7.43831 (in Russ.)
19. Alekseev M.S. Doverije naseleniya k organam vlasti v informatsionnom obshchestve: teoretiko-metodologicheskije osnovy izucheniya [Public trust in the authorities in the information society: theoretical and methodological bases of studying]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science]. 2023. No. 71. P. 177–191. DOI: 10.17223 / 1998863X / 71 / 17 (in Russ.)
20. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Sem'ya v formirovanii tsennosti doveriya v molod'ozhnoj srede sovremennogo rossijskogo goroda [Family in the formation of the value of trust among the youth of a modern Russian city]. Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering Bulletin of the Don]. 2016. No. 2(41). P. 25. (in Russ.)
21. Khagurova N.E. Sovremennaya sem'ya i vospitanije: fenomenologiya krizisa [Modern family and education: phenomenology of crisis]. Narodnoje obrazovaniye [Public Education]. 2013. No. 7. P. 207–213. (in Russ.)

Information about authors:

Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: efrolova06@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8958-4561; Elibrary SPIN-code: 4098–3475.

Tyurikov Aleksandr Georgievich, Doctor of Sociology, Professor, Head of Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: AGTyurikov@fa.ru, ORCID: 0000-0001-8388-9543; Elibrary SPIN-code: 9908–3150.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-215-227
EDN: HKFNPK

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ИММИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПРАВОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Эндрюшко А.А.

Институт социологии ФНИСЦ РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, корпус 5)

Институт Китая и современной Азии РАН
(117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

Для цитирования:

Эндрюшко А.А. Жилищные условия иммигрантов в контексте интеграции: социально-экономический, правовой и культурный аспекты // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 215-227. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-215-227; EDN: HKFNPK

Аннотация. Статья посвящена жилищным условиям иностранных мигрантов как много-стороннему фактору их интеграции, находящемуся на стыке социально-экономической, пра-вовой, культурной сфер. На материалах социологического опроса, интервью, эксперименталь-ного исследования автор анализирует как жильё и жилищные условия трудовых мигрантов в России связаны с разными аспектами их интеграции в принимающий российский социум. По социально-экономической сфере анализируется влияние дохода и профессионального уров-ня мигрантов на жилищные условия. В части, посвящённой правовой сфере, описаны основные механизмы миграционного учёта иностранных граждан, а также расхождения между россий-ским законодательством и реальной практикой регистрации. Показано, что миграционный учёт выступает главным фактором недокументированности иностранцев. Жилищные усло-вия также рассматриваются в контексте культурной интеграции мигрантов. Показано как доступ к жилью связан с этнической избирательностью россиян, а также межэтническим доверием к «своим» у иностранцев. Проанализировано как жильё влияет на воспроизвод-ство родной культурной среды, формирование сопричастности к принимающему обществу и дистанцированность между разными категориями мигрантов. Делается вывод, что жильё, ассоциируемое чаще с социально-экономической интеграцией мигрантов, находится на сты-ке основных сфер этого процесса. Влияние жилищных условий почти на все основные сферы интеграции мигрантов должно учитываться ответственными органами при планировании мероприятий по адаптации иностранных граждан в российском обществе и включать в себя меры не только по созданию фонда доступного арендного жилья для категории временных трудовых мигрантов, но и правовые и антидискриминационные инициативы для широко кру-га иностранных граждан.

Ключевые слова: иммиграция; трудовые мигранты; жилищные условия; интеграция ми-грантов; миграционный учёт; недокументированные мигранты.

Первое, с чем сталкиваются мигранты¹ при планировании поездки или прибытия в новую страну — это поиск жилья. Для приезжающих как на определённое время, так и на постоянное жительство, доступ к жилью в принимающем государстве наряду с доступом к рынку труда, здравоохранению и образованию является важным фактором, влияющим на адаптацию и интеграцию. В РФ срочность поиска жилья для иностранных граждан обусловлена и правовым аспектом — они обязаны в течение определённого срока (от 7 до 90 дней) оформить миграционный учёт (регистрацию) по месту реального проживания.

Жильё и жилищные условия мигрантов в странах приёма исследуются с разных позиций — моделей расселения (пространственной сегрегации), поведения мигрантов на рынке недвижимости, подходов государства в сфере миграционной политики в сфере жилья и других. В контексте интеграции жилищные условия мигрантов в социальных исследованиях рассматриваются главным образом как фактор социально-экономический. Цель данной статьи состоит в актуализации и проблематизации жилья и жилищных условий мигрантов как фактора, находящегося на стыке нескольких основных сфер их интеграции в принимающий социум — социально-экономической, правовой и культурной (культурно-идентификационной).

Теоретические и эмпирические основания исследования

Исследования процессов адаптации и интеграции мигрантов имеют более, чем столетнюю историю в зарубежной науке (Р. Парк, У.Томас, Ф.Знаецкий). Эволюция исследовательских подходов прошла путь от понимания этого процесса как полной ассимиляции в принимающий социум до представления об интеграции как включении вновь пребывающих членов в различные его сферы. В американской тради-

ции, после пересмотра классической теории, ассимиляция стала пониматься как процесс включения мигрантов в четыре основные сферы: социальная, образовательная, трудовая и жилищная [1].

В европейских исследованиях термин «ассимиляция» фактически не употребляется, и до сих пор ассоциируется с потерей своей культуры, идентичности. Используется понятие «интеграция», а основные вопросы сводятся к тому, в какой мере мигрант включён в принимающее общество, а также в какие сферы встраиваются вновь пребывающие члены общества. Обычно выделяют от трёх до четырёх сфер. Наиболее авторитетными являются подходы немецких (Х. Эссер, Ф.Хекман) и голландских (Р. Пенникс, Х. Энцингер) учёных. Х. Эссер выделяет четыре аспекта интеграции: культурный, структурный, социальный, идентификационный [2]. В его подходе жилищные условия входят в структурный аспект, который связан с включением в экономические, социальные, образовательные и другие институты принимающего общества. Р.Пенникс и Х.Энцингер выделяют три сферы интеграции: политико-правовая, социально-экономическая, культурная (или культурно-религиозная) [3; 4]. Доступ к жилью они относят к социально-экономической сфере наряду с доступом к образованию и здравоохранению. Таким образом, в американских и европейских теоретических подходах к адаптации мигрантов жильё либо выделяется в отдельную сферу, либо составляет часть социально-экономической интеграции и идёт в связке с образованием и здравоохранением как структурный компонент встраивания новичков в принимающий социум.

В отечественных исследованиях, которые по теоретическим основаниям ближе к европейской традиции анализа интеграционных процессов, отдельных работ, посвящённых жилищным условиям мигрантов, немного. В.И. Гришанов и коллеги рассматривали роль жилищного фактора в миграции населения, анализируя условия, оценку качества и способы приобретения жилья. Авторы пришли к заключению о не-

¹ В контексте данной работы термины «мигрант» и «иммигрант» используются как синонимы. Здесь и далее мы говорим только об иностранных гражданах, проживающих в РФ временно или постоянно.

обходимости дифференцированного подхода миграционной политики в сфере жилья в зависимости от статуса, квалификации и дохода мигрантов [5]. Анализ жилищных условий можно обнаружить в работах исследователей, изучающих процессы интеграции иммигрантов в России. Различные аспекты жилищных условий и характеристик проживания иностранных мигрантов в сравнении с местными жителями исследует коллектив Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии (ИС) ФНИСЦ РАН [6]. В их работе жильё мигрантов рассматривается в качестве отдельной сферы, наряду с рынком труда, образованием и здравоохранением, то есть помещается в поле структурной интеграции. Иммигранты в России живут в более стеснённых условиях, чем местные жители. Жилищные условия иностранных граждан не отличаются особым разнообразием — подавляющее большинство (более 75%) арендуют жильё, а собственное имеют считанные проценты. По ряду показателей (сырость, наличие насекомых, нарушение общественного порядка в районе проживания) условия мигрантов уступают аналогичным среди россиян [6, с. 240–245]. О.Е. Бредникова и О.А. Ткач исследовали «концепцию дома» для трудовых мигранток в Санкт-Петербурге [7] и показали непостоянство, децентрализацию и множественность интерпретаций этого понятия. Также сделан вывод о том, что для временных трудовых мигрантов, часто меняющих локацию, не формируется идентификация с местом проживания. А.Л. Рочева изучала «карьеру квартиросъемщика» среди иностранных мигрантов и выделила три модели их проживания: арендующий койко-место, арендующий отдельную комнату, «хозяин» (ответственный квартиросъемщик). Эти модели формируют разную степень привязанности к месту, последняя («хозяин») — демонстрирует максимальное укоренение [8]. Анализ моделей расселения мигрантов в российских городах был осуществлен исследовательским коллективом под руководством Е.А. Варшавера. В рамках данного исследования авторы изучали взаимо-

связь покупки жилья с интеграцией мигрантов [9], а также, как те или иные характеристики проживания влияют на структурную и идентификационную интеграцию мигрантов [10]. Последняя работа наиболее близка к нашему исследованию, когда описывается связь со следующими параметрами интеграции: решение об окончательном переезде в Россию, идентификация с местом, круги общения, физическая дистанция между жильём и рабочим местом².

По теоретическим основаниям российские исследования также близки к подходам, согласно которым жильё рассматривается преимущественно с позиции социально-экономической (или структурной) интеграции. Отдельные работы показывают формирование (или отсутствие) привязанности, идентификации с местом проживания. Цель данной статьи — показать, как именно жилищные условия и доступ к жилью иностранных граждан связаны с основными сферами их интеграции в российском контексте.

Эмпирически исследование базируется на массовом социологическом обследовании мигрантов, интервью с трудовыми мигрантами и социологических экспериментах, экспертных интервью³. Использованы данные опроса (Сектора изучения интеграционных и миграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН), проведённого в ноябре 2020 г. в Москве и Московской области с помощью планшетников — CATI (Computer Assisted Telephone Interview). При проведении опроса квотировалась численность респондентов по странам исхода мигрантов, с опорой на данные Главного управления МВД по вопросам миграции города Москвы. Опрошены «снежным комом» 700 иностранных граждан (514 — из государств Средней Азии);

² Стоит отметить, что данное исследование опирается на качественные данные (что ограничивает оценку характеристик), а респондентами выступают не только иностранные граждане, но и мигранты, получившие гражданство РФ.

³ Эмпирическая часть исследования, за исключением интервью с трудовыми мигрантами, проводилась в рамках реализации проекта «Адаптация и интеграция иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением и консолидации локальных социумов: вызовы, индикаторы, потенциал, оценка эффективности» (рук. В.И. Мукомель).

экспертных интервью с юристами в сфере миграции, правозащитниками, специалистами в сфере образования и здравоохранения (21 эксперт); полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами (иностранцами гражданами), проведённых автором в Москве и Московской области в 2019–2020 гг. (20 информантов); социологических экспериментов с целью анализа доступности для иностранных граждан рынка жилья в России. Экспериментальные проверки проводились в Москве и Московской области (295 обращений по найму жилья, 102 — по постановке на миграционный учёт).

Жильё как показатель социально-экономической интеграции

Социально-экономическое положение мигрантов, прежде всего, уровень дохода,

влияет на их жилищные условия. В табл. 1 приведены жилищные условия мигрантов в зависимости от среднего и медианного месячного заработка. Медиана дохода выше у тех, кто проживает в квартирах (42,5 тыс. рублей), ниже — у живущих в домах и общежитиях (34,8 и 35 тыс. рублей соответственно). Во всех трёх вариантах (квартира, дом, общежитие) и среднемесячный доход, и его медиана выше у тех, кто проживает в них отдельно, а не делит с другими людьми. При анализе условий проживания (жильё собственное, арендованное, предоставленное работодателем) значимые различия по уровню доходов отсутствуют — медиана во всех случаях находится в диапазоне 35–40 тыс. рублей. Имеются различия в среднемесячном доходе, но они получены за счёт отдельных респондентов, зарабатывающихкратно выше остальных и, вероятно, потому имеющих возможность приобрести жильё.

Таблица 1

Жилищные условия мигрантов по уровню дохода

Table 1

Living conditions of migrants by income level

Жилищные условия	Показатели дохода	
	Среднемесячный доход, тыс. рублей	Медиана, тыс. рублей
Квартира	46,3	42,5
Отдельная квартира	51,2	45,0
Комната в квартире	44,5	40,0
Делят комнату в квартире	44,3	40,0
Частный дом	53,6	34,8
Отдельный дом	104,5	40,0
Комната в доме	33,3	34,5
Делят комнату в доме	35,6	30,0
Общежитие	37,8	35,0
Отдельная комната	50,0	55,0
Делят комнату	36,9	35,0
Другое (бытовка, склад, вагончик)	44,2	40,0

Источник: Данные опроса трудовых мигрантов ИС ФНИСЦ РАН.

Жилищные условия связаны и с профессиональной позицией иностранцев. Руководители и служащие (уровни 1–4 по ISKO⁴),

а также работники сферы торговли и услуг (уровень 5) живут преимущественно в квартирах. Квалифицированные (6–8 по ISKO) и неквалифицированные (уровень 9) рабочие чаще живут в общежитиях, вагончиках,

⁴ Международная стандартная классификация занятий. — URL: <https://www.hse.ru/r/ms/codifiers/isco> (дата обращения: 11.07.2024).

бытовках (табл. 2). Более сильные различия обнаруживаются, если посмотреть типы жилья дифференцированно — является ли

оно отдельным для респондента или он делит его с другими людьми (табл. 3).

Обобщённые типы жилья мигрантов разного профессионального уровня, %

Таблица 2

Table 2

Generalized types of housing for migrants of different professional levels, %

Профессиональный уровень по ISKO-08	Жилищные условия			
	Квартира	Частный дом	Общежитие	Другое (бытовка, склад, вагончик)
1–4	80,2	9,4	10,4	0
5	82,7	9,8	4,6	2,9
6–8	64,3	2,8	22,5	10,4
9	77,5	3,8	14,6	4,1

Источник: данные опроса трудовых мигрантов ИС ФНИСЦ РАН.

Дифференцированные типы жилья мигрантов разного профессионального уровня, %

Таблица 3

Table 3

Differentiated types of housing for migrants of different professional levels, %

Профессиональный уровень по ISKO-08	Жилищные условия							
	Квартира			Частный дом			Общежитие	
	Отдельная	Комната	Делят комнату	Отдельный	Комната	Делят комнату	Отдельная комната	Делят комнату
1–4	61,8	22,9	15,3	100	0	0	25	75
5	40,6	28,7	30,7	23,5	47,1	29,4	50	50
6–8	42,8	10,3	46,9	37,5	37,3	25,2	14,4	85,6
9	18,4	25,4	56,2	8,3	66,7	25	0	100

Источник: данные опроса трудовых мигрантов ИС ФНИСЦ РАН.

Для работников высоких профессиональных уровней более характерно жить в отдельном жилье, особенно если это квартира или дом. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, напротив, в большинстве случаев вынуждены делить жилое пространство, будь то квартира, дом или общежитие. Видно, что жильё связано с параметрами социально-экономической интеграции.

Жильё и правовая интеграция мигрантов

В российской ситуации вопросы жилья напрямую пересекаются не только с социально-экономическим положением мигрантов, но и с «государственной темпоральностью» [11]. Иностранные граждане в РФ подлежат миграционному учёту (регистрации). В общем порядке они должны

встать на него в течение семи рабочих дней с момента прибытия⁵. Для высококвалифицированных специалистов, граждан Украины и Беларуси этот срок составляет 90 дней, для граждан стран ЕАЭС (Армения, Казахстан, Кыргызстан) — 30 дней, для граждан Таджикистана и Узбекистана — 15 дней.

Миграционное законодательство нашей страны в последнее десятилетие претерпело значительные изменения. В числе прочих мер, в 2013 г. была ужесточена (вплоть до уголовной) ответственность за фиктивную постановку иностранцев на миграционный учёт. Раньше иностранцы могли быть зарегистрированы по месту работы, но с лета 2018 г.⁶ они обязаны осуществлять миграционный учёт там, где «преимущественно пребывают или проживают». То есть ключевым стало совпадение адреса регистрации и фактического проживания. Подобная мера ещё больше укрепила связь между жильём и правовой интеграцией мигрантов.

По опросам⁷, за последние годы доля иностранцев, утверждающих, что они состоят на миграционном учёте, выросла почти вдвое. Если в 2011 г. об этом сообщали 48,2% опрошенных, то в 2017 г. (после ужесточения законодательства) — 61,4%, а в 2020 г. — 86,1%. Можно было бы сказать, что принятые властями РФ меры работают и иностранные граждане стали лучше соблюдать законодательство, однако данное утверждение требует проверки. Во-первых, не известно, насколько респонденты в опросах отвечают откровенно, учитывая ответственность за отсутствие регистрации. Во-вторых, даже если доля иностранцев с миграционным учётом действительно приблизилась к 90%, остаётся вопрос — в скольких случаях этот документ является подлинным.

Именно миграционный учёт, а не другие разрешительные документы, является одним из самых серьёзных препятствий на пути легализации иностранных граждан в РФ. Иностранцы в России сталкиваются с нежеланием работодателей и арендодателей исполнять соответствующие требования законодательства. Об этом свидетельствуют многочисленные объявления о фиктивном миграционном учёте в сети Интернет [12, с. 6–7], а также исследования по теме «посредничества»⁸. В экспертных интервью эта тема также затрагивалась. Эксперты утверждали, что миграционный учёт — самая проблемная часть легализации иностранных граждан: *«Основная проблема [при оформлении документов] — это существование никому ненужного документа о миграционном учёте. Он не учитывает вообще ничего. Он учитывает только какое количество денег мигрант готов отдать, больше ничего...»* (юрист в сфере миграции, Москва).

По словам экспертов, иностранцы вынуждены покупать миграционный учёт, поскольку даже при желании соблюдать российские законы, добиться от владельца жилья того же — задача сложная: *«Интервьюер (далее — И.): Арендодатели никогда не регистрируют? Респондент (далее — Р.): Крайне редко. Если мигрант попадётся активный и уприсит на регистрацию, запугает»* (правозащитник, Москва). Под запугиванием имеются в виду угрозы собственнику жилья уголовной ответственностью за организацию нелегальной миграции, поскольку по закону ответственность за учёт лежит на принимающей стороне. Также подчёркивается, что регистрация на другой адрес хуже, чем её отсутствие с точки зрения нарушения законодательства самим иностранцем: *«Ты можешь переезжать с места на место, просто обязан оформлять своё пребывание в установленные сроки. Потому что лучше пусть вообще не будет реги-*

⁵ Подробнее: URL: https://мвд.пф / мвд / structure1 / Glavnie_upravlenija / guvm / inform / миграционный-и-регистрационный-учет / информация-для-иностранцев-граждан (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ Федеральный закон № 163-ФЗ от 27.06.2018 «О внесении изменений в Федеральный закон № 109-ФЗ».

⁷ Опросы трудовых мигрантов (иностранцев граждан), проводимые сектором изучения миграционных и интеграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН.

⁸ Якимов А.Н. «В последний момент, на всякий случай, при крайней необходимости»: проблемы и особенности социально-правовой поддержки мужчин-трудовых мигрантов // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. — 2017. — С. 142–152.

страции, чем она будет не по месту реального проживания» (работодатель в социальной сфере, Московская область).

Однако это актуально только для иностранцев, которым не нужен патент, поскольку без регистрации нельзя оформить патент, а продление патента возможно только с изначальным адресом регистрации. В итоге иностранный гражданин оказывается в невыгодном «замкнутом круге»: «Встать на миграционный учёт самостоятельно по месту своего проживания мигрант не может. Процентом 80 мигрантов зарегистрированы не по адресу проживания, они вынуждены покупать себе фиктивный миграционный учёт. Причём непрерывно! Вот они заплатили за патент, купили фиктивный трудовой договор, потому что работодатель не хочет с ними заключать трудовой договор... с этим фиктивным трудовым договором они должны обращаться к другому посреднику и покупать фиктивный миграционный учёт. <...> Человек наконец получил патент, надо заплатить за него 5431 рубль в месяц. Если у него есть достаточно денег, он платит один раз за много месяцев вперёд, покупает фиктивный трудовой договор и покупает фиктивную регистрацию на это количество месяцев. Но если он ещё не заработал, то он заплатил за один месяц, продлевать миграционный учёт ему придётся всего на один месяц. Через месяц ему придётся снова это делать, а миграционный учёт, который в базе, в Москве стоит 4–4,5 тысяч. Представляете, что это такое?» (правозащитник, Москва). До сих пор отсутствуют эффективные механизмы, с помощью которых можно заставить принимающую сторону поставить иностранца на миграционный учёт.

В наших опросах, помимо миграционного учёта, мы спрашивали о наличии других разрешительных документов, опираясь на российское законодательство. Используя комбинации наличия тех или иных документов для разных категорий мигрантов, мы смогли поделить респондентов на документированных (тех, кто имеет все необходимые документы) и недокументированных. Ни по типам жилья, ни по условиям владения им (собственность, аренда)

нет значимых различий между этими двумя группами мигрантов. Однако если мы примем во внимание, что доля иностранцев с фиктивным миграционным учётом может быть весьма существенной, то это ставит «под удар» правовой статус мигрантов и их правовую интеграцию. В итоге связь жилищных условий мигрантов, места их реального жительства с правовой интеграцией, «закрепление» мигрантов к «месту» — это скорее декларируемая норма, которая в реальности оказывается часто не зависящим от иностранца процессом, толкающим его в поле «замкнутого круга» нелегальности.

Жильё и культурная интеграция мигрантов

Жильё относится к такой сфере повседневной жизни, которая обычно является частной (в отличие от здравоохранения или образования) и потому менее подвержена возможностям антидискриминационным мерам. По этой причине вопросы жилищных условий не ограничиваются социально-экономической и правовой сферой, во многом доступность того или иного жилища, особенно, арендуемого (а это 70% случаев) тесно связана с восприятием принимающим обществом мигрантов той или иной этничности и / или гражданства. Лучше всего эту связь демонстрирует тот факт, что по результатам экспериментального исследования [13] прослеживаем законмерность: готовность собственников помещений сдавать жильё выходцам из той или иной страны совпадает с желательными для россиян мигрантами. По данным ВЦИОМ⁹, в числе таковых видят главным образом граждан Беларуси и Украины: этим двум группам местные собственники готовы сдавать жильё более, чем в 90% случаев, доступ к жилью остальных иностранцев ограничен (табл. 4).

Данные о готовности сдавать жильё в табл. 4 получены в ходе экспериментального исследования, эмпирическую базу ко-

⁹ Иммиграция в Россию: благо или вред? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3845 от 19.12.2018. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487>. (дата обращения: 20.07.2024).

Таблица 4

**Отношение россиян к мигрантам из конкретных стран
и готовность сдавать жильё иностранцам**

Table 4

Attitudes of Russians to migrants from specific countries and willingness to rent housing to foreigners

Страна исхода мигрантов	Доля россиян, считающих мигрантов из данной страны «желательными», %	Доля арендодателей, готовых сдавать жильё мигрантам из данной страны**, %
Беларусь	25	91
Украина	21	91
Армения	8	49
Узбекистан	8	43
Таджикистан	4	24
Азербайджан	3	34
Кыргызстан	3	43

Источники: *ВЦИОМ. — URL: [https://wciom.ru / index.php?id=236&uid=9487](https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487) (дата обращения: 15.08.2024); **2 [12].

торого составляли объявления на платформе по поиску жилья ЦИАН. Эксперты в ходе интервью также поднимали эту тему, однако, они делают важное уточнение о том, что мигранты из-за дискриминационных практик на интернет-площадках предпочитают пользоваться социальными сетями и личными знакомствами, а также, как и в случае документов, посредниками: *«И.: А поиск жилья? Р.: Через соцсети. Но можно найти через агентов. Довольно много агентов по недвижимости специализируется на мигрантах. И.: То есть они [мигранты] не ищут на ЦИАНе? Р.: Нет. Потому что не сдают. Если вы зайдёте на ЦИАН, то увидите, что там либо «лицам славянской национальности», либо «только для русских или россиян», либо «Кавказ, Азия не звонить». И.: А что делают агенты, которые специализируются на мигрантах? Р.: Они ищут жильё, договариваются. На самом деле, большое число арендодателей готовы сдавать жильё мигрантам. Просто это те арендодатели, которые не пользуются ЦИАНОм. Другой вариант, допустим, в какой-то квартире жили мигранты. И вот кто-то съехал с квартиры, и кому-то сообщил. Мигранты же они в тесных социальных*

связях. Они сообщают друг другу. Кто-то написал: «Я съезжаю с квартиры в Бутovo, потому что нашёл работу в Митино. Нужна комната в Митино». Он, соответственно, передаёт эту квартиру кому-то» (правозащитник, Москва).

Другой вариант, основанный на межэтническом (или межкультурном) доверии — субаренда от «своих»-граждан России, которые снимают квартиру якобы для себя, а затем пересдают нескольким соотечественникам, разумеется, без возможности быть зарегистрированными по адресу проживания. В результате посредник рискует получить уголовную ответственность по обвинению в организации нелегальной миграции, а арендаторы-иностранцы — быть выдворенными. В результате межэтническое доверие «своим» может оказаться менее безопасным способом получить жильё, чем иные пути. Для самих мигрантов жильё становится местом поддержания родной культуры. В первую очередь, это касается языка общения. Приватная домашняя сфера — основное место применения родного языка по сравнению с другими сферами жизни (табл. 5).

Таблица 5

Языки общения мигрантов в частной и рабочей сферах, %

Table 5

Languages of communication of migrants in private and work spheres, %

Язык общения	Дома	На работе
Русский	26,6	73,4
Русский и другой в равной степени	26,9	21,0
Другой	46,4	3,4
Затруднились ответить	0,1	2,2
Всего	100	100

Источник: данные опроса трудовых мигрантов ИС ФНИСЦ РАН 2020 года.

Дома мигранты говорят на русском языке только в четверти случаев, общение либо двуязычное, либо на родном языке. Поддержание культурной и языковой среды становится более выраженным, если иностранцы делят жилище с другими людьми (чаще соотечественниками). Особенно это применимо к случаю, когда мигранты делят комнату — тогда в подавляющем большинстве случаев (59,1%) они используют родной язык, а на русском говорят только 14% опрошенных (табл. 6).

С точки зрения чувства общности с принимающим социумом жильё для мигрантов — одна из существенных составляющих формирования идентичности страны приёма. В интервью с мигрантами прослеживается, что жильё — фактор, помогающий почувствовать себя «местным». В основном

тема жилья возникала в двух тематических блоках интервью. Первый раз — в процессе разговора о сложности прожить на заработную плату, если ты вынужден снимать жильё (социально-экономический блок). Второй раз информанты обращались к теме жилья в блоке по идентичностям и принадлежностям. Чаще жильё они ассоциируют с локальной идентичностью: «И.: Чувствуете себя в какой-то мере уже москвичом? Р.: Нет, не совсем. ... Москвичом чтобы почувствовать себя, нужно жить в Москве не один год и не пять лет. Хотелось бы, но... И.: А что для Вас было бы важно, для формирования такого чувства? Р.: Своё жильё иметь и работу постоянную» (долгосрочный иммигрант, живёт в России более 15 лет). «Москвичом можно себя чувствовать, когда ты не снимаешь угол, когда у тебя своя квартира, ты живёшь,

Таблица 6

Язык общения дома в зависимости от условий проживания, % от проживающих в квартирах (без затруднившихся ответить)

Table 6

Language spoken at home depending on living conditions, % of those living in apartments

Жилищные условия	Язык общения дома		
	Русский	Русский и другой в равной степени	Другой
Отдельная квартира	44,9	28,1	26,3
Отдельная комната в квартире	31,5	26,9	41,5
Делят комнату в квартире	14,0	26,8	59,1

Источник: данные опроса трудовых мигрантов ИС ФНИСЦ РАН 2020 года.

ты прикреплѐн к поликлинике, к школе» (временный мигрант, «стаж» миграции 9 лет).

Кроме того, жильѐ, наряду с гражданством связывается не только с идентичностью, но с дистанцированностью между разными группами мигрантов: «Р.: Молодёжь, которая сейчас вырастает [в России] больше уже с русскими понятиями. ... И.: А с чем это связано? Р.: Во-первых, они имеют тут своё жильѐ, гражданство, все законы российские соблюдают. И допустим, даже в работе, у них всё должно быть по закону. Если бы у него не было квартиры, не было гражданства, ему пришлось бы также [делать всё не по закону, как иностранцам без жилья], потому что ему нереально было бы иначе работать» (долгосрочный иммигрант, живѐт в России более 10 лет).

Обсуждение и выводы

Жильѐ мигрантов, традиционно относимое главным образом к социально-экономической интеграции, на самом деле находится на пересечении её основных сфер. Выступая одновременно фактором и социально-экономической, и правовой, и культурной интеграции оно играет значимую роль в том, как мигранты будут ощущать себя в обществе проживания.

На постсоветском пространстве жильѐ является важным общественным элементом, объектом государственной социальной политики. Так, среди принимающих основной миграционный поток местных жителей Московского региона собственниками жилья являются 88,1% [6, с. 241]. В результате мы имеем ситуацию, когда местные жители, будучи владельцами жилых помещений (иногда, нескольких) получают инструмент, с помощью которого могут «держат других на своём месте» (по Дж. Берри), ограничивая их социальную, культурную и правовую интеграцию. Ограничение до-

ступа к жилью для граждан определённых стран и определённой этничности вытесняет значительную часть иностранцев в поле недокументированности, вокруг которой формируется поле посредников (как из числа местных жителей, так и из этнически «своих»). В итоге это множит дискурсы о высокой степени нелегальности мигрантов в принимающей среде.

Хотя доступ к жилью имеет элементы этнического фаворитизма, где желательными арендаторами являются «славяне» (в случае иностранцев — граждане Украины и Беларуси), а нежелательными — выходцы из Средней Азии и Закавказья, миграционный учѐт недоступен обоим этим группам [14, с. 36–37]. То есть доступ к жилью для иммигрантов, лежащий полностью в частной сфере и не регулируемый принимающим государством, пересекает поле культурной интеграции через восприятие принимающего социума различных этнических групп мигрантов, а доступ к миграционному учѐту (ограничение в правовой интеграции) — для всех иностранных граждан. Это общая проблема, механизмов решения которой до сих пор не найдено.

Подобная проблематизация отдельного параметра интеграции вносит вклад в дискуссию об индикаторах интеграции мигрантов и демонстрирует, насколько они между собой взаимосвязаны и взаимопроницаемы. Влияние жилищных условий практически на все основные сферы интеграции мигрантов должно учитываться ответственными органами при планировании мероприятий по адаптации иностранных граждан в российском обществе и включать в себя меры не только по созданию фонда доступного арендного жилья для категории временных трудовых мигрантов, но и правовые и антидискриминационные инициативы для широкого круга иностранных граждан.

Литература и Интернет-источники

1. **Alba, R.**, Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration / R. Alba, V. Nee // *International Migration Review*. — 1997. — Vol. 31. — No. 4. — P. 826–874. DOI: 10.2307 / 2547416
2. **Esser, H.** Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? / H. Esser // *International Migration Review*. — 2004. — Vol. 38. — No. 3. — P. 1126–1159.
3. **Penninx, R.** Integration of migrants: Economic, social, cultural and political dimensions / R. Penninx // *The new demographic regime: Population challenges and policy responses* / Eds. M. Macura, A. MacDonald, W. Haug. — New York, Geneva : United Nations. 2005. — P. 137–152
4. **Entzinger, H.** Benchmarking in Immigrant Integration. Report for the European Commission. Rotterdam. 2003 / H. Entzinger, R. Biezeveld. — URL: https://www.researchgate.net/publication/251998179_Benchmarking_in_Immigrant_Integration (дата обращения: 10.08.2024).
5. **Гришанов, В.И.** Роль жилья в миграционных процессах в России / В.И. Гришанов, Н.Н. Ноздри-на, И.М. Шнейдерман // *Народонаселение*. — 2017. — № 4. — С. 91–104. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-4-7; EDN: YSLFMF
6. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монухова [и др.]; отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 400 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-407-9.2022; EDN: YKKOSI
7. **Бредникова, О.Е.** Дом для номады / О.Е. Бредникова, О.А. Ткач // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. — 2010. — № 3. — С. 72–95. EDN: UERESB
8. **Рочева, А.Л.** Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана / А.Л. Рочева // *Социологический журнал*. — 2015. — Т. 21. — № 2. — С. 31–50. DOI: 10.19181 / socjour.2015.21.2.1319; EDN: TZKIED
9. **Варшавер, Е.А.** Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией? / Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова, А.Л. Рочева // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2022. — № 2. — С. 223–247. DOI: 10.14515 / monitoring.2022.2.1910; EDN: NMRNJE
10. **Ермакова, М.А.** Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области / М.А. Ермакова, Е.А. Варшавер, Н.А. Иванова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. — 2020. — Т. 20. — № 2. — С. 363–381. DOI: 10.22363 / 2313-2272-2020-20-2-363-381; EDN: GLUWKL
11. **Cwerner, S.B.** The Times of Migration / S.B. Cwerner // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2001. — Vol. 27. — No. 1. — P. 7–36. DOI: 10.1080 / 13691830125283
12. **Григорьева, К.С.** Задачи и реализация реформ миграционного законодательства: миграционный учет, полномочия регионов, коррупционные риски, доходы бюджетов / К.С. Григорьева, В.И. Мукомель // *Миграционное право*. — 2018. — № 2. — С. 3–8. EDN: XQZAOL
13. **Тимошкин, Д.О.** Неформальные посредники как фактор включения мигрантов в теневую экономику сибирского города / Д.О. Тимошкин, А.А. Волошин // *Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации* / отв. ред. Г.С. Широколова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. — Москва : Инфра-М, 2023. — С. 86–91. EDN: FCDHNC
14. **Григорьева, К.С.** Доступ мигрантов к жилью в Москве: методика оценки и результаты экспериментального исследования / К.С. Григорьева, А.А. Эндрюшко // *Вестник Института социологии*. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 29–41. DOI: 10.19181 / vis.2021.12.4.748; EDN: PJCHRK

Сведения об авторе:

Эндрюшко Анна Александровна, к.соц.н., научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: anna.endryushko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1358-1145; РИНЦ SPIN-код: 4458–5876.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-215-227

HOUSING CONDITIONS OF IMMIGRANTS IN THE CONTEXT OF INTEGRATION: SOCIO-ECONOMIC, LEGAL AND CULTURAL ASPECTS

Anna A. Endryushko

Institute of Sociology of the FCTAS RAS
(24 / 35, building 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
Institute of China and Contemporary Asia RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117997)

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

For citation:

Endryushko A.A. Housing conditions of immigrants in the context of integration: socio-economic, legal and cultural aspects. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 215-227. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-215-227 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the housing conditions of migrants as a multifaceted factor of socio-economic, legal, cultural (cultural-identification) integration. Using data from sociological surveys, interviews with experts and migrants, and experimental study, the author analyzes how housing and living conditions of labor migrants in Russia are related to various aspects of their integration into the host Russian society. The article contains three main parts relating to the three main areas of integration. The section on the socio-economic sphere analyzes the impact of income and professional level of migrants on their housing conditions. The section on the legal sphere describes the main mechanisms of migration registration of foreign citizens, as well as the discrepancies between the Russian legislation and actual registration practice. It is shown that migration registration is the main factor in the lack of documentation of migrants. The last section links housing conditions with the cultural integration of migrants. It shows how access to housing is associated with ethnic selectivity and xenophobia of Russians, as well as interethnic trust in «their own» among migrants. The article analyzes how housing influences reproduction of the native cultural environment, belonging to the host society and distancing between different categories of migrants. The author comes to the conclusion that housing as a factor of integration is at the junction of all the main spheres of this complex process, and such actualization and problematization of a separate factor of integration contributes to the discussion about the indicators of migrant integration. The study demonstrates how different indicators of integration are interconnected and interpenetrating. The extensive influence of housing conditions on all major areas of migrant integration should be taken into account by responsible bodies when planning measures to adapt foreign citizens to Russian society, and include measures not only to create a fund of affordable rental housing for the category of temporary labor migrants, but also legal and anti-discrimination initiatives for a wide range of foreign citizens.*

Keywords: *immigration; labor migrants; housing conditions; migrants integration; migration registration; undocumented migrants.*

References and Internet sources

1. Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 826–874. DOI: 10.2307 / 2547416
2. Esser H. Does the «new» immigration require a «new» theory of intergenerational integration? *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No.3. P. 1126–1159.

3. Penninx R. Integration of migrants: Economic, social, cultural and political dimensions. *The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses* Eds. M. Macura, A. MacDonald, W. Haug. New York, Geneva. United Nations. 2005. P. 137–152.
4. Entzinger H., Biezeveld R. *Benchmarking in Immigrant Integration*. Report for the European Commission. Rotterdam. 2003. Available at: https://www.researchgate.net/publication/251998179_Benchmarking_in_Immigrant_Integration (Accessed: 10 August 2024).
5. Grishanov V.I., Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Rol' zhil'ya v migratsionnykh protsessakh v Rossii [The role of housing in migration processes in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 91–104. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-7 (in Russ.)
6. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]. Eds. V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva. FNISC RAS [FCTAS RAS]. Moscow. 2022. 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 (in Russ.)
7. Brednikova O.E., Tkach O.A. Dom dlya nomady [House for the nomad]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy [Laboratorium: Russian Review of Social Research]*. 2010. No. 3. P. 72–95. (in Russ.)
8. Rocheva A.L. Issledovaniye pozitsij «kar'ery kvartirozjomshchika» i modelej prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Research of «tenant career» positions and housing models of migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow]. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*. 2015. Vol. 21. No. 2. P. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.2.1319 (in Russ.)
9. Varshaver E.A., Ivanova N.S., Rocheva A.L. Kogda i pochemu migranty priobretayut zhil'jo v Rossii i kak eto svyazano s integratsiej? [Why and when do migrants in Russia come to homeownership and how is it related to integration?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2022. No. 2. P. 223–247. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1910 (in Russ.)
10. Ermakova M.A., Varshaver E.A., Ivanova N.A. Harakteristiki prozhivaniya i integratsiya migrantov v Moskve i Moskovskoj oblasti [Features of settlement and integration of migrants in Moscow and the Moscow region]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 363–381. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381 (in Russ.)
11. Cwerner S.B. The times of migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. No.1. P. 7–36. DOI 10.1080/13691830125283
12. Grigoreva K.S., Mukomel V.I. Zadachi i realizatsiya reform migratsionnogo zakonodatel'stva: migratsionnyj uchot, polnomochiya regionov, korruptsionnyje riski, dokhody byudzhetov [Tasks and implementation of migration law reforms: migration registration, regional authorities, corruption risks, fiscal revenues]. *Migratsionnoje pravo [Migration Law]*. 2018. No. 2. P. 3–8. (in Russ.)
13. Timoshkin D.O., Voloshin A.A. Neformal'nyje posredniki kak faktor vkljucheniya migrantov v tenevuyu ekonomiku sibirskogo goroda [Informal intermediaries as a factor of migrants' inclusion in the shadow economy of a Siberian city]. *Koordinaty sovremennoj urbanistiki: diskursivnyje transformatsii [Coordinates of Modern Urban Studies: Discursive Transformations]*. In 2 vols.]. Vol 1. Eds. G.S. Shirokalova, N.A. Trubina, L.R. Mirkushina. Moscow. Infra-M. 2023. P. 86–91. (in Russ.)
14. Grigorieva K.S., Endryushko A.A. Dostup migrantov k zhil'yu v Moskve: metodika otsenki i rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya [Migrants' access to housing in Russia: evaluation methodology and results of the experimental study]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 29–41. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.748 (in Russ.)

Information about the author:

Endryushko Anna Alexandrovna, Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS; Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: anna.endryushko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1358-1145; Elibrary SPIN-code: 4458–5876.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024, утверждена 17.02.2025., опубликована 31.03.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-228-234
EDN: OHCMPW

Х МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Юбилейная конференция, проведённая 29 ноября 2024 г. по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, собрала для научной дискуссии учёных, преподавателей и практиков из разных городов России, Беларуси, Армении, Китая и Новой Зеландии. Модераторами выступили О.А.Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ; А.В.Ярашева, д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Е.И.Медведева, д.э.н., доцент, гл.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН и С.В.Крошили, к.техн.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Для работы в конференции зарегистрировались 85 участников, в том числе 11 иностранных учёных. С приветственным словом к участникам конференции обратились: директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН В.В.Локосов, директор НИИОЗММ ДЗМ, д.э.н., проф. Е.И.Аксенова и статс-секретарь — заместитель Министра труда и социальной защиты РФ А.Н.Пудов. В работе конференции участвовали учёные 3-х центров РАН: Вологодского, Саратовского и Карельского, а также Института экономики, ЦЭМИ, ИДИ ФНИСЦ и Уральского отделения РАН. Докладчиками выступили представители 20 университетов и институтов, среди которых МГУ имени М.В.Ломоносова, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве РФ; РЭУ имени Г.В.Плеханова, РГУНХ Минсельхоза России, МГТУ гражданской авиации, Липецкий ГТУ, НИИОЗММ ДЗМ, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Самарский государственный экономический университет и другие.

Пленарные выступления открыл доклад А.А.Широва, член-корр. РАН, директора Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН на тему «Роль потребления населения в формировании экономической динамики в России». Он отметил, что за два года в экономике России произошли структурные изменения, на которые в «нормальных условиях» потребовалось бы около 10 лет. Основными направлениями явились: снижение значимости экспорта, рост вклада инвестиций и государственного спроса при формировании экономической динамики, увеличение доли реального сектора и уменьшение роли сырьевого комплекса в формировании ВВП. В ИНП РАН представлен базовый сценарий прогноза численности населения России на ближайшие 25 лет, согласно которому суммарный коэффициент рождаемости должен увеличиться с 1,42 в 2022 г. до 1,75 в 2035–2050 годах. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин составит 77 лет, а у женщин — 83 года к 2050 году. Тренды обозначенных процессов однозначно влияют на занятость, производительность труда, доходы граждан и потребление. При имеющейся численности трудовых ресурсов и нейтральной гипотезе в вопросах миграции потенциальные темпы роста ВВП в России могут составлять от 4 до 5%. Сейчас наблюдается перераспределение трудовых ресурсов из сектора услуг в реальный сектор экономики. При этом значимых демографических ограничений на рост экономики нет. В докладе отмечены «парадоксы российского потребления»: несмотря на существенный рост доходов за 2005–2020 гг., доля расходов на товары и услуги остается относительно стабильной. Расходы на продукты питания в России существенно

выше, чем в сопоставимых странах по уровню жизни. Одной из причин сложившейся ситуации является относительная динамика цен в последние десятилетия. Подводя итоги, докладчик отметил, что будущее России связано со сдвигами, происходящими в структуре производства, на которые влияют демографические процессы. Рост уровня заработной платы может быть ответом на увеличение значимости отраслей, связанных с человеческим капиталом, а рост эффективности производства позволит увеличить объём перераспределения в социальной сфере.

Доклад д.э.н., О.А.Александровой был посвящён проблеме прекаризации труда научных и педагогических работников. Проведённое исследование говорит о нарастании признаков неустойчивости условий найма, оплаты труда, а также множественной занятости и самоэксплуатации. Притом, что нагрузка на основной работе оценивается большинством как высокая или даже чрезмерная, половина респондентов постоянно имеют одну или несколько дополнительных работ, а каждый пятый — ещё и временные приработки; при этом треть имеет две дополнительные работы, а каждый пятый — три. Прежде всего, это объясняется нехваткой дохода от основной работы, поскольку реальные зарплаты находятся в пределах минимального потребительского бюджета и далеки от предписанных «майскими указами» 200% от средней зарплаты по региону. Гранты и внебюджетные НИР для большинства научных и педагогических работников не являются сколько-нибудь значимым и, тем более, регулярным источником дохода, а в последние годы получить их стало сложнее, чем прежде. Более 75% респондентов постоянно делают свою работу по вечерам, в выходные и праздничные дни, во время отпуска и ещё каждый пятый — «время от времени». В этих условиях в первую очередь в жертву приносятся семья и отдых, а далее — всё, что определяет качество труда (самообразование, профессиональное развитие; общение со студентами и аспирантами; подготовка к занятиям; проверка работ обучающихся; раз-

работка учебно-методических материалов и т.п.). Внедрение «эффективного контракта», лишь отчасти повышая производительность труда, заметно снижает возможности для профессионального развития, социальную защищённость и престиж профессии. Ключевая причина описанной ситуации — низкий уровень бюджетного финансирования, не соответствующий ни реальным потребностям сферы науки и образования, ни показателям развитых стран. Проблема состоит в том, что ассигнования, планируемые на ближайшее трёхлетие, не способны преодолеть имеющийся разрыв. Сохранение же нынешнего уровня финансирования чревато дальнейшим оттоком работников из сферы науки и, в том числе, за рубеж.

В.Ю.Музычук, д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Института экономики РАН, гл.н.с. Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ представила доклад на тему «Культурная составляющая человеческого потенциала через призму расходов на культуру в бюджетах домашних хозяйств». Свыше 90% россиян хотели бы приобщаться к культурной жизни, а более 50% верят в гуманистическую миссию культуры и искусства. Однако лишь 45% могут удовлетворять свои культурные потребности, в том числе каждый пятый — полноценно организовать культурный досуг, один из десяти — посещать культурные мероприятия, только 3% вовлечены в культурную деятельность на любительской основе. Треть россиян сообщает, что у них нет возможности приобщения к культуре. В ряде регионов до 2/3 жителей никогда не посещали учреждения культуры. С 2018 г. в стране реализуются содержащие целевые показатели посещаемости культурных мероприятий национальный проект «Культура» и Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. Более того, отчеты Министерства культуры говорят о перевыполнении плана по данному показателю. Однако анализ говорит о некорректности использования данного показателя, связанной с тем, что посещаемость суммируется без учёта формы и характера «посещений». Международ-

ные сравнения говорят о заметном отставании России по доле расходов домохозяйств на культуру и рекреацию (6,4% против 8,6% в среднем по странам ОЭСР). Согласно Росстату, из тех 6,0% расходов, которые россияне в 2022 г. потратили по статье «организация отдыха и культурные мероприятия», только 1,3% пошли, собственно, на услуги по организации отдыха и культурных мероприятий, из них на посещение концертов, театра и кино — 0,3%, а музеев — 0,03%.

Доклад д.э.н., проф., гл.н.с. Финансового университета при Правительстве РФ А.Л. Сафонова был посвящён доходам лиц старших возрастов. Средний вариант прогноза Росстата говорит о том, что к 2046 г. доля россиян старше трудоспособного возраста достигнет 27%. При этом свои доходы они могут черпать из пенсий, доходов от трудовой деятельности, социальной помощи и помощи родных. Две группы факторов, влияющих на уровень жизни пожилых: макроэкономические (уровень занятости, оплаты труда, инфляция и система налогообложения) и связанные с системой пенсионного и социального обеспечения (механизм индексации пенсий, социальных пособий, уровень социальной помощи и развития системы долговременного ухода). Статистика говорит о почти двукратном превышении доли рабочей силы над долей не входящих в неё лиц старше трудоспособного возраста, а также о кратном сокращении числа работающих пенсионеров после отмены для них индексации пенсий. Обратив внимание на динамику таких показателей как доля «работающих бедных» в общей численности занятых; соотношение средних зарплаты и пенсии по старости; уровень и структура денежных доходов домохозяйств пенсионеров; численность получателей негосударственных пенсий, докладчик сделал выводы о том, что ключевыми факторами низкого уровня жизни пенсионеров являются ограниченные возможности занятости; недостатки самой пенсионной системы, относительно низкий уровень зарплат. Ещё одной проблемой может стать обусловленное изменениями в характере занятости заметное нарастание чис-

ленности россиян, получающих лишь мизерную социальную (не страховую) пенсию.

Директор НИЦ развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа, д.э.н., проф. А.К. Соловьёв в своём выступлении на тему «Бедность пенсионеров как проблема макроэкономического перераспределения финансовых ресурсов» подчеркнул актуальность вопроса бедности старших поколений в России. Докладчик отметил, что причины бедности обусловлены как объективными факторами формирования страховых пенсионных прав, так и условиями поддержания уровня адекватности размера страховых пенсий в период их реализации путём социально справедливой индексации. Учитывая сложность и многоукладность отечественной пенсионной системы, с одной стороны, и многофакторное воздействие неустойчивой макроэкономики и негативных демографических тенденций, с другой — бедность пенсионеров не только не сокращается, но и усугубляется ростом социального неравенства. При этом пенсионная бедность характеризуется не столько относительными, сколько абсолютными показателями. Практика развития пенсионной системы продемонстрировала, что, несмотря на неоднократные изменения пенсионных моделей расчёта страховых пенсий не обеспечивается выполнение её основной институциональной функции — пенсионных прав застрахованного лица в течение всего пенсионного периода.

Завершающим в пленарной сессии был доклад директора Вологодского научного центра РАН, д.э.н., доцента А.А. Шабуновой в котором она подняла вопрос «Определяет ли материальный уровень здоровьесбережение?». По словам докладчика, проблематика уровня жизни тесно связана с многочисленными аспектами качества жизни, но всякий раз возникает вопрос: в какой мере? Среди жизненных ценностей населения «здоровье» на протяжении многих лет занимает лидирующие позиции. Ценность здоровья тесно связана с ответственностью за него, а понимание личной ответственности за собственное здоровье в последнее

время растёт. Региональные данные согласуются с общероссийскими: выборочное обследование поведенческих факторов здоровья показало, что 83% россиян считают себя «ответственными за здоровье». Мотивация на сбережение здоровья связана с потребностью в хорошем самочувствии, желанием сохранить/повысить работоспособность, нежеланием быть обузой родным, страхом заболеть, стремлением хорошо выглядеть. Среди практик сбережения здоровья чаще других упоминаются: очищение питьевой воды, посещение бани/сауны, регулярные медосмотры, пешие прогулки, умеренность в потреблении алкоголя и отказ от курения. Представители более высокодоходной группы выше оценивают свои усилия в заботе о здоровье: сказывается более широкий спектр финансовых возможностей. А. А. Шабунова подчеркнула, что в обществе существует сочетание декларируемой ценности «агрессивной среды» и невысокой культуры здоровьесбережения. Вместе с тем, увеличивается понимание личной ответственности за собственное здоровье с 28% в 2002 г. до 85% в 2022 г. (значительно сократилась доля тех, кто перекладывает её на государство — с 36% в 2002 г. до 25% в 2022 г.).

В докладе д.соц.н., проф., гл.н.с. Финансового университета при Правительстве РФ А. Г. Тюрикова были представлены результаты проведённого в 2024 г. исследования на тему «Эффективные инструменты формирования финансово грамотного поведения населения в условиях санкционного давления». Опрос был призван выявить самооценку россиянами финансового поведения в целом, их сберегательную и кредитную активность, использование различных финансовых инструментов, опыт столкновения с мошенниками, а также запрос на повышение финансовой грамотности. Выявлены три группы россиян: проблемные (30%), промежуточные (24%) и позитивные (46%), причём «промежуточные», скорее, ближе к «проблемным». Придерживающихся наиболее эффективной конфигурации навыков и установок в обращении с деньгами и финансовыми продуктами — всего 15%. При этом модели «рацио-

нального сберегателя» скорее способствует материальный достаток и, отчасти, уровень образования, а более осознанному обращению с доходами — возраст, наличие детей, тип населённого пункта и опыт совместного ведения быта. Ключевым же фактором выбора той или иной модели финансового поведения выступает культура обращения с деньгами.

В выступлении М. Е. Баскаковой, д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН на тему «Гендерные различия в оплате труда в России — роль отраслевой сегрегации (история вопроса)» подчёркивалось, что в современной России гендерный разрыв в оплате труда превышает среднемировые значения. Подобное явление формируется частично под воздействием факторов, подлежащих статистической оценке (гендерной отраслевой, профессиональной, должностной сегрегации, гендерных различий в уровне образования и т.п.), а частично — за счёт ненаблюдаемых факторов (в первую очередь, это дискриминационные практики). Докладчиком продемонстрировано существование проблемы большей концентрации занятости женщин в низкооплачиваемых видах экономической деятельности (по сравнению с занятостью мужчин), а также проблемы более низкого уровня оплаты труда в феминизированных отраслях. При этом российские исследования гендерного разрыва в оплате труда и различий занятости женщин и мужчин в низкооплачиваемых отраслях, охватывают лишь постсоветский период, что, по мнению спикера, не позволяет раскрыть истоки и показать историю формирования проблемы. Гендерная отраслевая сегрегация менялась во времени, отражая изменения, происходившие в государственной политике в отношении женской занятости (в советский и постсоветский период). Но и сегодня здравоохранение, образование, культура остаются не только отраслями наиболее феминизированными, главными ареалами женской высокопрофессиональной занятости, но при этом наименее оплачиваемыми видами экономической деятельности.

Важная тема изменения уровня доходов затронута в докладе учёных из Института экономики им. М. Котаяна Национальной академии наук Республики Армения — к.э.н., доц., н.с. С.А. Даллакян и к.э.н., ст.н.с. А.Р. Макарян «Доходы домохозяйств в Армении». Спикеры отметили, что растущая инфляция непропорционально сильно влияет на домохозяйства с низкими доходами, поскольку именно они тратят большую часть своих доходов на предметы первой необходимости, в первую очередь, на продукты питания. Показано, что инфляция имеет тенденцию усугублять неравенство в доходах, неравномерно затрагивая группы населения с более низким доходом; это уменьшает реальный доход тех, у кого фиксированная заработная плата и сбережения, принося пользу заёмщикам, уменьшая реальную стоимость их долга. Напротив, более состоятельные люди, имеющие широкий доступ к финансовым активам, чаще могут застраховаться от инфляции, смягчая её влияние на их общее финансовое положение.

Г.В. Белехова, к.э.н., с.н.с. Вологодского научного центра РАН в своём выступлении на тему «Финансовая грамотность населения старшего возраста как составляющая благополучной жизни в старости» подчеркнула, что старение населения представляет собой один из главных трендов современности в мире, в том числе и в России. Это вынуждает правительства «стареющих» государств корректировать политику с учётом происходящих трансформаций. При этом сокращение государственной социальной поддержки, наряду с повышением пенсионного возраста и ожидаемой продолжительности жизни, приводит к увеличению периода времени жизни после окончания трудовой деятельности, который необходимо материально обеспечивать. Проблемы со здоровьем и уменьшение работоспособности, характерные для многих лиц старшего возраста, особенно в глубокой старости, обуславливают необходимость создания денежных резервов для оплаты дорогостоящего лечения и лекарств. Такие возрастные ограничения, как низкая мобильность

и ухудшение когнитивных функций, повышают уязвимость людей старшего возраста в плане финансового мошенничества и могут создавать трудности в доступе к финансовым услугам (причём для многих пожилых тренды цифровизации не решают проблему доступности из-за изначально низких финансовых знаний и навыков и проблем с освоением цифровых технологий).

Активное обсуждение вызвал доклад А.В. Верникова, д.э.н., гл.н.с. центра институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН и А.А. Курышевой, к.э.н., ст.н.с. лаборатории «Институциональный анализ экономики» Южного федерального университета на тему «Учёный на службе у работодателя? Риторика российских экономистов по поводу вовлечения домашних хозяйств в долговые отношения». Докладчиками были обозначены проблемы научного дискурса, обосновывающего финансиализацию домашних хозяйств, а именно вовлечение граждан в банковское кредитование. Были показаны элементы риторики (среди отечественных авторов статей), поддерживающей теоретическими аргументами кредитную экспансию банков и рост потребительского кредитования (а, значит, и усиление долговой зависимости сектора домашних хозяйств от банков). Актуальность данной темы выросла в связи с мировыми финансовыми кризисами XXI в., а также особыми российскими обстоятельствами после 2014 года. Обеспокоенность дальнейшей финансиализации домашних хозяйств вызывает растущий в абсолютном и относительном выражении отток ресурсов из этого сектора в пользу финансовых организаций. Докладчики полагают, что повышение качества жизни населения включает в себя финансовую устойчивость на уровне домохозяйства, а также то, что общество обязано разрабатывать и предпринять коллективные действия по ограничению финансовой экспансии.

Выступление к.э.н., ст.н.с. Вологодского научного центра РАН Л.Н. Нацун было посвящено сравнительному анализу мотивов и барьеров обращения к платной медицине не городского и сельского населения. Ана-

лиз микроданных «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» говорит о том, что в 2022 г. 61% россиян обращались за медицинской помощью, в том числе 55% — в амбулаторные учреждения, из них 54% — в государственные и порядка 1,4% — в частные. Платно лечились 4,2% респондентов. Наиболее распространённые мотивы обращения в частные клиники — поиск более качественных услуг, квалифицированных специалистов и нужного оборудования, а также скорость получения услуги. Для горожан ведущие причины — качество услуг, скорость оказания помощи и наличие необходимого оборудования; для селян — отсутствие в государственных поликлиниках нужных специалистов или оборудования и представление о более высоком качестве платных услуг. В целом же платная медицина остаётся малодоступной. Только 26% горожан могут оплачивать медицинские услуги, не сокращая расходы на другие цели, среди селян таких 21%. На ценовую недоступность платных медицинских услуг указали 12% городских и 13% сельских домохозяйств. Для селян ограничителем выступает ещё и отсутствие вблизи частных клиник.

Необходимость интеграции институциональной формы механизма консолидированного межведомственного взаимодействия в процессы достижения национальных целей развития России поднималась в докладе В.П.Леньшина, д.филос.н., доцента, советника директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН на тему «Институциональная форма реализации механизма межведомственного взаимодействия как фактор повышения уровня финансовой грамотности и финансовой культуры различных групп населения». В своём выступлении спикер подчеркнул, что целью реализации механизма межведомственного взаимодействия является создание дополнительных благоприятных условий для достижения показателей социально-экономического, научно-технологического, духовно-нравственного и демографического развития, необхо-

димого уровня финансовой грамотности и финансовой культуры различных групп населения. Реализация поставленной цели зависит как от координирующей роли исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, так и от согласованного взаимодействия между всеми участниками процесса.

Выступление Н.Е.Русановой, д.э.н., доцента, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, было посвящено новым стандартам медицинской помощи женщинам и оценке доступности вспомогательной репродукции. Сегодня это особенно актуально в связи с демографическими проблемами именно потому, что одной из популяционных характеристик населения является снижение физиологической способности к зачатию. Женская способность к зачатию обычно определяется через учёт нарушений репродуктивной функции, прежде всего бесплодия, величина которой в локальных популяциях может достигать 20–30% (например, в некоторых районах Африки). Косвенным показателем снижения женской фертильности можно считать сокращение периода, после которого потенциальной родительской паре выставляется диагноз «бесплодие». Согласно исследованиям докладчика, принципиальное решение этой проблемы стало возможным после внедрения в медицинскую практику вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), которые изменили современную рождаемость и усилили внимание к проблеме доступности методов медико-ассоциированной репродукции.

Ю.А.Симагин, к.геогр.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, представил доклад на тему «Распределение муниципальных образований России по доходам населения: динамика за 2016–2021 гг.». Изменения в распределении муниципальных образований (МО) первого порядка по официальным доходам населения в 2016–2021 гг. говорят о том, что к 2021 г. доля МО с «бедным» населением сократилась более чем вдвое и составила 16% (как и прежде, больше всего их в СКФО). Больше всего МО с «богатым» населением, как и прежде, в ДФО

и СЗФО, к 2021 г. к ним присоединился УФО. Размер доходов во многом определяется видами преобладающей в МО деятельности. В основном «богатое» население концентрируется в крупных городах, в добывающих и иных специализированных (научных, транспортных, курортных) центрах. Самым большим превышением средних «официальных» доходов над региональным прожиточным минимумом (до 10 раз) выделяются районы с преобладанием добычи золота и алмазов. За последние 5 лет «богатые» МО стали ещё богаче, а наиболее уязвимыми остаются аграрные МО в центральных регионах Европейской части России, а также на юге Сибири. Тем не менее, и среди них доля «бедных» МО стала меньше 1/4, а 2/3 оказались в группе со средними доходами населения.

И. Б. Юдин, м.н.с. НИУ «Высшая школа экономики», рассказал о торговых и информационно-аналитических практиках российских розничных инвесторов. По данным Московской фондовой биржи, на протяжении нескольких последних лет численность розничных инвесторов, то есть непрофессионалов, «вкладываемых» в ценные бумаги на фондовом рынке, растёт крайне активными темпами (брокерские счета есть у 15–20% россиян). Однако доля розничных инвесторов в общей численности населения сохраняется на довольно низком уровне по сравнению с другими странами. Одновременно, фондовые рынки во многом являются «лишь информацией», которую

воспринимают в формате «рынка-на-экране». Соответственно, ключевую роль играют цифровые технологии, позволяющие не только понять этот рынок, но и участвовать в его конструировании, выступая в качестве рыночных устройств с помощью мобильных приложений, торговых платформ и терминалов. Именно их целесообразно развивать для нового направления инвестиций для российского населения.

Представленные на конференции доклады вызвали глубокий интерес участников мероприятия, что выразилось в вопросах к докладчикам и оживленной научной дискуссии. Участники и спикеры отметили традиционно высокий уровень выступлений, актуальность поднимаемых вопросов и высказали благодарность организаторам конференции за приверженность продолжению обсуждения наиболее острых социальных вопросов.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
проф. Финансового университета при
Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН
ФНИСЦ РАН;

Крошилин С. В.,

к.техн.н., доцент, ведущий научный
сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-235-239
EDN: KBHEWM

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПРИ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Осенью 2024 г. в Институте социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской — обособленном подразделении ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) вновь начал работать Диссертационный совет № 24.1.244.05¹.

На основании Приказа Минобрнауки России № 906 / нк² определен Перечень специальностей, по которым диссертационному совету 24.1.244.05 разрешено принимать к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук. Он включает в себя пункт 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (8. Экономика народонаселения и экономика труда (экономические науки)).

Согласно Приказу Минобрнауки России № 906 / нк определен состав Диссертационного совета № 24.1.244.05:

– Председатель Диссертационного совета: Локосов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, д.социол.н., проф. (5.2.3., экономические науки);

– Заместитель председателя Диссертационного совета: Рюмина Елена Викто-

ровна, д.э.н., проф. (5.2.3., экономические науки);

– Учёный секретарь: Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент (5.2.3., экономические науки).

Членами диссертационного совета являются: Аксенова Елена Ивановна (д.э.н., проф.), Александрова Ольга Аркадьевна (д.э.н.), Багирова Анна Петровна (д.э.н., проф.), Доброхлеб Валентина Григорьевна (д.э.н., проф.), Макар Светлана Владимировна (д.э.н., доцент), Рыбаковский Олег Леонидович (д.э.н.), Соболева Ирина Викторовна (д.э.н., доцент), Токсанбаева Майраш Сейткадыевна (д.э.н., доцент), Шабунова Александра Анатольевна (д.э.н., доцент). Члены диссертационного совета являются ведущими учеными по данному научному направлению, имеют значительный опыт проведения исследований и руководства докторантами и аспирантами. Также участники Диссертационного совета имеют высокую публикационную активность: издание монографий, учебников и учебных пособий, статьи в периодических международных (проиндексированных в системах Web of Science и Scopus) и российских изданиях (из списка рекомендованного ВАК и ядра РИНЦ), регулярно выступают на ведущих международных (проиндексированных в системах Web of Science и Scopus) и российских изданиях (из списка рекомендованного ВАК и ядра РИНЦ) а также выступления на ведущих международных и всероссийских конференциях.

Охват защит докторских и кандидатских диссертаций в ИСЭПН ФНИСЦ РАН исторически имеет богатый научный опыт. Приведем некоторые защиты, которые состоялись на базе института за последнее десятилетие:

– 2019 г. – диссертация Базилевой Ирины Игоревны на тему: «Роль нематериальных факторов развития системы «Чело-

¹ Приказ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации «О выдаче разрешения на создание совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе федерального бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук» № 906 / нк (от 01.10.2024) // ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – URL: https://www.isesp-ras.ru / images / dissertation / docs / prikaz_dissovet_24_1_244_05_2024.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

² Приказ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации «О выдаче разрешения на создание совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе федерального бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук» № 906 / нк (от 01.10.2024) // ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – URL: https://www.isesp-ras.ru / images / dissertation / docs / prikaz_dissovet_24_1_244_05_2024.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

век-производство» на современном этапе», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). Научный руководитель — д.э.н., доцент Титов В.Н.;

– 2018 г. — диссертация Попова Андрея Васильевича на тему: «Разработка инструментов повышения уровня реализации трудового потенциала территорий», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный руководитель — д.э.н., доцент Шабунова А.А., научный консультант — д.э.н., доцент Медведева Е.И.;

– 2018 г. — диссертация Семеновской Анны Юрьевны на тему: «Влияние социально-экономических и демографических факторов на состояние здоровья населения региона (на примере Республики Крым)», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный руководитель — д.э.н. Логунова Н.А., научный консультант — д.э.н. Рыбаковский О.Л.;

– 2018 г. — диссертация Россюханского Александра Игоревича на тему: «Методы измерения и инструменты повышения качества жизни населения России», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). Научный руководитель — д.э.н., доцент Шабунова А.А.;

– 2017 г. — диссертация Максимовой Анастасии Сергеевны на тему: «Миграционный потенциал: определение и методика оценки», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография).

Научный руководитель — д.э.н., проф., член-корр. РАН Рязанцев С.В.;

– 2017 г. — диссертация Петренко Константина Викторовича на тему: «Трудовой потенциал и его воспроизводство в нефтегазодобывающих регионах российского Севера», представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный консультант — д.э.н., проф., член-корр. РАН Рязанцев С.В.;

– 2016 г. — диссертация Магомедовой Лианы Алиевны на тему: «Роль трудовой миграции в социально-экономическом развитии Дагестана», представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный руководитель — д.э.н., проф. Абилов Магомед Халибович; научный консультант — д.э.н., проф., член-корр. РАН Рязанцев С.В.;

– 2016 г. — диссертация Терентьевой Марины Алексеевны на тему: «Оценка трудового потенциала населения северных регионов России в системе регулирования рынка труда», на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). Научный руководитель — д.э.н., Попова Л.А., научный консультант — д.э.н., доцент Токсанбаева М.С.;

– 2015 г. — диссертация Фадеевой Тамары Андреевны на тему: «Трансформация миграции населения и ее вклад в демографическую динамику России», на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный руководитель — д.э.н. Рыбаковский О.Л.;

– 2015 г. — диссертация Судоплатовой Валерии Сергеевны на тему: «Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и её регионов», на со-

искание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). Научный руководитель — д.э.н. Рыбаковский О.Л.

Согласно Приказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 (с изменениями на 24 июля 2023 г.) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей»³, по которым присуждаются ученые степени, паспорт научной специальности 5.2.3. «Региональная и отраслевая экономика» (Область науки: 5 Социальные и гуманитарные науки; группа научных специальностей — 5.2. Экономика; Наименование отрасли науки, по которой присуждаются ученые степени — Экономические) для рассмотрения к защите работы должны включать в себя следующие направления исследований по тематике «Экономика народонаселения и экономика труда»:

- Народонаселение как субъект и объект экономических отношений. Экономические, институциональные и социокультурные детерминанты динамики демографических процессов. Взаимосвязь демографического и экономического поведения. Концепция человеческого развития;

- Экономическая демография: понятия, концепции, тенденции, показатели. Влияние демографических факторов на экономическое развитие;

- Поколенческое изменение демографических и социально-экономических процессов. Межпоколенческие трансферты доходов и ресурсов. Экономика старения населения.

- Экономика домохозяйства. Структура и бюджеты домохозяйств. Жизненный цикл

семьи. Специфика домашнего труда и проблемы его учета;

- Экономика неравенства. Гендерная экономика. Позитивные и негативные аспекты неравенства в контексте проблем экономического развития;

- Экономика здоровья. Здоровье как компонент человеческого капитала. Влияние здоровья народонаселения на экономическое развитие;

- Пространственное расселение народонаселения. Этно-региональные особенности воспроизводства населения. Процессы урбанизации и дезурбанизации;

- Стоимость, уровень и качество жизни. Бедность: показатели, методы измерения, социально-демографические детерминанты;

- Демографические прогнозы. Исторические и перспективные исследования народонаселения. Моделирование демографических и экономико-демографических процессов;

- Демографическая политика, ее соотношение с социальной и семейной политикой. Социальное бюджетирование;

- Экономические и социально-демографические факторы и концепции развития человеческих ресурсов;

- Теоретико-методологические основы экономики труда;

- Количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов. Человеческий капитал и его характеристики;

- Рынок труда, его функционирование и развитие. Занятость населения. Безработица. Мобильность на рынке труда;

- Производительность и эффективность труда: сущность, динамика, методы измерения, факторы и резервы повышения. Стимулирование и оплата труда работников;

- Проблемы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Формирование конкурентоспособности работников. Профессиональная ориентация населения;

- Экономика миграции населения. Детерминанты и социально-экономические последствия миграции. Трудовая миграция

³ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру»: — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400450248/> (дата обращения: 26.01.2025).

ция и ее регулирование. Миграционная политика;

- Организация и нормирование труда. Условия, охрана и безопасность труда;

- Социально-трудовые отношения и их регулирование. Международный опыт регулирования социально-трудовых отношений и перспективы его использования в Российской Федерации;

- Проблемы социального обеспечения, социального страхования и социальной защиты населения, типы и формы обеспечения. Пенсионная система и перспективы её развития.

Для прикрепления для последующей защиты в Диссертационном совете ИСЭПН ФНИСЦ РАН соискатель должен обратиться с комплектом документов в Федеральный научно-исследовательский центр Российской академии наук. В 2025 г. существуют следующие варианты прикрепления:

1. для сдачи кандидатских экзаменов — сроком не более 6 месяцев;

2. для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре — сроком не более 3 лет.

Прикрепление соискателем осуществляется в период с 1 апреля либо с 1 ноября 2025 г. Для формирования необходимого комплекта документов необходимо обратиться в отдел аспирантуры ФНИСЦ РАН с 3 марта по 26 марта 2025 г. либо с 1 октября по 27 октября 2025 г. В этом случае соискатель приступает к процессу подготовки текста диссертации и комплекта документов для последующей защиты с 01.04. 2025 либо с 01.11.2025 года.

В перечень кандидатских экзаменов входят: история и философия науки; иностранный язык; специальная дисциплина в соответствии с темой диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Подробнее о процедуре проведения экзаменов можно узнать на сайте ФНИСЦ РАН (см. документ «Порядок прикрепления лиц к Федеральному государственному бюджетному учреждению науки Федерального научно-исследовательского социологического цен-

тру Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня» на сайте ФНИСЦ РАН⁴).

Подробнее о порядке прикрепления для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, можно узнать на сайте ФНИСЦ РАН (см. документ «Порядок прикрепления к Федеральному государственному бюджетному учреждению науки Федерального научно-исследовательскому социологическому центру Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре» на сайте ФНИСЦ РАН⁵).

Основные особенности о научном руководстве аспирантами и научном консультировании докторантов отражены в документе на сайте ФГБУН ФНИСЦ РАН (см. документ «Положение О научном руководстве аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук и научном консультировании соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического цен-

⁴ Порядок Прикрепления лиц к Федеральному государственному бюджетному учреждению науки Федерального научно-исследовательскому социологическому центру Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня. (Принято решением Ученого совета ФНИСЦ РАН, Протокол № 21–7 от 22.12.2021 г.) // ФНИСЦ РАН. – URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Aspirantura/FNISC/Externatura_poryadok_prikrepleniya_sdacha_ekzamenov_2022.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

⁵ Порядок Прикрепления к Федеральному государственному бюджетному учреждению науки Федерального научно-исследовательскому социологическому центру Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. (Принято решением Ученого совета ФНИСЦ РАН, Протокол № 22–1 от 19.01.2022 г.) // ФНИСЦ РАН. – URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Aspirantura/FNISC/Externatura_poryadok_prikrepleniya_soiskatelstvo_2022.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

тра российской академии наук (ФНИСЦ РАН)» на сайте ФНИСЦ РАН⁶).

При прикреплении соискателем для сдачи кандидатских экзаменов предоставляется следующий комплект документов: 1) копия документа, удостоверяющего личность прикрепляющегося лица; 2) копия документа о высшем образовании, обладателем которого является прикрепляющееся лицо, и приложения к нему; 3) согласие прикрепляемого лица на обработку его персональных данных; 4) две фотографии размером 3х4.

При прикреплении соискателем для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре предоставляется следующий комплект документов: 1) копия документа, удостоверяющего личность прикрепляющегося лица; 2) копия диплома специалиста или магистра, обладателем которого является прикрепляющееся лицо, и приложения к нему; 3) подписанный прикрепляющимся лицом список (на русском языке) опубликованных им (в том числе в соавторстве) научных работ (при на-

личии); 4) согласие прикрепляемого лица на обработку его персональных данных; 5) две фотографии размером 3х4

В 2025 г. стоимость прикрепления соискателем для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре составляет 170 тыс. рублей за учебный год, для сдачи кандидатских экзаменов — 50 тыс. рублей.

Приём документов для защиты в Диссертационном совете № 24.1.244.05 при Институте социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашиевой ФНИСЦ РАН проводится по адресу: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, к. 902. Необходимую информацию можно найти на сайтах: 1) ИСЭПН ФНИСЦ РАН в разделе «Диссертационный совет» — URL: <https://www.isesp-ras.ru/dissertation/>; 2) ФНИСЦ РАН в разделе «Диссертационные советы» — URL: https://www.fnisc.ru/dissertational_councils.html.

Учёные Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашиевой ФНИСЦ РАН ждут будущих российских учёных для решения задач, стоящих перед российской наукой и экономикой страны.

Материал подготовила:

Медведева Е.И.,

д.э.н., доцент, главный

научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

⁶ Положение О научном руководстве аспирантами и соискателями учёной степени кандидата наук и научном консультировании соискателей учёных степеней кандидата и доктора наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра российской академии наук (ФНИСЦ РАН) (Принято решением Учёного совета ФНИСЦ РАН, Протокол № 22–2 от 3 февраля 2022 г.) // ФНИСЦ РАН. — URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Aspirantura/FNISC/Aspirantura_polozhenie_nauchnoe%20rukovodstvo_2022.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnoveniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решения редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»»: 79183
ISSN 1561-7785